

ЛВКС

СНОВИДЕНИЯ
ЕХО

СЛИШКОМ
МНОГО
КОШМАРОВ

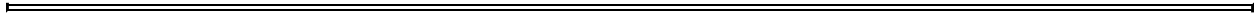
ФДМИ

Annotation

В этой книге слишком много не только кошмаров, а вообще всего. Страшных тайн и просто чужих секретов, городских улиц, новых домов, крепких напитков, друзей, сновидений, разговоров до утра, красавиц и, конечно, ужасных чудовищ, куда без них. В этой книге слишком много жизни — столько, что хватит всем персонажам и останется на долю читателя. Каждому прочитавшему — дополнительный год к отпущенному судьбой сроку. Со строгим условием: потратить его исключительно на чудеса.

- [Макс Фрай](#)
- [Слишком много кошмаров](#)
- [Сновидения Ехо – 2](#)
-
- [Аннотация](#)
- [В этой книге слишком много не только кошмаров, а вообще всего. Страшных тайн и просто чужих секретов, городских улиц, новых домов, крепких напитков, друзей, сновидений, разговоров до утра, красавиц и, конечно, ужасных чудовищ, куда без них. В этой книге слишком много жизни – столько, что хватит всем персонажам и останется на долю читателя. Каждому прочитавшему – дополнительный год к отпущенному судьбой сроку. Со строгим условием: потратить его исключительно на чудеса.](#)
- [Макс Фрай](#)
- [Слишком много кошмаров](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

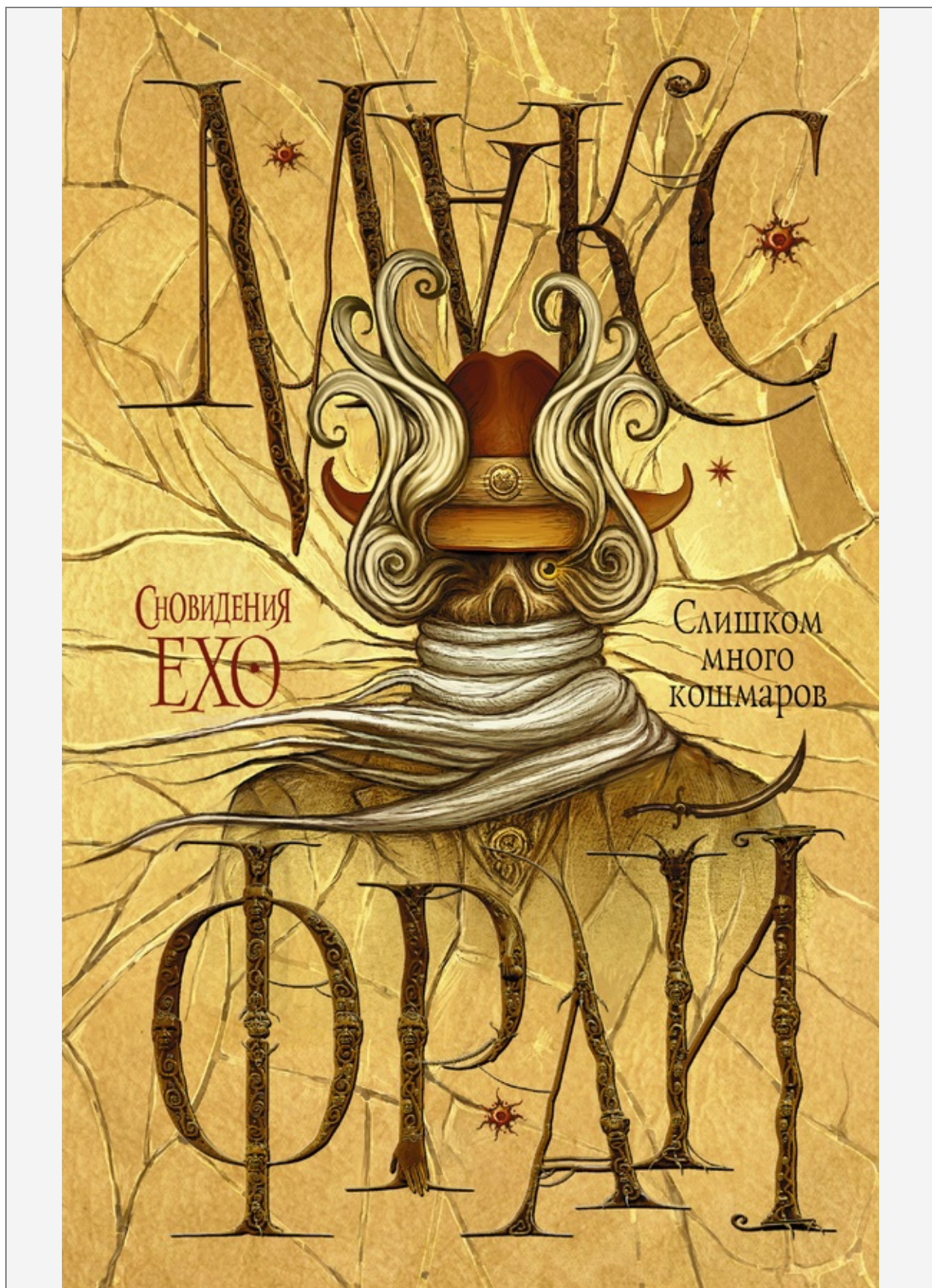
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

Макс Фрай

Слишком много кошмаров

Сновидения Ехо – 2

«Слишком много кошмаров»: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088720-0

Аннотация

В этой книге слишком много не только кошмаров, а вообще всего. Страшных тайн и просто чужих секретов, городских улиц, новых домов, крепких напитков, друзей, сновидений, разговоров до утра, красавиц и, конечно, ужасных чудовищ, куда без них. В этой книге слишком много жизни – столько, что хватит всем персонажам и останется на долю читателя. Каждому прочитавшему – дополнительный год к отпущенному судьбой сроку. Со строгим условием: потратить его исключительно на чудеса.

Макс Фрай

Слишком много кошмаров

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Когда балансируешь над пропастью на узкой, скользкой от крови доске, ответ на закономерный вопрос: «Как меня сюда занесло?» – вряд ли принесёт практическую пользу. Зато поиски этого ответа вполне могут немного отвлечь от неприятных размышлений на тему: «Что будет, если я сейчас оступлюсь?» Да ничего не будет. Потому что всё сразу закончится. Давай, соберись, представь, что эта доска лежит на полу, пройти по ней – что может быть проще? Вдохни, выдохни, успокойся и сделай наконец шаг. Небольшой, не надо жадничать. Первый из полудюжины – всего-то. Давай. За это я притворюсь, будто верю в твои силы. В смысле, в свои. Ну, в общем, ты понял.

А ведь буквально только что я шёл по залитой послеполуденным солнцем улице, глаза по сторонам и пытаюсь сообразить, где это у нас в Ехо такой симпатичный район, и почему я до сих пор никогда тут не был. Может быть, где-то на Левом Берегу? Похоже на то, таких аккуратных маленьких домиков, окружённых большими садами, на Правом днём с огнём не сыщешь. А на окраине Левого попадаются целые кварталы.

Потом я зачем-то свернул за угол и внезапно оказался – даже не знаю, как правильно сказать: оказался ночью? в ночи?

В общем, там, за углом, была ночь. Не «внезапно наступила», а именно была – то ли просто задолго до моего прихода, то ли вообще всегда. Но это обстоятельство вовсе не показалось мне странным. С тех пор, как в Кодекс Хрембера внесли несколько сотен разнообразных увлекательных поправок, общий смысл которых сводится к тому, что граждане Соединённого Королевства снова получили полное право колдовать сколько влезет, от обычной послеобеденной прогулки по городу ждёшь ещё и не таких сюрпризов.

Поэтому я совершенно не удивился и принялся осматриваться – скорее в надежде, что всё-таки опознаю улицу, чем с какой-либо иной целью.

Однако увиденное мне не понравилось. И дело тут, конечно, не в темноте. Я-то как раз люблю ночь – время, когда небо закрывает свой сияющий солнечный глаз и видит землю не наяву, как днём, а во сне.

Я хочу сказать, ночь – это время, когда мы снимся небу. Именно поэтому самые невероятные вещи происходят с нами по ночам. Даже в волшебных городах вроде Ехо, где жизнь и днём особо скучной не назовёшь.

Но тут, за углом, я это сразу почуял, была какая-то не та ночь. Не такая как надо. Похоже, про это место небу приснился кошмар, и теперь оно тревожно ворочалось у меня над головой, не зря же здесь дул такой ветер – не то чтобы очень сильный, зато как бы во все стороны сразу. С ног такой не собьёт, зато с ума свести может запросто, всё что ему для этого нужно – время. Возможно, не так уж много.

В мои ближайшие планы сумасшествие не входило. Быть безумным я уже пару раз пробовал, и мне совершенно не понравилось. Поэтому я принялся оглядываться по сторонам, пытаюсь сообразить, как отсюда выбраться. Ясно, что проще всего было бы повернуть назад, но в подобных местах «назад» обычно не получается, потому что, оглянувшись туда, откуда пришёл, обнаруживаешь тупик. Например, как сейчас, сплошную каменную стену – гладкую, не перелезть. И заклинание, позволяющее проходить стены насквозь, вылетело из головы, словно бы и не знал его никогда. А может правда не знал? Только собирался выучить, да всё откладывал на потом?

Ладно, что толку теперь локти кусать. Надо искать выход.

Пространство, где я оказался, выглядело как огромная стройка, заброшенная несколько лет назад, причём на таком неприятном этапе, когда старый квартал уже разрушен, жильцы уехали, побросав где попало ненужный скарб, окна в домах выбиты, крыши ободраны, деревья выкорчеваны с корнем, строительный мусор ещё не вывезли, зато новые материалы уже начали доставлять, поэтому всюду громоздятся мешки, доски, камни и неожиданно аккуратные пирамиды условно новенькой черепицы. Прибавьте к этому сломанную мебель, разбитые лампы, щербатую посуду, старую обувь и ветхие игрушки, рассеянные по территории, и представшая мне картина будет восстановлена во всей своей удручающей полноте. В общем, даже хорошо, что темно, при дневном свете всё это выглядело бы совсем ужасно. А так – ну, просто заброшенная стройка, постепенно превращающаяся в свалку. Есть на свете места и похуже. Хотя в такие я, будем честны, давненько не забредал.

За годы жизни в Ехо моё ночное зрение стало почти таким же острым,

как у коренных угуландцев, в противном случае я бы вряд ли заметил узкий проход между двумя домами, не то будущими, не то всё-таки бывшими. Обнаружив его, удивился: у нас, в Ехо, дома обычно или вплотную лепятся друг к другу, соединённые общей стеной, или стоят в гордом одиночестве, окружённые палисадниками. В разных кварталах по-разному, однако такого компромисса как узкая щель между стенами соседних домов я до сих пор, вроде бы, не встречал.

Всё к лучшему – наверняка через этот проход можно выбраться на незатронутую ремонтом часть улицы. Где, будем надеяться, всё ещё день. Ну или хотя бы горят фонари. И жизнь похожа на жизнь, и ветер – на просто ветер, и я сам на себя.

Но уже пару минут спустя я понял, что это была плохая идея. Даже так: Очень Плохая Идея. С большой буквы. Любая идея, загоняющая вас в ловушку, безусловно, заслуживает этого почётного звания.

Штука даже не в том, что идти пришлось гораздо дольше, чем обычно рассчитываешь, ныряя в проход между домами на обычной городской улице. Ну или на необычной. Всё равно почти бесконечный проход между зданиями – совсем не дело. Но с этим я бы ещё как-нибудь смирился.

И не в том беда, что благоразумно повернув назад, я обнаружил там ещё одну стену – снова тупик. Этого я, будем честны, заранее ожидал.

Даже тот факт, что внутри зданий, между которыми я пробирался, творились какие-то явно нехорошие дела, не особо меня огорчил. Рычание, вой и жалобные стоны, доносившиеся отовсюду, свидетельствовали, что посторонним сюда лучше не лезть – я и не собирался. А заметив в оконном проёме анемичную блондинку, с аппетитом пожирающую человеческую ногу, загорелую, волосатую и на фоне бледной людоедки торжествующе живую, решил, что это меня не касается. В конце концов, мои ноги пока на месте, а барышне явно требуется усиленное питание. И вряд ли сейчас подходящий момент для урегулирования наших с ней гастрономических разногласий.

Больше всего мне не нравилось, что земля у меня под ногами постепенно переставала быть твёрдой. И вообще землёй. Подо мной ходуном ходили какие-то шаткие гнилые доски, а этого я действительно не люблю. Предпочитаю твёрдо стоять на ногах во всех ситуациях и во всех возможных смыслах этого выражения. И когда это не получается, начинаю сердиться – верный признак, что я напуган.

А это уже никуда не годится. Как маленький, ей богу. Стыдись, сэр Макс.

Но для того, чтобы устыдиться, мне требуется хотя бы один свидетель.

Желательно, лучший друг. Ну или ладно, не лучший. На самом деле, даже не обязательно друг. Кто угодно сойдёт, потому что я стремлюсь выглядеть героем в глазах любого свидетеля. И обычно так хорошо вхожу в эту роль, что сам себе верю. Поэтому у меня репутация очень храброго человека.

Но на необитаемом острове я, вероятно, наложу в штаны от первого же подозрительного шороха. И буду проделывать эту негигиеничную процедуру примерно раз в полчаса, если только не появится хоть какой-нибудь заинтересованный зритель. Говорящий попугай, думаю, сойдёт.

Поэтому, в общем, хорошо, что я вовремя заметил белокурую людоедку. Она не обратила на меня ни малейшего внимания, но её присутствие где-то далеко за спиной всё равно заставило меня держаться молодцом. То есть, подавить в себе естественное человеческое желание заверещать от ужаса и попытаться залезть на стену. А вместо этого идти дальше твёрдой походкой человека, приготовившегося в любую секунду загреметь в ад и заранее уверенного, что адским обитателям крупно не повезло заполучить такого гостя.

Так я шёл по стонущей, дрожащей, прогибающейся под моими ногами земле – не то тысячу лет, не то целых десять минут. В общем, очень долго. Пока не оказался на краю расщелины, довольно узкой, но всё же не настолько, чтобы преодолеть её в один прыжок. Внизу была подозрительно бездонная пропасть, а на другой стороне – город Ехо, хорошо мне знакомый и живущий нормальной будничной жизнью, по крайней мере на первый взгляд. Я даже улицу узнал – Жёлтых Камней. Она в Новом Городе, я когда-то снимал там дом, и это были очень хорошие времена.

Сейчас, впрочем, тоже хорошие.

Дело за малым – вернуться в эти хорошие времена. То есть, перейти мост.

Мостом служила переброшенная через пропасть доска. Даже не то чтобы какая-то особенно узкая. Самая обычная доска шириной в две моих ступни. Пройти по такой – плёвое дело. Пока она лежит на земле. А когда такая доска переброшена над бездонной пропастью, почти невозможно заставить себя сделать хотя бы один шаг. По крайней мере, если ты человек с пылким воображением.

Мне не повезло, я – с ним.

Но в некотором смысле всё-таки повезло: выбора у меня не было.

Только сделав первый шаг, я обнаружил, что доска ещё и залита кровью – явно для поднятия у меня боевого духа.

Вообще-то, я совершенно спокойно отношусь к крови. В смысле, не падаю в обморок от её вида. И даже настроение мне таким зрелищем особо

не испортишь, по крайней мере, если кровь не моя. Но именно сейчас кровь была совершенно некстати, потому что доска, и без того не шибко устраивавшая меня в качестве моста, оказалась чертовски скользкой. И одновременно липкой. И мне, кроме всего, заранее страшно было подумать, в какое состояние придёт моя обувь. Здесь, в Ехо, носят сапоги из тончайшей кожи, и подошва у них обычно тоже очень тонкая. Ходить в такой обуви неописуемо приятно – ровно до тех пор, пока не влезешь в грязь, которая мгновенно пропитает ее насквозь. Обычно о подобной проблеме даже не задумываешься, в Ехо грязь днём с огнём не сыщешь, разве что в Портовом Квартале бочка с вином треснет, тогда, конечно, лучше быстренько вспомнить нужное заклинание и продолжить путь в полуметре над землёй. А тут вдруг кровь...

«Так, стоп, – сказал я себе. – Заклинание! Ты же можешь не идти по доске, а парить над ней. И всё! Какие вообще проблемы?!»

Даже рассмеялся вслух от облегчения. И тут же взлетел, причём вообще без всякого заклинания. Просто не успел его прочитать.

И проснулся.

– Ну и как тебе? – нетерпеливо спросил Нумминорих, помогая мне подняться с тротуара, на котором я зачем-то лежал. – Что ты видел? Или это секрет? Ох, ну конечно, это же твой сон и твоя жизнь! Прости, я любопытный дурак. Но тебе понравилось? Всё будет хорошо?

– Погоди, – сказал я. – Дай сперва вспомнить, на каком я свете. И зачем я тут, собственно говоря, нужен. И кто все эти люди.

– Просто прохожие, которые ждут своей очереди к гадалке, – кротко объяснил Нумминорих. – Ты довольно долго спал, целых десять минут. Обычно у неё все быстро просыпаются. Только глаза закрылись, и тут же – хлоп! – вскочил, довольный увиденным. Ну или не очень довольный...

– Очереди к гадалке, – меланхолично повторил я.

Просто так повторил, лишь бы не молчать. Но это отлично сработало. Реальность, только что представлявшая собой неизъяснимый хаос, наконец собралась в кучку, настолько аккуратную, что я без труда обнаружил в ней свое место и текущий статус. Любопытный праздношатающийся горожанин в поисках развлечений – вот кем я сейчас был.

По моим меркам колоссальное достижение. Потому что обычно я или бегаю по городу с высунутым языком, света белого не видя (это состояние называется: «у меня очень много работы»), или брожу, как сомнамбула, ничего не замечая (под девизом: «у меня такой богатый внутренний мир, что уж лучше бы было просто много работы»). А праздно шататься по

улицам, интересуясь колоритными персонажами и принимая деятельное участие в незначительных происшествиях, из которых, собственно, складывается повседневная городская жизнь – это совершенно новый уровень житейского мастерства. Даже не верится, что у меня наконец начало получаться.

Впрочем, моей заслуги в том не было. Просто сказывалось порочное влияние Нумминориха. Который формально зачем-то считается моим учеником, а на самом деле усердно занимается моим перевоспитанием. И уже достиг немалых успехов на этом поприще. По крайней мере, когда Нумминорих сказал, что в Новом Городе объявилась уличная гадалка, за небольшую плату насылающая на всех желающих какой-то особый «Пророческий сон», я не наградил его скучающим взглядом пожилого куманского принца, давным-давно изведавшего все мыслимые наслаждения Мира. И даже не пообещал, что непременно выберу время для ознакомления с предметом когда-нибудь потом. А напротив, бодро выскочил из-за стола, где стояли остатки не то позднего завтрака, не то всё-таки раннего ужина, несколькими отработанными до автоматизма движениями рук сменил знакомое всему городу лицо на чужую невнятную рожу и потребовал: «Пошли, покажешь!»

Совершенно не похоже на того сэра Макса, которым я привык быть, большого любителя откладывать на неопределённое будущее всё, что удастся, включая удовольствия и развлечения. Собственно, их – в первую очередь. Думаю, таким образом моё сознание просто защищалось от переизбытка новой информации. Но, хвала Магистрам, оно наконец-то уяснило, что сопротивление бесполезно – привыкнуть к удивительному процессу, который считается моей повседневной жизнью, невозможно, конца сюрпризам, переменам и потрясениям не видно, и вряд ли ситуация изменится в ближайшую тысячу лет. Осмыслив этот факт, сознание решило: ладно, раз так, будем брать всё, что дают. Вот, например, гадалку по сновидениям. Заверните.

Гадалка, так уж совпало, облюбовала для своих сессий улицу Жёлтых Камней, ту самую, где я одно время снимал квартиру, вернее, огромный дом, который так толком и не обжил, потому что у меня вечно находились дела поинтересней. И спальни, ночевать в которых мне нравилось куда больше, чем в собственной. Вернее, всего одна спальня на соседней улице Забытых Снов; впрочем, неважно. Всё равно улице Жёлтых Камней я до сих пор считаю в некотором смысле «своей». А гадалку, толстую загорелую старуху, одетую по моде всех континентов сразу – стёганный жилет под

коротким лоохи, пёстрая юбка поверх кожаных матросских штанов и меховая изамонская шапка, лихо сбита на затылок – автоматически зачислил в «соседки» и проникся к ней необъяснимой, но вполне закономерной симпатией. Столько улиц в столице Соединённого Королевства, а она, гляди-ка, выбрала для работы мою. Ну, положим, бывшую «мою». Но всё равно.

Улицу Жёлтых Камней сложно назвать многолюдной. Кроме жителей окрестных домов тут можно встретить разве что завсегдатаев трактира «Жирный индюк» и желающих заказать обувь у весёлого рыжего сапожника, ещё на моей памяти открывшего мастерскую в ярко-зелёном трёхэтажном доме на углу. Однако гадалка вовсе не скучала в одиночестве. К ней даже очередь образовалась; впрочем, шла она довольно быстро. Старуха со своими клиентами особо не церемонилась: возьмёт монетку, стукнет по лбу, придержит спящее тело, чтобы не рухнуло на тротуар, а буквально несколько секунд спустя жертва её колдовства просыпается, удивлённо хлопает глазами, встаёт и отходит в сторонку, переваривать впечатления. Следующий!

Я и заметить не успел, как подошла наша очередь.

– Давай ты, – великодушно предложил Нумминорих. – Я только сегодня утром попробовал и увидел совершенно замечательную погоню за злодеями в духе хроник Эпохи Орден в изложении для младших школьников. Вряд ли с тех пор в моей судьбе произошли какие-то радикальные изменения. Зачем один и тот же сон дважды смотреть?

– Ну, хотя бы для того, чтобы убедиться, что сон действительно будет тот же, – возразил я.

Очень логично, как мне кажется, возразил. Однако Нумминорих не внял доводам разума, а деликатно подтолкнул меня к старухе, взиравшей на наши препирательства с невозмутимостью Королевского Церемониймейстера.

Теоретически, ещё можно было извиниться и уйти, вряд ли она за мной погналась бы. Но я заглянул в глаза гадалки – один цвета тёмного янтаря, второй светлого – и пропал. Можно сказать, влюбился. Только нормальный влюблённый обычно жаждет объятий и поцелуев, а я вдруг страстно захотел, чтобы она мне погадала. Немедленно, прямо сейчас. Что, на самом деле, свидетельствует вовсе не о моей потрясающей интуиции и не о каких-то сверхспособностях гадалки. А только о её мастерском умении мгновенно расположить к себе любого незнакомца, совершенно бесценном для тех, кто вынужден работать на улице, где каждый равнодушный прохожий – упущенная выгода.

Забавно, что я не только прекрасно понимаю всё вышесказанное, но даже техникой притягательного взгляда, которой часто пользуются уличные фокусники, гадалки и просто попрошайки, в своё время овладел. Не то чтобы она была мне жизненно необходима, но когда это я отказывался от возможности стать ещё обаятельней?

Однако всё это совершенно не помешало мне поддаться нехитрым чарам уличной гадалки и оказаться целиком в её власти. Всего на несколько секунд, дольше это незамысловатое колдовство не действует, но их как раз хватило, чтобы протянуть старухе монету в полкоронки.

Так теория расходится с практикой. И посрамлённый теоретик получает магический удар в лоб. И засыпает, как миленький, будь он хоть тысячу раз грозный сэр Макс – поделом ему!

То есть мне.

Тем более, что грозный я тоже только теоретически. А на практике – безобиднейшее существо. Вот и сейчас, даже сдачи не дал драчливой старухе. А безропотно погрузился в Пророческий сон.

Ни хрена себе пророчество получилось.

– Ни хрена себе пророчество! – сказал я вслух.

И тон выбрал самый что ни на есть скандальный. Не люблю чувствовать себя сбитым с толку, хотя за столько лет ежедневной практики мог бы и привыкнуть.

– Уж какое есть, – равнодушно откликнулась старуха-гадалка. – Всё, что я могу – это показать тебе небольшой фрагмент твоего будущего. И не моя вина, что ты до него доживёшь.

На этом месте я простил ей всё. И, можно сказать, заново влюбился. Обожаю чеканные формулировки.

– А что, твои сны действительно сбываются? – спросил я.

Старуха пожала плечами.

– Да кто ж их знает. Но до сих пор вроде никто не жаловался, – буркнула она.

И была чрезвычайно убедительна в своём нежелании убеждать.

Я достал из кармана корону и протянул её гадалке. Та скорее удивилась, чем обрадовалась. Корона Соединенного Королевства – это, как говорил один мой знакомый, простодушный ландаландский оборотень, «большая деньга». На эту сумму можно, не особо себя стесняя, прожить целую неделю. Вернее, было бы можно, если бы в Соединённом Королевстве Угуланда, Гугланда, Ландаланда и Уриуланда, а также графств Шимара и Вук, земель Благостного Ордена Семилистника, вольного города Гажин и острова Муримах было принято измерять время неделями. Но

такими глупостями мы тут не занимаемся.

В общем, столько денег уличным фокусникам и гадалкам не дают даже подвыпившие столичные богачи. Я один такой идиот, да и то изредка, под настроение. Вот сегодня, например.

– Целая корона за плохой сон? – наконец спросила старуха. – Который, к тому же, вполне может сбыться? Ты настолько любишь кошмары?

– Терпеть их не могу, – честно признался я. – Но жив-то я там, по крайней мере, остался. Уже хорошо. Значит гуляем! Люблю быть живым.

– Очень разумный подход, – согласилась гадалка. – Ты на редкость здравомыслящий человек. Можешь не беспокоиться о своём будущем, таким как ты всё впрок.

Ради столь духоподъёмного комплимента стоило вставать из-за стола и отправляться в Новый Город. А я ещё и такой увлекательный кошмар посмотрел. Самое настоящее злое пророчество! День определённо задался.

День, надо сказать, задался до такой степени, что домой я вернулся только около полуночи. Вошёл через парадную дверь в полной уверенности, что гостиная моя в это прекрасное время суток будет безлюдна и уныла, как бескрайние равнины Пустых Земель, откуда я якобы родом – согласно одной из множества сложенных обо мне легенд.

Однако я ошибся. В гостиной было полно народу. И отчаянно воняло рыбой.

Источник запаха я вычислил сразу. За столом, уставленным тарелками и кувшинами, по большей части пустыми, Меламори и Трикки Лай с горящими азартом глазами состязались в производстве мистических селёдочных тортов – чей просуществует дольше. Меламори пока проигрывала соревнование по прикладному чудотворству. Её изделия отличались гигантскими размерами и причудливыми расцветками, но эти достоинства, к сожалению, совершенно не способствовали их долговечности. Даже минуты ни одному не удалось продержаться. Впрочем, я не сомневался, что ещё пару дюжин попыток, дней или лет спустя Трикки придется нелегко. Меламори очень упрямая. И до сих пор не вывернула Мир наизнанку только потому, что никому не пришло в голову сказать, будто она нипочём этому не научится.

И хвала Магистрам, что так.

На ковре, скрестив длинные человеческие ноги, сидел мой домашний монстр и по совместительству всеобщий любимчик Базилио, как всегда окруженный сонно мурлыкающими Армстронгом и Эллой. Напротив него

примерно в такой же позе устроился сэр Джуффин Халли. Только котов на его долю не хватило, у меня их всего две штуки. Я вообще суровый аскет.

Господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска держал в руках карты. Карты Базилио болтались в воздухе, прямо перед его клювом. Судя по выражению лица Джуффина, игра шла очень даже неплохая. Он не настолько вежлив, чтобы имитировать интерес.

На меня все они не обратили ни малейшего внимания. Только верный пёс Друппи приветливо взмахнул ушами во сне – дескать, я тебе рад, но очень уж лень подниматься. А его приятель Дримарондо вообще не заметил моего появления. Потому что валялся на диване с книжкой и задумчиво скрёб задней лапой за ухом. То ли к завтрашней лекции готовился, то ли просто наслаждался жизнью, со стороны эти два его состояния выглядят совершенно одинаково.

– Ты бы хоть однажды залаял в честь моего прихода, – укоризненно сказал я.

– Гав, – флегматично отозвался Дримарондо. И с подчёркнутой вежливостью поинтересовался: – Теперь ты вполне удовлетворён?

– Будем считать, что да, – вздохнул я.

Иногда я – сама кротость.

Отчаявшись привлечь к себе хоть чьё-нибудь внимание, я присел на корточки рядом с Базилио и некоторое время наблюдал – не столько за ходом партии, сколько за самостоятельно взлетающими и укладывающимися на ковёр картами.

– Как тебе это удаётся? – наконец спросил я.

Базилио неопределённо дёрнулся. Будь наше кошмарное чудовище чуть более человекообразно, можно было бы сказать, что оно пожало плечами. Но когда в твоём распоряжении гигантское рыбье туловище, к которому дивным образом прикреплены индюшачья голова, человеческие ноги и роскошный лисий хвост, пожимать плечами становится довольно затруднительно, потому что конструкцией даже малейший намёк на них не предусмотрен. И живи как знаешь.

– Да было бы чему удаваться, – отмахнулся Джуффин. – Ерундовый, в сущности, фокус. Одушевлённые иллюзии вообще очень легко обучаются Очевидной магии.

И наконец обратил ко мне затуманенный азартом взор.

С каждой секундой взор становился всё более просветлённым. Еще и минуты не прошло, а могущественный шеф Тайного Сыска наконец уразумел, что ему выпало немыслимое счастье лицезреть перед собой не кого попало, а именно меня.

– Ну наконец-то явился, – сказал он. – Где ты весь вечер шлялся?

– Предавался тайным порокам, – надменно отвечал я.

Просто чтобы немного его порадовать.

– Каким именно? – деловито уточнил Джуффин.

Меламори и Трикки Лай бросили свои торты и с неподдельным интересом уставились на меня. Даже Дримарондо оторвался от книжки. И только Базилио напряжённо пялился в свои карты. На его месте я бы сейчас тоже так пялился – насколько я успел заметить, дела его в этой партии были довольно плохи, но пока не настолько безнадежны, чтобы сдаться и начать новую игру.

И мне сдаваться тоже не следовало.

Я задумался, пытаюсь припомнить, какие вообще бывают пороки. Вернее, что именно ими считается. Наконец сказал:

– Например, пьянству и разврату.

Боюсь, я был недостаточно убедителен. По крайней мере, Дримарондо снова уткнулся в книгу, Меламори быстренько произвела на свет очередной торт в зелёных кремовых завитушках, Трикки уставился на секундомер, чтобы выяснить, как долго её изделие продержится в мире материальных объектов, Базилио горько засопел над своими картами, а Джуффин снисходительно уточнил:

– В смысле, сидел на Гребне Ехо со стаканом вина, которое даже не попробовал, и пялился на прохожих?

– Ну предположим, попробовал, – возразил я. – Почти половину выпил. Довольно вкусное попало. И вообще это было не на Гребне Ехо, туда я сегодня не дошёл. А пялиться на прохожих с целью выяснить, кто из них видит нас во сне, а кто просто так по городу шляется, самая важная часть моей работы. Скажешь, не так?

– Да кто бы возражал, – ухмыльнулся он. – Просто я так и не понял, в чём, собственно, состоял разврат.

– Ннну... Предположим, я представлял себе, что все прохожие голые.

Джуффин на секунду задумался, потом решительно помотал головой.

– Ну уж нет. У тебя не настолько крепкие нервы.

На моей памяти это был первый случай, когда сэр Джуффин Халли публично усомнился в моём всемогуществе. По идее, это следовало отметить, но идти на кухню за бутылкой мне было лень. А на столе ничего путного не осталось.

– Ладно, – вздохнул я, – твоя правда. Никого я голым не представлял. Зато назначал свидания разным легкомысленным девицам. Одну уговорил, сейчас придёт.

– Ого! – уважительно хмыкнула Меламори. – Это что-то новенькое. А мы ей не помешаем?

– Это вряд ли, – честно сказал я. – Ей, я думаю, вообще никто в Мире не может помешать. К тому же, свободных комнат в доме более чем достаточно.

Джуффин открыл было рот – вероятно, чтобы съязвить. Но тут Базилио сделал наконец ход, на мой взгляд, самый разумный из возможных в сложившейся ситуации. И шефу Тайного Сыска снова стало не до меня. Он погрузился в игру, да так глубоко, что не обратил внимания на хлопнувшую входную дверь.

А зря.

Потому что на пороге стояла самая прекрасная юная леди в этом Мире. Ну, по-своему самая прекрасная. В своей, так сказать, весовой категории сверхъестественно нелепых девиц.

Она была мала ростом, тоща, как ощипанный полудохлый индюшонок, зато надменна, как восемнадцатый помощник левой пятки дежурного Королевского секретаря в день раздачи ежегодных наград. Словно бы появилась здесь лишь для того, чтобы облагодетельствовать Мир своей неопикуемой красотой: широкими скулами, веснушчатый нос картошкой и огромными, в пол-лица фиалковыми глазищами в обрамлении пушистых выгоревших ресниц. Светло-рыжие волосы были заплетены в великое множество косиц, тонких и толстых, длинных и коротких. Половина их задорно топорщилась, а половина уныло свисала вдоль лица, нарумяненного, как у начинающей оперной певицы, гастролирующей по деревенским трактирам. В довершение всех бед полы её остромодного ярко-розового лоохи заканчивались чуть ли не подмышками, открывая взорам и без того ошеломлённой публики полосатую вязаную скабу, толстую, как зимнее одеяло и такую узкую, что ходить в ней можно было только совсем короткими шажками.

Я, конечно, успел послать зов леди Сотофе Ханемер, которая наконец выбрала время навестить нас с Базилио, и предупредить, что у меня полон дом народу. И услышать в ответ: «Тем лучше, люблю устраивать сюрпризы». И прикинуть, что это могут быть за сюрпризы, и многократно умереть от любопытства, благо делаю это обычно со скоростью тридцать три смерти в секунду. Но всё равно совершенно не ожидал настолько эффектного появления. Думал – ветром влетит в окно, рыбой выпрыгнет из чьей-нибудь кружки, или просто огненным фонтаном забьёт посреди гостиной. Или ещё что-нибудь такое простое и милое, в духе старинных легенд для самых маленьких.

Всё-таки у меня совсем небогатое воображение, давно пора это признать.

Сюрприз вышел знатный, по крайней мере, Меламори и Трикки Лай смотрели то на девицу, то на меня, распахнув рты, как школьники, случайно попавшие на выступление придворного фокусника. Джуффин озадаченно хмыкнул – он-то, ясное дело, сразу узнал свою старинную подружку, но был столь впечатлён её костюмом, что даже поздороваться забыл. А Базилио наконец отвлёкся от карт, и они медленно спланировали на ковёр. Хорошо хоть рубашками вверх, а то совсем было бы обидно.

– Какая вы красивая, – сказал он. И, вспомнив, как обычно на него реагируют при первой встрече, поспешно добавил: –Пожалуйста, не надо меня бояться! Я не убиваю и не ем людей. За свою недолгую жизнь я неоднократно убеждался, что мой облик может привести к подобным умозаключениям. Но я только с виду такое ужасное чудовище. Это нечаянно получилось, я не виноват.

– Это просто отлично, что ты не ешь людей, – откликнулась наша гостя. –Очень, знаешь ли, бывает обидно, когда приходишь к кому-нибудь по важному делу, а оно – ам! – и съедает тебя целиком, даже не раздев. Воскреснуть потом – дело нехитрое, хоть и хлопотное, а вот нарядов не напасёшься.

Гребни Базилио трепетали, хвост панически метался из стороны в сторону, свидетельствуя о накале благородных страстей, бушующих в его нелепой груди.

– Так вы умеете воскресать?– наконец спросил он.

– Я вообще всё умею, – без ложной скромности призналась леди Сотофа.

Джуффин скорчил совершенно умопомрачительную гримасу в диапазоне от «перед ребёнком расхвастаться большого ума не надо» до «а я знаю один фокус, который, на что спорим, с первого раза не повторишь». Но, как ни странно, промолчал. Иногда он демонстрирует удивительное чувство такта – подозреваю, исключительно с целью шокировать тех, кто хорошо его знает.

Зато Базилио говорил, не умолкая, взволнованно размахивая хвостом.

– Так вы пришли ко мне? По важному делу? Как это поразительно! Наверное, вы тоже из числа придворных учёных? Мне казалось, они по ночам в гости не ходят. Как замечательно, что я ошибался!

Неудивительно, что у него сложилось столь благоприятное впечатление. Под видом «придворного учёного» Базилио периодически

навещает сам Король, большой любитель экстравагантных знакомств, а он слишком деликатный человек, чтобы вламываться в чужие дома после полуночи – в отличие от всех остальных моих знакомых. И от меня самого.

– Можешь считать, что из учёных, – легко согласилась леди Сотофа. – А дело у меня к тебе настолько важное, что среди бела дня его даже обсуждать как-то неуместно. Недостаточно торжественная обстановка.

– Тогда мы можем отправиться в мой кабинет, – осипшим от волнения голосом предложил Базилио.

Я как раз только вчера догадался сказать чудовищу, что оно может спокойно присвоить помещение, прежде официально считавшееся моим кабинетом. И не спрашивать всякий раз разрешения его занять. Всё равно я там никогда не сижу, а у Базилио каждый день важные гости. То Его Величество Гуриг Восьмой с анонимным визитом пожалует, то Господин Почтеннейший Начальник Тайного Сыска в картишки перекинуться пожелает, то Великий Магистр Ордена Семилистника притащит очередную тонну книг, совершенно, по его утверждению, необходимую всякой одушевлённой иллюзии для получения начального домашнего образования. А теперь вот сама леди Сотофа Ханемер пожаловала. По всему выходит, что уродиться ужасающего вида химерой с добрым нравом и ясным умом – кратчайший путь к светскому успеху.

Но Базилио совсем не нужен светский успех. По крайней мере, не такой ценой. И я понимаю его, как никто. На его месте я бы уже давным-давно спятил от несоответствия чудовищного облика деликатному внутреннему устройству. А он только плачет тихонько время от времени, когда думает, будто все спят, и никто не услышит его жалобных всхлипов.

Но я, конечно, всё равно слышу.

– Кабинет – это именно то, что надо, – согласилась леди Сотофа. – Нам с тобой многое надо обсудить. И кое-что сделать. Пошли.

Джуффин опять ничего не сказал. Но на лице его отразились вполне понятное мне чувство скорбного возмущения: «Как, всё самое интересное вы будете делать без меня?!»

Мне тоже было обидно. Но ясно, что некоторые вещи не должны происходить на публике. Например превращение чудовища в человека. И, тем более, предваряющий это превращение задушевный разговор.

Когда что-то идёт не так, Базилио чувствует это первым. Вот и сейчас растерянно покосился на меня. Дескать, чем вы все так недовольны?

– Проводи гостью в свой кабинет, – сказал я. – Чего ты ждёшь?

– Да, – пролепетал Базилио. – Извините меня, пожалуйста. Идёмте.

Они наконец удалились. Кошки растерянно переглянулись и затопали следом. А все остальные вопросительно уставились на меня.

– Я правильно понимаю, что теперь ты заманиваешь в дом незнакомых девушек, хвастаясь, что покажешь им чудовище? – наконец спросила Меламори.

– Почти правильно, – кивнул я. – Только почему это «хвастаюсь»? Чистую правду говорю, ни капельки не преувеличиваю. Да и девушка не то чтобы совсем незнакомая. Ты кстати тоже её знаешь.

– Из моих знакомых это может быть разве что Мелифаро, – растерянно сказала она. – Больше никто не согласится в такой ужас одеться, хоть стреляй. А внешность изменить – дело по нынешним временам нехитрое. И сэра Кофу всегда можно попросить, если не получается... Но Мелифаро, по идее, сейчас должен быть очень занят. Все уши мне прожужжал своим скорым переездом в какой-то новомодный дом на Удивительной улице.

– Только я так и не понял, чем именно удивительна эта улица, – заметил Трикки Лай.

– Скорее всего, ничем. Просто так называется. Впрочем, я сама впервые узнала о её существовании только сегодня. Это где-то по дороге в Новый Город, а в том районе даже старожилы слабо понимают, где у них что, и почему оно именно там. И на кой их всех вообще сюда занесло, и как они будут выбираться. Но судя по тому, что сэр Мелифаро твёрдо намерен туда переехать, место становится модным.

– Переезд пойдёт ему на пользу, – заметил Джуффин. – По моим наблюдениям, чем дальше от Дома у Моста живут мои сотрудники, тем быстрее они осваивают искусство Тёмного пути. Возможность сэкономить время на дорогу – куда более мощная мотивация, чем абстрактное стремление к совершенству.

– А мне этот красавец о переезде ни словом не обмолвился, – сказал я. – Хотя, по идее, должен был позвать на помощь. Я шкафы в пригоршне таскать умею. И смешить его жену. И отвлекать всех от работы. Глупо с его стороны не заручиться поддержкой такого могущественного человека, способного превратить любое рутинное дело в практически невыполнимую миссию.

– Сам виноват, – усмехнулся Джуффин. – Совсем неуловимым стал, хуже мятежных Магистров. Надо было не шляться весь день невесть где, а мирно бездельничать с нами в Управлении. Поседел бы от скуки, зато был бы в курсе всех новостей.

– Но с Мелифаро-то я только вчера ужинал.

– Ха – вчера! – фыркнула Меламори. – Целую вечность назад. Идея

переезда осенила его только сегодня после обеда... Так что, получается, эта девица – не он? Тогда у меня никаких идей.

– Я конечно понимаю, что ты сейчас не на службе, – вкрадчиво сказал Джуффин. – Но голова-то всё равно при тебе. И светлый ум наверняка по-прежнему плещется где-нибудь в её потаённых глубинах, я в этом почти уверен. Можешь с чистой совестью использовать это бесценное достояние Соединённого Королевства в личных целях. Я не против.

– Что вы имеете в виду? – опешила Меламори.

– Ну ты же Мастер Преследования, девочка. Встань на след этой загадочной незнакомки и сразу всё узнаешь. Зачем гадать?

– Да, действительно, – Меламори помрачнела. – Я должна была – не то чтобы даже сообразить, а просто сразу это сделать. Как совершенно естественный и даже единственно возможный в сложившихся обстоятельствах поступок. Теряю форму. Это не дело.

Она встала из-за стола, прошлась по гостиной, пытаясь отыскать место, где стояла наша гостья. И вдруг изменилась в лице.

– Ну ничего себе!

– Но в остальном ты была совершенно права, – примирительно сказал я. – Я действительно заманил её в дом, чтобы познакомить с Базилио.

– А мне точно не следует знать, что происходит? – вдруг спросил Трикки Лай. – Если нет, то я, конечно, постараюсь воздержаться от вопросов. Хотя, если честно, немного беспокоюсь о Базилио, который ушёл наверх с эксцентричной юной леди, чьё имя, похоже, самая страшная государственная тайна этого сезона.

Ещё бы он не беспокоился. Базилио появился на свет в результате его колдовства. Вернее, в результате совершённой спросонок роковой ошибки. И первые несколько минут счастливый создатель больше всего на свете хотел избавиться от ужасающего дела своих рук. Ну а потом, конечно, присмотрелся к Базилио получше и пропал навек. Как и все мы, взрослые занятые люди, могущественные колдуны и, страшно сказать, государственные служащие высшего ранга, с утра до вечера размышляющие, как сделать жизнь нашего подопечного чудища еще более приятной и интересной.

– Помнишь, как Базилио рыдал, когда выяснил, что не может стать человеком? – спросил я. – Ну вот, мне удалось уладить эту проблему. Потому что ничего невозможного нет – для некоторых отдельно взятых особо могущественных ведьм. А у меня врождённый талант к ним подлизываться.

Глаза у Трикки стали такие огромные, что я даже немного

встревожился: а ну как сам во что-нибудь этокое превратится? От того, кто однажды уже становился призраком, чего угодно можно ожидать. С другой стороны, если уж должна стрястись такая беда, лучше действительно прямо сейчас, пока леди Сотофа находится в доме. Не придётся второй раз за ней бегать.

Но Трикки Лай, хвала Магистрам, так и не утратил человеческий облик. А только спросил, почему-то перейдя на шёпот:

– А почему ты не говорил?

– Чтобы все не начали волноваться раньше времени. И спрашивать меня: «Когда уже, когда?!» Или потому, что люблю сюрпризы. Ну или просто забыл. Выбирай любую версию. Всё – чистая правда.

– Чего я никогда не пойму, так это как ты её уговорил, – сказал Джуффин.

– Ну так меня же сам Коба в свое время побираться учил^[1], – напомнил я. – С тех пор что угодно могу выклянчить. Подайте бедному сироте, и точка!

– Мама всё-таки была права, – вздохнула Меламори. – Ты действительно совершенно неподходящая партия для леди из хорошей семьи. Даже в мимолётную связь высшего уровня необязательности с такими проходимцами лучше не вступать. Как же я низко пала, связавшись с тобой! Просто отлично получилось.

– Всегда к твоим услугам, – поклонился я.

– Хватит уже кокетничать, – неожиданно сурово сказал Джуффин. – Делом займись.

– Каким ещё делом?!

– У меня партия по твоей милости не доиграна. Партнёр сбежал – вон карты валяются. Подбери и вперёд. Зачем я тебя вообще на службу возвращал?

Резонный вопрос. Ну и потом когда так нервничаешь, игра – отличный способ отвлечься. Гораздо лучше, чем изготовление недолговечных волшебных тортов, к которому попытались вернуться Меламори и Трикки. Но благоразумно остановились сразу после того, как вместо торта у Трикки получился печальный лиловый моллюск размером с парадную люстру в Королевской приёмной. Хвала Магистрам, он исчез буквально несколько секунд спустя, так и не успев нас очаровать. А то был бы мне новый домашний любимец и прилагающаяся к нему новая головная боль. Например, покупка гигантского аквариума и организация регулярных поставок свежей морской воды. Потом, вероятно, моллюск захотел бы превратиться в птицу, и, выяснив, что это невозможно, ревел бы по ночам.

А я ненавижу, когда ревут. И тут же начинаю переворачивать Мир, которому и без меня, будем честны, нелегко приходится.

Проводив в небытие горемычного моллюска, Меламори и Трикки объявили в соревнованиях технический перерыв и принялись набивать трубки, а я на нервной почве продул Джуффину целых три партии кряду. И четвёртую тоже несомненно продул бы, но мы не успели её начать, потому что дверь, ведущая на лестницу, распахнулась, и перед нами предстали целых две юных девицы. Их можно было бы назвать близнецами, если бы одна не была выше другой примерно на полторы головы. И причёсана гораздо консервативней – всего шесть почти аккуратных косичек, не о чем говорить. Да и одета она была более чем прилично – в одно из моих лоохи, которое почти идеально подошло ей по росту. Ну, может, слегка коротковато. Совсем чуть-чуть.

– Учтите, это была не моя идея, – сказала та, что пониже. В смысле, леди Сотофа. – Базилио сама захотела стать похожей на меня. Сколько я ни объясняла, что с таким высоченным ростом и покладистым характером гораздо удобнее выглядеть мальчишкой, она меня не слушала. Даже после того, как я превратилась в целую толпу образцовых красавчиков, на выбор, ни один облик её не прельстил. Впрочем, подобное упрямство свидетельствует, что характер не настолько покладистый, как кажется поначалу. Так что ладно, пусть будет девчонкой. Возможно, мы все как-то переживём возможные последствия. А теперь предложите мне что-нибудь выпить. Я, будете смеяться, устала.

После такого её заявления все присутствующие имели полное право и дальше наслаждаться жизнью. В смысле, изумлённо распахнув рты, пялиться на девицу, в которую превратился Базилио. А вот мне пришлось собрать волю в кулак и заняться исполнением своих хозяйских обязанностей.

С напитками в моём доме дело обстоит так: либо они уже благополучно откуда-нибудь взялись и стоят на столе, либо на столе ничего путного нет, и тогда приходится совершать чудеса. От самого простого – добыть нечто экзотическое из Щели между Мирами – до почти невозможного: отправиться в кухню и что-нибудь там найти. На последнее моего могущества хватает крайне редко. Но ради такой гостии грех не расстараться.

Поэтому я как миленький встал и бодро пошёл на край света. То есть, в кухню. И не просто благополучно добрался туда в рекордное время, но и сразу вспомнил, в каком из шкафов у меня хранятся стратегические запасы

редчайшего укумбийского бомборокки. И ещё обнаружил на столе почти полный кувшин отличной камры из «Обжоры Бунбы». Понятия не имею, откуда он тут взялся и, самое главное, каким образом уцелел в доме, по которому вечно скитаются пожирающие всё на своём пути толпы дорогих гостей и практически невидимых, но от этого ничуть не менее прожорливых слуг, любезно присматривающих за домом по приказу Его Величества. И в процессе присмотра азартно разоряющих мои заначки.

Впрочем, на то оно и чудо, чтобы не понимать, как оно могло случиться.

Вернувшись в гостиную, я ощущал себя величайшим героем всех времён. А мои гости бровью не повели – принёс напитки, и ладно, давай их сюда. Оставаться недооценённым – удел всякого гения, я уже привык.

Леди Сотофа, тем временем, приняла свой обычный вид – надо понимать, для солидности, чтобы слушали внимательно. Потому что она как раз давала всем заинтересованным лицам инструкции по обращению с Базилио.

– Только не вздумайте кормить её обычной едой, – говорила она. – От того, что девочка выглядит, как человек, она не перестала быть одушевлённой иллюзией. И еда ей требуется как прежде, иллюзорная.

– Ничего, – отвечал Трикки Лай, сияющий как именинник, – я её прокормлю.

– И я помогу, – вторила ему Меламори. – Я уже неплохо натренировалась.

– Только если можно, пусть теперь еда будет маленькими кусочками, – смущённо попросила дылда с косичками. – Клюнуть большой торт я ещё хоть как-то успевал...

– Не «успевал», а «успевала», – поправила её леди Сотофа. – Сама захотела быть девчонкой, теперь переучивайся.

– Да. Извините. Успевала клюнуть. Но в человеческий рот большой торт точно не поместится. И как от него откусить, я совершенно не представляю. А пока разрежешь, он уже исчезнет.

– Хочешь сказать, эти юные балбесы до сих пор не научились создавать еду, способную просуществовать хотя бы четверть часа? – изумилась леди Сотофа. – Не связывайся с ними, детка, вот тебе мой совет. Учись готовить сама. Ну, то есть, в твоём случае – колдовать. Всякий человек должен уметь себя накормить, это самый необходимый базовый навык, гарантирующий независимость от окружающих и обстоятельств. Все мои ученицы с этого начинают. А уж стоять у плиты, или колдовать, каждый решает сам. Взять того же сэра Макса...

Все зачем-то посмотрели на меня. Как будто никогда прежде не видели.

– Пожрать он любит, а готовить – ни в какую, – продолжала леди Сотофа, – Поэтому научился таскать еду из Щели между Мирами. И это правильный подход. Еда из иного Мира – лучшая диета для всякого колдуна. Но тебе она, к сожалению, тоже не подойдёт. Слишком уж плотная и материальная, даром что добыта неведомо откуда.

– Пока Базилио будет учиться, я могу создавать для него... для неё совсем крошечные тортики, – сказал Трикки Лай. – На один укус. Не вижу никаких препятствий.

И тут же продемонстрировал своё умение. Взмахнул рукой, пробормотал короткое заклинание, и на стол плюхнулся торт настолько огромный, что всех нас можно было в нём утопить. И ещё некоторых отсутствующих друзей позвать для компании. Чтобы не так одиноко было барахтаться в этом кремовом болоте, отчаянно воняющим рыбой, как и все произведения нашего чудо-кулинара, имитирующие Туланскую кухню, по которой он, страшно сказать, истосковался. Лично я бы на край света сбежал от таких деликатесов, но моё мнение в данном вопросе не стоит ничего. Лишь бы Базилио, унаследовавший это причудливое гастрономическое пристрастие от своего создателя, был доволен. То есть, тьфу ты, была. Я всё-таки привык думать, что наше чудовище – мальчик. Причём только потому, что у него мужское имя. Которое, строго говоря, я же сам и придумал. Замкнутый круг!

Но теперь хочешь, не хочешь, а придётся переучиваться.

Исполинский торт, тем временем, стоял на столе, источая рыбный аромат. Все были настолько потрясены, что даже не рассмеялись. Только носы зажали – все, кроме Базилио, которая устремила на лакомство взор, исполненный невыразимой тоски.

– Считается, что это и есть крошечный тортик? – наконец несчастным голосом спросила она.

– Просто я перепутал, – смущённо объяснил Трикки Лай. – Задумал одно, а сделал прямо противоположное. Устал наверное. И волновался. Но ты не огорчайся, следующий получится как надо!

– А этот хоть когда-нибудь исчезнет? – осторожно поинтересовался Джуффин. – Есть надежда?

– Буквально через пару секунд, – пообещал Трикки.

Торт, хвала Магистрам, оказался покладистым созданием. Не стал восставать против своего творца, а трагически вздрогнул кремовыми боками и исчез. Все вздохнули – Базилио печально, а остальные – с

нескрываемым облегчением. А я пошёл открывать окна, потому что запах оказался гораздо долговечней своего источника.

Пока я возился с окнами, Базилио лопала пирожные, на этот раз действительно совсем крошечные.

– Так ты научишь меня их делать? – с набитым ртом спрашивала она. – Чтобы я сам... Чтобы сама!

– Научу, – пообещал Трикки. – У меня даже книжка про такие фокусы есть.

– Эта проблема, похоже, улажена, – резюмировал я, усаживаясь в кресло. – А других, вроде бы, и нет?

И вопросительно посмотрел на леди Сотофу.

– Так не бывает, – улыбнулась она. – Чтобы человек был, а проблем не было – о таком даже детских сказок не сочиняют.

И то верно.

– Но тебя, как я понимаю, интересуют в первую очередь те проблемы, которые могут стать твоими.

– Ну да, – кивнул я. – Главный вопрос: она теперь навсегда такая? Или может превратиться обратно, если нарушит какой-нибудь запрет? Ну, как в сказках обычно бывает – наденет в полнолуние красную скабу или ляжет спать головой на юг. Или с принцем каким-нибудь не вовремя поцелуется. Чего только не бывает.

– Хороший вопрос. Что мне в тебе особенно нравится – ты всегда сразу схватываешь суть. Даже когда просто дурачишься.

– То есть, ей действительно нельзя целоваться с принцами? – встревожился я.

– Нет, с принцами можно. А также с Королями, Королевами, мятежными Магистрами всех рангов, портовыми нищими, студентами, древними знахарками и такими же чудовищами, как она сама. Да вообще с кем угодно, лишь бы ей нравилось.

– Лучше скажите сразу, чего ей нельзя, – попросил я. – И мы немедленно вынесем это из дома. Даже если «этим» окажусь я.

– Ты?!

– Ну, вдруг у меня взгляд какой-нибудь особо тяжелый, – смущённо объяснил я. – Вредный для наваждений. У меня за годы, проведённые в Ехо, столько неожиданных свойств обнаружилось, что я бы уже ничему не удивился.

– Даже не смешно, – отмахнулась леди Сотофа. – Взгляд у него – ишь Могикла Барандакс выискался!

– Кто?

– Могикла Барандакс, – любезно повторила она. – Был во времена Короля Мёнина такой колдун. Не то чтобы особо могущественный; впрочем, на фоне Мёнина все остальные оставались недооценёнными, так уж им не повезло с эпохой. Однако достоверно известно, что взгляда Могиклы Барандакса не могло выдержать ни одно наваждение. Сразу рассеивались, и делай что хочешь. А заколдованные люди, звери и предметы сразу принимали свою изначальную форму. Поэтому при дворе Мёнина Могикла Барандакс был самым полезным и востребованным колдуном. Чего бы ни наворотил молодой Король, можно быстро навести порядок. Очень удобно! Правда, в придворных хрониках Короля Мёнина говорится, что однажды в Могиклу Барандакса влюбился вызванный кем-то из Королевских приятелей огненноголовый демон и утащил его в свою вселенную, не слушая возражений. И тяжёлый взгляд бедняге не помог, поскольку демон был самый настоящий, а не какое-нибудь дурацкое наваждение. Но тут уж ничего не поделаешь.

Я озадаченно покачал головой. Интересные должно быть были времена. И, пожалуй, хорошо, что они остались в прошлом. А то знаю я свою удачу, все огненноголовые демоны мои.

– Так что с нашим Базилио? – спросил я. – То есть, с нашей. Чего ей нельзя делать?

– Да всё ей можно, – огорошила меня Сотофа. – С чего ты вообще взял, что должны быть какие-то запреты? Ты меня, хвала Магистрам, не первый день знаешь. И, по идее, должен был заметить, что свободу воли я ценю превыше послушания и осторожности.

– Так-то оно так, – согласился я. – Но вы сами сказали, что я попал в точку. Вернее, схватил суть проблемы...

– В некотором смысле, – улыбнулась она. – Штука в том, что Базилио сама может решать, кем ей быть – человеком или чудовищем. Вернее, как выглядеть. И знает, что для этого делать. Девочка пока не верит, что может захотеть вернуть себе прежний облик, даже на пять минут. Что понятно: сейчас она счастлива, а подобное состояние не способствует дальновидности. Но это не беда, главное, что дальновидности хватило мне.

– На самом деле, пока мы шли из кабинета в гостиную, я придумала несколько ситуаций, в которых быть чудовищем действительно удобней, – смущённо сказала Базилио. – Например, когда нападают грабители. Триkki рассказывал, что это порой случается. Или если вдруг война, я читала, что и такие неприятности иногда бывают. Представляете: в порт приходят вражеские корабли, а тут я навстречу – привет, сейчас я вас съем! И враги бегут, город спасён. Или вдруг ещё кто-нибудь случайно наколдует

чудовище вроде меня, и оно будет грустить, что никто с ним не дружит. Тогда тоже можно превращаться, чтобы ходить к нему в гости. Мне было бы приятно, если бы ко мне кто-нибудь такой пришёл... В общем, если что-нибудь подобное случится, я обязательно превращусь. Хотя очень не хочется. Мне так нравится быть человеком! С каждой минутой всё больше. Особенно руки. Ужасно удобно, что их целых две. Не представляю, как я до сих пор без них жил... а.

Все присутствующие умилённо заулыбались. Кроме Меламори. Та, напротив, выглядела совершенно подавленной.

– Везёт же! – наконец сказала она. – Я всю жизнь о таком мечтала.

– О чём? – изумлённым хором спросили мы с Трикки.

Мудрые старики, в смысле, Джуффин с Сотофой промолчали. Но заранее придали своим лицам строгое выражение. На всякий случай, вдруг воспитывать придётся.

– Чтобы можно было превратиться во что-нибудь совершенно ужасное, – смущённо объяснила Меламори. – В любой момент, когда захочу! А потом обратно в человека, тоже когда захочу. Ух я бы тогда!..

Я смотрел на неё, натурально открыв рот. Вот так знаешь человека много лет, иногда засыпаешь в обнимку, говоришь взахлёб обо всём на свете, думаешь, что понимаешь лучше, чем себя, и тут вдруг выясняется, что все эти годы человек страстно мечтал превратиться в ужасное чудовище. А я, дурак, и не догадывался. Хотя вполне мог бы. Видел же, с каким энтузиазмом Меламори запугивала своих родственников и горемычных дежурных полицейских хубом, то есть, большим арварохским пауком по имени Лелео, подарком её тогдашнего ухажёра. Больше всех я, впрочем, жалел самого Лелео: характер у него был робкий и деликатный, невзирая на устрашающую внешность. И от воплей очередной жертвы арварохский паук надолго терял аппетит. Меламори только это и останавливало, а то бы полгорода до сих пор от заикания у знахарей лечилось, знаю я её.

И кстати, примерно догадываюсь, какие планы Меламори строила в связи с появлением Базилио. По крайней мере, шансов избежать знакомства с сэром Кимой и леди Атиссой Блимм у него практически не было. Вернее, у неё. Впрочем, в данном случае уж точно никакой разницы.

Но теперь-то наверное обойдётся.

– Ты настолько любишь пугать людей? – спросил я. – В голову не приходило, что для тебя это так важно. Прости. Я бы помог, если бы знал. Хотя я-то как раз ужасно не люблю никого пугать.

– Спасибо, – вздохнула Меламори. – Ты настоящий друг. Но ты и так

помог, даже не представляешь, насколько! По крайней мере, с родителями. Я же не пугать люблю, а шокировать. И в этом смысле ты оказался козырной картой. Но учти, это я уже потом, задним числом сообразила. То есть, изначально мои намерения были совершенно бескорыстны.

– Да ладно, – отмахнулся я. – Даже если бы и корыстны, я не против. В итоге-то всё отлично получилось.

– Но зачем тебе это? В смысле, зачем кого-то шокировать? – спросил Трикки Лай.

А Базилио ни о чем не спросила. Но смотрела на Меламори во все глаза, словно впервые увидела.

– Просто люди от этого становятся настоящими, – объяснила Меламори. – Все маски сразу долой. Сразу понимаешь, кто чего стоит.

– Ну, положим, для того, чтобы понять, кто чего стоит, совершенно не обязательно превращаться в чудовище, – наконец высказался Джуффин. – Я же как-то справляюсь.

– Конечно не обязательно превращаться в чудовище, когда ты и так – оно, – вставила леди Сотофа. – Но не всем настолько везёт.

На Базилио уже жалко было смотреть, так она растерялась, слушая нашу болтовню. Неудивительно: пока она выглядела как чёрт знает что, мы вели себя в её присутствии гораздо сдержанней и языкам воли не давали. Помнили, что рядом неразумное дитя. А теперь вдруг решили, будто она – такая же, как мы. Взрослая человеческая барышня, которой не привыкать к зубоскальству других взрослых людей. Хотя, строго говоря, в этом смысле ничего не изменилось, Базилио по-прежнему очень мало знала о Мире и каждом из нас. И разбиралась в наших делах не лучше, чем любой ребёнок-дошкольник. Но мы вдруг перестали это учитывать.

Всё-таки внешность собеседника имеет удивительную власть даже над самыми мудрыми из нас.

– Хотите честно? – улыбнулась Меламори. – На самом деле все эти разговоры про слетающие маски – только разговоры. Чтобы все присутствующие раз и навсегда уяснили, какая я сложная натура. А на самом деле, мне просто хочется научиться превращаться во что попало. В этом мне видится такая свобода! От самой себя и от чужих представлений обо мне. И от связанных со мной ожиданий. Одним людям кажется, будто я симпатичная юная леди из хорошей семьи, другие знают, что я – лучший Мастер Преследования в Соединённом Королевстве. Несколько человек в курсе, что я ученица Арварохских буривухов и более-менее неплохая сновидица – когда по-настоящему припечёт. Некоторые близкие знают, что я могу быть очень хорошим другом в плохие времена, причём чем хуже

идут дела, тем больше от меня толку. И так далее. Всё это правда обо мне, кто бы спорил. Но явно не вся. Иногда мне кажется, что превратившись во что-нибудь совершенно немыслимое и непохожее на человека, я узнаю о себе недостающую правду. Познакомлюсь с той частью себя, которую пока не знаю. Или хотя бы удостоверюсь, что она действительно есть. Потому что если кроме той меня, с которой я уже знакома, ничего нет, всё пропало! Этого просто недостаточно. Я не знаю для чего именно. Но недостаточно, и точка.

– Да, это действительно веская причина, – согласилась леди Сотофа. И задумчиво добавила: – Надо же, какие разнообразные формы принимает естественная человеческая потребность знать о своём бессмертии! Никогда не устану этому удивляться.

– Именно о бессмертии? – удивлённо переспросила Меламори.

– Конечно. Рано или поздно ты и сама поняла бы, что именно тебя грызёт. Просто до сих пор ни с кем об этом не говорила, вот и не успела сформулировать. Это понятно. Непонятно другое: если тебе так важно уметь превращаться, почему ты до сих пор не попробовала? Научиться изменять свой облик – не самая невыполнимая задача. А тебе это даже проще, чем другим. Обратней среди твоих предков было предостаточно. И становиться птицей в сновидении ты, насколько мне известно, давным-давно научилась. Вообще не вижу проблемы освоить этот фокус ещё и наяву.

Меламори выглядела совершенно потрясённой.

– Я не знаю, почему я не попробовала, – наконец сказала она. – Как-то в голову не пришло. Просто сперва я вообще не особо интересовалась магией. Думала, даже хорошо, что её запретили законом, у меня-то явно никаких особых способностей. В Эпоху Орденов было бы очень обидно родиться такой недотёпой, а сейчас – ладно, обойдусь. Потом на меня свалился присутствующий здесь сэр Джуффин и заявил, что я прирождённый Мастер Преследования. Я очень обрадовалась и начала учиться. Света белого не видела, ни на что не отвлекалась. Твёрдо решила преуспеть, если уж нашёлся у меня хоть один талант. Потом вроде более-менее выучилась, начала понемногу смотреть по сторонам. И тут – трах, бах! Арварох со всеми вытекающими последствиями. В смысле, с буривами. Начала учиться у них. Не доучилась, о чём, наверное, всю жизнь буду жалеть. Но тут уж ничего не поделаешь, так сложилось. Неважно. Это я к тому, что всё время была занята разными другими вещами и просто не успела сообразить, что оборотничеству тоже можно выучиться, как любому другому делу.

– А теперь я тебе подсказала, – улыбнулась леди Сотофа. – Видишь, как всё удачно складывается.

– То есть, в ближайшее время в этом доме снова будет обитать одно чудовище и всего одна красавица, – резюмировал я. – Оно даже и неплохо. Не люблю резких перемен.

– Ты забыл, что Базилио в любой момент может принять прежний облик, – напомнила Меламори. – К тому времени, как я чему-нибудь научусь, ей как раз надоест быть каким-то дурацким человеком. Так что в доме будет сразу два чудовища. И никаких красавиц, хватит с тебя.

– Мне не надоест быть человеком, – возразила свежеиспечённая красавица. – Одни руки чего стоят. И рот гораздо удобней клюва. И в кресле теперь можно сидеть, хвост не мешает. И главное, больше никто не станет думать, будто я его сейчас сожру. Между прочим, когда ты не можешь съесть не то что целого сырого человека, но даже маленький кусочек обычного, ненаколдованного пирога, подобные подозрения особенно обидны.

– Наколдованные пироги гораздо вкусней сырых людей, – неожиданно вмешался молчавший до сих пор Джуффин. – В этом смысле ты ничего не потеряла, верь мне.

– Он в этом вопросе великий эксперт, – подтвердила леди Сотофа.

– Вы глотали людей сырыми? – изумилась Базилио.

– Ну почему же сразу «глотал»? Я их очень тщательно прожёвывал.

Базилио выглядела совершенно обескураженной. Пришлось вмешаться.

– Это они так шутят, – сказал я ей. – Привыкай. Теперь ещё и не того слушаешься. Когда становишься человеком, с тобой сразу перестают церемониться и начинают зубоскалить, тут ничего не поделаешь. По себе знаю: никогда в жизни со мной не обходились так деликатно, как в ту пору, когда я превратился в чудовище...

Присутствующие почему-то дружно заржали. Все, кроме Трикки Лая, который уставился на меня с недоверчивым интересом. Видимо эту байку ему ещё не успели рассказать.

– А вы что, превращались в чудовище? – растерянno спросила Базилио. – А зачем? Или это тоже шутка? Все смеются, а я не понимаю. Похоже, из меня получился очень глупый человек.

– Не глупый, просто неопытный, – улыбнулся я. – Со временем это проходит, причём навсегда, поэтому наслаждайся свежестью восприятия, пока можешь. А в чудовище я действительно превращался. Честное слово! Но ненадолго и по работе. Не о чем говорить ^[2].

– Ладно, – вздохнула она. – Хорошо, что это была не шутка, а то я ума не приложу, в чём тут соль. Никогда не пойму, почему считается, будто решать головоломки сложно, а пить камру и болтать с друзьями просто и приятно. По-моему, всё наоборот.

– Тем не менее, как минимум одна вечеринка с друзьями совершенно неизбежна, – заметил я. – Все, кто успел с тобой познакомиться, непременно захотят отпраздновать твоё счастливое превращение. Подозреваю, завтра же. Поэтому готовься. Зато потом можешь с чистой совестью объявить, что ты у нас затворник и мизантроп. В смысле, затворница и мизантропка. Мы смиримся – у всех свои причуды. И любить друг друга приходится вместе с ними.

– Пора и мне обратно в затворницы, – неожиданно сказала леди Сотофа. – Засиделась я тут с вами, как будто других дел нет. Проводи меня, сэр Макс. Желаю насладиться проявлением твоей галантности.

– Что, вот прям пешком через город пойдешь? – восхитился Джуффин. – Не Тёмным Путём, а своими ногами?

– Именно, – подтвердила она. – Иногда хочется просто прогуляться по улицам. А то я уже забывать начала, как выглядит Ехо. Давеча увидела на картинке, подумала: «Какой красивый город, интересно, где такой?» Потом, конечно, опомнилась. Но всё равно это не дело.

Что бы там ни говорила леди Сотофа, а я был уверен, что она просто хочет побеседовать со мной без свидетелей. О том, как следует обращаться с Базилио. Или наоборот, как не следует. Есть же наверное какие-то совсем простые вещи, до которых я сам и за сто лет не додумаясь, это любому ясно.

Но первые несколько минут мы шли молча. Леди Сотофа, похоже, и правда, давненько не выбиралась на прогулку и теперь с неподдельным интересом глазела по сторонам, как это обычно делаю я. То есть, как заправский турист.

Наконец я не выдержал и спросил сам:

– Вы хотели поговорить со мной про Базилио?

– Да чего теперь о ней говорить, – отмахнулась Сотофа. – Дело сделано, пусть живёт и радуется.

– То есть, вы мне вообще ничего не посоветуете? – ужаснулся я.

– Зачем тебе какие-то советы? Судя по отзывам Хейлах и Хелви, ты – прирождённый опекун юных леди. Разговариваешь с ними на равных, покупаешь платья и пирожные, не обращаешь никакого внимания на нежные чувства, зато всегда принимаешь их сторону, каких бы глупостей

ни натворили. Мне бы в соответствующем возрасте такого доброго дядюшку! Да и нынче вечером ты сразу взял верный тон. Вот и продолжай в том же духе. Обращайся с девочкой так, словно ничего не произошло.

– Как будто она по-прежнему трогательное ужасное чудовище, которому постоянно требуется защита и утешение?

– Именно. Такого отношения ей будет не хватать, особенно поначалу. Потом, конечно, привыкнет жить по-новому, войдёт во вкус и пошлёт тебя подальше. Тогда ты сможешь вздохнуть с облегчением и тут же завести себе нового домашнего питомца, просто чтобы не терять форму.

– Думаете, правда пошлёт? – восхитился я.

– Конечно. Все юные леди делают это. В смысле, рано или поздно посылают подальше своих заботливых опекунов. Обязательный этап становления, без него – никуда.

– Хотел бы я дожить до этого прекрасного дня.

– Всё в твоих руках. Уверена, у тебя вполне хватит могущества, чтобы дожить до любого выбранного с этой целью момента.

– Ужасно интересно, что из неё в итоге получится, – вздохнул я.

– Мне тоже интересно – будет. Когда-нибудь потом. Например, через полчаса, после того как я вернусь в резиденцию. А сейчас я хочу просто идти с тобой по ночному городу, не отвлекаясь на размышления о юных девицах. Ты – отличный компаньон для прогулок, сэр Макс. Особенно для человека, умеющего смотреть на мир чужими глазами. Твоими – смотрела бы и смотрела. У тебя глаза влюблённого, а это большая редкость.

– То есть, вы только поэтому позвали меня пройти? А не ради какого-нибудь секретного разговора? С ума сойти. Думал, так не бывает.

– Ну, будем честны, примерно на середине пути я планировала вежливо спросить, как у тебя дела. Но можно и прямо сейчас, чего тянуть.

– Ну как, – растерялся я. – По-разному. Смотря какие дела. В глобальном смысле, наверное, прекрасно. А в деталях всего вот так сразу и не расскажешь. Просто непонятно, с чего начинать. При этом самое важное обычно вообще невозможно рассказать словами, а самым важным мне сейчас кажется всё, включая погоду, которая этой осенью как-то удивительно удалась.

– Хороший подход, – улыбнулась леди Сотофа. – Однако ты переоценил масштабы моих требований к болтовне на ходу. Я хотела всего лишь расспросить тебя о работе. А погоду и прочее неизъяснимое можешь пока оставить при себе. О важных вещах я предпочитаю разговаривать сидя. Они требуют сосредоточенности, граничащей с самоотверженностью.

– О работе? Надо же, а мне и рассказать-то вам толком нечего. Потому

что именно на работе ничего интересного со мной не происходит. Ну, то есть, как – на самом деле, и это тоже интересно. Но, боюсь, только мне самому. Я сейчас целыми днями брожу по городу, по большей части, в компании Нумминориха Куты. Я разглядываю людей, которым мы снимся, а он их нюхает – просто чтобы не терять форму. Отлично проводим время. Сновидцы, надеюсь, тоже неплохо развлекаются. Выглядят, по крайней мере, вполне довольными. Если и есть среди них кто-нибудь уснувший навсегда и нуждающийся в срочном спасении, он себя никак не проявляет. Сэр Кофа обещал рассказывать мне обо всех мало-мальски необычных происшествиях, но пока молчит. И моё сердце молчит вместе с ним. А ведь оно – знатный паникёр.

– Хвала Магистрам, если так. У тебя, я знаю, хорошее чутьё. И если тебя действительно ничего не беспокоит, тем лучше для всех нас.

– На самом деле, кое-что беспокоит, – честно сказал я. – Уже целых полдня. Только это совсем пустяковая глупость. И вряд ли имеет хоть какое-то отношение к моей работе. Да и к прочей жизни тоже. Просто я впечатлительный. И местами совсем дурак. Но вы и сами в курсе, поэтому не очень стыдно признаваться.

– Вот как знала, всё-таки что-то у тебя стряслось, – удовлетворённо улыбнулась леди Сотофа. – Выкладывай.

– «Стряслось» – это громко сказано. Просто сегодня Нумминорих потащил меня в Новый Город поглядеть на тётку, которая насылает на людей Пророческие сны. Отличная, кстати, оказалась. Очень мне понравилась, в отличие от сна, который...

– Погоди-ка. Пророческие сны? А как она выглядела? Толстая, смуглая? И одета, как пугало?

– Одетая, скажем так, интересно и чрезвычайно разнообразно, – сдержанно согласился я. – И худой и бледной её, при всём желании, действительно не назовёшь. Зато какие же у неё глазищи! Жёлтые, как у бурибухов. Один тёмный, другой светлый. В жизни ничего подобного не видел. Даже в зеркале, а ведь чего я там только ни рассмотрел за эти годы...

– Ну надо же, точно Хайста, – обрадовалась леди Сотофа. – Грешные Магистры, Хайста Лёк вернулась в Ехо! И, похоже, всюду тут развлекается, умничка моя. А в гости не зашла, гордячка. Даже зов не прислала. Ждёт, пока я сама о ней узнаю и позову. Как будто только и дел у меня, что ловить по всему городу старых подружек!

– То есть, она ваша подружка? Ну, знаете, тогда может быть у меня действительно «стряслось». В смысле, всё гораздо серьёзней, чем я думал.

– Хайста наслала на тебя Пророческий сон, и он тебе не понравился? Да уж, и правда не позавидуешь. Хайста своё дело знает, на шарлатанстве её до сих пор никто никогда не ловил. В своё время по городу ходили слухи, будто Хонна, Великий Магистр Ордена Потаённой Травы распустил Орден и сам умотал на край Мира именно в результате Пророческого сна, подаренного ему Хайстой ко Дню Середины Года. Уверена, что это враньё, не такой характер у Хонны, чтобы повиноваться пророчествам. Скорее уж попытался бы сделать наперекор. Но о репутации Хайсты Лёк эта сплетня даёт наглядное представление.

– Ничего себе, – удручённо вздохнул я. – А мне по её милости кошмар приснился. Не то чтобы по-настоящему страшный, скорее просто дикий и бессмысленный. Но всё равно не сахар.

– Расскажи, – потребовала леди Сотофа.

И я пересказал ей давешний сон, стараясь не упустить ни единой детали.

– Надо же, какая неприятная ерунда тебе предстоит, – посочувствовала она. – Ладно, главное, что сам остался жив, город уцелел, и Мир не рухнул. Всё остальное – дело поправимое.

– У Нумминориха возникла прекрасная, всё объясняющая идея: на самом деле мне просто скоро приснится страшный сон, – сказал я. – И пророчество было именно об этом, так уж мне повезло.

– Страшный Пророческий сон о будущем страшном сне? – рассмеялась Сотофа. – Остроумное решение. Никогда не слышала о подобных вещах, но чего только не бывает. Особенно с тобой. Ладно, поживём – увидим. Хайстины сны ещё и тем хороши, что обычно сбываются довольно быстро. По крайней мере, не тысячу лет спустя, когда о пророчестве все давным-давно забыли.

– А бывают и такие пророчества?

– Чаще всего именно такие и бывают. Сотни пророков в своё время прослыли городскими сумасшедшими, поскольку вечно толковали о никому неизвестных королях и войнах с несуществующими государствами, сулили разрушение ещё не построенных крепостей и скорое рождение героев, способных избавить Мир от никогда не случавшихся бед. А потом, спустя века, их предсказания сбывались с пугающей точностью. И потомкам насмешников приходилось приносить извинения на страницах исторических хроник, лично-то уже не с кем было разговаривать.

Воцарилось умиротворённое молчание. Но я был бы не я, если бы не нарушил его буквально минуту спустя.

– Слушайте, а можно бестактный вопрос?

– Грешные Магистры, ты и это умеешь?

– О, в этом деле я настоящий мастер. Был бы у нас Орден Бестактных Вопросов, меня бы немедленно назначили его Великим Магистром. Но и в качестве кустаря-одиночки я вполне ничего.

– Ты меня заинтриговал. Что за вопрос-то?

– Про леди Хайсту. Кто она? Откуда такая взялась? Почему я раньше ничего о ней не слышал? Если всё это страшная тайна, тогда, конечно, ладно, переживу. Мне не для дела надо. Просто ужасно интересно, кем надо быть, чтобы стать вашей подружкой.

– Тоже мне бестактный вопрос. Нормальное человеческое любопытство, и ничего больше. Причём до ответа ты вполне мог бы додуматься сам. Подавляющее большинство моих подружек – могущественные ведьмы, которых я в своё время хотела переманить к себе, да не вышло. Но это не повод отказываться от дружбы, которая обычно зарождается в процессе долгих безуспешных переговоров. Хайста, впрочем, немного иной случай. К моменту нашего знакомства она как раз вышла из Ордена Потаённой Травы, в котором состояла без малого триста лет. Причём, чтобы утешить потрясённого её решением Великого Магистра Хонну, добровольно принесла ему клятву никогда, ни при каких обстоятельствах не вступать в другие Ордена. Поэтому с Хайстой я подружилась совершенно бескорыстно. Просто по велению сердца. Она очень славная.

– А почему она ушла из Ордена? Чего не поделила со своим Великим Магистром?

– Да сущие пустяки. Всего лишь войну и мир. По остальным вопросам у них всегда было полное согласие.

– Как можно не поделить войну и мир?!

– Ну как. Просто они не сошлись во взглядах на этот вопрос. Вообще-то, Великий Магистр Хонна никогда не отличался особой воинственностью, поскольку боевая магия, по его собственному признанию, нагоняла на него скуку и сонливость. Однако на заре Смутных Времён, когда отношения между магическими Орденами стали стремительно портиться, Хонна объявил во всеуслышание: «Если вам кажется, будто вы – наш враг, считайте, что вас уже нет». Весьма достойная, на мой взгляд, позиция, и все адепты Ордена Потаённой Травы были чрезвычайно последовательны в её осуществлении. Они не нападали первыми и не провоцировали других, зато никогда не давали в обиду своих, включая дальнюю родню Орденской наёмной прислуги. И защищались столь виртуозно, что немногие уцелевшие противники до сих пор время от

времени вскрикивают во сне. И заикаются наяву.

– А вашей подружке казалось, что этого мало?

– Ну что ты. Напротив. Хайста считала, что маги вообще не должны воевать друг с другом. Ни при каких обстоятельствах, ни на каких условиях. Она заявила, что если магия привела к войне, значит это фуфловая магия. И лично она больше не станет этим заниматься, хоть убей. Вышла из Ордена и подалась в уличные гадалки. Говорила, по крайней мере, такие фокусы даже до драки редко доводят, значит можно считать их вполне достойным занятием. Удивительно, правда?

– Честно говоря, удивительно не это. А то, что она одна такая была.

– Ну почему же одна? Вон Маба Калох свой Орден Часов Попятного Времени ещё в самом начале Смутных Времён распустил, причём со сходными аргументами. Да и сам Магистр Хонна последовал примеру Хайсты, просто гораздо позже. И ушёл не в уличные фокусники, а сразу на край Мира, где никакой Очевидной магии вообще быть не может.

– Ну да, – усмехнулся я. – Чего мелочиться. И весь Орден в полном составе, как мне рассказывали, рванул за ним?

– Не совсем в полном составе, но вроде того. Удивительный всё же это был Орден! Его adepts любили своего Великого Магистра совершенно по-детски, как старшего мальчишку, который зачем-то с ними возится и всё время придумывает интересные игры. Почти невозможная для взрослого человека любовь, лёгкая и радостная, не причиняющая страданий, даже когда её объект исчезает неведомо куда. Потому что разлука – это просто ещё одна новая игра. «Отыщи своего Великого Магистра и получи приз». Очень им всем друг с другом повезло, вот что я тебе скажу. Адептов Ордена Потаённой Травы всегда можно было вычислить среди прохожих, как бы они ни маскировались – по безмятежным лицам и сияющим глазам. И Смутные Времена в этом смысле ничего не изменили, вот что самое поразительное. Радость от них не ушла.

– Чем больше узнаю про Смутные Времена, тем чаще задаюсь вопросом, что бы в ту пору делал я сам, – признался я. – Наверное тоже сбежал бы на край Мира, а то и дальше. Терпеть не могу воевать. Пару часов ещё как-то могу потерпеть такую беспросветную глупость. Ну ладно, несколько суток, если очень надо. Но потом – всё, привет. Я пошёл.

– Это тебе только кажется, – улыбнулась леди Сотофа. – Таким как мы с тобой никогда не удаётся вовремя сбежать от неприятностей. Потому что пока мы спешно собираем котомку и натягиваем сапоги, нам на голову успевает свалиться какая-нибудь бедная сиротка, которую в такие тяжёлые времена надо немедленно взять под опеку. А у той сиротки внезапно

обнаруживается сорок штук рыдающих братьев и сестёр, индюшиная ферма в пригороде, и ещё простуженный дракон в подвале кашляет, его каждые два часа микстурой надо поить, чтобы не помер. И дыры в заборе заделать. И накормить всю ораву; чем именно – отдельный вопрос. Уложить их спать и стоять всю ночь у ворот с обнажённым мечом – а ну как злые люди придут обижать наших подопечных? В общем, к тому моменту, как нам удаётся вспомнить о собственных планах, выясняется, что уже прошло сколько-то лет или даже столетий, война благополучно закончена, и нам выносят официальную благодарность за неоценимый вклад в победу, каким-то образом сделанный в перерывах между исполнением колыбельной для банды обнаглевших сирот и попытками подоить соседскую козу для их пропитания. В этом смысле ты совершенно такой же конченный человек, как я, все бедные сиротки наши. И ведь не то чтобы нам с тобой так уж хотелось кого-то опекать. Просто так всегда складывается, и ничего не попишешь. Каждому даётся ноша по силам – так говорят. Хотела бы я однажды узнать, кто стоит на раздаче. И надрать ему уши, чтобы неповадно было.

– А в вашем случае «бедной сироткой» был Великий Магистр Нуфлин Мони Мах? – спросил я.

– Ну да. Он и еще пара дюжин примерно таких же трогательных невинных созданий. Трудней всего было уследить, чтобы они не поубивали друг друга, пока я пью камру со злейшими врагами своего Ордена. В смысле, со своими приятелями и подружками. Потому что война войной и долг долгом, а без дружбы всё-таки не жизнь.

– Надо же, – улыбнулся я. – Никогда не думал, что для вас это тоже важно.

– Почему это? – изумилась леди Сотофа.

– Потому что вы...

Я замялся, понимая, что в подобной ситуации любые слова прозвучат глупо; впрочем, тем лучше, значит можно не стараться их подбирать. И решительно выпалил:

– Потому что вы – такое могущественное существо, что вас и человеком-то считать трудно.

– Тебя тоже непросто, – невозмутимо заметила она. – И что это меняет?

Крыть было нечем.

– Нет тут никакого противоречия, – сказала леди Сотофа. – Если по мере возрастания личного могущества в тебе становится меньше любви, значит это какое-то не то могущество. И лучше бы это дело немедленно

прекращать. В этом смысле моя подружка Хайста была отчасти права, демонстративно отказавшись от магии, которая привела людей к желанию воевать; другое дело, что проблема тут не столько в магии, сколько в самих людях. И в воспитании, которое они получили. Мои ученицы колдовали побольше прочих, а желания убивать всех подряд ни у кого из них так и не возникло, это факт. Причём уже исторический... Спасибо тебе, сэр Макс.

– За что? – удивился я.

– За содержательный разговор, в который по твоей вине превратилась наша досужая болтовня. И за хорошую новость про Хайсту, я рада, что она снова в городе, да ещё и при деле. И за то, что проводил. Мы уже пришли к Иафаху, ты не заметил?

Конечно не заметил. В чём я действительно безупречен, так это в болтовне. Выкладываюсь полностью, всё остальное для меня перестаёт существовать. Захваченного разговором меня наверное даже убить можно, я этого просто не замечу и останусь жив, как ни в чём не бывало. Без всякого вреда для увлечённого беседой организма.

– Жалко, что так быстро, – честно сказал я. – Я только ра...

Но договорить мне не дали.

– Это ваша добыча? Или мне подарок приволокли? – спросил голос из темноты.

Очень знакомый голос. В отличие от внешности его обладателя, которая произвела на меня совершенно неизгладимое впечатление. Всклобоченные смоляные кудри, буйная борода и латаное-перелатанное лоохи с капюшоном на шимарский манер – это ладно бы. Все мы взрослые люди и знаем азы искусства маскировки. Но роскошные кустистые брови совершенно потрясли моё воображение. Из каждой такой брови можно было бы изготовить парик, вполне способный прикрыть средних размеров лысину. Но в столице Соединённого Королевства лысые, недовольные своей участью, бегут за помощью к знахарям, а не к постижёрам. Поэтому брови остались невостребованными. Какая жалость.

– Конечно это моя добыча, – усмехнулась леди Сотофа. – Но я нынче добрая, могу поделиться.

– Эй, – сказал я, – что-то вы разошлись, господа злые колдуны. Не зря о вас страшные вещи уже которое столетие рассказывают. А как же свобода воли? Вдруг я не хочу быть добычей?

– Не хотел бы, давным-давно удрал бы от нас на край Вселенной, – хладнокровно заметил обладатель чудовищных бровей, Великий Магистр Ордена Семилистника и, по роковому стечению обстоятельств, мой друг

Шурф Лонли-Локли.

– Впрочем, это тебя не спасло бы, – добавил он. – Догонять беглецов – моя бывшая профессия. В которой, как ты знаешь, я вполне преуспел.

– Ладно, – вздохнул я. – Придётся сразу сдаться, раз так. Сожрёшь меня на ужин? Дело хозяйское, но учти: на ночь много есть вредно.

– Где ж там «много»? – спросил мой друг, снисходительно оглядывая меня с ног до головы. – Но, к счастью, я не голоден. Ты мне нужен совсем по другому делу.

– Именно по делу? – восхитился я.

– Рано радуешься, Мир спасать не надо. И губить его тоже пока рановато. Просто я собираюсь показать тебе одну штуку. И даже думать не хочу, когда у меня в следующий раз найдётся пара свободных часов. Потому что правильный ответ на этот вопрос разобьёт мне сердце.

– У тебя и сейчас никаких свободных часов, по идее, не должно быть, – вставила леди Сотофа. – Лучше сразу признавайся, что именно ты намерен переложить на мои плечи. И я тебя прямо здесь прокляну навек, чего откладывать.

– Вы не поверите, но ничего. Просто мой секретарь наконец-то выучился правильно оформлять документы. Для человека вроде него это грандиозное достижение. А для меня – как минимум, дополнительный час жизни ежедневно. Чувствую себя богачом.

– Невероятно, – вздохнула леди Сотофа. – Хами Нах и документы – даже вообразить не могу! Ты сделал невозможное, мальчик. Причём вместо того, чтобы просто сменить секретаря, как я советовала с самого начала. Никогда тебя не пойму.

– Сами знаете, в моей нынешней жизни не так уж много поводов совершать невозможное. Оно просто не вмещается в ежедневное расписание текущих дел. В таких обстоятельствах и безграмотный секретарь судьбоносным вызовом покажется.

– Тоже верно, – подумав, согласилась леди Сотофа. – Я-то, когда устаю от рутины, обычно иду на Мост Времени. Не ради какого-то дела, а просто немного там постоять. Ничего более невозможного я пока изобрести не могу. С удовольствием воспользовалась бы твоим способом, но ни одного мало-мальски бестолкового секретаря у меня нет. Девочки всё-таки очень быстро обучаются.

– Если проблема только в этом, могу одолжить вам хоть дюжину.

– Спасибо, но пожалуй не стоит, – улыбнулась она. – Мне и так непросто живётся. И возвращаться к этой непростой жизни надо прямо сейчас. Хорошей ночи, мальчики.

С этими словами леди Сотофа вспыхнула, как костёр и сгорела буквально за несколько секунд. Ещё несколько лет назад подобные фокусы действовали мне на нервы, а теперь я только завистливо вздыхаю и думаю, что пора бы уже научиться столь же эффектно покидать место действия. Благо именно сейчас я далеко не самый занятой человек в Ехо, будем честны.

– А ты так умеешь? – на всякий случай спросил я Шурфа.

– Да, – равнодушно кивнул он. – И не только так. Проваливаться под землю, утекать ручьём, рассыпаться пылью, превращаться в толпу разбегающихся в разные стороны детишек, и еще несколько дюжин способов внезапно уйти, не раскланиваясь. В моей нынешней должности умение произвести ошеломляющее впечатление на непосвящённых чрезвычайно важно. Хотя я, ты знаешь, терпеть этого не могу.

– В устах человека, который совершенно добровольно выходит на улицу с такими кудрями и бровищами, звучит не очень правдоподобно.

– Это самая обычная предосторожность. Оставаться неузнанным в моём положении крайне важно. И чем более нелепа выбранная внешность, тем меньше вероятность, что меня узнают. Всё-таки у меня репутация очень серьёзного человека.

– И в последнее время я перестаю понимать, как ты ухитрился её заработать, – проворчал я.

– Спасибо, если не шутишь. Это очень высокая оценка моих усилий.

– По отращиванию бровей? – ухмыльнулся я.

И тут же прикусил язык, обругав себя последними словами. Человек о важных вещах говорит, а я – какую-то бессмысленную ерунду в ответ.

Но Шурф и бровью своей ужасной не повёл. Только плечами пожал – дескать, что с тебя взять. Сказал:

– Ты бы кстати тоже что-нибудь с лицом сделал. Такой спутник как ты сведёт на нет любую маскировку. Тебя же весь город знает. И увлечённо следит за твоими хаотическими передвижениями по столице, наивно предполагая, будто за ними стоит некий непостижимый тайный смысл. В «Суете Ехо» даже собирались сделать специальную рубрику «Похождения сэра Макса». И ежедневно писать там, кто где и с кем тебя нынче видел. С красочными иллюстрациями для привлечения внимания. Но я им запретил. Хвала Магистрам, что мы в своё время решили не спешить с полной отменой цензуры. Хотя в тот момент я даже не предполагал, что однажды она понадобится для спасения твоего рассудка.

– И нескольких десятков журналистских жизней заодно, – мрачно добавил я.

– Это меня беспокоит несколько меньше, – отмахнулся он. Критически оглядел мою наскоро изменённую рожу, удовлетворённо кивнул, сказал: – Пошли.

И исчез.

Я совершенно растерялся. И только несколько секунд спустя до меня дошло: друг мой просто отправился к месту назначения Тёмным Путём, в полной уверенности, что у меня хватит ума сделать то же самое, встав на его след. Благо этот способ для меня самый простой. Я с него когда-то начинал учиться.

Куда я в итоге попал, я так и не понял. Шурф ждал меня, прислонившись спиной к стене невысокого одноэтажного дома, похоже, нежилого. Фонарей здесь не было, тротуаров, кажется, тоже. Зато росли невысокие деревья с густыми кронами, не по-осеннему свежая трава достигала колен, а где-то невдалеке шумела река.

– Надо же, сообразил, – похвалил он меня.

– Не так быстро, как следовало бы. Потому что думал, мы сейчас просто куда-нибудь пойдём. В смысле, ногами, как нормальные люди.

– Обычное дело, – согласился он. – Когда события не совпадают с нашими ожиданиями, мы теряемся. Поэтому ожиданий лучше не иметь вовсе, а просто быть готовым к любому повороту.

– Теоретически я это и сам знаю. А на практике всё равно всегда заранее прикидываю, что сейчас будет. Обычно, кстати, угадываю. Но когда получается не по-моему, это здорово выбивает из колеи.

– Да, у тебя теория часто удивительным образом расходится с практикой. Что вообще-то довольно странно. Понимание ценно не само по себе, а только как руководство к действию.

– Теоретически я знаю и это. Но почему-то пока не очень помогает. Лучше скажи, где мы. И что за штуку ты хотел мне показать? Единственный квартал в Ехо, где нет фонарей?

– Ну, кстати, далеко не единственный. Таких довольно много – и на Левом берегу, и здесь.

До меня начало доходить.

– Мы сейчас где-то на полпути к Новому Городу? Я очень плохо знаю этот район. Хотя раньше часто тут гулял. Но всё равно так и не освоился.

– То же самое говорят многие старожилы, – утешил меня Шурф. – Даже на самой подробной карте города нет доброй половины здешних переулков. И это тот редкий случай, когда я вынужден простить специалистам столь вопиющую небрежность. Такой уж это район.

Впрочем, теперь он входит в моду, а значит, вскоре изменится до неузнаваемости.

– Мне как раз сегодня рассказали, что Мелифаро собрался куда-то сюда переехать, – вспомнил я. – Кажется, на Удивительную улицу. Есть тут такая?

– А кто её знает, – беспечно ответил мой друг. – Но если сэр Мелифаро собрался туда переехать, значит есть. Он, при всём моём уважении, пока недостаточно опытный колдун, чтобы поселиться на несуществующей улице.

На этом месте Шурф внезапно схватил меня за шиворот и в охапку одновременно и крутанулся на пятке против часовой стрелки, волоча меня за собой и сердито бормоча под нос какие-то неизвестные мне ругательства.

Впрочем, практически все старинные угуландские заклинания примерно так и звучат.

Я совершенно опешил от этой его выходки. Даже браниться не стал, только спросил:

– Ты чего?

– Обычная предосторожность. Теперь нас никто не увидит. Услышать, правда, могут. Поэтому особо не ори.

– А я тебя вижу.

– Я тебя тоже – потому, что мы находимся под воздействием одного заклинания. Если бы я заколдовал нас в два приёма, были бы невидимками и друг для друга. Очень удобно, что можно выбирать.

– Как будто мы вдвоём закутались в Кофин укумбийский плащ?

– Примерно. Я давно искал что-то подобное. Невозможно одалживать плащ всякий раз, когда необходимо стать незаметным. И вот, хвала нашей Орденской библиотеке, я решил эту проблему раз и навсегда. Обычно одного заклинания хватает чуть больше, чем на полчаса. Нам как раз достаточно.

– Ого! – восхитился я. Научишь?

– Научу, если ты не забудешь повторить свою просьбу в тот момент, когда нам обоим будет больше нечем заняться.

– Это очень деликатный отказ.

– Да ладно тебе. Ещё и не такие чудеса порой случаются. Пошли.

– Куда?

– Увидишь, когда придём. В городских документах цель нашей экспедиции значится как Скандальный переулок. Тебе это о чём-то говорит?

– Только о том, что я уже так заинтригован, что ещё немного, и заплачу от любопытства.

– Вот и хорошо, – кивнул Шурф. – Я совсем не мастер интриги, ты знаешь. Но решил, что надо учиться и этому.

– Зачем?!

– Чтобы список вещей, которые я не умею делать, сократился ещё на один пункт.

– И в легкомысленного балбеса играешь из тех же соображений?

– Совершенно верно. Только я не играю. А стараюсь искренне быть таковым.

– У тебя потрясающе получается.

– У меня пока, будем честны, вообще ни хрена не получается. До настоящего, как ты выражаешься, «легкомысленного балбеса» мне очень далеко. Но на скорый успех я и не рассчитывал. Главное, что процесс идёт. И назад мне дороги нет, вот что по-настоящему прекрасно.

– В каком смысле – нет?

– Таким как прежде я уже не стану, даже если захочу. А я не захочу. Разнообразие и переменчивость окружающего мира – хорошая подсказка человеку, к чему следует стремиться. Так называемая личность – просто что-то вроде погоды. И меняться, по идее, должна так же часто и легко.

– Ничего себе! – присвистнул я. – Именно личность? Не настроение?

– Так личность, в идеале, и должна быть чем-то вроде настроения. Личность – это же не сам человек, а просто форма, в которой проявляется работа сознания.

– Ты всё-таки потрясающе формулируешь.

– Ты бы тоже так потрясающе формулировал, если бы в своё время не наплевал на мои рекомендации и регулярно занимался дыхательной гимнастикой. Она, помимо прочего, проясняет ум. А ясный ум – это очень удобно. Примерно как остро заточенный карандаш... Так, а теперь стоп. Смотри. Да не на меня!

Но я уже и сам понял, куда надо смотреть.

В конце улицы, на которую мы только что свернули, стоял дом, слишком высокий для Ехо, примерно пятиэтажный; впрочем, окон, по которым обычно можно сосчитать этажи, там не было вовсе. Зато на плоской крыше красовалась конструкция, очень похожая на чёртово колесо, только вместо кабинок к ней были прикреплены гигантские искусственные птицы, являющие собой обескураживающий компромисс между лебедем и павлином. Всё это безобразие было освещено слабым сиянием разноцветных фонариков и медленно вращалось – не то с помощью какого-

то хитроумного механизма, не то просто от ветра.

– Это что за хрень такая удивительная? – изумлённо спросил я.

– Иногда ты тоже потрясающе формулируешь.

– Это не ответ.

– Ты лучше смотри внимательно. Похоже, я неплохо рассчитал время.

– Время – чего?

Но ответ мне не понадобился. Потому что дом, на который я глядел во все глаза, засветился тусклым сиреневым светом, задрожал как желе и принялся менять форму. Несколько минут спустя на его месте стояло приземистое сооружение ярко-лилового цвета, больше всего похожее на комок сырого теста – ни одного прямого угла. Зато верх его был украшен множеством башенок самой причудливой формы, а в круглых окнах, расположенных по периметру, вспыхнул свет – изумрудно-зелёный, розовый, оранжевый, снова зелёный, красный, голубой.

– Мама дорогая, – наконец выдохнул я. – Да что тут творится вообще?

Друг мой явно наслаждался произведённым эффектом. Это было заметно, несмотря на его текущий облик, не слишком хорошо приспособленный для выражения любого рода эмоций. Трудно изобразить что-то толковое на лице, состоящем практически из одних бровей. Но когда это Шурфа Лонли-Локли останавливали трудности.

– Так и знал, что тебе понравится, – сказал он. – А ведь ребята просто тренируются.

– Какие ребята?

– Новые Древние архитекторы, так они себя называют. Малдо Йоз сотоварищи. Вообще-то, я думал, ты уже догадался. Больше такое у нас вытворять, вроде, некому.

– Час от часу не легче. Кто такой Малдо Йоз? Что за «новые древние»?

Шурф удивлённо покачал головой.

– Ты что, не читаешь газеты? С каких это пор?

– С тех самых, когда там несколько дней кряду писали только о моих трупах^[3], – мрачно сказал я. – Сперва многочисленные опровержения слухов о моей скоропостижной смерти, что ещё ладно бы. Неприятно, но действительно необходимо, к тому же, им Джуффин велел. Но потом эти красавцы затеяли так называемое «журналистское расследование». То есть, каждый день публиковали всё более бредовые версии случившегося. В конце концов мне стало неприятно.

– Могу тебя утешить, эта тема давным-давно закрыта по личному распоряжению Его Величества, чьи нервы не выдержали прежде моих. Последней каплей стала статья, подробно повествующая о том, как ты

решил захватить власть в Соединённом Королевстве с помощью тысячи собственных двойников, злодейски созданных специально для этой цели. К счастью, что-то пошло не так, и все твои будущие соратники появлялись на свет сразу мёртвыми, а то был бы нам всем полный конец обеда, как говаривал в соответствующих случаях сэр Андэ Пу. Хочешь еще подробностей?

– Спасибо, не надо, – вздохнул я. – Если ты думаешь, будто меня окружают исключительно чуткие, деликатные люди, решительно не способные затрагивать в разговоре неприятные мне темы, ты ошибаешься. Я пока еще не ушёл из Тайного Сыска в портовые грузчики. Так что мне эту собачью чушь по дюжине раз на дню пересказывали.

– Странно, что ты так недоволен. По идее, подобные вещи должны тебя смешить.

– Они и смешили – поначалу. Но знаешь, есть некоторая критическая масса глупости, достигнув которой шутка перестаёт быть забавной.

– Но разве глупость может быть обидной? Да ещё настолько, чтобы навсегда отказываться от чтения газет.

– Не в обиду дело. Просто я поневоле стал думать, что все остальные статьи, которые я с интересом читаю на досуге, такая же фигня, как все эти ужасные откровения о происхождении моих трупов.

– Ну кстати не все, – заметил Шурф. – Примерно половина.

– Наверное. Тебе видней. Но это не отменяет того факта, что газеты стали мне неприятны. Даже не столько они, сколько я сам в роли одураченного читателя.

– Это я могу понять, – неожиданно согласился он. – Сам прежде не читал их примерно из тех же соображений. Но теперь приходится. Работа есть работа.

– Тогда расскажи мне, о просвещённый читатель столичной прессы, кто такой этот Малдо Йоз. Откуда взялся? И что за тренировки такие чудесные у него с товарищами среди ночи? Что вообще происходит?

– Происходит, как я понимаю, что-то вроде революции в архитектуре, – сказал Шурф. – Точнее, возрождение старинной традиции строительства. Занимаются этим совсем молодые ребята, студенты-старшекурсники и недавние выпускники Королевской Высокой Школы. Называют себя, как я уже сказал, «Новыми Древними архитекторами». И это, в общем, довольно точное определение. Малдо Йоз, насколько мне известно, ещё студент, но самый старший из них; впрочем, не в возрасте дело, на нём, как я понимаю, всё и держится. И первые строительные опыты он ставил в одиночку, единомышленники появились позже. Сэр Малдо вообще интереснейший

персонаж. Примерно четыре дюжины лет назад он поступил послушником в Орден Семилистника. Леди Сотофа говорит, очень талантливый был мальчик, подавал большие надежды, но ушёл от них буквально года через три. Ни с кем не ссорился, устав не нарушал, в интриги не лез. Просто сказал, ему стало неинтересно. И Орденское начальство так растерялось, услышав этот наивный аргумент, что отпустило Малдо без лишних разговоров, хотя обычно покинуть Орден гораздо труднее, чем в него поступить.

– Неинтересно! – фыркнул я. – Теперь-то бедняги небось вспоминают те времена как счастливую эпоху блаженной беспечности. С тобой захочешь не заскучаешь, знаю я твои методы.

– Не думаю, что действительно знаешь, – заметил Шурф. – Я слишком дорожу нашей дружбой, поэтому крайне редко позволяю себе проявлять те качества, которые делают меня неплохим наставником и руководителем Ордена.

«Крайне редко» – это примерно дюжину раз на дню. Я считал.

Но говорить вслух не стал. Если сэру Лонли-Локли вдруг приспичило возомнить себя воплощением кротости, кто я такой, чтобы разбивать его бедное сердце аргументированными возражениями.

Вместо этого я спросил:

– И что было дальше с Малдо Йозом? Ушёл из Ордена Семилистника и подался в архитекторы?

– Не сразу. Несколько лет он вёл затворническую жизнь – вот как раз здесь, в Скандальном переулке, в доме своего двоюродного прадеда, потихоньку проедаая полученное от него наследство. Эта идиллия продолжалась до тех пор, пока у сэра Малдо не возникли некоторые разногласия с нами. То есть, с Тайным Сыском. Собственно, именно тогда я и узнал о существовании этого способного молодого человека.

– А что он натворил?

– Да по нынешним временам, считай, вообще ничего. Просто мирно колдовал у себя на заднем дворе, применяя при этом магию столь возмутительной с точки зрения закона ступени, что у сэра Джуффина глаза на лоб полезли. Он-то думал, нынешняя молодёжь, родившаяся уже после принятия Кодекса, на такое не способна. И после душевного допроса юный Малдо отправился колдовать дальше, но не домой, а куда-то в Уриуланд, на побережье, где практиковать традиционную Очевидную магию гораздо трудней, но не абсолютно невозможно. И запретов меньше. Джуффин объяснил, что для начинающего колдуна это идеальный вариант отточить мастерство, и сэр Малдо с этим согласился. Впрочем, особого

выбора у него не было: или изгнание, или Холоми. За семидесятую ступень Чёрной магии в ту пору можно было схлопотать более чем солидный срок.

– И что было дальше?

– В Уриуланде Малдо Йоз, насколько мне известно, зарабатывал деньги и неоценимый опыт, работая в строительной артели. Где, кстати, сделал неплохую карьеру – от простого маляра до Мастера Контролирующего Полное Соответствие, который следит за тем, чтобы результаты строительства не отклонялись от одобренных заказчиком чертежей и надзирает за рабочим процессом в целом. А сравнительно недавно он вернулся в Ехо и поступил в Королевскую Высокую Школу на факультет Теории и Истории Простых и Непростых Искусств...

– «Простых» и «непростых»?!

– Согласен, звучит крайне старомодно. Однако такой факультет действительно есть. «Простыми» в старой Угуландской традиции считались все виды искусств, не требующие применения высоких ступеней Очевидной магии – в частности, живопись, музыка, поэзия. А «непростыми», соответственно, те, в которых без колдовства не обойтись. Например, архитектура. Ты же знаешь, как у нас строили в старину?

– Не то чтобы знаю, но краем уха слышал. Архитектор сперва рисовал проект, а получив одобрение заказчика, строил дом в одиночку. В смысле, колдовал, и дом овеществлялся – буквально за пару часов, на глазах у ошеломлённой публики.

– Совершенно верно. Для полноты картины следует сказать, что мастеров такого уровня всегда было крайне мало. Эта профессия требовала не только множества специальных навыков, но и огромной личной силы. А по-настоящему могущественные колдуны в любую эпоху наперечёт. К тому же большинство из них предпочитали заниматься совсем другими вещами. Поэтому простые строители тоже никогда не сидели без работы, большая часть Старого Города построена их руками из самых обычных камней и кирпичей. Но дома, созданные колдовством, пользовались бешеной популярностью. И те немногие могущественные колдуны, которые дали себе труд освоить архитектурное ремесло, зарабатывали огромные деньги. Достаточно сказать, что добрая четверть первой страницы официального почётного списка нынешних столичных богачей – их прямые потомки.

– Ого! – присвистнул я. – А с наступлением Эпохи Кодекса эта лавочка, как я понимаю, прикрылась?

– На самом деле, гораздо раньше. В большой степени потому, что ведущие мастера почти никогда не брали учеников, опасаясь вырастить конкурентов. Вероятно, считали себя бессмертными, но на практике

такowymi не оказались. Постепенно магов-архитекторов становилось всё меньше, цены на их услуги достигли столь беспримерных высот, что даже лучшие из лучших годами сидели без работы, а их потенциальные клиенты вынужденно убеждались, что дома, построенные обычными ремесленниками, вполне годятся для жизни. Так постепенно и незаметно сходят на нет многие традиции. Потом проходит какое-то время, и их начинают переосмысливать и возрождать. Думаю, это просто естественный ход вещей. Поэтому совершенно не удивлён, что практически сразу после отмены запретов на колдовство появились люди, решившие возродить старинные методы строительства. Рано или поздно это должно было случиться. Так почему бы не прямо сейчас?

– Круто, – резюмировал я. – Слушай, а почему здесь сейчас не толпится всё население столицы? Такое зрелище! Ясно, что ночь, но что с того?

– Потому что Новые Древние стараются держать свои занятия в тайне. Затем я и сделал нас невидимыми – чтобы их не смущать. На публику ребята работают днём, выполняя заказы, а тут по ночам учатся. Совершенствуют мастерство. Иногда задуманное не получается, иногда оно оказывается слишком недолговечным. В такой ситуации зрители ни к чему. Демонстрировать публике свои слабые стороны – как минимум непрофессионально. И, кстати, жестоко по отношению к той же самой публике, жаждущей чуда.

– А откуда ты узнал?..

– Я – самый всеведущий человек в Соединённом Королевстве, – надменно ответил мой друг. – Никаких тайн для меня больше не существует.

Я ошеломлённо уставился на него, всерьёз встревоженный неожиданным приступом младенческого хвастовства. Наконец осторожно спросил:

– С тобой всё в порядке? Когда ты в последний раз спал?

– Не поверишь, но прошлой ночью, – усмехнулся Шурф. – С тех пор так ты надоумил меня отсыпаться в иной реальности, безумие от бессонницы мне больше не грозит.

– А, то есть мания величия у тебя просто так началась? – обрадовался я. – Не от переутомления? Тогда ладно, буду терпеть и её, наряду с другими твоими достоинствами.

– Спасибо. Даже не ожидал от тебя такой самоотверженности. Но кстати, я сказал почти правду. Просто в основе моего чудесного всеведения

лежит то ускользнувшее от твоего внимания обстоятельство, что за разрешениями на крупномасштабные магические изменения реальности теперь приходят именно ко мне. Вот и Малдо Йоз пришёл. Вернее, прорвался примерно через полгода после принятия основных поправок к Кодексу Хрембера. Я тогда вообще никого не принимал по личным вопросам, просто физически не успевал. Но Малдо заручился поддержкой Джуффина – ты же знаешь, как тот любит талантливую молодёжь, особенно из числа своих бывших арестантов. Так что деваться мне было некуда, и разрешение Малдо Йоз получил, благо случай совсем простой: дом и земельный участок принадлежат ему, следовательно, согласия собственника не требуется, и гарантии компенсации в случае возможного ущерба можно не оговаривать. И цель колдовства в прошении указана самая невинная: «художественные и ремесленные эксперименты», захочешь, не придерёшься. Мне стало любопытно, что он затевает, я даже несколько раз приходил посмотреть, но ничего интересного не увидел и выкинул Скандальный переулочек из головы – ровно до того момента, как в газетах принялись писать о Новых Древних Архитекторах и возрождении старинных методов строительства. Тогда я пришёл сюда ночью – просто потому, что в это время более-менее свободен от дел. И, как выяснилось, угадал. Днём здесь ничего интересного не увидишь: ветхий особняк, когда-то доставшийся в наследство сэру Малдо, стоит, как всегда стоял. Зато по ночам он превращается – сам видишь, во что. С тех пор я сюда часто заглядываю. Успел заметить, что обычно примерно через три часа после полуночи происходит смена экспозиции – самый прекрасный момент. Всё время думал, что надо бы показать его тебе, но до сих пор как-то не складывалось.

– Хорошо, что наконец сложилось. Невероятное было зрелище, когда один дом превращался в другой. Но как им не жалко?

– Жалко – чего?

– Такая была красота и исчезла. И никто кроме нас её не видел. Будь это моих рук дело, я бы захотел всё сохранить.

– Для всех тут просто не нашлось бы места. Участок Малдо Йоза совсем небольшой. И, как я понимаю, все эти удивительные здания – просто черновики. На них отрабатываются сложные приёмы и обучаются новички...Пошли отсюда, пока нас не стало видно.

– А теперь куда?

– Ужинать. Когда я сказал тебе, что не голоден, я солгал.

Кто как, а я в подобных обстоятельствах совершенно не способен заявить, что устал и хочу домой. Даже когда это чистая правда.

Поэтому домой я вернулся уже в предрассветных сумерках, как и положено безответственному тунеядцу и прожигателю жизни, в которого я искренне надеюсь когда-нибудь превратиться. А более-менее сносно притворяюсь уже прямо сейчас.

Думал, все уже давным-давно спят. Отчасти это оказалось верно, по крайней мере, собаки совершенно точно где-то дрыхли, и никто не стал сшибать меня с ног, а потом с энтузиазмом тащить на утреннюю прогулку. Так уж мне сегодня повезло.

Однако в гостинной сидела тощая рыжая девица, конопатая, глазастая, скуластая и, в целом, чрезвычайно симпатичная. Сперва я её недоумённо разглядывал, прикидывая: кто такая, откуда взялась? И что такое ужасное должно было стрястись в её жизни, чтобы она побежала не в Дом у Моста, а напрямик ко мне? Всё же репутация у меня, прямо скажем, неоднозначная, ещё со старых времён, когда Джуффин с Кофой вовсю развлекались, выдумывая обо мне легенды, которые должны были хоть немного уравновесить мой несолидный облик и местами вздорный, а всё же слишком лёгкий для Тайного Сыщика характер.

И только несколько секунд спустя я наконец опознал Базилио. Не то чтобы я действительно забыл, что леди Сотофа нынче ночью превратила наше чудище в юную леди, просто знание это пока оставалось сугубо теоретическим. Я ещё не успел по-настоящему осмыслить тот факт, что теперь в моём доме стало одним человеком больше. И одним условным василиском меньше. Что, строго говоря, даже немного досадно, я как раз окончательно привык к его кошмарному облику. И тут вдруг – здравствуйте пожалуйста, начинай сначала. А ведь к человеку обычно гораздо трудней привыкнуть, чем к самому ужасному чудищу. По крайней мере, мне.

– Ты чего не спишь? – наконец спросил я.

И тут же сам понял, насколько это глупый вопрос. Если бы меня из чудовища в человека превратили, я бы поначалу не то что спать, а даже в кресле спокойно сидеть не смог. Бегал бы небось по потолку с воплями, восторженными и паническими вперемешку.

Впрочем, побегать у Базилио не было никаких шансов: на коленях у нее устроились Армстронг и Элла, а из-под такого груза фиг выберешься, мне ли не знать.

При моём появлении она просияла, как будто увидела доброго волшебника.

Впрочем, если разобраться, я и есть волшебник. В некотором смысле даже добрый. Иногда. Но в тот момент так растерялся от её радости, что

задал ещё один глупый вопрос:

– Может быть, ты голодная?

Как заботливая бабушка, честное слово.

Бывшее чудовище отрицательно помотало рыжей головой.

– Наоборот, – сказала она. – Сэр Джуффин перед уходом предупредил Трикки и Меламори: «Не увлекайтесь пирожными, а то бедный ребёнок у вас обожрётся до полного изумления». Похоже, именно это со мной и произошло. Наверное сэр Джуффин наделён пророческим даром.

– Этого у него не отнимешь, – согласился я. – А где, собственно, твои кормильцы?

– Пошли спать. Вообще-то, сперва они уложили спать меня. И даже немножко со мной посидели. Я видела, что они очень устали, и притворилась, что уснула, чтобы их не задерживать. Правда, потом об этом пожалела. Мне почему-то стало страшно одной. Хотя я была не совсем одна, а с кошками. Но всё равно страшно.

– Страшно – что именно?

– Вообще всё! – упавшим голосом призналась Базилио. – Я же ещё никогда не спала в человеческом виде. Наверное мне теперь должен присниться настоящий человеческий сон? Ужасно интересно, как это, но всё равно страшно. Потому что в первый раз. Но гораздо больше я боюсь, что во сне превращусь обратно...

– Понимаю, – кивнул я. – Сам бы на твоём месте тоже боялся. Но на самом деле об этом и речи быть не может. Леди Сотофа Ханемер никогда не халтурит. Уж если заколдовала, то заколдовала, точка.

– Леди Сотофа Ханемер, – мечтательно повторила Базилио. – Такая удивительная, прекрасная леди! А она ещё когда-нибудь сюда придёт?

– Не знаю, – честно сказал я. – Вообще-то, у неё очень много дел. С другой стороны, как раз нынче ночью она говорила, что без дружбы жизнь теряет всякий смысл. Так что у нас с тобой есть шанс снова её тут увидеть. Ну или получить приглашение на кружку камры в её саду, тоже неплохо.

– Это было бы потрясающе. Я ещё никогда в жизни не ходил... не ходила в гости. И слушайте, я же, получается, вообще почти ничего никогда в жизни не делала! Ну, такого, что обычно делают люди. И теперь ужасно боюсь не справиться.

– И снова понимаю тебя как никто, – согласился я. И в ответ на её недоверчивый взгляд добавил: – Я сюда когда-то вообще из другого Мира попал, там всё совершенно иначе устроено. Поэтому у меня чуть ли не каждый день что-нибудь впервые в жизни.

– До сих пор?!

– Конечно, до сих пор. Например, я ещё никогда в жизни не рассказывал о себе чудовищу, только что превратившемся в красавицу. Не было такого, клянусь! Ты у меня первая.

Базилио неуверенно улыбнулась. Я понял, что надо продолжать.

– А пару часов назад я впервые в жизни наблюдал, как один удивительный дом превращается в другой, ещё более удивительный. Перед этим впервые в жизни провожал домой леди Сотофу – обычно-то она Тёмным Путём уходит, или ещё как-нибудь исчезает. А нынче днём я впервые в жизни попал в лапы уличной гадалки и увидел Пророческий сон. Как тебе такой список? И учти, это был, по моим меркам, очень спокойный день, заполненный исключительно удовольствиями и дружеской болтовнёй.

– То есть, обычно у вас всё ещё более удивительно? – восхитилась Базилио.

– Да, – признался я.

И не соврал.

– А что вы делаете, чтобы не очень волноваться? – спросила она. – Чтобы уснуть можно было. И вообще...

Тут я всерьёз задумался. Хвастаться своей удивительной жизнью любой дурак может. А дать по-настоящему дельный совет – ничего себе задачка. Совсем не факт, что она под силу усталому и не выпавшемуся мне.

Впрочем, всегда можно просто сказать правду.

– Штука в том, что я обычно очень устаю. Когда уже на ходу засыпаешь, не до волнений, лишь бы до подушки добраться. Поэтому ты сейчас не спеши в постель. Сиди тут, или в кабинете – где хочешь, там и устраивайся. Я бы с радостью составил тебе компанию, но сил уже нет, прости. Поэтому займись чем-нибудь интересным. Почитай, например.

– Точно! – просияла она. – Мне же Трикки книжку оставил. Про то, как делать чудеса. Я могу поучиться колдовать.

Я внутренне содрогнулся, вообразив возможные последствия. Но виду не подал, потому что выказывать недоверие к новичку – худшее, что может сделать старший. Бодро сказал:

– Отличный план. Только сперва очень внимательно всё прочитай. И перечитай, чтобы ничего не пропустить. А ещё лучше, выучи наизусть. Настоящие колдуны всегда знают все нужные заклинания наизусть, а ты чем хуже?

– Ничем? – робко спросила Базилио.

– Правильный ответ, молодец. Вот и зубри, пока не свалишься от усталости. Рано или поздно это случится, верь мне. Со мной, например,

уже случилось. Вот только что, у тебя на глазах.

С этими словами я картинно пошатнулся и плюхнулся на ковёр.

– А вы не могли бы остаться спать прямо здесь? – спросила Базилио. – Рядом с вами мне совсем не страшно.

– Здесь? – озадаченно повторил я, оглядывая гостиную, где стояло множество прекрасных удобных кресел и, увы, всего один диван, довольно жёсткий и слишком короткий для человека, страстно желающего вытянуть ноги.

Но иногда обстоятельства вынуждают нас становиться героями.

– Ладно, – сказал я, переползая с ковра на диван. – Буду спать здесь. Но только при одном условии. Вернее, условий целых три. Во-первых, так будет не всегда, а только сегодня. В честь твоего первого человеческого дня. Потом я снова переберусь в свою спальню, договорились?

– Конечно, – согласилась Базилио. – Я наверное быстро привыкну. Я постараюсь!

– А во-вторых, ты принесёшь мне какое-нибудь одеяло. Потому что у меня уже нет сил за ним идти. Честно.

– Я сейчас! – воскликнула она.

Раздалось недовольное мяуканье Армстронга и Эллы, которых по такому случаю ссадили с колен на пол. Буквально минуту спустя я почувствовал, что меня заботливо кутают, как младенца. Это было так здорово, что я сразу смирился с размерами дивана и всеми прочими неприятностями, уже наступившими и грядущими – авансом, примерно на полгода вперёд.

– А что третье? – деловито осведомилась Базилио.

– Какое третье? – сонно удивился я.

– Вы сказали, что у вас три условия.

– А, точно, – вспомнил я. – Переходи со мной на «ты». Между друзьями так принято.

– Между друзьями? Так вы... ты со мной дружишь?

– Ещё как дружу, – подтвердил я, укрываясь одеялом с головой.

И наконец-то уснул.

А когда проснулся, всё тело моё ныло от неудобной позы, как один большой синяк, зато гостиная была залита солнечным светом, а бывшее чудовище мирно спало сидя в кресле. Одеяло ей заменили верные Армстронг и Элла, а книжка под названием «Весёлая магия для будущих послушников» валялась на полу. Всё-таки иногда я бываю очень хорошим советчиком.

За это я решил вознаградить себя завтраком. То есть, не просто остатками вчерашней камры, разогретыми и проглоченными на бегу, а Завтраком с большой буквы. Не столько обильным, сколько неспешным. На свежем воздухе, в полном одиночестве. Именно так я и представляю себе счастье – по утрам. Ближе к ночи концепция обычно меняется.

Гостиную я покинул на цыпочках, стараясь не производить никакого шума. Поход в ванную отложил на потом: уж больно далеко туда добираться. Перед столь масштабным походом завтрак совершенно необходим. Впрочем, до Малой Летней кухни, где я намеревался подкреплять свои силы, тоже не близко. В этом грешном доме вообще всё далеко; как здесь мог прижиться аскет-минималист вроде меня, уму непостижимо. Не удивлюсь, если однажды выяснится, что полы и стены Мохнатого Дома намазали каким-нибудь старинным приворотным зельем, накрепко привязывающим сердце хозяина к жилищу, вне зависимости от того, соответствует ли оно его вкусам. Потому что я проклиная этот безразмерный дворец по дюжине раз на дню, но люблю его всё больше и больше. И уже, пожалуй, никуда отсюда не съеду, давно пора это признать и перестать притворяться мучеником.

В Малой Летней кухне обычно хранится еда, каким-то чудом уцелевшая после ежевечерних нашествий столичных колдунов, злых и просто прожорливых. Однако вчера мои друзья посидели особенно душевно. В смысле не оставили в доме ни крошки съестного и ни глотка камры, даже какой-нибудь позавчерашней, а это уже ни в какие ворота. Удар ниже пояса.

Я испытал сильное желание сказать вслух всё, что я думаю по этому поводу. И решил ни в чём себе не отказывать. Благо за долгие годы непростой жизни у меня собралась превосходная коллекция отборных ругательств самых разных Миров. Глупо обладать всеми сокровищами Вселенной и никогда ими не пользоваться.

Начал я с классического миролюбивого пожелания дюжины вурдалаков всем под одеяло, а закончил совершенно эксклюзивным восклицанием «етидрёный хряп», подслушанным в удивительной реальности, существование которой до сих пор кажется мне делом весьма спорным^[4]. Но какая разница.

– Что-что-что? –заинтересовано спросили снаружи. – Повтори, пожалуйста, что ты сейчас сказал.

– Етидрёный хряп, – любезно откликнулся я. И выглянул в окно.

Чем собственно прекрасна Малая Летняя кухня – из неё можно выбраться в заросший высокой травой внутренний двор, выхода в который

нет ни из других помещений, ни с улицы, ни, тем более, от соседей. В центре двора растёт толстенное дерево вахари, под деревом стоит кресло, пережившее уже добрую дюжину осенних дождей, а в кресле иногда сижу я сам – в те редкие прекрасные утра, когда у меня есть время, чтобы спокойно позавтракать.

Но сейчас в кресле сидел сэр Джуффин Халли. Человек, которого я рад видеть всегда. Но, положи руку на сердце, по утрам – несколько меньше, чем в другое время суток. И он это прекрасно знает. Но всё равно тут сидит. Удивительные бывают люди.

– Что-то стряслось? – спросил я. – Или ты просто решил, что я слишком хорошо живу? И пришёл подвергнуть меня пыткам? В смысле, разбудить?

– Етидрёный хряп, – приветливо отвечивал Джуффин. И, сжалившись, добавил: – Я зашёл посмотреть, как тут у вас дела. Нашёл два неподвижных тела в гостиной, понял, что всё в порядке. И заметь, даже не стал тебя будить. Решил, что для начала можно просто вероломно сожрать твой завтрак, а там – как пойдёт.

– Сожрать мой завтрак? – удивился я. – Где ж ты его взял? В доме шаром покати.

– Как – где? Принёс с собой. Я же знал, куда иду.

– Принёс с собой?!

Я наконец осознал, что стоящий в траве кувшин – фирменный, из «Обжоры Бунбы». Следовательно, камра там самая что ни на есть распрекрасная. Практически лучшая в столице. А это означает, что лезть в Щель между Мирами за напитками мне всё-таки не придётся. По крайней мере, не прямо сейчас. Удивительно удачно начинается день.

– Погоди секунду, – попросил я.

Вылез в окно, прихватив с собой кухонный табурет. Уселся напротив оккупированного Джуффином кресла, принял из его рук кружку с камрой, сделал глоток. Сказал:

– Наверное, «етидрёный хряп» – не просто смешная брань, как я всё это время думал, а могущественное заклинание, исполняющее самые потаённые мечты. Надо бы почаще его произносить, раз так.

– Если потаённые, то лучше не надо, – совершенно серьёзно посоветовал Джуффин. – Я бы на твоём месте так не рисковал.

– Ладно, не буду.

Если дать мне с утра кружку превосходной горячей камры и при этом не требовать немедленно куда-то бежать, я становлюсь на диво сговорчив.

– Это наверное самое своевременное угощение в моей жизни, – сказал

я, ненадолго оторвавшись от кружки. – Я как раз мучился выбором: послать зов в ближайший трактир или лезть в Щель между Мирами за кофе? В первом варианте слишком долго ждать результата, для второго я ещё недостаточно проснулся. Хрен знает что спросонок вытащить могу. И счастье, если оно будет не очень живое. Хочется провести какое-то время без скитающихся по дому чудовищ. Просто для разнообразия.

– Не сгущай краски. Это ещё далеко не предел отчаяния, – усмехнулся Джуффин. – Пока ты не рассматриваешь вариант потребовать завтрак у своих поваров, я за тебя вполне спокоен.

– Вот кстати о поварах, – вздохнул я. – Мало того, что они совершенно бесполезны, это как раз ладно бы, плачу-то им не я. Но их присутствие в доме меня раздражает, как всякая потенциальная угроза. Они даже мясо собакам дать не способны без того, чтобы не испортить. Счастье, что Дримарондо – пёс с трудной судьбой, а потому вполне способен самостоятельно отмыть свой обед от сахара, перца и цветочной пыльцы, которыми его зачем-то посыпали перед подачей. И он достаточно мудр, чтобы не делать этого в ванной прямо в тот момент, когда её кто-то принимает. А Друппи слишком великодушен, чтобы обращать внимания на досадные мелочи вроде приправ. Но при взгляде на его миску у меня сдают нервы, и я иду отмывать мясо сам. Как думаешь, за сколько кувшинов компота Его Величество согласится забрать своих горе-кулинаров обратно?

– Даже не вздумай его об этом просить! Нельзя ставить человека в безвыходное положение, особенно если он Король. Штат Мохнатого Дома уже сокращен до минимально допустимого – по твоей же просьбе. Больше ничего сделать нельзя.

– Как – нельзя? Я думал, слуги и повара – просто подарок. И проблема только в том, что Его Величество не хочет лишать меня этой роскоши. А что я сам прошу их забрать – так о моей скромности легенды ходят, нечего меня слушать. Хочешь сказать, дело не в этом?

– Правда настолько ужасна, что до сих пор я не решался ее тебе открыть, – с пафосом продекламировал Джуффин. – Чтобы не разбивать сердце и не лишать надежды. Однако лучше тебе всё-таки знать. Ты сильный, ты выдержишь.

– Что мне лучше знать?!

Я почти всерьёз испугался.

– Что суровость дворцовых порядков, на которые постоянно жалуется Король, до известной степени касается и тебя. Видишь ли, как обстоят дела. Мохнатый Дом является собственностью Короля, переданной в пожизненное пользование частному лицу. То есть, тебе. Ты имеешь полное

право жить тут сам, поселить других людей по своему выбору или оставить дом пустым. Однако вне зависимости от взглядов жильцов на ведение домашнего хозяйства, любая недвижимость Его Величества должна постоянно обслуживаться за счет казны и только персоналом, состоящим в дворцовом штате и прошедшим специальное обучение – в соответствии с раз и навсегда установленными правилами, перечисленными, если не ошибаюсь, в восемьдесят шестом томе «Краткого перечня обязательных дворцовых ритуалов».

– В восемьдесят шестом томе? «Краткого перечня»?! – переспросил я, не веря своим ушам.

– Вот именно, – ухмыльнулся Джуффин. – Полного, не стану врать, своими глазами не видел. Но заслуживающие доверия свидетели утверждают, что он все-таки есть. И хранится в специальных подвалах, прорытых под Хуроном, да так глубоко, что спускаться туда по лестнице приходится целый день; подниматься же лучше даже не начинать. Впрочем, вполне достаточно того, что придворный церемониймейстер знает «Полный перечень обязательных дворцовых ритуалов» наизусть.

– А кроме моих поваров у нас ничего ужасного не стряслось? – спросил я благодушно набивающего трубку Джуффина. – Как-то это на тебя не похоже: приносить мне камру практически в постель, как умирающему. И при этом не будить, стаскивая за шиворот с дивана, а кротко ждать, пока я проснусь сам. Ты меня пугаешь.

– На самом деле, ещё как стряслось, – усмехнулся Джуффин. – Причём у тебя. Вчера. А я до сих пор не в курсе. Сплетнями перебиваюсь.

– А что именно у меня вчера стряслось? – растерялся я. – Ты имеешь в виду, что Сотофа Базилио в девчонку превратила? Но ты же сам при этом был. А теперь говоришь: «не в курсе».

– Что у тебя дома кто-то в кого-то превратился – это не «стряслось». Это всего-навсего «случилось», – педантично поправил меня Джуффин. – О происшествиях такого рода ты мне докладывать совершенно не обязан. Другое дело, что утаивать самое интересное – свинство. Но этим ты как раз никогда особо не грешил. А вот скрывать от меня неприятности в твоём случае – практически должностное преступление.

– Неприятности?! – переспросил я. – С чего ты взял, что у меня... Ой. Ну да. Конечно. Гадалка же!

– Ну, хвала Магистрам, вспомнил. А ведь в старые добрые времена ты бы мне плешь проел, жалуясь на страшное злое пророчество и требуя твёрдых гарантий, что всё будет в порядке. А потом – дополнительных

гарантий, что на мои гарантии можно положиться. И клятвенных заверений, что все вокруг останутся живы и здоровы, причём навсегда. А тут взял и просто забыл. Что с тобой, сэр Макс?

– Может быть ранний маразм? – оптимистически предположил я. – Как побочный эффект постоянных занятий этой вашей Угуландской Очевидной магией? Впрочем, наверное я просто привык. Со мной же постоянно что-нибудь этакое происходит, и при этом ничего мне не делается. Рано или поздно начинаешь думать, что так будет всегда.

– Скорее всего, будет, – согласился Джуффин. – Но только при условии, что ты возродишь старую добрую традицию сообщать мне обо всех своих неприятностях, сколь бы пустяковыми они тебе ни казались. Я, видишь ли, не очень глупый человек. И довольно опытный. Глядишь, пригожусь.

– Да я и собирался. Причём сразу же. Просто решил откосить от Безмолвной речи. Подумал: при встрече расскажу. Но при встрече ты играл в карты, а я не самоубийца, чтобы отвлекать тебя в такой момент. А потом явилась леди Сотофа, и всё завертелось. Но я совершенно уверен, что прибежал бы к тебе с этой историей сегодня, сразу же после завтрака. Если бы, конечно, мне по дороге голову не заморочили...

– То-то и оно, – кивнул Джуффин. – Беда, впрочем, не в твоей рассеянности. А в том, что ты себя недооцениваешь.

– Что?!

– Что слышал. Я не хочу сказать, будто ты ежедневно рыдаешь в тёмном углу, вообразив себя бедным маленьким бесталанным уродцем, которого никто не любит. Я имею в виду, что ты сильно недооцениваешь собственные масштабы. И масштабы всего, что происходит с тобой.

– Ты о чём?

– О том, что любая твоя неприятность с большой вероятностью может стать нашей общей. Причём не только нашей с тобой. Очень уж многое на тебе сейчас держится, хочешь ты того или нет. Поэтому о любых проблемах следует немедленно рассказывать мне. И уж тем более, в тех редких случаях, когда о них становится известно заранее. Иногда своевременная встреча с уличной гадалкой – это не только испорченное на три минуты настроение, но и большая практическая польза. А теперь давай подробности. Лучше поздно, чем никогда.

И я выдал ему подробности. Всё, что смог вспомнить. Довольно много, на самом деле. Неприветливая ночь, ветер, дующий среди руин как бы во все стороны сразу, груды мусора и строительных материалов, узкие

щели между домами, ходящие ходуном гнилые доски вместо твёрдой земли, жалобные стоны из тьмы, румяная волосатая нога в пасти бледной людоедки, скользкая от крови доска над бездонной пропастью как единственный мост между этим кошмаром и нормальной человеческой жизнью на другом берегу, где я потом благополучно проснулся.

И короткий диалог с гадалкой, оптимистически утверждавшей, будто таким как я всё идёт впрок, пересказал. Заодно понял, почему сразу же не побежал к Джуффину с жалобами на кошмар: мне уже и без него пообещали, что всё будет в порядке. Дело сделано, я успокоен, вопрос закрыт. А что шефу Тайного Сыска это происшествие может быть интересно совсем по другим причинам, я и правда не сообразил.

– Чрезвычайно любопытный Пророческий сон ты увидел. А теперь угадай, что мне по-настоящему не нравится в этой истории, – предложил Джуффин.

Я задумался. Но, по правде сказать, мыслитель из меня по утрам так себе. Все мои скромные достижения в сфере аналитического мышления до сих пор были сделаны исключительно после обеда. А нескромные так и вовсе за полночь.

– Надеюсь, не моё поведение, – наконец сказал я. – Я не так уж плохо держался. Что высоты до сих пор во сне боюсь – согласен, позорище. Но всё-таки взял себя в руки и пошёл по этой грешной доске. А потом и вовсе взлетел. Хотя это, конечно, следовало сделать с самого начала...

– Твоё поведение в сложившихся обстоятельствах беспокоит меня меньше всего. Остался жив, и ладно, остальное на твоё усмотрение. Если тебе до сих пор интересно играть в мальчишку, который боится высоты, на здоровье, кто ж тебе запретит.

– Да не то чтобы интересно. Просто во сне почему-то очень трудно помнить, что на самом деле собой представляешь, и чему успел научиться. Даже в Пророческом... Так что тебе не понравилось?

– Я так не играю! – фыркнул Джуффин. – Желаю насладиться работой твоего великого ума, и точка. Думай дальше.

– Ладно, – обречённо согласился я. – Тогда подлей мне камры. И оставь меня одного лет на пять – шесть. К твоему возвращению правильный ответ наверняка будет готов.

– Да ну тебя к Тёмным Магистрам. Место действия.

– Что?

– Правильный ответ: больше всего мне не нравится место действия. Если бы тебе приснилось, что ты попал в беду где-нибудь в Шиншийском Халифате, я бы, честно говоря, не особо переживал. В другом Мире – ещё

лучше, тамошние дела – вообще не моя забота. Сказал бы тебе: «Развлекайся на здоровье», – и выкинул бы эту проблему из головы как несущественную. Но во сне ты совершенно точно знал, что находишься в Ехо, хотя так и не опознал улицу. Что, надо сказать, довольно досадно, мне было бы гораздо проще...

Он умолк, оборвав фразу на полуслове.

– Проще – что? – нетерпеливо спросил я.

– Взять под контроль всего один небольшой участок города и выяснить, что там творится. Каким это образом и по чьей воле несколько кварталов столицы Соединённого Королевства собираются в ближайшее время превратиться в неприятное место, где царит вечная ночь и разруха, а в развалинах живут людоеды. Всё-таки удивительно, что ты сам об этом не подумал и не забил тревогу. Не узнаю тебя, сэр Макс.

– Да я сам себя не узнаю. Как-то не сообразил, что если уж сон Пророческий, то сбыться должны не только мои приключения, а вообще всё, включая декорации. И что в этих грешных декорациях могу очутиться не я один. Но что касается района, я, возможно, всё-таки могу помочь. Во сне я предположил, что это где-то на Левом Берегу. Но не там, где твой дом, а подальше от реки, где земля дешевле, и люди покупают большие садовые участки, чтобы жить, как в деревне. Я туда только собак навещать ездил, ничего там толком не знаю, но по первому впечатлению, очень похоже.

– Ну хоть так, – кивнул Джуффин. – Ясно, с чего начинать. Тебе сколько времени нужно, чтобы привести себя в порядок и выйти из дома?

– Полчаса.

– Даю тебе четверть и ни секундой больше. И так засиделись.

– Куда пойдём-то?

– Гулять по Левому Берегу, конечно. Вдруг узнаешь, где дело было.

– Вот очень похоже! – обрадовался я, когда мы очутились на Лиловой улице. Наверное, где-то тут я и ходил.

– Или тут? – предположил я, когда мы свернули в переулок Шести Неспелых Пумб.

– А может быть тут? – растеряно спросил я Джуффина на улице Бедного Лиса.

На Жареной улице я уже ничего не сказал, потому что почувствовал себя окончательно сбитым с толку.

– С точки зрения человека, который живёт в Старом Городе, все улицы тут действительно примерно одинаковые, – утешил меня Джуффин. – Заборы, сады и дома в глубине участков. Когда в следующий раз увидишь

Пророческий сон, постарайся сразу найти табличку с названием улицы, вот тебе мой совет.

– А сейчас-то что делать?

– Тебе – ничего. А я на досуге прогуляюсь на Тёмную Сторону, посмотрю, как обстоят дела у нас в городе. И начну с места, соответствующего этому району – если уж тебе кажется, что в целом картина похожа.

– Может быть, и мне с тобой на Тёмную Сторону прогуляться? – предложил я.

– Может быть, – согласился он. – Делай что хочешь, ни в чём себе не отказывай. Но только без меня.

– Почему? – оторопел я.

Джуффин выдал в ответ свою коронную доверительную улыбку, как бы говорящую адресату: «Ты – единственный человек в Мире, которому я готов поведать страшную тайну». Устоять против этой улыбки невозможно, даже когда знаешь, что она – просто приём, отшлифованный долгими столетиями постоянных упражнений.

Я, по крайней мере, не могу. И свято верю всему, что он потом говорит.

– Ты меня уже давно знаешь, – сказал Джуффин. – И, думаю, не сомневаешься, что я способен убедительно аргументировать свой отказ. Например, заявить, будто присутствие на Тёмной Стороне столь непростого спутника как ты может значительно исказить подлинную картину. Или объяснить, что методы у нас с тобой настолько разные, что будет разумно провести наблюдения по отдельности, а потом сравнить результат. Но на самом деле, штука вообще не в этом. А в том, что больше всего на свете я люблю гулять по Тёмной Стороне в одиночку. И чтобы при этом никого не надо было ловить, потому что любой преследуемый – тоже в своём роде спутник. И тут вдруг такой прекрасный предлог! Грех не воспользоваться.

– Но почему ты не ходишь на Тёмную Сторону просто так, без всяких предлогов? – удивился я.

– Вот это как раз довольно сложно объяснить, – нахмурился он. – Даже тебе. Потому что такие вещи пока не попробуешь на собственной шкуре, не поймёшь. А соответствующего опыта у тебя пока нет; если очень повезёт, то и не будет. Но ладно, попробую. Дело, видишь ли, в том, что на самом деле я совершенно не подхожу для своей работы...

– Чего?!

– Того, – усмехнулся Джуффин. – Что слышал. То есть, я, конечно, идеальный начальник Тайного Сыска, этот факт даже злейшим моим

врагам не под силу оспорить. Но на самом деле я – такой, каков есть, без ролей и масок – и дюжины дней не смог бы продержаться на своей должности без серьёзного ущерба для дела и себя. Потому что я – одиночка, эгоист и игрок. Я любопытен, корыстен, непоседлив и нетерпим к чужим несовершенствам. И испытываю неутолимую потребность в том, чтобы постоянно учиться, а вовсе не учить других. Мне должно быть интересно жить круглосуточно, в том числе, во сне. При соблюдении этого условия остальное – несущественно. Однако обстоятельства в своё время сложились так, что выбора у меня не было. Мне достались совершенно несоответствующая характеру судьба и призвание; так, кстати, довольно часто бывает. Но я нашёл выход.

Я даже не спросил, какой именно. Потому что слушал его, открыв рот. И вряд ли был сейчас способен членораздельно изъясняться.

– Когда тебе приходится ежедневно совершать невозможное, эффективней всего просто превратиться в человека, для которого твоё невозможное – простое и даже естественное дело, – сказал Джуффин. – Это решает все проблемы разом. Очень удобно. Но вылезать из этой шкуры следует как можно реже, хотя бы потому, что возвращаться в неё – колоссальный, почти непосильный труд. Поэтому большую часть времени я живу, действую, чувствую и рассуждаю, как идеальный начальник Тайного Сыска, человек, чьё существование полностью подчинено интересам дела. И все удовольствия, включая одинокие прогулки по Тёмной стороне, возможны для него только по служебной необходимости. Поэтому я так дорожу каждым счастливым совпадением. И когда выпадает шанс самому его организовать, готов, как видишь, на многое. Включая душевные беседы и душераздирающие откровения.

– Ничего себе, – наконец выдохнул я. – Как же непросто тебе живётся. Я не знал. Думал, ты и на своём месте всю развлекаться.

– Развлекаюсь, конечно, – согласился Джуффин. – А то бы чокнуться можно было. Но все настоящие развлечения я отложил на потом. Ничего, скоро уже.

– Скоро?!

Вот тут я перепугался по-настоящему. Потому что представить себе Тайный Сыск без сэра Джуффина Халли я, конечно, могу. Как, скажем, и конец света. Но очень не хочу всё это представлять. Иногда воображению лучше просто не давать воли.

– Очень скоро, – подтвердил он. – Лет через сто. По моим меркам, вообще не срок.

И тогда мне, конечно, изрядно полегчало. Потому что, во-первых, я и

сам здесь всего на сто лет, согласно нашему с Джуффином договору; дальше – на моё усмотрение. А во-вторых, по моим меркам, сто лет – это практически вечность. Я прежде и не надеялся столько прожить. И до сих пор не могу бесповоротно изменить внутреннюю систему координат, согласно которой время человеческой жизни отсчитывается годами, а не столетиями, как тут у нас принято.

– Лет через сто –ещё ладно, – наконец сказал я. – За это время я научусь обыгрывать тебя в карты постоянно, а не раз в дюжину партий, как сейчас. И тогда ты придушишь меня собственными руками. Так что до всего этого ужаса я просто не доживу.

– Ишь размечтался! – фыркнул Джуффин. – Обыгрывать меня он будет, как же. Держи карман шире. Это ещё большой вопрос – кто кого будет душить!

Ужасно трудно иногда бывает с ним поладить. По простейшему вопросу – и то непримиримые разногласия.

Потрясённый столь насыщенным началом дня и свалившимися на мою бедную голову тайнами, я отправился с Джуффином в Дом у Моста, сославшись на тот прискорбный факт, что уже несколько дней не пил дармовой камры, которой у него в кабинете всегда завались. Однако отдавал себе отчёт, что на самом деле мной движет желание увидеть шефа Тайного Сыска сидящим за своим рабочим столом, желательно с буривухом Курушем на плече. Я надеялся, что это привычное зрелище меня успокоит.

Все мои близкие почему-то уверены, будто я лёгок на подъём и жаден до перемен. А на самом деле, я консерватор, каких свет не видывал, особенно когда счастлив – вот, например, прямо сейчас. Будь моя воля, оставил бы всё как есть, неизменным и неизблемым – навсегда. И, надо думать, заслужил бы славу самого злого колдуна за всю историю этого Мира. Потому что жизнь – это череда перемен. Останови их, и не останется ничего живого. Хорошо, что я сам это понимаю, а то и правда натворил бы однажды дел.

В Зале Общей Работы было необычайно людно. Там внезапно собрались вообще все, кроме сэра Кофы Йоха, который, как и Джуффин, прежде всего, человек долга. И если долг велит ему сейчас поглощать восьмой по счёту обед в каком-нибудь захудалом трактире на окраине, где, теоретически, можно услышать пару малоинтересных сплетен о непростой личной жизни вышедших в отставку контрабандистов, будьте уверены, на службе он не появится, хоть стреляй. А стрелять в Кофу нет дураков.

Общеизвестно, что всякий направленный в него выстрел из любого оружия поразит самого стреляющего. Этому старинному защитному трюку сэр Кофа Йох выучился в разгар Смутных Времён, когда был Генералом Правобережной Полиции, и правильно сделал. Жаль только, перенять у него это полезное умение мало кто способен: двести двадцать восьмая ступень Чёрной магии и двести девятая Белой, не кот чихнул. Пока в тебя не начнут стрелять из-за каждого угла по дюжине раз на дню, кажется, что это слишком сложно, ничего не получится, так что и пробовать не стоит – только расстраиваться.

В общем, из всего вышесказанного следует, что сэр Кофа, во-первых, неописуемо велик, а во-вторых, отсутствовал. Зато остальные присутствовали вовсю, даже Луукфи Пэнц, которого лично я вижу в среднем раза четыре в год, а, скажем, Джуффин, на правах начальника, примерно двадцать, спустился к нам из Большого Архива – событие настолько выдающееся, что заслуживает специального упоминания не только в моём повествовании, но и в ежегодном выпуске «Полного Перечня Важнейших Событий Мирового Значения». Но, подозреваю, не попадёт туда, потому что наша служебная деятельность является государственной тайной. Что, в общем, к лучшему. Если граждане Соединённого Королевства узнают, сколько кувшинов камры и килограммов печенья мы ежедневно выжираем за казённый счёт, и какую чушь при этом несём, это ранит их в самое сердце.

Но кстати сейчас камру никто не пил. Её даже на столе не было – невиданная анархия и попрание традиций. Без пяти минут государственный переворот.

Вместо кувшина с камрой на столе стоял сэр Мелифаро. Не сидел, а именно стоял, причём на одной ноге. И бурно жестикулировал. И вещал. Что касается его костюма, с тех пор, как этот модник повадился носить сразу два лоохи – совсем короткое поверх едва достигающего колен – а скабы стал выбирать исключительно с цветочным орнаментом, я решительно отказываюсь обсуждать его наряды вслух. Потому что всему есть границы. Даже, как оказалось, моему чувству комического.

Воспользовавшись благодушным настроением Джуффина, который был рад, что я увязался за ним в Управление, и не особо пытался это скрывать, я проскользнул в его кабинет, где тут же получил традиционный выговор от Куруша за то что явился без гостинцев, в очередной раз пообещал обездоленной птице встать на путь исправления, налил себе полную кружку камры, о которой начал мечтать ещё на Левом Берегу, на радостях даже разогрел её сам, особым прикосновением кончиков пальцев

левой руки, хотя этот фокус, как и прочая кулинарная возня, до сих кажется мне чрезвычайно утомительным. И, прижимая трофей к груди, вернулся в Зал Общей Работы. Потому что я живой человек, и мне интересно, какого чёрта Мелифаро залез на стол. И, самое главное, почему все остальные, взрослые вменяемые люди, могущественные колдуны, так внимательно его слушают.

А дверь за собой я закрывать не стал: Джуффин тоже живой человек. И ещё более любопытный, чем я. И тоже пропустил начало выступления.

– И здесь ещё примерно как-нибудь вот так, – говорил Мелифаро, приставив к тюрбану согнутую в локте руку. – Такая синяя пристройка с треугольным основанием. Там будет моя комната, я о такой ещё в детстве мечтал.

– О треугольной комнате? – удивлённо спросила леди Кекки Туотли.

Остальным и в голову не пришло удивляться и переспрашивать – мы все не первый день знаем нашего Мелифаро и ни на секунду не сомневаемся, что в треугольной комнате ему самое место. А леди Кекки – барышня рассудительная. И одновременно наивная. Боюсь, она до сих пор уверена, будто на службе окружена исключительно разумными людьми без особых психических отклонений.

Однако Мелифаро нанёс очередной удар по этой её иллюзии.

– О треугольной комнате на крыше, – подтвердил он. – Чтобы она была приделана где-нибудь сбоку, и пол под таким крутым уклоном, что без специального колдовства ничего на нём не устоит. И теперь такая комната у меня будет!

– Слушай, ну точно. Ты же переезжаешь в новый дом, – вспомнил я. – А когда? Тебе помочь с переездом?

– Спасибо, – сказал Мелифаро. – Я всегда знал, что ты только притворяешься бесчеловечным монстром, равнодушным к чужим бедам, а в глубине души – настоящий друг. И если бы мне пришлось живьём отправиться на тот свет, чтобы провести там расследование о пропаже драгоценного савана из древней могилы, я бы дорого дал за то чтобы иметь тебя в качестве спутника. Но если ты думаешь, будто я доверю тебе паковать мою одежду, ты глубоко заблуждаешься. Хорошие вещи нельзя давать в руки диким варварам из Пустых Земель. Даже если эти Пустые Земли находятся в другом Мире. Дикому варварству это обстоятельство, к сожалению, совершенно не препятствует.

– Сдалась мне твоя одежда! – фыркнул я. – Ладно, не хочешь заручиться помощью величайшего грузчика всех Миров – дело хозяйское.

Таскай свои сундуки сам.

– Да мне кроме одежды и перевозить особо нечего, – признался он. – Обстановка в доме не наша с Кенлех, а хозяйкина. Собственно, я до сих пор не выбросил эту дрянь в окно только потому что руки так и не дошли. А теперь уже, вроде, поздно. Пусть остаётся, на горе следующему арендатору.

– Ладно, – сказал я, – поставим вопрос иначе. Когда новоселье?

– Наверное через пару дней, – неуверенно сказал он. – А может быть всё-таки через дюжину. Или вообще в конце года. Понимаешь, мой дом ещё не построили. Через час как раз начнут.

– Через час?! То есть до сих пор даже не начинали? Ничего себе. Строительство – это же долгое дело!

– Очень долгое, – ухмыльнулся Мелифаро. – Четверть часа будут работать, не меньше. Но ничего, я как-нибудь потерплю.

К чести моей следует заметить, что я стоял, открыв рот, совсем недолго. Буквально секунды полторы. И моргнул от изумления всего раза два. А потом сложил все известные мне факты и сделал единственно возможный вывод. Очень вовремя, потому что Мелифаро уже приготовился облить меня презрением.

– Погоди, так тебе дом Новые Древние строят? – спросил я.

– Естественно, – снисходительно подтвердил он. – Глупо было бы переезжать из одного обыкновенного дома в другой обыкновенный. Нет на свете занятия скучней, чем переезд, да и времени жалко. Но тут особый случай.

– В газетах пишут, что уже к концу года Удивительная улица станет самым модным местом в городе, – усмехнулась Меламори. – Уверена, прогноз верный, всё так и будет – сразу после официального визита Его Величества, который пожелал осмотреть эту архитектурную достопримечательность, как только там появится хотя бы дюжина новых зданий. А вслед за Королём туда рванут толпы придворных мучеников и просто снобов-любителей, и в один прекрасный день внезапно выяснится, что добрая половина деловых и любовных свиданий теперь назначается на Удивительной Улице. Кстати, Гоппа Талабун, который всегда держит нос по ветру, уже объявил, что открывает там очередной «Скелет». Надеюсь, назовёт его «Удивительным». Будет смешно.

Я подумал: какое же счастье, что нам Король наносит визиты инкогнито. Если бы Мохнатый Дом внезапно стал самым модным местом в городе, я бы этого не пережил. Хотя от скромного филиала «Скелетов» где-нибудь на втором этаже я бы не отказался: готовят Гоппины повара много лучше Королевских, к которым я, как внезапно выяснилось, приговорён

пожизненно.

– Дело даже не в том, что место станет модным, – внезапно сказал Мелифаро.

В его устах это прозвучало похлеще анархического лозунга, гармонично переходящего в горячечный бред. Поэтому все присутствующие уставились на беднягу с плохо скрываемой тревогой.

– Об этом я самого начала подумал, – невозмутимо продолжил Мелифаро. – Ещё когда Новые Древние построили самый первый дом на Удивительной улице, и о них заговорили, как о главной городской сенсации года. Но я всё взвесил и решил, что мода чересчур переменчива, чтобы полагаться на неё в выборе жилья. Слишком часто придётся тогда переезжать, а это гораздо хлопотней, чем переодеваться.

– Это звучит настолько здраво, что я начинаю опасаться, что в тебя вселился какой-нибудь не в меру разумный демон, – сказал я.

– Да никто ни в кого не вселялся, – отмахнулся он. – Просто у всякого выбора своя цена, а я действительно ненавижу домашние хлопоты. Но Малдо сделал мне предложение, от которого ни один человек в здравом уме не отказался бы.

– Ничего себе. Это какое же?

– Он предложил построить любой дом, какой я захочу. То есть вообще любой, даже если нормальные строители говорят, что такое технически невозможно. А когда мы вместе нарисовали эскиз, Малдо сказал, что ему так нравится моя идея, что он готов взяться за работу всего за двести корон – при том, что средняя цена у них сейчас от тысячи и выше.

Я задумался, пытаюсь понять, много это или мало.

– Тысяча – это примерно вдвое дешевле, чем стоит очень маленькая квартира в Старом Городе, – подсказала мне Кекки. – И вдвое же дороже, чем большой дом в Новом.

– Земля в центре такая же дешёвая, как в Новом Городе, – добавил Мелифаро. – По крайней мере, была, пока Новые Древние не взялись за дело. Но участки на Удивительной улице и ещё нескольких соседних Малдо благоразумно выкупил заранее. Там рядом, видишь ли, бывшая загородная резиденция Ордена Колючих Ягод, которую в Смутные Времена только ленивый не пытался взять приступом, наивно полагая, что справиться с сосланными туда за непослушание Младшими Магистрами будет легко. Однако резиденция до сих пор целёхонька, зато окрестные кварталы в руинах; я совершенно уверен, что Малдо скупил их за гроши, потому что недавно эти горемычные владения и в подарок не то чтобы охотно принимали. Так что на благотворительность расценки Новых

Древних не тянут. Совсем нет.

– Но тебе-то дом считай подарили.

– А Малдо сказал, что и подарил бы, если бы я был бедняком. Потому что построить такую красоту – честь и удовольствие. И заодно профессиональный вызов.

– Могу себе представить, – вздохнул я.

– Не можешь, – заверил меня Мелифаро. – И никто не может. Я и сам не мог, пока у меня в руках не оказались карандаши и бумага. С детства ими не пользовался, а зря. Такая вдохновляющая штука! Особенно когда тебе обещают, что твои каракули могут превратиться в самый настоящий дом. Жду не дожусь увидеть, что получится.

– Слушай, а можно посмотреть, как его будут строить? – спросил молчавший всё это время Нумминорих. – Это же самое интересное!

– Ещё бы! – подтвердил Мелифаро. – И лично я сейчас туда отправлюсь.

– Я с тобой, – твёрдо сказала Меламори.

– Ну так все, наверное, пойдём? – Нумминорих уже стоял в дверях.

Я открыл было рот, чтобы сказать: «Пошли, чего мы ждём», – но тут в Зале Общей Работы появился Джуффин.

– Куда это вы все собрались? – строго спросил он.

Ответом ему было тяжёлое молчание.

– Мы же с вами договорились, – наконец сказал Мелифаро.

– С тобой-то договорились, – согласился Джуффин. – А вот готовность всех остальных моих сотрудников сбежать из Управления среди бела дня, даже не попытавшись сочинить подходящий предлог, стала для меня неприятной неожиданностью.

Собравшиеся растерянно переглянулись – дескать, что это с шефом?

– А разве у нас много работы? – наконец спросила Меламори.

– Очень много, – подтвердил Джуффин. – Вот например ты, леди, рвёшься развлекаться. И даже не подумала о том, что твой коллега отправляется в публичное место без охраны.

– Кто? – изумилась Меламори. – Какой мой коллега?

– Сэр Мелифаро, разумеется. Тебе самой следовало заранее подумать о том, что в состоянии экзальтации, свойственной всем художникам, влюблённым и свежеиспечённым домовладельцам, он не будет способен защитить себя в случае внезапного нападения. Которое, теоретически, возможно в любой момент, и забывать об этом не следует даже в самые мирные времена.

– Это я-то не смогу?! – возмутился Мелифаро. И наконец-то спрыгнул

со стола – видимо ради наглядной демонстрации своей дееспособности.

– Цыц! – рявкнула Меламори, уже сообразившая, какие выгоды ей сулит полученное задание. – Конечно не сможешь. Ты самое хрупкое и незащищенное существо, какое мне только доводилось встречать; совершенно не понимаю, как тебе удалось дожить до сегодняшнего дня в этом суровом, полном опасностей Море. Но теперь можешь быть спокоен, я рядом. Пошли уже!

И буквально силой вытащила его в коридор.

– Теперь ты, леди Кекки, – строго сказал Джуффин. – Ты прекрасно знаешь, что сэр Кофа вынужден сейчас собирать крайне важную для всех нас информацию в припортовом районе. И, следовательно, не сможет присутствовать на Удивительной улице во время строительства. А ведь после вчерашнего газетного оповещения о невиданном зрелище там соберётся полгорода...

– И будет глупо упустить возможность послушать, о чём они все говорят? – обрадовалась Кекки.

– Ну наконец-то вспомнила о своих обязанностях. Лучше поздно, чем никогда, – проворчал шеф. – Надеюсь, изменить облик ты догадаешься без дополнительного напоминания?

– Чуть не забыла! – ахнула Кекки, закрывая лицо руками. – Спасибо! Ну, я побегу? Я быстро!

Такого длинного носа, как она себе отрастила, я давненько на девичьих лицах не видел. Перестаралась на радостях, с кем не бывает.

Кекки пулей вылетела из Зала Общей Работы, а Джуффин повернулся к Луукфи.

– Я думаю, буривухи из Большого Архива, будут благодарны, если ты пригласишь одного из них на это представление, – сказал он. – Буривухи не любят нашей человеческой суеты, а всё же порой им нравится лично присутствовать при важных и просто необычных событиях. Поэтому всегда следует ставить их в известность и предлагать сопровождение.

– Спасибо за совет, – просиял Луукфи. – Я всегда стесняюсь обращаться к буривушкам с подобными предложениями, но если вы считаете, что им будет приятно, я так и сделаю. Только я не совсем понял, какое именно представление мы должны посетить. Нас пригласили в оперу? А по какому адресу её дают? И когда начало? Я успею переодеться? А подарок для солиста за счёт казны?

Причём он не издевался. Луукфи действительно настолько рассеянный – во всём, что не касается его отношений с буривушками из Большого Архива, которые сами пригласили его на службу в качестве посредника

между ними и остальными людьми. Достаточно сказать, что Луукфи отличает их друг от друга и помнит имя, характер, привычки и специализацию каждого. На это, как я понимаю, расходуется всё его внимание без остатка. Долгое время я говорил себе: «Ладно, по крайней мере, парень каждый день как-то добирается домой, а по утрам вспоминает, где находится Дом у Моста», – пока случайно не выяснил, что тяжёлая обязанность помнить домашний адрес сэра Луукфи Пэнца и знать назубок распорядок его дня лежит на одном из возниц Управления Полного Порядка.

Но Джуффина причудами Луукфи не смутишь. Он свои кадры знает.

– «Представлением» я называю строительство дома сэра Мелифаро на Удивительной улице, куда вы все только что так рвались уйти, – терпеливо объяснил он. – Извини, если сбил тебя с толку.

– Вы думаете, буривушкам может быть интересно смотреть, как строят дом? – удивился Луукфи. – Хорошо, я у них спрошу.

И отправился наверх.

– Сэр Макс, прекрати делать вид, будто тебе не смешно, – строго сказал шеф.

– Но мне действительно не смешно, – вздохнул я. – Потому что шутки шутками, а нас осталось всего двое, я и Нумминорих. При этом ясно, что кто-то должен дежурить в Управлении. И, с одной стороны, сердце моё исполнено сострадания. А с другой, я теперь так хочу посмотреть на этот грешный дом, что лопну, если всё пропущу.

– Тогда иди ты, – великодушно сказал Нумминорих. – В моей жизни уже были подобные огорчения, и я совершенно точно знаю, что не лопну.

– Да я тоже не лопну, – честно признался я. – Просто оборот речи такой.

– Драма, достойная либретто Хайки Мухлобая, – ухмыльнулся Джуффин. – Накал благородных страстей. Я одного не понимаю, сэр Макс, с чего ты взял, будто в Управлении должен кто-то дежурить, когда здесь всё равно сижу я?

– А ты всё равно сидишь? – удивился я. – В смысле, так и будешь сидеть?

– Да что я, как Малдо с ребятами строят, не видел? – зевнул он. – Чем опытней они становятся, тем скучней процесс. В самом начале всегда можно было надеяться, что вместо крыши у них получится гигантская жаба, или хотя бы второй этаж появится раньше первого и будет висеть в воздухе, печально завывая каминными трубами. А теперь уже вряд ли. Так что идите без меня. Тем более, что нам с вами жизненно необходимы

сведения о тех несчастных обитателях иных миров, которых угораздит увидеть сон о строительстве дома по эскизу сэра Мелифаро.

– Спасибо! – просиял Нумминорих.

А я укоризненно покачал головой и строго сказал:

– Так ты нас совсем распустишь.

– Распущу, – согласился шеф. – А потом несколько лет буду восстанавливать дисциплину в коллективе, применяя какие-нибудь ужасающие воспитательные меры. Например, стану брать у генерала Бубуты Боха частные уроки... эээ... экспрессивной риторики. Старику будет приятно, а я узнаю много новых удивительных вещей о сортирах. Надо же мне хоть как-то развлекаться в этот безмерно тяжёлый период, когда золотой век Соединённого Королевства уже наступил, а я к нему ещё не готов. Эй, не смотри на меня так сэр Макс! В твоих глазах я читаю готовность устроить новые Смутные Времена ради моего развлечения. Я тронут, но пока не надо. Когда станет совсем невыносимо, я тебе скажу.

– Ладно, – кивнул я. – Если Смутные времена не надо, я пошёл на Удивительную улицу. Удивляться.

Географический центр Ехо – очень странное место. В Эпоху Орденон он был ближним пригородом, где располагались в основном резиденции некоторых магических Орденон и дома Орденонской наёмной прислуги, от добротных особняков в сельском стиле до совсем неприглядных лачуг: платили в Орденон очень по-разному.

Когда Орденон прекратили существование, их резиденции опустели, большинство бывших слуг разъехалось в поисках новой работы, и район быстро пришёл в упадок. Новый Город сперва хотели строить именно там, что, на мой взгляд, было бы гораздо удобней для всех. Однако городские власти отказались от этой идеи, рассудив, что люди суеверны и злопамятны, а значит, желающих жить по соседству с бывшими резиденциями магических Орденон найдётся немного. Поэтому Новый Город вырос на расстоянии чуть ли не часа езды от Старого, и бывшая окраина внезапно стала географическим центром столицы, но на деле так и осталась чем-то вроде заброшенной деревни. Здесь дешёвое жилье, но мало желающих его занять, и дело, как мне кажется, вовсе не в суевериях. Просто добираться до места работы или учёбы, в Старый или Новый Город, без разницы, отсюда далеко и неудобно. В Ехо нет никакого общественного транспорта, что, кстати, совершенно удивительно: всё-таки личный амобилер – довольно дорогое удовольствие, регулярно пользоваться наёмными тоже мало кому по карману, а Тёмным Путём, даже чужим,

заранее проложенным, ходить умеет хорошо если один из сотни горожан.

А в самом центре нет ни учебных заведений, ни государственных учреждений, ни рынков, ни ремесленных мастерских. Тут даже продуктовых лавок нет, зато иногда попадаются неплохие трактиры, фантастически дешёвые и практически пустые в любое время суток. Как их хозяева умудряются сводить концы с концами – это для меня неразрешимая загадка.

В общем, центр Ехо – идеальное место для жизни бегущего от суеты художника, безработного мизантропа или экономного одинокого колдуна, но больше, пожалуй, никому не подойдёт. Вернее, до сих пор не подходил. «Теперь-то наверное всё изменится, – думал я, пока мы с Нумминорихом шли по заросшей травой мостовой улицы Приветливых Улыбок. – Скоро появятся и лавки, и мастерские. Школа, наверное, какая-нибудь откроется. И контора по ремонту и сдаче в наём автомобилей. И агентство по найму домашней прислуги. И где, интересно, я буду гулять, когда мне внезапно захочется удалиться от Мира, но при этом сохранить возможность в любой момент свернуть в трактир, где нальют кружку сносной камры?»

– А ты знаешь, что здесь есть трактир? – спросил я Нумминориха, когда мы проходили мимо бывшей резиденции Ордена Потаённой Травы. – Ну то есть, как трактир. Просто подают напитки. Зато прямо в саду. Мне Меламори когда-то показала, а то я бы ни за что его не нашёл.

– Напитки в саду резиденции Магистра Хонны? Надо же! Мне даже в голову не приходило сюда заглянуть. Хотя я довольно часто здесь гуляю. Люблю этот район. А теперь тут станет ещё лучше. Новые дома, новые люди, а значит, начнут открываться лавки и мастерские. Трактиры местные наверное расцветут, и куча новых появится. И как минимум одна начальная школа – не позже, чем через какие-нибудь полдюжины лет, вот увидишь. А может быть художники захотят сюда перебраться? Если Малдо даже Мелифаро, о котором известно, что он государственный служащий с огромным жалованием, за интересный эскиз такую скидку сделал, то для хороших художников наверное вообще бесплатно строить согласится. Я, знаешь, давно думаю: как было бы здорово, если бы в Ехо появился квартал, где живут только художники. Или даже несколько кварталов. Чтобы скульптуры стояли прямо в садах, ожидая заказчиков. И картины развешаны на крышах на просушку, как простыни, идёшь мимо, смотришь, у кого что нового...Ох, слушай, с ума сойти, как же здорово тут может стать!

Всё-таки он неисправимый оптимист. Иногда это меня почти пугает – как всякое проявление абсолютно чуждой мне и при этом теоретически

разумной жизни.

Не успел я задуматься, хватит ли нашего с Нумминорихом совместного могущества, чтобы без посторонней помощи отыскать Удивительную улицу в неразберихе здешних переулков, как получил наглядный ответ. Мимо такой огромной толпы захочешь, не проскочишь. Судя по всему, эти добрые люди собрались поглазеть на чудесное рождение будущего дома Мелифаро, иных массовых развлечений в центре днём с огнём не сыщешь.

Я притормозил, обескураженный размерами и плотностью толпы. Мой интерес к волшебному строительству резко ослаб. Ненавижу толкаться.

Нумминорих, рванувший было вперёд, обернулся и адресовал мне вопросительный взгляд.

– Впору пожалеть, что я больше не ношу Мантию Смерти, – пожаловался я. – Сейчас бы всех одним своим видом разогнал.

– Зачем кого-то разгонять? – удивился тот. – Пусть смотрят на здоровье... А, ты наверное думаешь, что мы из-за них ничего не увидим? Увидим! Мы же друзья клиента и пришли по его приглашению, нам положены места в первом ряду.

– В этот первый ряд ещё пробиться надо.

– Скажи мне пожалуйста, сэр Макс, ты правда думаешь, что без Мантии Смерти тебя никто никуда не пропустит? – осторожно спросил Нумминорих. – То есть, тебе даже в голову не приходило, что весь город давным-давно знает тебя в лицо? – И, подумав, добавил: – Хотя вообще-то тебя даже узнавать не обязательно, достаточно на выражение лица посмотреть. Лично я бы тебя сейчас куда угодно пропустил, просто на всякий случай. Чтобы не связываться.

– Правда, что ли?

Всякий раз удивляюсь, услышав, что я грозно выгляжу. Видимо потому, что слишком хорошо себя знаю и прекрасно понимаю, что до настоящей угрозы обществу мне ещё расти и расти.

Нумминорих только плечами пожал. Этот жест вселил в меня некоторый оптимизм. Ну, то есть, чувство, которое по моим меркам считается вполне себе оптимизмом, а на самом деле больше похоже на робкую надежду, что в ближайшее время никто не умрёт и не чокнется. Или, по крайней мере, умрут и чокнутся не все сразу. А поочерёдно, с прощальными вечеринками и перерывами на аккуратное оформление завещаний.

Окрылённый этой призрачной верой в условно лучшее, я сделал ещё

несколько дюжин шагов в направлении толпы. Я бы сказал, не слишком стремительных. Нумминорих взирал на меня, как на чужого младенца, с умилением и раздражением одновременно. И явно успокаивал себя мыслью: «Ну, по крайней мере, он не орёт».

Мучения наши закончились совершенно внезапно: из толпы вынырнула Меламори и сказала:

– Ага, вы уже тут. Молодцы!

Одной рукой обняла меня за талию, другой вцепилась в локоть Нумминориха и потащила нас за собой, рассекая человеческое море, как пиратская шикка. Я и глазом моргнуть не успел, как мы остановились рядом с грудой разноцветных одежд, под покровом которых скрывался будущий домовладелец.

Я думал, если уж дом для Мелифаро собрались строить каким-то непостижимым мистическим способом, значит, место, где он будет стоять, сейчас пусто. Зелёная лужайка, или вымощенная камнями площадка, или поле, аккуратно посыпанное мелким речным песком, как-нибудь так. Ну, может быть, вырыта яма – вдруг волшебному дому необходим нормальный человеческий фундамент? Кто их разберёт, этих Новых Древних. Чего я совершенно не ожидал – так это попасть на свалку. Вернее, к подножию огромной мусорной кучи, где вперемешку громоздились доски, мешки и коробки, осколки стекла, битые кирпичи, ветхая мебель, цветочные ящики, погнутые колёса, садовые скульптуры с отбитыми головами, облезлые ковры и прочая дрянь в таком роде. Украшением помойки, своего рода вишенкой на торте стала старая рыбацкая лодка – без дна, зато с таким запасом поломанных вёсел, словно при жизни принадлежала какому-нибудь сторукому демону. Крайне неаккуратному в обращении с вещами.

– А, ну да, – вспомнил я. – Ты же говорил, что сам придумал проект. Дом, о котором мечтал в детстве. Прости, дружище, я тебя недооценивал. Думал, здесь будет какой-нибудь скучный пиратский замок, а ты, оказывается, великий художник-авангардист. Гений, обречённый на непонимание современников. В частности, моё. Ты правда уверен, что вам с Кенлех тут будет уютно?

Мелифаро смотрел на меня, открыв рот. Наконец, хлопнул себя ладонью по лбу и заржал.

– Ты подумал, что это и есть мой новый дом? – сквозь смех спросил он. – Нет, правда?

– А это не он? – ухмыльнулся я. – Так ты, получается, не авангардист и не гений? Какое разочарование. Теперь не стану брать у тебя автограф, хоть

ты тресни.

Мелифаро заржал ещё громче.

– Ну, кстати, я бы тоже подумала, что это и есть твой дворец, если бы не знала, как строят Новые Древние, – вступилась за меня Меламори. – А Макс, как я понимаю, не знает.

– На самом деле, мне это только льстит, – признался Мелифаро. – Если даже вы думаете, что я настолько безумен, какая же у меня должна быть репутация в городе! Так сам не заметишь, как станешь персонажем очередной легенды о чокнутых колдунах, которые рассказывают студентам и непослушным детям. Папа будет рад.

– Но почему тогда тут столько мусора? – спросил я. – Или убирать его будут тоже волшебным способом? Это часть представления?

– В некотором смысле, – согласилась Меламори. – Только убирать его никто не станет. Мусор – самая необходимая вещь. Именно из него Новые Древние и строят.

Эту новость надо было как следует переварить. Поэтому я ничего не сказал. А стоял и таращился на свалку, как баран на новые ворота. Если, конечно, бараны способны так сильно удивляться.

– В этом, собственно, и состоит секрет успеха Новых Древних, – заметил Нумминорих. – Штука в том, что настоящие древние архитекторы строили дома буквально из ничего. То есть, на совершенно пустом месте. Поэтому для строительства им требовалась магия таких высоких ступеней, которые до сих пор запрещены. Да и не доступны почти никому.

– Три миллиона сто тысяч шестисотая ступень Чёрной магии и всего три миллиона сто тысяч пятьсот девяносто девятая Белой^[5], – понимающе кивнул я.

– Что-то вроде того. Такую старинную традицию захочешь – не возродишь. Разрешённой нынешними законами магии^[6] хватит только на иллюзию, которая ни от дождя, ни от ветра не укроет, да и простоит ненамного дольше, чем еда для Базилио. Если подумать, это примерно один и тот же фокус, просто дом крупнее торта, и срок жизни у него, по идее, должен быть гораздо больше...В общем, ничего бы не получилось, если бы Малдо Йозу не пришла в голову простая и гениальная идея: вместо того, чтобы создавать материю из пустоты, как делали древние, её можно просто преобразовывать. Превращать одно в другое совсем не сложно, почти кого угодно можно этому научить. Легче всего, как я понимаю, строить на развалинах старых домов, добавляя, по мере необходимости, разного мусора для объёма. Но можно и без развалин, просто из чего попало. А уж

мусора в Ехо более чем достаточно, ещё на много домов хватит. И городские власти только спасибо скажут за помощь в уборке свалок.

– А когда Ехо станет самым чистым городом в Море, наши сообразительные купцы начнут возить мусор из Куманского Халифата, – вставила Меламори. – И за бешеные деньги продавать всем желающим обзавестись новым домом. По-моему, отличный бизнес. Эх, почему я не пошла в моряки?!

– Это ещё не поздно исправить, – оживился Нумминорих. – В Корабельную Высокую Школу в любом возрасте берут.

– Эй, – потребовал я, – не отвлекайтесь. Рассказывайте дальше.

– Так нечего больше рассказывать, – развёл руками Нумминорих. – Малдо Йоз придумал строить дома из чего попало, и это сработало. Тогда он стал собирать команду, потому что, как я понимаю, колдовать над таким огромным объектом как дом всё-таки легче в большой компании, чем в одиночку. И наверное гораздо веселей. Они пока всего пару дюжин домов построили – сперва на окраинах Старого Города, а потом взялись за центр. Всё только начинается.

– Начинается! – эхом откликнулся Мелифаро.

Ну, то есть, это я решил, что эхом. А на самом деле его реплика имела совершенно самостоятельную ценность. И означала, что на свалке, в смысле, на строительной площадке наконец появились мастера. Около дюжины юных оболтусов с улыбками до ушей, все до единого в модных коротких лоохи, хоть стреляйся.

И пришли, конечно, не касаясь ногами земли, как это нынче заведено у передовой столичной молодёжи. Будь моя воля, я бы такое пижонство запретил законодательно, причём исключительно из сострадания к нашим горемычным модникам. Ходить в полуметре над землёй не особо трудно, но чертовски скучно. И всё внимание отнимает, так что по сторонам уже особо не поглазеешь. Никакого удовольствия от прогулки. И практической пользы тоже никакой. Разве что, обувь не снашивается, но я и в худшие свои дни не был настолько экономным.

Однако подобные вопросы, увы, решаю не я. А потому в наше время всякий житель столицы Соединённого Королевства, желающий быстро заработать репутацию мало-мальски способного колдуна, вынужден ходить по воздуху. И у Новых Древних архитекторов пока просто не было выбора: заказы-то им нужны и, как я понимаю, чем больше, тем лучше. Сперва надо хорошенько прославиться, а уже потом можно снова спокойно ходить по твёрдой земле. Как, например, я.

Пока я всё это обдумывал, на свалке появилось ещё одно действующее

лицо. Лицо совершенно не стеснялось касаться ногами земли, а выглядело так, что в первую секунду я решил, будто на строительство решил поглазеть сам Король. И ужасно удивился: как же это Его Величество ухитрился сбежать из дворца без свиты, причём не инкогнито, как обычно, а при полном параде. То есть в шляпе, которую наши монархи носят вместо короны. А кроме царствующей особы, вроде бы, никто.

Но приглядевшись, я понял, что никакой это не Король. И шляпа на нём вовсе не Королевская. Такой широкополый зелёный ужас, для пущего устрашения консервативных обывателей вроде меня украшенный синим пером птицы сыйсу, Его Величество Гуриг Восьмой, возможно, согласился бы надеть. Но только ради спасения Соединённого Королевства и нескольких дюжин лукошек пушистых котят в придачу. Да и то, честно говоря, не факт.

– Ну всё, Малдо явился, – сказал Мелифаро. – Сейчас пойдёт дело.

– Вот этот, в шляпе, и есть Малдо Йоз? – переспросил я. – Хочешь сказать, ты доверил строительство своего дома человеку в такой шляпе?! Не узнаю тебя, дружище.

– Чем тебе его шляпа не угодила? По-моему, отличная вышла шутка. С одной стороны, человек нахально носит Королевский головной убор, с другой, форма и цвет так сильно отличаются от канонических, что дворцовые блюстители этикета не могут запретить Малдо так одеваться. Хотя им конечно, очень хочется. Но убедительных аргументов не хватает. Если бы я не состоял на государственной службе, сам бы что-нибудь такое придумал.

Ох. Могу вообразить.

Ну или не могу.

Малдо Йоз, тем временем, направился к нам. Шёл так стремительно, будто состязался с невидимым, но шустрым соперником и решил во что бы то ни стало добраться до нас первым. Лицо его можно было бы назвать непримечательным, если бы не глаза – небольшие, глубоко посаженные, но такого неправдоподобно яркого голубого цвета, словно он спёр их с картинки в какой-нибудь детской книжке.

Издавек Малдо Йоз показался мне очень высоким, но на деле был заметно ниже меня. Просто обладал осанкой и манерами, типичными для долговязых людей. Очень широкий шаг, лёгкая сутулость и такая особая посадка головы, будто ему постоянно приходится смотреть на всех сверху вниз. Интересно, как это технически возможно при росте чуть ниже среднего? Колдует, что ли?

Я думал, Малдо Йоз решил обсудить с Мелифаро какие-нибудь последние детали, но он подошёл прямо ко мне, вежливо прикрыл глаза ладонью, длинной и узкой, как лезвие ножа, пробормотал положенную формулу «Вижу как наяву», ослепительно улыбнулся и сказал:

– Сэр Макс, я так и знал. Вы пришли смотреть на нашу стройку. Какой ужас.

Голос у него оказался очень громким. Но, хвала Магистрам, хотя бы не противным. Вполне благозвучный баритон. С таким, наверное, хорошо быть драматическим актёром в наших суровых условиях, когда театральным труппам приходится выступать в трактирах. Этот, пожалуй, всех развесёлых пьяниц перекричит и сам не заметит.

– Почему ужас-то? – спросил я.

– Я давно хотел с вами познакомиться, – Малдо Йоз улыбнулся ещё шире. – Слушайте, вы даже не представляете, как сильно хотел! Но не приставать же к вам на улице, зазывая на кружку камры. Логичней всего было бы пригласить вас посмотреть, как мы работаем – это, по крайней мере, интересно. Но я оттягивал этот момент, как мог. Опасался, что на радостях начну выпендриваться, завалю всё дело и опозорюсь навсегда. И вдруг вы сами пришли, да ещё на самый сложный из наших объектов. Ладно, работаем с тем что есть, и да хранят нас всех Тёмные Магистры.

Он пошёл было обратно, к своим коллегам, но вдруг обернулся и неожиданно подмигнул мне, как старому приятелю. Дескать, не обращай внимания на мою болтовню, она не имеет ни значения, ни смысла. Просто когда знакомишься, приходится говорить какие-то слова, желательно приятные собеседнику, но можно и просто любую условно вежливую ерунду.

Ишь какой.

А потом Малдо Йоз что-то сказал своим пижонам, те, как миленькие, спустились с небес на землю и заняли свои места вокруг мусорной кучи. Сам он полез куда-то в её середину, то и дело цепляясь за доски полами серого лоохи – хвала Магистрам, оно было вполне нормальной человеческой длины. В смысле, до колен. По нынешним временам длиннее уже просто невозможно. Даже я такие больше не ношу.

Но любоваться его упоительно консервативным нарядом мне довелось недолго, потому что несколько секунд спустя Малдо Йоза поглотил хаос. В смысле, он благополучно забрался в самый центр свалки и скрылся из глаз.

И тогда началось самое интересное.

Если бы накануне Шурф не водил меня в Скандальный переулок, я бы

сейчас прыгал, как ребёнок, впервые попавший в цирк, дёргал бы за рукава всех подряд, знакомых и незнакомых, вопил бы во всю глотку: «Ты видишь? Как они это делают вообще?! А сейчас? Смотри, смотри!»

Я, впрочем, и так был готов запрыгать и завопить, но после давешнего опыта сдерживаться оказалось легче. Когда огромная куча хлама задрожала и вспыхнула тусклым при дневном свете, но отчётливо разноцветным сиянием, я вспомнил: «Точно, дом с птицами тоже светился прежде, чем стать круглым». Когда в сияющем месиве стало невозможно разобрать, где тут доски, где тряпки, а где лодка с вёслами, подумал: «И это было». А к тому времени, как хаос постепенно обрёл определённые очертания и стал похож на гору огромных детских кубиков, каким-то причудливым образом поставленных один на другой, я уже более-менее освоился с происходящим. Шепнул Мелифаро:

– Прости, беру свои слова обратно. Ты всё-таки гений, и я буду выпрашивать у тебя автограф. Возможно, трижды на дню. Всякий раз, как вспомню твой новый дом, так и буду.

– Ладно, – снисходительно отозвался он. – Выпрашивай, мне не жалко. Только бумагу и карандаш с собой носи, у меня их отродясь не было.

– И очень зря, – заметила Меламори. – Мог бы уже давным-давно загреметь в Приют Безумных. Чертил бы там проекты новых волшебных дворцов, а мы бы тебя навещали. И всем было бы хорошо и интересно.

– Я и так давным-давно туда загремел, – отмахнулся Мелифаро. – Или ты до сих пор считаешь нашу клинику для особо безнадёжных психов государственным учреждением, ответственным за безопасность Соединённого Королевства? Добрый знахарь дядя Джуффин тебе это сказал, и ты поверила? Потрясающая наивность.

Я бы с удовольствием принял участие в их беседе, но меня отвлекли. В смысле, прислали зов. Причём я сначала не понял, кто именно. Слушал звенящий у меня в голове тонкий голосок и гадал: кто бы это мог быть. Голосок успел пожелать мне хорошего дня, спросить, не очень ли я занят, поблагодарить за то, что не оставил одну на рассвете – и только в этот момент до меня дошло, что со мной разговаривает Базилио. Надо же, как быстро она освоила Безмолвную Речь! Интересно, кто её научил? Ладно, главное, что теперь мне не придётся возиться ещё и с этим.

«У тебя всё в порядке?» – спросил я.

Закономерный вопрос, если хорошо знать Базилио. Ещё вчера она была деликатнейшим в Море чудовищем, часами размышлявшим, можно ли побеспокоить домочадцев просьбой об ужине, или лучше всё-таки подождать, пока мы сами спохватимся. И вряд ли из этого материала могла

получиться нахальная девица, способная дёргать людей по пустякам.

«Всё в полном порядке, – поспешно ответила Базилио. – И у меня, и вообще дома. Просто когда ты ушёл, я ещё спала и не успела задать тебе один важный вопрос. Ни за что не стала бы к тебе приставать, но ответ мне нужен до вечера. А ты вряд ли так рано придёшь...»

«Так спрашивай давай, – потребовал я. – Пока у меня не началась какая-нибудь погоня с перестрелкой».

Стыдно, конечно, обманывать ребёнка. Но не признаваться же ей, что весь такой из себя великий и ужасный я до сих пор устаю от Безмолвной Речи, как от разгрузки вагонов. К тому же, очень сложно объяснить непосвящённому, что такое «вагон», и почему его тяжёлое содержимое нельзя просто уменьшить и унести в пригоршне, не задействуя мускульный аппарат. Так что лучше и не начинать.

«Ты вчера сказал, что все захотят отпраздновать моё... Ну, что я внезапно стала человеком. И вечеринка будет завтра же. То есть, уже сегодня. Это правда? Ты не шутил? Все придут? Причём не к тебе в гости, а специально лично ко мне? Но тогда, получается, надо как-то подготовиться?»

Ох ты чёрт. Как я мог забыть. Всё-таки леди Сотофа Ханемер действительно способна ошибаться в людях. Тоже мне «прирождённый опекун юных леди». Прирождённый свинтус с дырявой головой, вот я на самом деле кто. Наобещал ребёнку гостей, а сам никого не позвал. Если это не самый верный способ разбить девичье сердце, я сдаюсь.

Но всего этого я говорить не стал. А тоном, не допускающим сомнений, заявил: «Конечно, к тебе все придут! Вечера дожидаться не могут. Но готовиться совершенно не обязательно. Пошлём зов в трактир, пироги сами к нам прилетят. И выпивка за ними вдогонку. Так что забудь».

«Нннууу... – нерешительно протянула Базилио, – понимаешь... Мне же наверное надо как-нибудь красиво нарядиться? А у меня ничего нет. Никакой человеческой одежды, кроме той, которая на мне».

Тут я окончательно убедился, что даже мало-мальски сносным опекуном юных леди мне не бывать никогда. В противном случае, я бы ещё вчера сообразил, что кто-то должен отвести Базилио за покупками.

Ладно, эту оплошность будем исправлять потом. Прямо сейчас-то что делать?

«Моя гардеробная в твоём полном распоряжении, – сказал я. – Мы почти одного роста, а мужчины и женщины одеваются примерно одинаково, так что никаких проблем. Правда, я катастрофически отстал от моды, так уж тебе со мной не повезло».

«А сэр Мелифаро меня не засмеёт?» – осторожно спросила Базилио.

Мнение остальных её, хвала Магистрам, совершенно не тревожило. Надо же, как она нас всех хорошо изучила.

«Пусть только попробует, узнает, в каких болотах вурдалаки ночуют, – грозно пообещал я. – Буду нас защищать. В смысле, тебя и своё чувство стиля. Не вешай нос».

«Да я и так не вешаю. Наоборот! Еще вчера в это время я даже не подозревала, что скоро у меня появятся самые настоящие человеческие проблемы. Например, что надеть к приёму гостей. Это же здорово!»

Я окончательно уверился, что неправильно классифицировал внезапно появившееся у меня в доме неведомое чудище как аналог василиска. На самом деле, это был ангел. И превращение в человека в этом смысле ничего не изменило.

Пока мы трепались, с домом было покончено. В смысле, он уже неподвижно стоял на месте, не светился и не дрожал. И больше не изменял форму. Так и подмывает добавить: «И напрасно не изменял», – но это будет неправда.

Результат работы Новых Древних архитекторов над детской мечтой Мелифаро совершенно не походил на жилой дом, как я его себе представляю. Скорее уж на неудачно собранную гигантскую пространственную головоломку. Но при этом сооружение было прекрасно – если смотреть на него не с практической точки зрения, прикидывая, сколько комнат внутри, как они выглядят, и можно ли поставить там хотя бы один обеденный стол, а как на произведение искусства. Точнее, на огромную авангардную скульптуру, состоящую из множества разноцветных частей столь причудливых форм, что здравый смысл требовал немедленно разобрать эту невозможную конструкцию и больше никогда ничего подобного не делать. Зато все остальные составляющие моей личности дружно рукоплескали результату. И я, пожалуй, был на их стороне.

– Ну ни хрена же себе хрень! – наконец сказал я.

Ответом мне был дружный вздох, выражающий, как я понимаю, полное согласие с моей развёрнутой рецензией.

Меламори потянула меня за полу лоохи.

– Эй, а почему ты за меня не заступился?

– А надо было? – удивился я.

– Не то чтобы позарез. Но мне было бы приятно. Этот псих, соавтор нового архитектурного шедевра, утверждал, будто он – единственный более-менее вменяемый человек в Тайном Сыске. А у меня всех

аргументов: «Сейчас в глаз дам». Ты всё-таки гораздо более красноречив.

– Я всё прослушал, потому что разговаривал с Базилио. И, кстати, сказал ей, что вечером все придут поздравлять её с чудесным превращением. Надеюсь, не соврал.

– Ну слушай! – возмутился Нумминорих. – Мы бы и так пришли, без всяких напоминаний. Ты что! Мне ужасно интересно, какой он стал.

– «Какая», – поправила его Меламори. – Базилио у нас теперь юная леди. Внезапно. Отличная, кстати, девчонка получилась. Даже хорошо, что не мальчишка, а то я бы, пожалуй, положила на него глаз... Сэр Макс, убери свой кулак из-под моего носа. Только подумай: мальчишка, который умеет превращаться в такое страшное чудовище! Немыслимый соблазн.

– Ну да, – ухмыльнулся я. – Сердцу не прикажешь, понимаю.

– Совершенно уверен, ты специально подстроил это дурацкое превращение с ещё более дурацкой вечеринкой, чтобы не дать мне спокойно переехать в новый дом, – ухмыльнулся Мелифаро.

– Так ты придёшь? – обрадовался я.

– Ну а как ты думаешь?

– Отлично. Тогда слушай меня внимательно. У Базилио пока нет никакой одежды. Просто не успели – не то что купить, даже подумать об этом. И я одолжил ей свою...

– Бедная девочка.

– С удовольствием выслушаю все твои комментарии по этому поводу. Но – наедине! А ей, будь добр, скажи комплимент, хоть плохонький. Базилио очень переживает, что ты будешь смеяться над её нарядом.

– Что лишний раз демонстрирует незаурядность её ума, – невозмутимо кивнул Мелифаро. – Не успела стать человеком, а уже понимает, что по-настоящему важно, а что – суета сует. И какими ужасными тряпками забиты шкафы её покровителя, бедная девочка тоже уже осознала. Ничего, она сильная. Она справится.

– Вот напрасно вы все забываете, что я на самом деле тоже умею превращаться в чудовище, – угрожающе сказал я. – А я, меж тем, ещё как умею! Просто ленюсь – до поры. И кстати, в отличие от безобидной Базилио, я – чудовище-людоед. Вы не представляете, как трудно было в прошлый раз никого не сожрать. А теперь даже и не знаю, стоило ли отказывать себе в самом необходимом...

– Ух ты, точно же! – обрадовалась Меламори. – А я и забыла, что ты у нас такой прекрасный. Решено, раз так, остаюсь с тобой. От добра добра не ищут.

– Ладно, – Мелифаро тоже сразу стал покладистым. – Я скажу Базилио

как минимум один комплимент. Может быть два, больше не обещаю. Не могу много врать, очень от этого устаю. Но учти, завтра же я отведу её в лавку с нормальной одеждой. И можешь откусывать мне столько голов, сколько сочтёшь нужным. Моё слово твёрдо.

– Именно об этом я и собирался тебя попросить, – кивнул я. – И ещё об одном одолжении...

– Это о каком? – нахмурился он. – Свою одежду я ей не дам, даже на один вечер, и не проси.

– И хвала Магистрам, что так. Ты вообще хоть о чём-то кроме тряпок можешь думать? Я просто хочу посмотреть, как устроен твой дом изнутри. И остальные, уверен, тоже.

– Так я и сам хочу, – улыбнулся он. – Но видишь, Малдо ещё не вышел. И ребята застыли как околдованные. Это значит, что создание внутренних перекрытий и отделка пока не закончены. Ждём.

Только сейчас я обратил внимание, что юные строители в куцах лоохи по-прежнему неподвижно стоят на своих местах. И выглядят, скажем так, не самыми бодрыми людьми в этом городе. Иными словами, вот-вот в обморок от переутомления грохнутся, один за другим. И только тогда я наконец сообразил, что всё это развесёлое быстрое строительство – не ребяческие развлечения, а серьёзное древнее колдовство. Которое, возможно, мне самому оказалось бы не под силу; без долгих тренировок – так точно. А я почему-то всё это время смотрю на них снисходительно, как на резвящихся детей. К нарядам придираюсь. И шляпа Малдо мне чем-то не угодила.

Как есть дурак.

Несколько минут ожидания показались мне вечностью. И не потому что я так уж сильно рвался посмотреть дом изнутри, хотя любопытно было, конечно. Просто невольно осознав степень прилагаемых строителями усилий, я уже не мог отвлечься и перестать им сопереживать. В каком-то смысле трудился вместе с ними, но не на результат, а, так сказать, ради собственных острых ощущений. И так заигрался, что действительно зверски устал.

Поэтому когда ребята вдруг одновременно хлопнули в ладоши и попадали в окружающую новый дом траву, смеясь и продолжая аплодировать, я тоже уселся – прямо на землю. Сколько можно стоять.

Полосатая дверь, расположенная в основании удивительной конструкции, распахнулась, и из дома пулей вылетел Малдо Йоз. Выглядело это так, словно за ним гналась толпа мстительных демонов, но

на самом деле, это он просто вышел. По своим меркам, наверное, даже неторопливо. Вразвалочку. Потому что тоже зверски устал, просто не подавал виду, поскольку явно принадлежал к дурацкой породе человеческих существ, для которых пускать пыль в глаза – всё равно что дышать.

Толпа, собравшаяся на Удивительной улице, натурально взорвалась восторженными воплями и хлопками. Даже несколько фейерверков на радостях запустили, хотя при дневном свете особого смысла в них нет.

Мелифаро подпрыгнул от избытка чувств, рванул к дому, и они с Малдо обнялись на глазах у восхищённой публики. Что-то друг другу говорили, я не слышал, но уверен, что комплименты. «Это гениально», «ну вы даёте», «самый удивительный заказ в моей жизни», и так далее. На их месте я бы сейчас и сам такое говорил. Помощники Малдо Йоза понемногу поднимались с травы и включались в ритуал братских объятий, так что в конце концов стали походить на футбольную команду, только что забившую решающий гол. Но в Соединённом Королевстве в футбол не играют, так что оценить красоту моего сравнения было некому.

– Даже немножко завидно, – шепнул Нумминорих, присаживаясь рядом. – Хотя ясно, что мне повезло больше всех в Мире: быть Тайным сыщиком в сто раз круче, чем кем-нибудь другим. Но прямо сейчас они такие счастливые! Сделали очень трудное дело, и у них всё получилось. Как же я это люблю!

– Мне и самому завидно, – признался я. – Просто мы с тобой давненько ничего невозможного не делали. И даже просто трудного. Надо это как-то прекращать. С другой стороны, не всё от нас зависит. Нет работы, значит нет, ничего не попишешь.

Меламори села рядом с нами.

– Почему-то считается, что отсутствие работы – это благо, – сказала она. – Какое враньё!

Так и сидели втроём, печально вздыхая, отчаянные бездельники, которым вдруг стало некого и не от чего спасать, жертвы золотого века Соединённого Королевства, внезапно наступившего для нас всех. И хвала Магистрам, что наступившего. А мы – да чёрт с нами. Потерпим как-нибудь. Вечеринку, например, устроим. А потом ещё одну.

Наконец героям дня надоело обниматься, и Мелифаро призывно помахал нам рукой – давайте сюда. Мы подскочили, но первой возле него оказалась выпрыгнувшая откуда-то из толпы длинноногая девица, в которую недавно превратилась Кекки Туотли.

Мелифаро сперва оторопел от её напора, но быстро сообразил, в чём дело, и громогласно, так что даже мы услышали, представил её строителям как свою троюродную тётку, только что приехавшую из графства Вук, где бедняжка всё это время трудолюбиво пасла графских менкалов. Всё-таки сколько лет знаю этого типа, столько удивляюсь, что он до сих пор жив. Долго сердиться на него невозможно, это ясно. Но для убийства иногда бывает достаточно одной секунды. Я проверял.

– Ну вот, ни хрена вы не завалили и не опозорились, – сказал я Малдо Йозу, который стоял на пороге нового дома и натурально светился от счастья. – А обещали. И где?!

– Я вообще довольно ненадёжный человек, – ухмыльнулся он. – Даже помощников сперва набирал специально для того, чтобы было кому ловить меня по всему городу и в нужное время доставлять на стройку. Правда, потом оказалось, что без них ничего по-настоящему интересного не сделаешь. Но это уже совсем другая история. И другой разговор. Серьёзный. Прямо сейчас не потяну.

– И не надо. Ваше дело маленькое: почивать на лаврах и слушать комплименты. Невероятную штуку вы тут сотворили. Не понимаю, как.

– Сам пока не понимаю. Но совершенно точно знаю, что если бы не сэр Мелифаро, мы бы и за сто лет до такого не додумались. Вот ради чего я всегда хотел, чтобы всякий будущий владелец сам придумывал дом, а не выбирал из готовых эскизов. В этом, собственно, главный смысл нашей работы. Я уверен, что каждый человек – художник, просто мало кто догадывается о своём призвании. И если не тормозить, не требовать, не вкладывать насильно в руки карандаш, большинству никогда в голову не придёт попробовать себя в роли творца. И невероятные вещи вроде этого дома так и останутся невидимыми для остальных. А я жадный. Хочу увидеть как можно больше интересного. И не в воображении, а собственными глазами. И руками потрогать. И если ради этого надо как следует поработать, я готов. Всё честно. Ну что, пошли смотреть?

И наконец посторонился, пропуская нас в дом. Меня почему-то первым, хотя, по идее, эта честь должна была принадлежать художнику. То есть, Мелифаро. С другой стороны, может быть в Соединённом Королевстве тоже бытует суеверие насчёт первого вошедшего в новый дом? И меня запустили вместо кошки? Правильно, молодцы, что мне делается.

Если верить городским легендам, ни-че-го.

Внутреннее устройство дома потрясло меня до глубины души. Но не

очередным причудливым витком художественной мысли, а наоборот – простотой, рациональностью и лаконичностью. Когда снаружи дом выглядит как горячечный бред умирающего счастливым геометра, как-то не ожидаешь обнаружить внутри просторные комнаты правильной формы. Огромную гостиную с примыкающими к ней кладовой и кухней на первом этаже, три тщательно изолированные друг от друга спальни на втором, библиотеку и два кабинета на третьем.

– Надо же, – сказал я Мелифаро. – Нормальное человеческое жильё. Ты тут зачакнешь, дружище.

– Не выдумывай, – отмахнулся он. – Я даже на улице Хмурых Туч за столько лет не зачах, а уж насколько унылое место. Одно название чего стоит. Чтобы начать тосковать, требуется прорва свободного времени. Мне такая роскошь не светит. По крайней мере, не в ближайшие годы. А в доме, куда приходишь, чтобы упасть и уснуть, должно быть удобно. И всё понятно.

Он, кстати, совершенно не преувеличивал. Пока мы бездельничаем в ожидании каких-нибудь невнятных мистических событий, Мелифаро, сэр Кофа с Кекки и вся городская полиция в придачу продолжают заниматься так называемыми «незначительными происшествиями», из которых, собственно, и состоит человеческая жизнь. Поэтому им даже на короткий отпуск рассчитывать не особо приходится. Счастливчики, что тут скажешь.

– К тому же, – добавил Мелифаро, – у меня, по удивительному стечению обстоятельств, есть жена. Кенлех, как тебе известно, простодушное дитя степей, а потому гораздо мудрей всех нас вместе взятых. Ей абсолютно всё равно, как наш дом будет выглядеть снаружи, вон даже на строительство смотреть не пришла, сказала: «Ещё успею налюбоваться». Но выставила два жёстких условия: чтобы число комнат в доме не превышало дюжины, и чтобы ни в одной из них у неё не кружилась голова.

– Справедливые требования, – согласился я. – И ты их честно выполнил.

– Не совсем, – признался Мелифаро. – Ты ещё не видел мой кабинет на крыше. Он в форме неправильной пирамиды, и пол там под таким наклоном, что на ногах устоять трудно.

– Ну так пошли покажешь.

Мелифаро помотал головой.

– Прости, но нет. В детстве я мечтал, чтобы это была волшебная комната, куда не может зайти никто кроме меня. Малдо честно сказал, что так заколдовать отдельное помещение, оставив нетронутым весь остальной

дом, пока не умеет. Да я и сам, честно говоря, плохо понимаю, как подступиться к подобной задаче. Но, по крайней мере, я могу никого никогда туда не пускать. Один пойду посмотреть. Не обижайтесь.

Какие уж тут обиды. В жизни не подумал бы, что у этого невыносимого типа есть такая трогательная мечта: запереться в одиночестве и хотя бы полчаса в сутки никого не доставать.

– Так, стоп, – внезапно сказал Нумминорих. – А где Луукфи с буривухом? Он же тоже сюда собирался. Даже с самым неторопливым возницей давным-давно можно было доехать.

– А вот угадай, где он, – ухмыльнулся Мелифаро. – Сейчас проверим, прилагается ли к твоему носу хоть какое-то подобие головы.

Нумминорих нахмурился.

– Заблудился?.. Нет, погоди, не просто заблудился, а перепутал твои квартиры? Старую и новую?

– Он и тебе успел прислать зов и пожаловаться, что прибыл на улицу Хмурых Туч, а там ничего интересного не происходит?

– Да нет, конечно. Я подозреваю, сэр Луукфи вообще до сих пор не в курсе, что я тоже служу в Тайном Сыске. По крайней мере, сегодня, застав меня в Зале Общей Работы, он расспрашивал, как продвигается моя учёба. Услышав, что я уже много лет нигде не учусь, от всего сердца поздравил с её завершением, а потом выразил надежду, что сэр Макс, которого я, по его версии, пришёл навестить, уже вернулся из отпуска и будет очень рад меня видеть.

– То есть, хочешь сказать, насчёт улицы Хмурых Туч ты просто угадал? – изумился Мелифаро.

Нумминорих скромно пожал плечами.

– Он не угадал, а проанализировал известные ему факты и сделал наиболее вероятный вывод, – заметил я. – Есть такая штука: мыслительный процесс. Ты, небось, и не слышал, бедняга. Был бы здесь сэр Шурф, составил бы тебе список рекомендуемой литературы для первоначального ознакомления с вопросом. Но я буду милосерден и скажу тебе: плюнь. Мы любим тебя не за это. А за незаурядный художественный дар.

Пока я говорил, на лице моего друга всё более отчётливо проступало простое и понятное человеческое желание засветить мне в глаз. Или в челюсть. А дальше – как пойдёт. Но стоило упомянуть художественный дар, он заулыбался до ушей и смущённо признался:

– Я сам себя за него теперь люблю. Даже не надеялся, что так здорово получится. На бумажке это всё-таки гораздо скромнее выглядело.

– А что с Луукфи? – напомнила Кекки. – Почему он так и не приехал сюда? Буривах наверное разочарован и сердит?

– Представь себе, как раз наоборот. Буривах решил, что теперь в его обязанности входит тщательный осмотр жилищ всех сотрудников Тайного Сыска – не то для какого-нибудь секретного архива, где хранятся подробные сведения о личной жизни государственных служащих высшего ранга, не то просто для порядка. И с энтузиазмом принялся за работу: ему, оказывается, давно было интересно, как живут люди, а тут вдруг сами пригласили и всё показывают. Ты же знаешь Луукфи, он ни в чём не может отказать буривахам. И больше всего на свете боится их огорчить. Поэтому не стал разубеждать птицу, и они взялись за дело. Судя по регулярным сообщениям Кенлех, сейчас буривах запоминает расположение флаконов с благовониями на полке в ванной. С такими темпами они до заката с места не сдвинутся. И хвала Магистрам, что так: Кенлех в восторге от гостей. Она всегда мечтала близко познакомиться хотя бы с одним буривахом, но стеснялась напрашиваться на экскурсию в Большой Архив. Хотя я сто раз предлагал.

– Надеюсь, Луукфи не слишком огорчился, что пропустил такое потрясающее зрелище, – сказал я.

Все посмотрели на меня, как на идиота.

– Понимаешь, Макс, чтобы огорчиться, надо хотя бы приблизительно представлять, что именно ты пропустил, – наконец сказал Нумминорих.

– А парень думает, мы сейчас просто расставляем мебель в моей новой квартире, – ухмыльнулся Мелифаро. – Немного смущён, что не помогает, но, в общем, рад, что удалось избежать хлопот. Я не стал его разубеждать.

Потом Мелифаро убежал вверх, в свою вожденную тайную комнату, а мы разбрелись по дому. Хотя смотреть здесь было особо не на что. Просто пустой дом с отличной планировкой, и всё.

Гораздо интересней оказалось усесться на подоконник будущей библиотеки и разглядывать в окно Удивительную улицу. Собственно, городской улицей в привычном смысле слова она пока не выглядела. Просто пустырь, заросший высокой серебристой травой и цветами, когда-то садовыми, но уже давно одичавшими без присмотра. Свобода, впрочем, пошла им на пользу, такого буйного цветения в конце осени я не видел больше нигде.

Вдалеке, на другом краю пустыря, стояли ещё два дома, как мне показалось, вполне обычных. Впрочем, отсюда толком не разглядишь. Участок под сад Мелифаро достался, мягко говоря, не маленький. И, зная

их с Кенлех не первый год, я был спокоен за будущее травы и буйно разросшихся цветов: в ближайшие триста лет никто не потревожит растения бесцеремонным вмешательством в их частную дикую жизнь. А там, глядишь, окружать дома условно бескрайней степью станет повсеместной модой. Лично я только за. Будет смешно.

– Это тоже наша работа, – сказал Малдо Йоз.

Я не услышал, как он вошёл. От людей с таким громким голосом как-то не ждёшь совершенно бесшумной походки.

– Хорошие дома, крепкие, добротные и удобные, – продолжал Малдо. – И простоят хоть тысячу лет, если будет на то желание их владельцев. Но гордиться тут особо нечем. Подобных зданий и без нас в Ехо полно. Один заказчик захотел точную копию дедовского дома, разрушенного в Смутные Времена, ещё до его рождения. Вполне понятная ностальгия по возможному, но несбывшемуся варианту собственного детства. Другая рисовала эскиз сама, но всё равно ничего толком не придумала. Просто вспоминала, что ей когда-то понравилось, и старалась как можно точнее воспроизвести образцы. Вполне милая эклектика в итоге получилась, а все равно скучота. Будь моя воля, строил бы только что-то вроде этого. Но я пока никому не отказываю. Мне позарез нужны заказы, чем больше, тем лучше: я теперь не один. Моим людям надо очень много практиковаться и хорошо зарабатывать. Пусть станут богатыми прямо сейчас, пока молодые и глупые. Потом это уже не так интересно, правда?

Я невольно улыбнулся.

– Да ну, и потом вполне ничего. Когда деньги нужны только для того, чтобы о них не думать, пусть будут, да побольше. Возраст безмятежности не помеха.

– Так-то оно так, – согласился Малдо Йоз, усаживаясь на подоконник рядом со мной. – Однако окажись мы с вами сейчас без гроша, ушли бы, например, в лесные разбойники. Или, чем Тёмные Магистры не шутят, в пираты. Уверен, вы даже Невидимую Флотилию смогли бы ограбить, если бы захотели. Да?

Он испытующе посмотрел на меня. Голубые глаза сияли азартом, а невзрачное лицо с правильными мелкими чертами вдруг превратилось в натуральную разбойничью рожу, лукавую и алчную донельзя.

Я невольно прикинул: Невидимая Флотилия, значит. Неуловимая и, теоретически, неуязвимая. Специально созданная для межконтинентальных перевозок особо ценных грузов. Заколдованные быстроходные суда и команды, составленные из уроженцев островов Укумбийского моря, иными

словами, потомственных пиратов. Что совершенно логично, если учесть, что именно ради защиты от этих самых Укумбийских пиратов всё и затеяно. Зато против моего вторжения никаких специальных мер не принимали. Ну и отлично. Проникнуть Тёмным Путём на корабль, плывущий в открытом море, теоретически, возможно. Своими ушами слышал историю о человеке, которому это удалось^[7]. А значит, и я смогу, не вопрос. Подобные вещи у меня получаются как бы сами собой, даже стараться особо не надо – не то что с Безмолвной речью, кухонной вознёй и этим дурацким новомодным хождением в полуметре от земли... Ладно, попал я на корабль, что потом? Ясно, что: Смертные Шары по числу членов команды, один на всех приказ сидеть смирно и не мешать, сундуки с миллионами уменьшить и спрятать в пригоршню, и можно спокойно возвращаться домой – тоже Тёмным Путём. Милосердно расколдовав всех напоследок. Ну или не расколдовав, как пойдёт.

Наконец я кивнул:

– Да, Невидимую Флотилию, пожалуй, смог бы. Не вижу особых проблем.

– Теперь представляете, какой интересной могла бы стать наша с вами жизнь, окажись мы на мели? – с энтузиазмом спросил Малдо. – Пока нежная молодёжь будет жаловаться друг другу на Мир, не способный по достоинству их оценить, мы...

Я помотал головой.

– Да ну, ничего интересного. Суесться, грабить кого-то. А потом ещё скрываться от преследования, стараясь никого ненароком не зашибить – вообще тоска. Лучше уж плюнуть на всё и отправиться в одну из тех реальностей, где я по-прежнему богач. Или просто умотать на Тёмную Сторону, благо там деньги вообще не нужны. Сколько раз бывал на Тёмной Стороне, ни одной лавки не видел. И никаких трактиров. И погода там всегда отличная, даже когда у нас зима, можно прямо на улице жить...

На этом месте я осёкся, потому что почувствовал себя натурально буржуем, жрущим пирожные на глазах у голодного сироты. Сиротой был, как ни странно, Малдо Йоз, сегодняшний триумфатор, обладатель почти Королевской шляпы, предводитель Новых Древних Архитекторов, колдун, каких даже здесь, в Сердце Мира, по пальцам можно сосчитать.

Он как-то внезапно сник, ссутулился ещё больше, азартный блеск в глазах погас. Хорошо хоть поля шляпы не обвисли, это было бы слишком.

– Я что-то не то сморозил? – прямо спросил я.

Малдо Йоз слабо улыбнулся, махнул рукой.

– Можно и так сказать. Но на самом деле, вы тут не при чём. Не берите

в голову. Просто я отчаянно завидую людям, которые для вот этого всего рождены – Тёмная Сторона, другие Миры и... Не знаю, что у вас там дальше. И воображения не хватает предположить. А вам я завидую больше всех вместе взятых, очень уж много удивительных вещей о вас слышал; если хотя бы сотая часть правда – заверните мне вашу жизнь, хочу, беру, не торгуясь, даже если выяснится, что ради сохранения этих чудесных возможностей вам каждую ночь отпиливают голову ржавой пилой, а потом приделывают на место.

– Не отпиливают.

Мы помолчали.

– Извините за такую внезапную откровенность, – наконец сказал Малдо Йоз. – Не поверите, но обычно я веду себя гораздо сдержанней. Просто очень устал. И почему-то такое ощущение, что с вами всё можно.

– Правильное ощущение. И да, тут есть чему завидовать. Я вас очень хорошо понимаю. Когда-то сам завидовал – вообще всем, в чьей жизни был хоть какой-нибудь смысл. Даже если на самом деле его не было. Я бы тогда и за мало-мальски убедительную иллюзию смысла дорого дал... Ладно. Простите, что так расхвастался. Просто увлёкся разговором. И не подумал, как всё это звучит со стороны.

– Ну так я сам этого хотел, – откликнулся он. – В смысле, хотел вас разговорить. И получил несколько больше, чем рассчитывал. Так часто бывает.

– Равновесия ради следует признаться, что совсем недавно я отчаянно завидовал вам, – сказал я. – Когда дом был закончен, стоял, весь такой из себя невероятный, и вы с видом победителя вышли на крыльцо. И все захлопали и полезли к вам обниматься. Без аплодисментов и объятий я как раз обойдусь, но вот это ощущение только что законченного почти невозможного дела – самое прекрасное, что может случиться. Ради него имело смысл родиться слабым недолговечным существом человеком, для которого почти невозможно вообще практически всё. И путь к настоящему счастью вполне очевиден, если не уму, то сердцу...

– Вы так говорите, будто у нас был выбор, кем родиться.

Я молча пожал плечами. Потому что объяснять, что у меня, кажется, всё-таки был, и сами видите, что я в итоге выбрал, – это уже верх бестактности.

Но Малдо Йоз, похоже, и так всё понял. Нахмурился ещё больше, отвернулся. Потом сказал:

– На самом деле, этот дом действительно оказался совершенно невозможным делом. Рановато мы за него взялись. Надо было ещё

потренироваться, хотя бы до конца года. Но мне так припекло! Вот прямо сейчас, вынь да подай, и точка.

– И снова очень хорошо понимаю, – кивнул я. – Сам такой. И это, наверное, правильно. Потому что всё равно получается, вопреки всему. Вот и у вас сегодня получилось.

– В самом конце был момент, когда я почувствовал, что мы не справляемся, – признался он. – Слишком много деталей и, что ещё хуже, слишком много несоответствий моим собственным представлениям о возможном, опыту, честно нажитому за годы, проведённые на настоящих стройках, где работают вовсе без магии. Я вдруг невольно усомнился в результате, а в нашем деле это катастрофа. Сразу утратил контроль над процессом и понял, что вся эта красота вот-вот рухнет мне на голову. Даже подумал: хорошо, что я работаю внутри и погибну под обломками. Позор гораздо мучительней. Но тут пришло второе дыхание, и всё получилось, как бы само собой. Неожиданно легко. Пока не понимаю, почему так. Но когда-нибудь разберусь.

Я не стал ничего ему говорить. Но удивлённо подумал, что возможно не зря напрягался, сопереживая строителям. Со мной часто так бывает: веду себя, как последний дурак, а потом, задним числом, внезапно выясняется, что это было совершенно необходимо.

Впрочем, бывает и наоборот.

Малдо, тем временем, снова повеселел, оживился, скорчил хитрющую рожу и спросил:

– Слушайте, сэр Макс, а мы с вами будем дружить?

Из моих знакомых подобный вопрос могла бы задать только Базилио – на правах почти новорожденной в мире людей. И, пожалуй, больше никто. А зря. Я высоко ценю подобное прямодушие. Ничего за собеседника додумывать не надо, сам всё простыми словами скажет, а потом догонит и трижды повторит. Очень удобно.

– Ну а чем, мы, по-твоему, уже битый час занимаемся? – усмехнулся я.

– Как час?! – подскочил Малдо. – Я что, правда столько тут с тобой сижу?

Паника – лучший способ мгновенно приспособиться к изменившимся обстоятельствам и перейти на «ты», всегда это знал.

– Да нет, на самом деле, вряд ли, – сказал я. – Это было художественное преувеличение. Просто «час» звучит гораздо лучше, чем, к примеру, «четырнадцать с половиной минут».

– Ладно, тогда ещё ничего. Но мне всё равно нужно бежать. Подписывать документы, хвалить своих ребят и врать пронырам из «Суеты

Ехо», что этот невероятный дом – далеко не предел наших возможностей. И мы всем ещё покажем.

– Не «врать», – улыбнулся я. – А просто выдавать желаемое за действительное. Как по мне, отличный способ превратить это самое желаемое в такое распрекрасное действительное, что мало никому не покажется.

И спрыгнул с подоконника, предварительно договорившись с собой, что ноги мои коснутся пола в кабинете Джуффина в Доме у Моста. Таким образом, можно будет убить целую кучу зайцев: воспользовавшись эффектом внезапности, отобрать у Джуффина остатки камры, сбежать подальше от журналистов, лишний раз убедиться, что за минувшую ночь я не разучился ходить Тёмным Путём, и заодно произвести неизгладимое впечатление на нового приятеля. Уж я-то знаю, как эффектно подобные штуки выглядят со стороны.

То есть, дело, как мы понимаем, было именно в этом. В моей жизни наконец-то снова появился человек, перед которым имеет смысл выпендриваться. Все остальные ко мне давным-давно привыкли и ждут чего угодно. Ничем их не удивишь. А тут свеженький зритель. Пока привыкнет к моим выходкам, они как раз успеют мне надоесть. И я, конечно, придумаю ещё что-нибудь новенькое.

Идеальный вариант. Ничто не вдохновляет меня так, как собственная пыль, эффектно пущенная в чьи-нибудь широко распахнутые глаза.

Когда мои ноги коснулись мягкого кеттарийского ковра, занимающего большую часть Джуффинова кабинета, я сразу сказал:

– Я снова без пирожных, но только потому, что пришёл сюда прямо со стройки. Там их просто не было!

– «Просто не было» – это одна из самых популярных человеческих отговорок, – печально откликнулся Куруш. – В вас, людях, поразительным образом сочетаются умение печь вкусные пирожные и полное отсутствие альтруистической готовности обеспечить ими всех нуждающихся. Впрочем, мне уже принесли полдюжины из «Обжоры Бунбы», поэтому на сегодня проблема решена.

– А почему ты так рано сбежал? Дом не понравился? – спросил Джуффин, придвигая к себе кувшин с камрой.

Эффект неожиданности не сработал, вот чёрт.

Впрочем, тут же выяснилось, что шеф взял кувшин только для того, чтобы наполнить кружку и протянуть её мне. Всё-таки надо лучше думать о

людях.

– Дом как раз очень понравился, – сказал я. – Даже удивительно. Думал, я куда более консервативен. Ну и сам процесс – слушай, слов нет! А сбежал я, узнав, что где-то рядом бродят журналисты из «Суеты Ехо». Не хочу ставить тебя перед тяжёлым этическим выбором: сажать меня за убийство в Холоми, или напротив, прятать в погреб.

– Да почему же именно в погреб? – рассеянно удивился Джуффин. – Там неудобно... А ты что, до сих пор зол на газетчиков? Ничего себе память у тебя.

– Я не зол. То есть, зол, но не потому что обиделся на глупые статьи. Беда, что они стали так много и бездарно врать; про меня или нет – это как раз дело десятое. Смысл газет, как я понимаю, заключается в том, чтобы люди быстро узнавали информацию: важную, полезную и просто забавную. А постоянное враньё информацию обесценивает. Проще вообще перестать читать газеты, чем постоянно гадать, какая из двух дюжин статей содержит хотя бы намёк на правду. Мне не нравится, что эти болваны испортили отличную идею. Я любил читать газеты – ровно до тех пор, пока не начал чувствовать себя одураченным. И теперь мне просто обидно, как в детстве: любимую игрушку сломали! А в этом состоянии я, ты знаешь, страшен, как ни в каком другом.

– Совершенно с тобой согласен, – кивнул Джуффин. – И то же самое, практически слово в слово говорил третьего дня сэру Рогро.

– Не понимаю, как он мог развести такой бардак, – сердито сказал я.

– Как, как. Обыкновенно. У Рогро, видишь ли, закрутился какой-то небывало страстный роман, требующий регулярных поездок в Куманский Халифат. Это, если я не ошибаюсь, называется «по велению сердца». И, в общем, лечится. Сто семьдесят девятой ступенью Белой Магии в сочетании с отваром из колючих горных трав по старинному хоттийскому рецепту; по крайней мере, так говорят. Только больные всегда наотрез отказываются от лечения, вот в чём штука.

– Погоди, ты хочешь сказать, что при помощи магии можно разлюбить, кого пожелаешь?!

– Да конечно можно, – пожал плечами Джуффин. – Вообще всё можно, или почти всё. Иной вопрос, нужно ли. Я-то как раз придерживаюсь мнения, что с собственными страстями следует справляться без посторонней помощи. А когда не удаётся справиться, с удовольствием их переживать, не забывая благодарить судьбу за бесценный опыт. Но речь сейчас не о моём отношении к ритуалу Освобождения Сердца, а о том, что Рогро непозволительно запустил свои издательские дела. Что

неудивительно: путь до Капутты занимает, в лучшем случае, около четырёх дюжин дней. А в худшем, все шесть. И это только в один конец! Если постоянно мотаться туда-сюда, времени на работу остаётся, мягко говоря, не очень много.

– Буквально десять минут в год.

– Вот именно. Конечно, он имел полное право передать дела заместителям, для того они, по идее, и существуют. Но тут вот такая проблема: Рогро, как ты знаешь, сам придумал свои газеты, сам воплотил идею в жизнь и на протяжении многих лет делал в редакции гораздо больше, чем положено нормальному начальнику. А заместители просто крутились рядом, ожидая поручений. Поэтому при Рогро газеты функционировали почти идеально – насколько это вообще возможно в столь непростом деле. А без него всё тут же начало разваливаться. Потому что толковых заместителей он себе воспитать не сумел. Только сносных исполнителей, которые в отсутствие начальства сразу пошли вразнос.

– Ужасно жалко, – вздохнул я. – Причём теперь уже вообще всех. Включая неизвестное мне лицо, ради которого Рогро мотается в Капутту.

– Неизвестных тебе лиц, – меланхолично поправил меня Джуффин. – В Капутте его ждут близнецы, брат и сестра. Рогро влюблён в обоих и не видит причин выбирать кого-то одного; всегда знал, что он широкой души человек. Впрочем, можешь их не жалеть. Я с ними уже разобрался.

– В каком смысле? – опешил я.

– Проложил для Рогро Тёмный Путь из Ехо в Капутту. А ты что подумал?

– Можно я не буду признаваться?

Джуффин расхохотался.

– Можно, – сквозь смех сказал он. – Я уже дал волю воображению.

– Но почему Рогро сам не догадался бегать на свидания Тёмным Путём?

– Да потому, что при всём желании не смог бы. Уандук слишком далеко. Мало кому под силу подобное путешествие. Нас вполне можно пересчитать на пальцах двух... ладно, трёх с половиной рук. Но ходить чужим Тёмным Путём гораздо легче, и Рогро прекрасно справляется, мы уже успели проверить. Это, как ты понимаешь, сэкономит ему не просто кучу времени, а практически целую жизнь. А в обмен на мою бесценную услугу Рогро твёрдо пообещал потратить как минимум половину внезапно обрётённого досуга на свои непосредственные обязанности. И взялся за дело. Насколько я знаю, первые головы уже полетели. И то ли ещё будет.

– То есть, я могу начинать снова читать газеты? – обрадовался я. – И

не чувствовать себя при этом обманутым идиотом?

– На твоём месте я бы подождал ещё немного. Например до середины зимы. Чтобы наверняка.

– Ладно, подожду. А теперь признайся честно: я тебе сейчас здесь нужен?

– Нужен, – твёрдо сказал Джуффин. И, выдержав традиционную драматическую паузу, добавил: – Но не очень.

Я просиял.

– И каких вурдалаков ты собираешься ловить за хвост? – спросил шеф.
– Не забывай, я любопытный.

– Считаю, что у меня тоже небывалый страстный роман.

– Врёшь, – ухмыльнулся он.

– Не вру, а открываю тебе свою самую ужасную тайну. Сэр Шурф показал мне один безлюдный пляж в Ташере. Вроде бы, тот самый, который полторы сотни лет назад показал ему ты. Это страшное зачарованное место целиком поработило мою волю, и теперь я каждый день стремлюсь туда вернуться. Натурально приворожили! Впрочем, обращаться за помощью к знахарям совершенно не хочется, ты и тут был прав. Прежде не подозревал, что так люблю море, не ощущал его нехватки, даже не вспоминал о нём почти никогда. И вдруг такой сюрприз.

– Просто раньше ты не умел ходить Тёмным Путём. А в Ехо моря нет, так уж получилось. Ты стал очень хитрым, сэр Макс. Внимательно следишь, как бы не захотеть чего-нибудь вот прямо сейчас тебе недоступного, не тратить на это время, силы и сердце. Зато как только оно становится доступным, даёшь себе волю. Очень рационально. Прежде ты так не умел.

– Ну, не настолько всё страшно, – улыбнулся я. – Иногда у меня бывают срывы. И тогда я начинаю хотеть невесть чего, зато немедленно и побольше, как нормальный человеческий человек.

– Очень хорошо, – серьёзно сказал Джуффин. – «Нормальный человеческий человек» в твоём исполнении – это одно из моих любимых зрелищ. Смотрел бы и смотрел.

О следующих нескольких часах моей жизни можно сказать одно: они были так хороши, что из головы вылетело вообще всё. Включая вечеринку по случаю чудесного превращения Базилио. Поэтому я явился на неё последним. Счастье, что наивное бывшее чудовище верит, будто я постоянно занят каким-то таинственными делами необычайной важности, а то совсем неловко получилось бы.

Остальные, кстати, тоже – не то чтобы свято верят, но в глубине души подозревают, что такое теоретически возможно. Поэтому меня никогда не ждут домой к определённому часу. Учитывая мою полную неспособность правильно рассчитывать время, это натурально спасение. Для всех.

В общем, когда я переступил порог Мохнатого Дома, в гостиной уже полным ходом шло веселье. В смысле, стол ломился от блюд и кувшинов, все без умолку трещали, перебивая друг друга, а в кресле у окна безмятежно курил трубку Джуффин, пришествия которого я, честно говоря, не ожидал. Привык, что шеф никогда не приходит на вечеринки – просто чтобы не портить всем настроение своим присутствием. Это же только мне рядом с Джуффином легко, да и то потому, что я тормоз, каких Мир не видывал. И к тому времени, как до меня начало доходить, что сэр Джуффин Халли – не просто мой друг и могущественный покровитель, а самый настоящий начальник и в этом качестве может быть совершенно ужасен, мой организм уже привык реагировать на него как на валерьянку. И отказываться от этого условного рефлекса он не намерен. Не так уж много в его непростой жизни по-настоящему успокаивающих вещей.

Впрочем, в последнее время Джуффин стал частым гостем в моём доме. Приятно было бы думать, что он приходит сюда ради меня, но я не питаю иллюзий. Ясно, что всё дело в Базилио, которая ещё в бытность кошмарным чудовищем выказала незаурядные способности к карточным играм. А от возможности воспитать себе ещё одного мало-мальски сносного партнёра шеф Тайного Сыска не откажется ни за какие блага. Я в этом качестве всё-таки слишком ненадёжен: сегодня есть, завтра нет. И никогда заранее не скажешь, когда наступит это «завтра»: через тысячу лет, или буквально через полчаса.

Но пока карты терпеливо дожидались своего часа в Джуффиновом кармане, а Базилио на правах виновницы торжества восседала во главе стола и влюблено взирала на своих гостей. Глазищи её от избытка чувств стали совсем огромными, щёки покраснелись, а нелепые косички как-то незаметно расплелись, превратившись в копну роскошных светло-рыжих кудрей. Удивительная красotka у нас оказывается получилась, а я-то поначалу решил – комический персонаж. И моё тёмно-синее лоохи шло ей чрезвычайно, что бы там сэр Мелифаро ни бурчал насчёт моего пристрастия к старомодным линиялым тряпкам. Художник-авангардист из него вышел отличный, но в вопросах выбора гардероба веры ему по-прежнему нет. И не будет никогда. Dixi.

Я осторожно присел на подлокотник кресла, которое занимала Базилио, шёпотом спросил: «Всё отлично?» – и получил в ответ

восхищённый кивок.

Исполнив, таким образом, свои опекунские обязанности, я с лёгким сердцем перешёл к следующему пункту программы: спасению Мира от проголодавшегося себя. От этой ужасной беды я, с присущим мне упорством, спасаю Мир ежедневно, не щадя живота своего, так что легенды обо мне слагают, в общем, не зря. Надо бы, наверное, открыть эту страшную тайну журналистам «Королевского голоса» и посмотреть, как они распорядятся попавшей в их руки сенсацией. Тогда я буду окончательно отмщён.

Я обошёл стол, понемножку таская еду из всех тарелок – где пирожок, где котлету, где свернутый в трубочку блин с неведомой острой начинкой. Еда была всё больше незнакомая, явно из какого-то неизвестного мне трактира, а я любопытный.

– Слушайте, – спросил я, – а кто заказывал еду? Отличная же! Откуда? И почему я там ещё не был?

В гостиной повисло молчание. Присутствующие удивлённо переглядывались – то ли искали виноватого, то ли просто пытались понять, чего я от них хочу. Наконец Меламори сказала:

– Вообще-то, мы были уверены, что еду заказал ты. И очень удивлялись, каким ты стал гостеприимным хозяином, даже об угощении не забыл. По-моему, такое случилось впервые.

– Ну кстати не впервые, – возразил я. – Но при этом оно не случилось. То есть, именно сегодня я ничего не заказывал. Даже в голову не пришло. Думал, вы взрослые люди, сами как-нибудь добудете пропитание.

– Ого! – присвистнул Мелифаро. – Выходит, у нас на столе стоит неопознанная еда неведомого происхождения. Практически попытка отравительства. Хотя лично я травился бы ещё и травился. Отличная кухня, простая, зато какая-то очень домашняя, как в детстве.

– Как в нескольких разных детствах, – уточнил сэр Кофа. – Навскидку могу выделить четыре отчётливо проявившиеся тенденции: провинциальная угуландская городская кухня конца Эпохи Орден, сельская первой половины Эпохи Кодекса с этим её незамысловатым, но милым лесным колдовством, не попавшим под законодательный запрет, почти забытая в наше время традиционная столичная кухня, характерная для старых аристократических семей с кейифайскими корнями, и, что самое неожиданное, ландаландская прибрежная кухня, причём не в более-менее популярной рыбацкой, а в малоизвестной пастушьей версии. Я уже собирался послать тебе зов и спросить, где ты отыскал такой интересный трактир, но тут ты сам пришёл. И зачем-то делаешь вид, будто не заказывал

угощение. Бережёшь свою репутацию главного столичного разгильдяя? Не переживай, мальчик, с нами можно быть откровенным, мы никому не скажем, что на самом деле ты хороший хозяин.

– Я не делаю вид. Я правда ничего не заказывал, – вздохнул я. – Свинство с моей стороны, но тут ничего не попишешь. Вы все знаете меня не первый год и до сих не убили, сами виноваты.

– Ничего себе история, – наконец подал голос Джуффин. – Ну и откуда тогда всё взялось?

– Это наши повара приготовили, – вдруг сказала Базилио.

В гостиной повисло молчание, да такое тяжёлое, что если бы оно рухнуло из-под потолка на стол, перебило бы нам всю посуду.

– Почему вы все так на меня смотрите? – испуганно спросила Базилио. – Случилось что-то ужасное?

Не то чтобы мы как-то особенно сурово на неё смотрели. Скорее растерянно. А я положил обратно в тарелку ещё не надкушенный пирожок, осторожно, как будто он в любой момент мог взорваться.

И не я один. Все присутствующие тоже поспешили избавиться от поднесённых было ко рту кусков, только что казавшихся вполне соблазнительными. Жевать продолжил один Трикки Лай. Но это как раз понятно. Во-первых, он – вечно голодный заместитель начальника Городской Полиции, никогда не успевающий перекусить на службе; к концу рабочего дня Трикки обычно готов грызть ножки своего стола, даже не потребовав к ним пристойного соуса. А во-вторых, он до сих пор тоскует о туланской еде. С его точки зрения что ужасающая дворцовая кухня, что знаменитые на всю столицу слоёные пироги мадам Жижинды, что изысканные шиншийские деликатесы из «Угольев Хмиро» имеют один фатальный недостаток: они совершенно не похожи на селёдочный торт со сладким взбитым кремом. Всё остальное – несущественные отличия.

– Шутка об отравительстве перестаёт быть шуткой, – мрачно сказал Мелифаро, озвучив наше общее отношение к вопросу.

– Но вам же было вкусно? – несчастным голосом спросила Базилио. – Вы же всю уплетали, пока я не сказала про поваров.

Мы смущённо переглянулись. Девочка была права.

– Просто это не дворцовая кухня, – объяснила Базилио. – Дворцовую кухню вы все очень не любите, это я давным-давно из ваших разговоров поняла. И подумала, что надо сказать об этом поварам. Вдруг они какие-нибудь другие рецепты знают? Ну мало ли.

– Другие рецепты?! – повторил я, изумлённый не столько сообразительностью Базилио, сколько тем, что такая простая идея ни разу

не пришла в голову мне самому.

– Ну да, – кивнула она. – Мне всегда было жалко твоих поваров, Макс. Очень обидно целыми днями что-то готовить, а потом выбрасывать, потому что никто не хочет это есть. А готовить всё равно надо, согласно договору, подписанному при поступлении на Королевскую службу. Нарушать его нельзя. Твои повара сперва знаешь как мне обрадовались? Думали, такое жуткое чудовище всё подряд проглотит, не разбираясь. И чуть не заплакали, узнав, что я не могу есть нормальную человеческую еду. Последняя надежда рухнула! Я с тех пор всё время думала, как им быть, даже с тобой хотела посоветоваться, но стеснялась. А сегодня набралась храбрости, но пошла не к тебе, а сразу к поварам и сказала: слушайте, никто в доме не любит дворцовую кухню, это факт, и тут ничего не поделаешь. Так почему бы не попробовать приготовить что-нибудь другое? Повара сперва растерялись, потому что готовить как-то иначе их никогда не учили. Но потом господин Чувалхан, который числится Мастером Надзирающим за Ароматом Пищи, сказал, что может попробовать испечь бабушкины блины из зелёной лесной муки, он ей сто раз в детстве помогал и, вроде бы, всё помнит. И тогда вдруг выяснилось, что все помнят, как готовили у них дома. Тут же послали на рынок за продуктами, взялись за дело, и вот, всё получилось. Вы же сами только что хвалили!

Мы молчали, потрясённые её признанием.

– Теперь, по крайней мере, понятно, как на одном столе могли встретиться столь разные тенденции, – наконец сказал Кофа и демонстративно отправил в рот крошечный треугольный пирожок.

С учётом Кофиного авторитета тонкого ценителя кухни, практически профессионального едока, это выглядело как команда немедленно продолжить прерванную трапезу.

И все продолжили как миленькие. Включая меня.

– Из этого ребёнка получился бы отличный Первый Министр, – наконец сказал Кофа.

Базилио покраснела.

– Господин Старший Помощник Придворного Профессора овеществлённых иллюзий, который иногда приходил сюда, чтобы меня изучать, говорил то же самое, – смущённо прошептала она. – Но наверное, на Первого Министра надо долго учиться? А в Королевском Университете есть такой факультет?

Если учесть, что под видом Старшего Помощника Придворного Профессора Базилио навещал сам Король, дополнительное образование ей явно не требовалось, добровольного согласия было бы вполне достаточно.

Но говорить это вслух я, конечно, не стал. И по секрету ей тоже никогда не скажу. Служба при Королевском дворе – сущая каторга, а Базилио у нас одна.

Поэтому я сказал:

– Честно говоря, сомневаюсь.

И поднялся из-за стола.

– Ты куда? – возмущённо спросил дружный хор.

– Пойду извинюсь перед поварами.

– Извинишься? Но за что? – опешил сэр Кофа. – За то, что они так долго пытались тебя отравить, вместо того, чтобы сразу испечь нормальные лесные блины по рецептам своих бабушек?

– Вот именно. Всё-таки я – хозяин дома. И если работающие у меня люди так долго занимались полной ерундой вместо того, чтобы приносить пользу, ответственность за это лежит именно на мне.

– Формально –пожалуй, – ухмыльнулся Кофа.

– Ну так извинения – тоже просто формальность. Поэтому всё честно. Я пошёл.

Далеко ходить не пришлось. Повара, ясное дело, заняли наблюдательную позицию в коридоре. Стояли под дверью и мучительно гадали, едим мы сейчас или нет. Потому что для подглядывания и подслушивания двери в Мохнatom Доме совершенно не приспособлены – старая работа, хорошее, качественное колдовство, на века. Единственный способ узнать, что делается за дверью – это её открыть. Но сделать это им не позволяло дворцовое воспитание.

Поэтому сцена с поварами вышла в высшей степени драматическая. Я натурально почувствовал себя знахарем, которого подкараулили любящие родственники только что спасённого пациента. Этот немой вопрос в глазах: «Ну как? Будет жить?» – умноженный на четыре, по числу участников действия, ни с чем не перепутаешь.

В итоге, моих тщательно сформулированных извинений никто толком не услышал. Выяснив, что нам понравилась еда, повара пришли в столь сильное возбуждение, что мне пришлось их успокаивать – такими специальными волшебными щелчками по затылкам. Не то чтобы я был великим знахарем, скорее, наоборот. Но протрезвить пьяного, утихомирить разгневанного и предотвратить истерику худо-бедно могу – при условии, что всё это случилось не со мной самим.

Кухонные страсти утомили меня чрезвычайно. Поэтому моё

дальнейшее участие в общем веселье было более чем условным: я сидел в кресле и дремал. И вряд ли делал это с открытыми глазами, чего требует элементарная вежливость. Но, хвала Магистрам, никто так и не принялся меня трясти. То ли с годами мои друзья стали милосердней, то ли услышали где-то пословицу: «Не буди лихо, пока оно спит», – и благоразумно сочли её инструкцией по обращению со мной.

Второе вероятней.

Поэтому из нирваны меня вывел не дружеский пинок. И даже не попытка вложить мне в руки кружку с каким-нибудь условно бодрящим напитком. А бумажная птица, влетевшая в распахнутое по случаю исключительно тёплой осенней ночи окно, и аккуратно приземлившаяся прямёхонько мне на колени. От этого едва ощутимого прикосновения я проснулся, как миленький. Какое-то время разглядывал фигурку, ловко скрученную из зелёной бумаги. Потом заметил, что на её крыльях написаны слова. На левом: «Приходи в полночь в Скандальный переулок». На правом: «Кое-что покажу».

– Я даже догадываюсь, что именно, – сказал я птице.

Почему-то вслух.

И на меня, конечно, тут же обратились все имеющиеся в наличии взоры.

– Что-то случилось? – деловито спросил Трикки Лай.

– Ещё как случилось, – подтвердил я. – Мне записка прилетела, представляешь?

– Это на птице, что ли, записка? – обрадовался Нумминорих. – А мы подумали, дети на улице играют.

– И не особо ошиблись, – усмехнулся я. – А сколько этим детям лет – дело десятое.

– Но зачем писать записки, когда в любой момент можно прислать зов? – спросила Базилио. – Трикки говорил, даже младенцы умеют использовать Безмолвную речь.

– Да просто потому, что писать записки на крыльях бумажных птиц, а потом стараться переправить их точно в руки адресата гораздо интересней, чем просто болтать, – неожиданно сказал Джуффин. И добавил, воспользовавшись Безмолвной речью: «Посмотри внимательно, где-нибудь на хвосте должна быть приписка. Знаю я этих птиц».

Я тщательно осмотрел бумажную фигурку и действительно обнаружил на кончике хвоста приписку очень мелким, «бисерным», как говорится, почерком: «Только никого с собой не бери».

Честно говоря, я и не собирался. А всё-таки удивительно, что такое

важное замечание оказалось настолько незаметным. А вдруг я способен притащить с собой не только ближайших друзей и домашних животных, но и три дюжины соседей – просто за компанию?

Впрочем, так наверное тоже интересней. А обещанное зрелище, если что, можно и отменить в самый последний момент.

До полуночи оставалось ещё часа полтора, поэтому я решил исполнить свой основной служебный и человеческий долг. В смысле, сыграть наконец с Джуффином в «Крак». С Базилио ему пока ничего не светило: сытые и довольные гости как раз принялись состязаться в приготовлении волшебной еды для виновницы торжества. Даже сэр Кофа включился в общую суету, а шанс попробовать кулинарную иллюзию, изготовленную этим гурманом, выпадает хорошо если раз в сто лет. Я бы на её месте сейчас тоже не отвлекался на какие-то дурацкие карты.

Пока все дружно кормили Базилио, мы с Джуффином как-то удивительно хорошо поиграли. Вообще-то, как бы я ни хвастался своим мастерством, ясно, что Джуффин – гораздо более сильный игрок, хотя бы за счёт опыта. Удача у нас с ним примерно одинаковая, логика тоже, но он при этом мастер, а я – практически новичок. Не так много играл в своей жизни, чтобы успеть изучить все мыслимые стратегии и практически на автомате выбирать наиболее подходящую к текущему набору карт. Поэтому обычно с меня семь потов за игру сходит, а Джуффин изнывает от нетерпения в промежутках между ходами, пока я дууууууууумаю. Он бы наверное давным-давно пристукнул меня за тугодумство, но все остальные в качестве партнёров ещё хуже. Поэтому приходится меня беречь.

Но на этот раз мне почти неправдоподобно везло. А голова была занята другими вещами, на тщательное обдумывание ходов её уже не хватало. Поэтому игра шла почти так быстро, как нравится Джуффину. И достаточно непросто, чтобы ощутить настоящий азарт. Он даже не поленился пару раз удивлённо поднять бровь в духе «да тебя как подменили» – наивысшая степень похвалы, на которую сэр Джуффин Халли настолько же скуп в игре, насколько щедр во всех остальных случаях.

– До полуночи всего пара минут, – вдруг объявил он, бросив карты на стол. – Иди уж, пока я готов тебя отпустить. А то вот-вот передумаю.

И, перейдя на Безмолвную речь, добавил: «Надеюсь, ты догадываешься, чего такой человек как Малдо может ждать от дружбы с тобой».

«Естественно, – согласился я. – Прогулок на Тёмную Сторону, как

минимум. Для разогрева. Но это скорее его проблемы, чем мои».

«Рад это слышать. Меня он в своё время взял в оборот сразу же после ареста за многократное превышение дозволенной ступени применяемой магии. Любой приличный человек на его месте в этот момент потрудился бы сделать вид, будто ужасно расстроен. Ну или хотя бы выяснить, что ему грозит. А этот только что на шею мне не бросился – какие люди! Тут же объявил, что всю жизнь мечтал со мной познакомиться, но стеснялся. И если уж всё так удачно совпало, не прогуляться ли нам на Тёмную Сторону прямо сейчас? Даже жалко было отказывать ему наотрез. Такой прекрасный мальчишка, азартный и любопытный, с недюжинными способностями к магии, но, увы, только к нашей традиционной Угуландской. С Истинной ему ничего не светит, это видно невооружённым глазом. В таких вещах я, к сожалению, не ошибаюсь».

«А кстати, давно хотел спросить, что будет, если провести на Тёмную Сторону человека, которого она не принимает?»

«Теоретически считается, что такой человек туда просто не попадёт, хоть ты тресни. Вот тебе и всё происшествие. Но ясно, что это не твой случай. Если тебе припечёт, кого угодно на Тёмную Сторону протащишь, не сомневаюсь. И заодно в Хумгат, чтобы два раза не вставать. Но не советую. Хроники времён Короля Мёнина повествуют, что он регулярно водил на Тёмную Сторону своих друзей, не имевших ни малейшего призвания к подобным визитам. Делал это, как ты понимаешь, с исключительно добрыми намерениями, великодушно желая разделить с друзьями бесконечное счастье, которое сам всегда испытывал на Тёмной Стороне».

«И что? Получалось?»

«Да как тебе сказать. Одни счастливики просто исчезали – куда, надолго ли, и что они при этом чувствовали, неведомо, потому что до сих пор никто из них так и не объявился. Другим везло гораздо больше: они просто сходили с ума».

«Ничего себе везение».

«Скажем так, не самый худший исход. Мёнин, помимо прочего, был отличным знахарем и собственноручно даровал им полное исцеление, предварительно доставив домой. Прямых свидетельств не сохранилось, но, судя по некоторым косвенным намёкам, можно понять, что облагодетельствованные Его Величеством путешественники испытывали на Тёмной Стороне невыразимый ужас, который, собственно, и сводил их с ума. Исцелившись, они почти полностью утрачивали воспоминания о полученном опыте, и это тот редкий случай, когда я готов сказать, что

забвение – к лучшему. Так что если решишь заняться благотворительностью, начинай эксперименты со злейших врагов, вот тебе мой совет».

«Да где ж я их возьму?»

«Тоже мне проблема. Наживёшь ещё, какие твои годы».

Всегда знал, что сэр Джуффин Халли – исключительный оптимист.

Несколько секунд спустя я стоял на заросшей травой мостовой Скандального переулка и с любопытством озирался по сторонам. Впрочем, ничего способного потрясти воображение так и не обнаружил. Только несколько приземистых тёмных домов, с переменным успехом скрывающихся за ветхими заборами, и один высокий трёхэтажный, стоящий в самом конце переулка, на приличном расстоянии от всех остальных. Вчера ночью его тут не было. Вернее, на его месте красовались совсем другие дома – сперва с каруселью на крыше, а потом безумный комок лилового теста с разноцветными окнами.

– Я здесь живу.

У Малдо Йоза даже шёпот был громкий, как крик. И шляпа никуда не делась. Я-то думал, он её только на публичные выступления надевает.

Мне, хвала Магистрам, хватило ума не ляпнуть: «Знаю». Будем считать, что я ничего о нём пока не знаю и ничего особенного от этой встречи не жду. Нечаянно разболтать, что у еженощных экспериментов Новых Древних архитекторов есть как минимум один постоянный зритель, было бы чудовищным свинством, причём по отношению ко всем заинтересованным сторонам сразу.

– Птичка была смешная, – сказал я. – Но записку на ней я углядел просто чудом. Обычно не обращаю внимания на подобные вещи. Узор себе и узор, какое мне дело.

– А я нарочно, – невозмутимо ответил Малдо. – Никак не мог решить, позвать тебя сегодня, или лучше не надо. Ну и в итоге положился на судьбу. Если прочитаешь записку и придёшь – отлично. Не заметишь – тоже хорошо, значит повторю приглашение когда-нибудь потом.

– Приглашение – куда? Что ты собираешься мне показывать?

– Свой дом, конечно, – ухмыльнулся Малдо Йоз. – Ты наверное в жизни не видел, чтобы человек, способный за полчаса построить себе замок не хуже Королевской летней резиденции, добровольно жил в такой развалюхе. Но я к ней привык.

Я не стал говорить, что видывал трущобы, по сравнению с которыми не только старый трёхэтажный особняк, но и окружающие его хибары

дворцами покажутся. И пару раз даже в таких жил; недолго, но всё-таки.

Было бы чем хвастаться.

Поэтому я только плечами пожал:

– Ладно, как скажешь. Пошли смотреть твою развалюху. Небось, только снаружи ужас, а внутри роскошь, достойная Куманских халифов?

– Внутри ещё хуже, – гордо сказал он. – Там только одна спальня более-менее прилично обставлена, другие помещения мне без надобности. Пришёл, упал, уснул, проснулся, посмотрел на часы, схватился за голову, убежал – вот и вся моя домашняя жизнь.

– Очень знакомо. Когда-то у меня был примерно такой же график. Впрочем, ночевал я тогда обычно тоже не дома. Что я там забыл?

Малдо понимающе ухмыльнулся и распахнул передо мной парадную дверь. И тут я наконец удивился по-настоящему. Чего угодно ждал, но всё-таки был уверен, что в дом можно будет войти. А вместо этого уткнулся носом в стену, но не каменную, а сложенную из всякого хлама, вроде того, что валялся сегодня на месте будущего дома Мелифаро: досок, кирпичей, битой черепицы, сломанной мебели и прочего в таком роде.

– По-моему, твой холл несколько заставлен вещами, – вежливо сказал я. – Небольшая перестановка явно не помешала бы. Напротив, помогла бы. Войти.

– Помогла бы, – согласился он. – Но, положив руку на сердце, нет у меня такой задачи. Этот дом не для того, чтобы в него входить, вот в чём штука.

– А для чего?

– Не догадываешься?

– Судя по тому, что я видел сегодня днём на стройке, ты собрался расширять свой особняк? И запасся строительным материалом?

– Именно, – подтвердил Малдо Йоз. И, помолчав, добавил: – Только я не «собрался». Мы его каждую ночь перестраиваем. Всему, что мы с ребятами умеем, мы научились здесь. В Королевской Высокой Школе подобным штукам не учат; впрочем, надеюсь, со временем мы и это исправим. А пока – так.

Я изобразил на лице подобающую случаю заинтересованность. Впрочем, это было совсем не сложно: я её действительно испытывал.

– Сейчас мои гении придут, – спохватился Малдо. – Слушай, а ты не мог бы изменить внешность?

– Да запросто.

Этому фокусу я, хвала Магистрам, успел уже выучиться как следует. Закрыв лицо руками, быстренько нарисовал в воображении первую

попавшуюся рожу, максимально отличную от моей, пробормотал одновременно два заклинания: проявляющее иллюзию – вслух, закрепляющее – про себя. И только потом спросил:

– А зачем?

– Я предупредил ребят, что пригласил приятеля посмотреть, как мы работаем. Но не стал говорить, что этот приятель ты. Лучше им этого не знать. Ты всё-таки слишком важная персона. Захотят показать себя наилучшим образом, будут бояться ошибиться, – какая уж тут работа. Я и сам, конечно, буду. Но я один – это ещё полбеды, справимся. На ребятах уже довольно много держится. Они удивительные молодцы... А рожа у тебя смешная получилась.

– Почему-то всегда смешная получается, если я не стараюсь сделать что-то конкретное, а леплю что попало. Видимо, специально для того, чтобы при мне было не страшно – ошибаться и вообще всё. Похоже, я этого очень хочу.

– Чтобы тебя не боялись? – удивился Малдо. – Ну надо же. Надо быть по-настоящему страшным человеком, чтобы всерьёз этого хотеть.

– Да не то чтобы «по-настоящему страшным», – усмехнулся я. – Просто я же несколько лет ходил в Мантии Смерти. И весь город от меня дружно шарахался. Ужасно надоело. Счастье, что больше не надо её носить.

– А кстати, это правда, что ты плевком убить можешь?

– Могу. И Смертным Шаром воли лишить – тоже запросто. Но это вовсе не означает, будто я с утра до ночи с удовольствием занимаюсь подобной ерундой.

Малдо Йоз посмотрел на меня с нескрываемым восхищением. Видимо теперь со мной стало ещё интересней, чем раньше. Могу его понять. Когда-то я сам зачаровано пялился на смертоносные руки Шурфа Лонли-Локли. И, будем честны, именно поэтому захотел с ним подружиться. Ради тех удивительных ощущений, которые испытывал, находясь рядом с совершенным убийцей, который не просто безупречно вежлив со мной, но и, страшно сказать, постоянно печётся о моём благополучии. А что Перчатки Смерти оказались далеко не единственным достоинством моего друга – так это мне просто повезло.

Ну или нам обоим.

– Можешь сколько угодно делать вид, будто ты совсем не страшный, но справедливости ради следует признать, что рядом с тобой сложно чувствовать себя в полной безопасности, – наконец сказал Малдо.

– Как будто вдалеке от меня это просто, – вздохнул я. – На самом деле

есть только один способ быть в безопасности, хоть рядом со мной, хоть на другом краю Вселенной – не бояться. Никакой иной безопасности не существует в природе. Кто тебе такую глупость сказал.

– Звучит здорово! – обрадовался он. – Это совершенно новая для меня концепция, и я её обдумаю. Но не прямо сейчас: мои коллеги вот-вот будут тут, и начнём работать. Как тебя им представить?

– Да как угодно. Любое имя сойдёт. Лишь бы ты его помнил, на меня в этом смысле надежды мало.

– Тогда будешь Пелле Дайорла, – решил Малдо. – Так звали моего начальника, с которым мы когда-то строили виллы на побережье. Отличный мужик. Бывший послушник Ордена Водяной Вороны, сбежавший оттуда чуть ли не на первом году обучения из-за разногласий с наставниками; как он при этом жив остался, не понимает вообще никто. Потом долго жил где-то, не то в Куанкулехе, не то в Лумукитане, я их вечно путаю. Ходят слухи, что он был там кровожадным разбойником и нажил огромное состояние, которое до сих пор зарыто где-то на одном из островов Холтари; хотелось бы верить, но подозреваю, Пелле всё выдумал, потому что очень уж здорово звучит. Он, видишь ли, поэт, и красота художественного образа для него важнее скучной житейской правды.

– Ого, поэт! И как, хороший?

– Этого не знает никто. Пелле Дайорла записывает свои стихи исключительно на кирпичах, которые потом вмуровывает в фундаменты будущих зданий, так и не дав никому прочитать. Объяснял мне: это такая древняя магия, плата духам земли за то, чтобы дом простоял века. А когда я, поверив, попросил научить, ржал, как школьник – обманули дурака!

– Значит действительно хороший поэт, – заключил я. – Причём вне зависимости от того, что именно он пишет на своих кирпичах. Поступки – это же совершенно отдельный поэтический жанр; жаль, что мало кто это понимает.

– Рад, что ты тоже так думаешь. Мне нравится считать, что Пелле Дайорла – гений, не оценённый никем, кроме избранных вроде меня самого. Если бы не Пелле, я бы с этой грешной стройки через дюжину дней сбежал, так ничему и не научившись, очень уж нудная оказалась работа. А с ним больше двух дюжин лет там продержался, так было здорово. Представляешь?

– С трудом, – улыбнулся я. – И спасибо, что предложил мне назваться его именем. Почту за честь.

Помощники у Малдо Йоза оказались что надо, все шестеро. Совсем

юные, с горящими глазами и кучей безумных идей, которые я оценил по достоинству во время просмотра принесённых ими эскизов.

Я так понял, что на самом деле Новых Древних архитекторов было примерно втрое, если не вчетверо больше, просто тренировались они тут по очереди. Причём зачастую сами, без помощи Малдо. Надо же и ему хоть когда-нибудь спать.

– Вот это мы обязательно будем строить, – говорил Малдо, разглядывая при свете оранжевого грибного фонаря рисунок, изображающий что-то вроде египетской пирамиды, с развесёлым флюгером на верхушке. – И это тоже непременно надо попробовать, – кивал он, откладывая в сторону очередную бумажку, – и это. Что-то вы какие-то совсем гениальные стали, даже выбросить нечего, я в растерянности, так не пойдёт...О, слушайте, а это чьё? – он потряс в воздухе неровным лоскутом старинной зеленоватой бумаги, на котором был нарисован дом в форме корабля, причём не просто стоящий на земле, а как бы взбирающийся на склон невысокого холма или просто насыпи. – Твоё, Фишенька? Ну ты даёшь. Это я хочу построить надолго, причём лучше бы не здесь, а где-нибудь в Старом Городе, на многолюдной улице, там эффект неожиданности будет гораздо сильнее. Ладно, отложим твой эскиз до лучших времён, предложу его какому-нибудь понимающему заказчику. А если никто не захочет, построим для себя. Обязательно надо, чтобы такой дом в городе был.

– А я даже не знала, показывать тебе или нет, – сказала миниатюрная барышня, которую Малдо назвал Фишенькой. – Не могла понять, то ли правда интересная идея, то ли я просто чокнулась.

– Естественно чокнулась, – подтвердил Малдо. – А как ещё, по-твоему, приходят интересные идеи? В нашем деле важно не сохранять рассудок любой ценой, а просто научить его находить дорогу домой, когда работа закончена.

– Это правда, – подтвердил я.

Хотя поначалу дал себе слово помалкивать и ни во что не вмешиваться. Пришёл смотреть фокусы на правах никому не известного чужого приятеля? Вот и смотри. Молча.

Однако обет молчания никогда не был мне по зубам.

Малдо Йоз адресовал мне взгляд, исполненный одновременно благодарности и весёлого вызова.

– Рад, что ты меня понимаешь. Это, безусловно, заслуживает награды. И протянул мне тетрадь и карандаш.

– Спасибо, – вежливо сказал я. – Но у меня такое ощущение, что вам

чистая бумага гораздо нужнее.

– Ха! Думал, я собираюсь отдать тебе тетрадь навсегда? Держи карман шире, бумага нынче дорога, как драгоценности времён Королевы Вельдхут, а нам без неё и правда никуда, на табличках много не нарисуешь. Но одну страницу я готов пожертвовать. Давай, рисуй эскиз. Любой дом, какой придёт в голову. И мы его прямо сейчас построим. Не на века, но часа два, пожалуй, простоит. Давай!

Ну ничего себе. Я почти рассердился – просто от неожиданности. И открыл было рот, чтобы выяснить, с какого перепугу он вдруг раскомандовался. Но вместо этого вдруг спросил:

– Точно постройте? Какую бы фигню я ни нарисовал? Ладно, договорились. Устрою вам сейчас весёлую жизнь.

И взял тетрадь. И карандаш тоже взял, куда ж без него. Занёс его над чистой страницей и застыл, потрясённый не столько разнообразием идей, из которых поди выбери более-менее годную, сколько полным отсутствием их.

Да и не рисовал я уже так давно, что забыл, как это делается. Вернее, каков я сам – тот я, который рисует.

– Не старайся придумать что-нибудь небывалое, – шепнул мне Малдо.
– Небывалого мы уже сами насочиняли – до конца года хватит. Лучше просто нарисуй дом, в котором хотел бы жить. Это же самое интересное!

Ну как сказать.

Но вместо того, чтобы спорить, я нарисовал – почему-то не дом, а дерево. Высокое, ветвистое, с пышной кроной. По моему замыслу, дерево доставало до неба, поэтому пришлось подрисовать запутавшиеся в его ветвях звёзды и облака. Покончив с облаками, я собрался было отдать тетрадку, но вовремя спохватился, что задание так и не выполнено, и быстренько пририсовал маленький домик высоко в ветвях. Такую типичную хижину на дереве, какие строят для детей заботливые отцы и старшие братья. То есть, сами дети тоже строят, но так аккуратно, как на моей картинке, у них без помощи взрослых обычно не получается.

Малдо, всё это время деликатно смотревший в сторону, не выдержал, сунул нос в мои каракули и ухмыльнулся:

– Похоже, ты мечтаешь о полном уединении.

– Ещё как мечтаю. Но это знаешь, такая специальная заветная мечта, которой ни в коем случае не следует сбываться дольше, чем на полчаса. Потому что как только я остаюсь один, тут же начинаю оглядываться по сторонам в поисках подходящей компании. И горе тогда тому, кто первым попадётся мне на глаза: поймаю, усажу за стол и замучаю болтовнёй.

Проверено неоднократно... Знаешь что? Давай нарисую что-нибудь другое. Тут же дома считай нет. Нечего вам будет строить.

– Как нечего?! А дерево? Это же самое интересное! – воскликнул Малдо. – В жизни подобного не делал, даже в голову не пришло бы. Обязательно надо попробовать. Когда, если не сейчас? Но учти, может ничего не получится. Мы пока только учимся, так что никаких гарантий.

– Естественно, – согласился я. – Лично у меня такая штука ни за что бы не получилась, хоть убейся. А ты хотя бы понимаешь, с какой стороны за это дело браться.

– Не понимаю, – подмигнул он. – Но надеюсь сообразить по ходу дела. Ладно, сиди тут и смотри, что выйдет. Ребята, пошли по местам. Сначала будет нужна обычная поддержка начала трансформации, потом я поведу, а вы догоняйте.

Если бы мне дали подобную инструкцию, я бы, пожалуй, взвыл и кинул в инструктора каким-нибудь тяжёлым предметом. Но у помощников Малдо Йоза явно не было никаких вопросов. И места по периметру его старого дома они занимали, подпрыгивая от нетерпения. А я любовался их действиями как отлично поставленным спектаклем. Не так уж часто мне доводится посмотреть на подготовку крупномасштабного колдовства со стороны. А это, помимо прочего, просто очень красиво.

Я сидел в траве, прислонившись спиной к воспоминанию о крепком когда-то заборе, и во все глаза смотрел, как мелко дрожит старый трёхэтажный особняк, как он начинает светиться и не то чтобы течь, скорее оплывать как свеча, постепенно теряя прежнюю форму. Здание таяло, истончалось и одновременно становилось всё выше. Мне было ужасно интересно поймать момент, когда его очертания окончательно утратят сходство с жилым строением и начнут превращаться в древесный ствол, но я, каюсь, так и не заметил, как это случилось. Слишком долго картина была похожа и на дом, и на дерево – в равной степени. А потом вдруг оказалось, что высоченное дерево – вот оно, стоит передо мной. А дом – какой дом? Его здесь никогда не было. Что вы придумываете вообще?

Дерево, вопреки моему смелому замыслу, всё-таки не достигало облаков и, тем более, звёзд. Этот вопрос решился иначе: звёзды и облака были вплетены в его аккуратную крону, причём звёзды одновременно неплохо справлялись с ролью светильников. А облака сперва показались мне просто приятным украшением, но приглядевшись, я понял, что они почти целиком скрывают появившуюся в ветвях хижину, как дополнительная стена.

Всё это продолжалось около получаса –дольше, чем строили дом Мелифаро. Видимо, очень уж сложным оказался мой нехитрый заказ.

Наконец на одной из верхних ветвей появился Малдо Йоз. Крикнул своим людям да так, что в Новом Городе наверное было слышно:

– Мы сделали это!

А потом мне, ещё громче:

– Полезай сюда!

Ещё недавно это стало бы для меня роковым часом несмываемого позора. Я не умею лазать по деревьям с таким гладким стволом. С ветками – ещё туда-сюда, хотя в большинстве случаев предпочитаю воздержаться от подобных упражнений. Но теперь в моём распоряжении была способность ходить Тёмным Путём. Один шаг – и можно оказаться где угодно, хоть на пустынном пляже на другом конце Мира, хоть в хижине на дереве. Усилие примерно одно и тоже, никакой существенной разницы.

Ну и со стороны это выглядит чрезвычайно эффектно: тут исчез, там появился из ниоткуда. И юным архитекторам развлечение, и Малдо мои фокусы пока в диковинку. Потом, конечно, привыкнет. Я вон даже к Джуффину со временем как-то привык, а он всё-таки гораздо эксцентричней.

Внутри всё было устроено, как и положено в хижине на дереве: старое одеяло на полу, сундук в углу, пара подушек в другом, под потолком висит маленький грибной фонарь. Что ещё надо для счастья?

– А в сундуке сокровища, – сказал Малдо Йоз.

Вдвоём тут сразу стало тесно. Будь мы мальчишками, можно было бы и кого-нибудь третьего позвать, а так – перебор.

– Какие сокровища? – спросил я.

– Ну так открой и посмотри. Это же твой дом. Я в чужих сундуках копаться не приучен.

Я открыл крышку и рассмеялся. Сверху лежало несколько потрёпанных книг о путешествиях, старая трубка с треснутым чубуком, карточная колода, большая серебристая ракушка, череп какого-то мелкого зверька, пустая бутылка из-под укумбийского бомборокки. Рыться в сундуке я не стал, но мог поспорить, что остальные предметы представляют собой столь же несомненную ценность для любого нормального мальчишки.

– У меня самого в детстве был такой дом на дереве, – сказал Малдо. – И точно такой же сундук.

– А у меня не было, – признался я. – Всё детство о нём мечтал. И вот

наконец получил. Лучше поздно, чем никогда.

– Хочешь я тебе навсегда что-то такое построю? – спросил он. – И денег не возьму. Мне не трудно. Даже интересно будет повторить.

– Спасибо, но не стоит, – улыбнулся я. – Сейчас я совершенно счастлив, а часа через полтора мне уже немного поднадоест тут сидеть.

– Ладно, – кивнул Малдо, вытягиваясь на одеяле. – Тогда я, если ты не против, тут пока поваляюсь. Устал сегодня. Ребята ужинать пошли, а я внезапно понял, что возможность лежать и не шевелиться ни на какую еду не променяю.

– А руку до рта донесёшь? Или это чрезмерная нагрузка?

– Пожалуй, не чрезмерная. Но в чём смысл такого упражнения?

– В донесённой до рта руке случайно может оказаться кусок чего-нибудь прекрасного, – объяснил я. – Например, пирога. Всякое, знаешь ли, случается.

И полез в Щель между Мирами в надежде, что на сей раз обойдётся без дюжины чужих поломанных зонтов. Я до сих пор иногда достаю их вместо утреннего кофе, и поделом: всякое мастерство нуждается в ежедневных тренировках, а я всё-таки редкостный лентяй, пока не припечёт по-настоящему, пальцем не пошевелю.

Но на сей раз судьба была милосердна к моей репутации, и уже несколько секунд спустя Малдо получил в своё распоряжение превосходную, судя по аромату, ещё горячую пиццу-кальцоне^[8], которую я стащил сам не знаю, откуда. Но представлял себе при этом очень маленький, явно семейный итальянский ресторан. Всего на четыре столика.

Наградой мне стало изумление нового приятеля. Вернее, целых два изумления. Первое, когда я у него на глазах добыл из-под одеяла горячую еду, а второе – когда Малдо попробовал пиццу, и убедился, что она, как минимум, съедобна.

– Это откуда вообще взялось? – наконец спросил он.

– Из другого Мира, – честно сказал я. – Опытные люди утверждают, что еда из иного Мира – лучшая диета для всякого колдуна, так что ешь спокойно.

– Спокойно? Я? Еду из другого Мира?! Боюсь, ты несколько переоцениваешь крепость моего духа.

Но пиццу доел как миленький. И попросил добавки.

Сказал:

– Я дурак. Давным-давно надо было с тобой познакомиться. Чего я ждал?

И, к моему бесконечному изумлению, уснул прежде, чем я успел что-

то ответить. Надо же, как устал человек.

А я сидел на пороге хижины, практически уткнувшись носом в декоративное облако, курил, болтал ногами над бездной и думал... Впрочем, нет, вру. Не думал я тогда ни о чём. Целый час или даже чуть больше. Иногда это такое счастье – молчать всем своим существом.

– Строить дома – один из самых простых способов изменить Мир, – вдруг сказал Малдо Йоз.

После чего громко зевнул, потянулся, сел, поправил сбившуюся набок шляпу и принялся набивать трубку.

Молча.

Но у меня долго не помолчишь. От моего вопросительного взгляда даже на Джуффине тюрбан начинает дымиться, и он продолжает прерванный монолог на целую секунду раньше, чем намеревался. О других и говорить нечего. Вот и Малдо Йоз заговорил, так и не разобравшись с трубкой.

– Конечно, архитектура изменяет Мир не целиком, только некоторые его фрагменты, это я хорошо понимаю. Но ладно, согласен. Пусть так. В юности я любил фразу: «Всё или ничего!» Думал, она – мой девиз. Но девиз девизом, а как показала практика, «ничего» – это слишком скучно. Поэтому пусть хоть что-то вершится по моей воле – для начала. А там глядишь, придумаю что-нибудь ещё.

– Отличные планы, – откликнулся я. – Но почему Мир непременно надо изменять?

– Да потому что он сам постоянно меняется. Вопрос только в том, будет это происходить при моём участии, или без меня. Последний вариант не годится. Должен же быть во мне какой-то высший смысл?

– Разумно, – согласился я.

Потому что с моей точки зрения, это, и правда, один из самых разумных аргументов, какие только можно придумать.

Перед тем как навсегда покинуть свой лучший в Мире дом на дереве, я сунул в карман карточную колоду. Сувениров я не люблю, а это всё-таки условно полезная вещь. Пусть остаётся на память о почти сбывшемся счастливом детстве продолжительностью чуть больше полутора часов. Мне как раз хватило.

Я вообще не очень жадный. В том числе, до впечатлений. Посмотрел, как моё дерево с хижинкой, облаками и звёздами превращается в толстую каменную рыбу с широко распахнутым входом-ртом и роскошным садом на

крыше-спине, поблагодарил едва живых от усталости строителей и отправился домой.

Ну, то есть, мне казалось, что домой, а на самом деле – неведомо куда. Полчаса бродил какими-то немыслимыми крюками по неизвестным закоулкам, пока не сообразил, что гораздо проще воспользоваться Тёмным Путём. Вот зачем надо быть могущественным колдуном: можно, не опасаясь последствий, позволить себе сколько угодно мелких слабостей, начиная от топографического кретинизма и заканчивая... Да чем угодно, собственно, заканчивая. Лично я ни в чём себе не отказываю.

Дома было хорошо. В смысле, пусто и тихо. Впрочем, если бы в гостиной продолжалось веселье, я бы всё равно сказал, что дома было хорошо. Оба варианта устраивают меня в равной степени.

Но на сей раз моё «хорошо» было совершенно безлюдным. По крайней мере, в первую секунду мне так показалось. А где-то на третьей четверти второй секунды я увидел, что в одном из кресел сидит Базилио. Забралась туда с ногами и спит. Вот и молодец.

Однако в этот момент примчался Друппи и всё испортил. Захотел лизнуть меня в нос, как всегда перестарался, уронил на пол и звонко залаял – увы, не извиняясь, а празднуя победу. Не каждый день удаётся целого сэра Макса на лопатки уложить!

Хотя вру. Каждый.

Само по себе это не страшно, все полы в моём доме застелены толстенными коврами, да и падать я уже давно привык. Но от лая Друппи проснулась Базилио. И так обрадовалась, увидев меня, что я сразу понял: задушевного разговора не избежать.

Не то чтобы я не любил задушевные разговоры. Просто сегодня их уже было предостаточно. Да и спать мне когда-нибудь всё-таки надо. Теоретически.

Впрочем, ладно. Я практик.

И, повинувшись правилу, которому всецело подчинена моя жизнь: «Действуй по обстоятельствам», – кое-как отпихнул счастливого пса, на четвереньках добрался до ближайшего кресла, плюхнулся в него и спросил: – Было здорово?

Базилио кивнула. Не то чтобы вовсе без энтузиазма, но я ожидал гораздо большего. Человеком стала? Стала. Вечеринку устроила? Устроила. Гости пришли? Ещё как пришли! Ну и почему мы не пляшем на потолке от счастья?

Хотя, наверное я слишком много требую. Спросонок я бы и сам ни на

каком потолке не плясал.

– Даже не верится, что всё это происходит со мной, – сказала Базилио.
– И что так будет всегда, никто у меня эту прекрасную жизнь не отберёт. Наверное никогда не привыкну.

– Ну и отлично, – улыбнулся я. – «Никогда не привыкну» – это же ключ к счастью. Просто мало кому удаётся удержать его в руках. По себе знаю. Когда я... – и осёкся, заметив, что Базилио меня не слушает. – Впрочем, ладно. Неважно.

– Знаешь, о чём я жалею? – спросила она.

Я не стал ехидно переспрашивать: «Ого, а ты уже о чём-то жалеешь?» – а просто отрицательно помотал головой.

– Что не решилась послать зов сэру Камалкони и пригласить его на вечеринку.

– Кому?

– Старшему Помощнику Придворного Профессора овеществлённых иллюзий. Его на самом деле так зовут: сэр Умара Камалкони. Красивое имя, правда?

– Красивое, – согласился я. – Но ты ни о чём не жалеешь. Он бы всё равно не смог прийти.

– Почему?

Хороший вопрос. Не объяснять же ей, что «Умара Камалкони» – это просто творческий псевдоним Его любопытного Величества Гурига Восьмого, который нашёл прекрасный способ поглазеть на невиданное чудовище, не привлекая излишнего общественного внимания к своим визитам в Мохнатый Дом. А седые кудри и согбенный стан – просто приличествующие случаю аксессуары. И звание «Старший Помощник Придворного Профессора овеществлённых иллюзий» Его Величество тоже сам выдумал. Нет такой должности при Королевском Дворе, я узнавал.

Я сперва думал, дело обойдётся одним визитом. Ну чудовище, ну кошмарное, голова индюшачья, хвост лисий, тело в чешуе – было бы что днями напролёт разглядывать. Ужаснулся раз-другой и ушёл довольный. И сам Король, как я понимаю, тоже так думал. Но подпал под чудовищное, во всех смыслах этого слова, обаяние Базилио, как и мы все. И зачастил к нам чуть ли не через день. Впрочем, не к каким-то абстрактным «нам», а именно к Базилио. Они вместе решали головоломки, болтали обо всём на свете и были, надо понимать, бесконечно счастливы вместе, как и положено друзьям.

Слухи о моей разговорчивости сильно преувеличены. То есть, трепаться-то я могу сутками напролёт, не вопрос. Однако чужие секреты

при этом не разбалтываю даже во сне. Тем более, Королевские.

Поэтому я сказал Базилио ровно столько правды, сколько смог.

– Он же при Королевском Дворе служит. А у них там очень строгие порядки. Если уж ты взялся изучать чудовищ, будь добр, ходи в гости только к чудовищам. А не к красавицам. И наоборот. Твой приятель, к сожалению, не специализируется на красавицах. И, боюсь, ему будет непросто это изменить.

– Да, он тоже так говорил, – печально согласилась Базилио. – Но вечеринка – это же не работа. Неужели придворным нельзя просто ходить в гости к друзьям?

– Можно, – сказал я. – В гости и вообще куда угодно, включая Квартал Свиданий. Но только строго по расписанию, составленному Главным Церемониймейстером. То ли два раза в год, то ли вообще раз в два года, не помню.

– Да, порядки у них очень строгие, – пригорюнилась Базилио. – Сэр Камалкони рассказывал. Говорил, сам Король не имеет права эти порядки нарушать, даже по мелочам. Одеться, например, во что захочет, или просто по городу погулять. Трудная жизнь! Я бы так не хотела.

– Просто не соглашайся, когда тебе предложат место Первого Министра, – посоветовал я. – И ты спасена.

Базилио разочарованно моргнула. Похоже, она уже успела вообразить, каким отличным Первым Министром станет. И тут вдруг на тебе! «Не соглашайся».

Но вслух она спросила:

– Как ты думаешь, можно я напишу ему письмо? Это не будет чересчур назойливо?

– Не будет. Только с обычным почтовым курьером не отправляй. А то знаю я Дворцовую службу охраны. Каждое второе письмо сразу испекают – просто так, на всякий случай. Остальные тщательно проверяют: вдруг они ядом намазаны. Хотя какой дурак станет хороший продукт на письма переводить?.. В общем, лучше я сам твоё письмо передам при первом же визите в Замок Рулх.

– А тебя туда пропустят? – восхитилась Базилио.

– Пусть только попробуют не пустить, и одним замком у Его Величества станет меньше, – гордо сказал я.

Всё-таки я какой-то поразительный хвостун. Сам не понимаю, как так можно.

Но главное, что Базилио обрадовалась и тут же удалилась в свой кабинет писать письмо. А я подумал: бедный ребёнок. Вот тебе и первая

настоящая человеческая проблема. Одним добрым другом стало меньше, так получилось, никто не виноват.

А ещё я подумал, что теперь нам, пожалуй, придётся составить график дежурств по Базилио и заняться её новой жизнью всерьёз. Водить гулять, приглашать в гости, таскать по модным лавкам, объяснять, как устроены город, Мир и всякая отдельно взятая человеческая голова. Отдать её в лапы хорошего цирюльника, отвести на поэтические чтения в «Трёхрогую Луну», в оперу и на какую-нибудь ярмарку, научить управлять амобилером, танцевать, гулять по крышам и, возможно, чем только Тёмные Магистры не шутят, действительно подумать о поступлении в Университет. Или в Королевскую Высокую Школу. Лично я до сих пор так и не понял, в чём состоит разница. И никто, даже Нумминорих, имевший счастье учиться в обоих заведениях, так и не смог мне это внятно объяснить. Единственное, что я твёрдо усвоил: на эмблеме Высокой Школы нарисована Королевская шляпа, а на университетской – голова, пронзённая мечом. Из чего, вероятно, следует сделать вывод, что учиться в Королевской Высокой Школе гораздо безопасней.

Но обо всём этом можно было подумать лёжа. Под одеялом. Вытянув ноги. До меня доходили легенды об удивительных людях, постоянно ночующих в собственной постели, и все, как одна, повествовали о соблазнительных возможностях, которые им открываются. Я решил проверить, так ли это. Немедленно. Прямо сейчас.

Честно говоря, был совершенно уверен, что усну прежде, чем закрою глаза. Но не тут-то было.

Первую вечность длиной примерно в четверть часа я лежал неподвижно, наслаждаясь этим процессом и радуясь, что бодрствую: люблю растягивать удовольствие.

Вторую вечность, которая длилась никак не меньше часа, я ворочался с боку на бок, перебирая в уме события и впечатления минувшего дня – не потому что мне этого хотелось, просто не мог от них отделаться.

Третья вечность оказалась гораздо длинней первой, но всё же короче второй; её я посвятил удивлению, раздражению и бессильному гневу: бессонница? У такого великого и могучего меня?! Кто допустил? И что с этим делать? Как – «не знаю»?!

А потом я всё-таки задремал.

Такое впечатление, что мне пришлось мучиться бессонницей, пока в соответствующем отделении Небесной Канцелярии спешно подбирали подходящий к случаю кошмар.

И им наконец удалось.

Мне приснилось, что я сижу на узкой доске, переброшенной через бездонную пропасть. Справа от меня переливаются разноцветными огнями и звенят голосами развесёлых гуляк ночные улицы Ехо, а слева дышит и трепещет тьма. С виду просто темнота ночи, но я-то чую, что она живая. Пока что спящая, и лучше бы её не будить, не то...

К счастью, вместо тьмы проснулся я сам. То есть, сперва подскочил, как ужаленный, а проснулся уже потом, бывает и так. Сердце билось с совершенно недопустимой скоростью, сколько-то там ударов в минуту; боюсь, я и чисел таких не знаю. За окном, меж тем, начало сереть. То есть, скоро рассвет. И сна у меня при этом ни в одном глазу. Какой уж теперь сон.

Когда-то давно кошмары снились мне хорошо если не через день. И, как могли, разнообразили мою тогдашнюю жизнь, мягко говоря, не особо остросюжетную.

Хуже всего было то, что проснувшись в холодном поту, я обычно тут же снова засыпал и проваливался в тот же самый кошмар, причём прискорбные обстоятельства за время моего отсутствия, как правило, успевали ещё немного ухудшиться. Изрядно намучившись, я изобрёл метод: пробудившись от страшного или просто неприятного сна, надо немедленно покинуть помещение, в котором он приснился. Если есть возможность перед уходом открыть окно – совсем хорошо. Через полчаса можно возвращаться и ложиться спать, продолжения не будет.

Метод дурацкий, но хороший. В том смысле, что он работал. И почему бы, в таком случае, не применить его сейчас? Смотреть продолжение сна о том, как я сижу на этой чёртовой доске, стараясь не разбудить тьму, у меня не было никакого желания. Поэтому я распахнул настежь окно, с наслаждением вдохнул сырой предутренний воздух, благоухающий прелыми листьями, свежей травой, речной водой, дымом каминных труб и хлебной закваской из расположенной неподалёку пекарни, и пошёл в Малую Летнюю Кухню. Потому что когда не спится, надо жрать – это священное правило, грех им пренебрегать.

На самом деле, «жрать» – это громко сказано. Я удовольствовался остатками камры, обнаруженными на дне оставленного на столе кувшина. Прихватив кружку, я пошёл было к окну, чтобы вылезти во двор, но на середине пути застыл натурально как громом поражённый. Просто потому что вспомнил, как застал здесь нынче утром Джуффина, и о чём мы с ним говорили, и как бродили потом по Левому Берегу. Так вот почему я так долго не мог уснуть! И откуда вылезла приснившаяся мне неприятная

ерунда, тоже теперь понятно.

Столько всего успело случиться за этот долгий день, что я и думать забыл о своём Пророческом сне и тревоге Джуффина по поводу места его действия. О том, что если верить уличной гадалке, внезапно оказавшейся старой подружкой леди Сотофы, в Ехо скоро начнёт происходить какая-то дрянь. Думать-то забыл, но беспокоиться при этом не перестал – неосознанно. Вот и прыгаю теперь по всему дому, как последний дурак, вместо того чтобы сладко спать. Нечему тут удивляться.

Джуффину, я считаю, ужасно со мной повезло. Я очень бережно отношусь к чужому праву на отдых. Поэтому не стал будить его сразу, а терпеливо подождал целых полчаса, пока не рассвело окончательно. И только после этого послал ему зов.

Но шеф Тайного Сыска почему-то всё равно остался недоволен.

«У тебя все живы?» – сразу спросил он.

«Да, но...»

«Ну и ради какого драного лесного вурдалака, мать его через тринадцать тысяч затей, ты решил меня разбудить? Если это месть за мою обычную утреннюю общительность, имей в виду, она более чем удалась. Так не вовремя меня давненько не поднимали».

«Прости, – сказал я. – Просто был уверен, в это время ты уже никогда не спишь».

«Обобщение – прямой путь к заблуждению. День на день не приходится. Я лёг хорошо если полчаса назад. Только вернулся с Тёмной Стороны. Вроде, развлекался там вовсю, а устал, как покойник после собственных похорон».

Надо же. Никогда не рассматривал похороны как утомительное занятие для главного действующего лица. Но обсуждать эту тему я благоразумно не стал. Вместо этого спросил:

«И как там? Что ты узнал?»

«Ничего интересного, – огрызнулся он. И, внезапно сжавшись, добавил:– Ладно уж, приходи, расскажу, чего именно я не узнал. Только быстро. Ещё через полчаса я твёрдо намерен снова лежать в постели, даже если придётся храбро сражаться с тобой на столовых ножах за своё право на счастье».

О. Вот это уже дело.

Столовыми ножами Джуффин успел запастись заранее. И не только ими. Пока я одевался и решал, куда лучше проложить Темный Путь – на его

крыльцо, как требуют правила хорошего тона, или сразу в гостиную – на столе в этой самой гостиной чудесным образом появился завтрак. На который я набросился прежде, чем успел усестыся в кресло. Потому что сколько бы заветных бабушкиных рецептов ни вспомнили наши повара, готовить как Кимпа, дворецкий Джуффина, они не будут никогда. И, справедливости ради, не только они, но и шеф-повара самых модных в этом сезоне трактиров тоже не будут. Потому что Кимпа – гений. Он такой один.

– Ты жрать пришёл или меня слушать? – ухмыльнулся Джуффин.

– Одно другому не помеха, – с набитым ртом заверил его я.

Прозвучало это как «мумо ымому э муа», но Джуффин не стал переспрашивать. Вот что значит полное взаимопонимание.

– Извини, что вот так на тебя свалился, – сказал я, дожевав. – Просто внезапно обнаружилось, что я очень беспокоюсь. Уснуть не могу, на стенку лезу, давненько так не было. Причём не столько за себя, сколько, как ты выразился, за место действия. В смысле, что в Ехо случится какая-то фигня, и мы её не предотвратим. Хотя, по идее, могли бы.

– Плохо, что беспокоишься, – проворчал Джуффин. – Но если бы не беспокоился, было бы гораздо хуже. Тогда начал бы беспокоиться я: что тебя подменили.

– Тёмная Сторона! – напомнил я. – Что ты там узнал?

– Действительно ничего интересного – кроме того, что вот прямо сейчас в Ехо всё более чем благополучно. Я воспользовался поводом, обошёл весь город, а не только те кварталы, где мы с тобой бродили. Духоподъёмная вышла экскурсия. И очень оптимистическая. Судя по настроению Тёмной Стороны, Ехо переживает сейчас свой расцвет и не собирается останавливаться на достигнутом.

– То есть, можно не беспокоиться? – обрадовался я.

– Ну как тебе сказать. Беспокоиться, конечно, не следует, но только потому, что беспокойство – состояние, не способствующее эффективности. А если ты хочешь услышать от меня, будто в этом городе никогда больше не случится ничего такого, что нам с тобой не понравится, вынужден тебя разочаровать. Случиться по-прежнему может абсолютно всё что угодно. В этом смысле ничего не изменилось.

– Но ты же сам говоришь...

– Я говорю, что мне стало известно о намерении Ехо оставаться городом, в котором хорошо живётся людям – простым и не очень. То есть, всем подряд. Но, видишь ли, подобное намерение было у этого города и незадолго до начала Смутных Времени – а толку-то. Город – серьёзный игрок, но кроме него существуют и другие. Не следует недооценивать

человеческую волю, особенно когда это воля могущественного колдуна.

– Ты имеешь в виду, что в любой момент может прийти какой-нибудь Мятежный Магистр и всё испортить?

– Именно, – подтвердил Джуффин. – Может. Кто угодно, в любой момент.

Мы умолкли. Не потому что разговор был закончен. И даже не потому, что нам требовалось время, чтобы обдумать сказанное. Просто мы оба одновременно как следует распробовали Кимпин многослойный омлет. И сразу осознали, что всё остальное – не заслуживающая внимания суэта.

– Слушай, – наконец спросил я, – а неужели нельзя просто узнать будущее? Я думал, на Тёмной Стороне вообще всё можно.

– Скажем так, очень многое, – согласился Джуффин. – Но, во-первых, «многое» – не означает «всё». А во-вторых, у каждого свои отношения с Тёмной Стороной. И свой набор возможностей. Если бы я наловчился пользоваться Тёмной Стороной как оракулом, у нас была бы совсем другая жизнь. Очень спокойная и предсказуемая. Представляешь, скольких ошибок можно было бы избежать? Уж я бы не поленился ходить туда каждое утро, спрашивать, делать выводы и принимать необходимые меры.

– Ты бы от скуки умер, – улыбнулся я.

– Ну, какое-то время всё-таки продержался бы. Я крепкий. Кстати, знаешь, наверное, именно поэтому Тёмная Сторона никогда не открывает мне будущее. Ей-то известно, что на самом деле я этого не хочу. Просто считаю полезным для своей текущей работы, но это, как мы понимаем, совсем не то.

– То есть, если на Тёмную Сторону пойду, например, я и спрошу о нашем ближайшем будущем, могу получить ответ? Я всё-таки люблю сюрпризы гораздо меньше, чем ты. Мягко говоря. И вообще до сих пор мне было достаточно просто попросить вслух...

– Пока не попробуешь, не узнаешь, – ухмыльнулся Джуффин. – Собственно, а почему ты туда ещё вчера не метнулся?

– Закрутился, – объяснил я. – Новая Древняя архитектура, пляж, вечеринка. Базилио, повара, зелёные блины, немые сцены одна за другой, и ещё в карты с тобой играть пришлось, такой уж я занятой человек. А потом снова архитектура. Экспериментальная, я бы сказал. Я, признаться, впечатлён. Если в мозгу есть центр, ответственный за восхищение происходящим, у меня на нём, вероятно, уже мозоль. Но завтра ещё пойду, если позовут.

– Позовут, не сомневайся. Ты слишком ценная добыча, чтобы вот так сразу выпускать из зубов.

– Ну уж прям – «ценная добыча».

– Ещё какая ценная. Я понимаю, ты к себе давным-давно привык. Каждый день в зеркале этого типа видишь, кормишь его, одеваешь, пытаешься побрить, регулярно застаёшь в дурном настроении, то и дело ловишь на глупостях, расплачиваться за которые, если что, тебе. Такое кому угодно может надоесть. Но с точки зрения постороннего, неподготовленного человека, рядом с тобой очень интересно. И никогда заранее не понятно, чего ждать дальше. Именно то, что надо твоему новому приятелю.

– Мне, пожалуй, тоже, – невольно улыбнулся я.

– Тебе-то как раз много чего надо. То чтобы было интересно, то чтобы спокойно, то неземной любви, то торжества тобою же выдуманной справедливости, то высшего смысла, то почувствовать себя настоящим живым человеком, то, напротив, забыть, что ты им хоть когда-нибудь был, и начать всё сначала.

– То просто вкусно пожрать, – подхватил я. – Ты прав, я очень сложная натура. Самому иногда смешно.

– А вот прямо сейчас тебе позарез надо на Тёмную Сторону, – напомнил Джуффин. – А мне спать. Я все утренние дела перенёс на вечер, и сделал это вовсе не для того, чтобы полдня наслаждаться беседой с тобой. А чтобы вернуться в хорошую форму. Я довольно редко чувствую себя по-настоящему усталым и очень этого не люблю.

– Я чувствую себя усталым практически ежедневно. И всё равно не люблю, – сказал я. – Не то это удовольствие, любовь к которому приходит с опытом. Ох, не то.

Покинуть гостиную Джуффина было делом секунды. Осознать, что в собственной спальне, куда я оттуда зачем-то пошёл, мне пока заняться нечем, тоже много времени не заняло. Гораздо дольше я раздумывал, что делать теперь.

То есть, по большому-то счёту, ясно, что: идти на Тёмную Сторону. Но меня занимал вопрос: как?

В смысле, каким способом туда добираться.

Когда-то, в самом начале своей карьеры, я был уверен, что единственный проход на Тёмную Сторону Ехо находится где-то в глубоких подземных коридорах, прорытых под Домом у Моста. Потому что Джуффин водил нас туда именно этим путём, обставляя всё по высшему разряду: с долгими блужданиями в темноте, Стражем, выставленным на границе, томительным ожиданием и внезапным озарением: да мы же уже

пришли!

Так обычно водят туда новичков, полагающих, будто Тёмная Сторона – какое-то удивительное, небывалое, но при этом совершенно конкретное место, такая гигантская тайная комната для магических прогулок. И находится она, видимо, где-то глубоко под землёй, не зря же так долго в подвалы спускались.

Потом проходит какое-то время, новичок набирается опыта и однажды понимает, что Тёмная Сторона – это вовсе не волшебное подземелье, а его собственная способность видеть изнанку вещей и продуктивно с ней взаимодействовать. Ну или не очень продуктивно. Как пойдёт.

Но рано или поздно до нас доходит, что и это – далеко не полный ответ на вопрос. Потому что если бы речь шла только о состоянии сознания, мы бы бродили по городу, как безумцы, утратившие связь с реальностью, не видя и не слыша ничего вокруг. Ну или не бродили бы, а сидели бы всё в том же подвале, мирно галлюцинируя вдали от посторонних глаз. Однако когда мы уходим на Тёмную Сторону, мы оказываемся там целиком, со всеми потрохами. Наши бесчувственные тела не валяются где-нибудь в укромном месте, кротко ожидая возвращения сознания.

На этом месте следует сделать вывод, что природа Тёмной Стороны – явление не просто неизвестное, но непознаваемое. Взаимодействовать можно, понять – нет. Впрочем, однажды я доразмышлялся до того, что Тёмная Сторона – это особое состояние материи. И то, что кажется нам «дорогой» туда, на самом деле – процесс нашего преобразования. То есть, перехода в иное состояние не только сознания, но и материи. Тогда, помнится, даже сэр Шурф счёл мою формулировку достаточно точной, а он в этом смысле придирчив как никто.

Поэтому будем считать мою гипотезу рабочей. И, кстати, она прекрасно объясняет, почему большинству новичков нужны все эти долгие блуждания по подземельям, а, например, Джуффин в своё время мог провалиться на Тёмную Сторону помимо своей воли – просто не в меру развеселившись. А лучший в Море нюхач Нумминорих безошибочно проходит туда по запаху. У каждого свой способ превращаться, вот и всё.

Стыдно признаваться, но мне до сих пор проще всего попасть на Тёмную Сторону, всласть поблуждав по подвалам, на худой конец, просто по городским улицам, постепенно впадая в транс на ходу, так уж я привык. Ну или чтобы кто-то более опытный отвёл за ручку – вообще идеальный вариант. Я всё-таки ужасный консерватор, хотя большинство знающих меня, услышав подобное признание, начинают ржать.

Как бы мне хотелось, чтобы они были правы.

В отношениях с Тёмной Стороной моя приверженность привычкам особенно сильно мешает делу. Теоретически, мне вполне достаточно просто высказать желание, чтобы сразу оказаться там. Но между этой прекрасной теорией и практикой всегда встаёт моё представление о том, как «правильно». И моё же понимание, что на самом деле никакого «правильно» и «неправильно» нет и быть не может, почему-то не разрушает эту искусственную преграду. Проще всякий раз, как припечёт, по подземельям бродить, чем преодолеть собственную привычку. Знаю, насколько это глупо, особенно в моём случае. Потому что, по идее, я не просто «человек Тёмной Стороны», один из немногих, обладающих способностью туда попадать, а что-то вроде её детали, отвалившейся и закатившейся в обыденный мир людей, но всегда сразу встающей на место, стоит только вернуться домой. Во всяком случае, всё тот же Нумминорих утверждает, будто я пахну в точности как Тёмная Сторона, и глупо было бы не доверять его свидетельству.

Я всё время повторяю: «глупо», «глупо», – потому что на тот момент это определение наиболее точно описывало моё поведение в отношениях с Тёмной Стороной. И вот прямо сейчас, сидя на подоконнике своей спальни, я решил, что с этим пора завязывать. У меня должен быть свой способ легко попасть на Тёмную Сторону в любой момент, когда понадобится, не затрачивая на это час-полтора, которые, между прочим, на дороге не валяются. Чёрт знает каких дел можно за это время наворотить.

Я сидел, смотрел через распахнутое окно вниз, на маленькую площадь Мохнатого Дома, получившую имя в честь моего жилища, на расходящиеся от неё в разные стороны улицы Закрытых глаз, Всех Забытых Королей и Сияющую, разглядывал разноцветные дома, невысокие деревья, ползущие по узким мостовым амобилеры и бегущих по своим немилосердно ранним утренним делам прохожих, старался вообразить, как всё это выглядело бы на Тёмной Стороне. Ни амобилеров, ни людей там, ясное дело, нет и в помине, дома не просто тёмные, а как бы светятся густой темнотой, зато камни мостовых сияют как фонари, потоки воздуха окрашены в самые разные цвета, земля прозрачна, как вода, а небо кажется твёрдым, потрескавшимся от времени, и сквозь эти щели пробивается невидимый глазу, упоительный, почти непереносимый для человека свет.

Ну, считается, что непереносимый. Мне-то как раз нравится, – подумал я, задрав голову к небу и с наслаждением подставляя лицо лучам незримого солнца Тёмной Стороны.

Естественно, всё у меня получилось. И на кой чёрт было так долго тянуть?

Неведомо.

Хотя ведомо, конечно. Кого я пытаюсь обмануть. Не зря же сам расписывал Малдо, как здорово родиться просто человеком, для которого почти невозможно вообще практически всё, а значит каждый день можно перепрыгивать через собственную голову, торжествуя по поводам столь пустяковым, что самому смешно.

Вероятно, именно так я и представляю себе счастье.

Я спрыгнул с подоконника, даже не вспомнив, что это вообще-то очень высокий второй этаж, и чтобы не переломать ноги, нужно читать специальное заклинание. Но на Тёмной Стороне такие предосторожности ни к чему: здесь земля сама юркнет ко мне под ноги, как ласковый кот, в любой момент, когда это понадобится, о такой мелкой услуге можно специально не просить.

Сделав несколько шагов по сияющим камням мостовой, я не удержался и оглянулся назад, чтобы посмотреть, откуда я тут взялся. Здесь, на Тёмной Стороне, Мохнатый Дом выглядел как застывший фонтан чёрного света, скорее угрожающий, чем дружелюбный. Надо же! Впрочем, это только в моей интерпретации так. На Тёмной Стороне каждый видит что-то своё, и если ходить сюда не в одиночку, а большой компанией, самое веселье начинается, когда все участники пытаются сравнить впечатления: «Как вам нравится это гигантское дерево? – Ты имеешь в виду куст с белыми ягодами, чёрный цветок или вон тот забор?»

Хотя описания некоторых объектов более-менее совпадают у всех. Видимо отдельные фрагменты Тёмной Стороны столь тверды в своём намерении продемонстрировать нам свой подлинный облик, что никакой интерпретацией их не исказишь.

Но когда гуляешь здесь в одиночку, обо всём этом как-то не особо задумываешься. Очень уж хорошо. Оказавшись на Тёмной Стороне, я всякий раз удивляюсь: почему не прихожу сюда каждый день? Почему вообще отсюда ухожу, вместо того, чтобы остаться навсегда? Видимо потому, что человек, на самом деле, вовсе не создан для счастья. Испытывать его непрерывно – такой тяжкий труд, что поневоле сбежишь.

И я тоже сбегу, конечно. Но не сейчас, потом.

Потом, потом.

Не то чтобы я забыл, что пришёл сюда по делу. На самом деле, Тёмная Сторона здорово проясняет сознание, даже моя дырявая голова обычно работает здесь в максимально эффективном режиме. Просто правило

«сперва удовольствия, потом дела», от которого в обычной жизни одни неприятности, здесь становится обязательным к исполнению, практически священным. Потому что удовольствия тут общие – наши и её. Быть счастливым балбесом, наслаждающимся каждым вдохом и каждым шагом – своего рода плата за вход. И будьте спокойны, никто не уйдёт, не расплатившись.

Вот и я не ушёл. Гулял по изнанке Ехо, не касаясь ногами земли, благо для этого здесь никаких заклинаний читать не надо, достаточно просто смеяться от счастья, ну или плакать, это уж кто как привык. Глазел по сторонам, осторожно трогал – не руками, всем своим существом – звенящие сияющие нити, связывающие между собой людей, места, события, причины, следствия, неожиданности, чудеса, бодрствующих и сновидцев, прошлое и будущее, жизнь и бессмертие, силу и смерть, вечность и моё древнее сердце – всё со всем, накрепко, навсегда. И ощущал себя музыкантом, чья партия в этой симфонии – всего несколько беззвучных прикосновений невидимого смычка к невидимой же струне, которой прежде, до моего появления не существовало, а теперь есть, и это уже неотменяемо. И звон её длится, и будет длиться бесконечно, потому что всё единожды рождённое рождено навсегда.

Я сейчас и сам с трудом понимаю, о чём пытаюсь рассказать. Потому что записываю всё это не на Тёмной Стороне Мира, а сидя в своём кабинете в башне под крышей Мохнатого Дома. И пользуюсь нормальным человеческим языком, а в нём слов, подходящих для описания подобных вещей, к сожалению, нет. Хохенгрон^[9], язык сновидений, о котором то и дело вспоминает учивший его в детстве Нумминорих, наверное, подошёл бы, но за него я даже братья боюсь. И так чокнутый, куда уж дальше.

Ай, ладно. Могу рассказать, не могу – дело десятое. Важно, что я могу снова пережить этот не поддающийся описанию опыт – хоть сейчас, хоть завтра, в любой момент, когда захочу.

Если, конечно, меня не отвлекут другими делами.

Поэтому надо плюнуть на попытки объяснить, чем я занимался на Тёмной Стороне Ехо целых десять минут или часов, или даже лет, пока не понял, что на сегодня, пожалуй, достаточно. Так, наверное, чувствует себя кружка, которую уже наполнили до краёв – ещё чуть-чуть, и прольётся, поэтому хватит, стоп. Стоп.

«Тем более, у меня же тут дело, – вспомнил я. – Каким бы пустяковым оно ни казалось сейчас, дома эта проблема мне спать не давала. И Джуффину за компанию. И хорошо, что обошлось без дополнительных

жертв».

Я остановился и собрался с мыслями. Штука в том, что на Тёмной Стороне мои слова обретают силу могущественных заклинаний. То есть, чего потребую, то и получу; по крайней мере, до сих пор всегда было так. Звучит просто отлично, я и сам это понимаю. Но тут есть два подводных камня. Во-первых, на Тёмной Стороне я обычно ничего не хочу. Такова уж моя здешняя природа. А во-вторых, формулировать надо очень чётко.

И если первая проблема решается благодаря памяти и воле, справиться со второй, будучи не столько человеком, сколько счастливым ветром, дующим внутри самого себя, очень непросто. Наученный горьким опытом, формулировки я обычно придумываю заранее и заучиваю наизусть. Но «обычно» не означает «всегда». И как раз сегодня я не подготовился. Не знал, что так быстро и легко окажусь на Тёмной Стороне.

Хотя, конечно, знал. Просто сам себе не верил.

Но я очень хитрый. Поэтому сперва объявил:

– Мне нужно как следует сосредоточиться.

И голова моя тут же превратилась в идеальный аппарат для создания простых и чётких мыслей. Всё-таки иногда я большой молодец.

Я ещё немного подумал, всё взвесил, покрутил придуманную формулировку и так, и сяк, не нашёл в ней никаких недостатков и наконец сказал вслух:

– Я хочу узнать, где, когда и при каких обстоятельствах сбудется мой пророческий сон.

Думал, сейчас получу ответ – в виде внезапного озарения, или послания, запечатанного в конверт, или просто зычный глас раздастся с потрескавшихся небес и расскажет мне что-нибудь интересное.

Как же, держи карман шире. Я просто уснул – мгновенно, не сходя с места, там, где стоял, даже не потрудившись предварительно улечься на мягкую густую траву.

В траву я просто упал – потом, уже заснув. Совершенно этого не почувствовал, и вообще ничего не помню. Но факт остаётся фактом: проснулся я в горизонтальной позиции. И, кстати, вовсе не от каких-то дурацких неудобств вроде холода и сырости, этого на Тёмной Стороне, как я понимаю, можно не опасаться. Проснулся я, как ни странно, от шума. Точнее, от человеческих голосов.

Ещё точнее, от одного-единственного голоса. Очень хорошо мне знакомого. Как мало какой другой.

– Нет, – говорил этот голос с неподражаемой снисходительной

интонацией высококвалифицированного, но изрядно уставшего от своей работы экскурсовода, – нет, вам не мерещится, и мне тоже. Перед нами вовсе не одно из наваждений пятнадцатой степени достоверности, упоминаемых в мемуарах достопочтенного Тинки Айохти, здесь действительно спит самый настоящий сэр Макс. И делает это вопреки всем известным просвещённому человечеству правилам безопасного поведения на Тёмной Стороне, начиная от «Причитаний по сгинувшим дочерям» Айвы Безголового и заканчивая новейшей инструкцией Господина Почтеннейшего Начальника Джуффина Халли для сотрудников Тайного Сыска. Такой уж он человек, что может позволить себе на Тёмной Стороне всё, что ему заблагорассудится. А мы с вами, увы, не можем.

Я открыл глаза и увидел, что сэр Шурф не просто прикидывается экскурсоводом, но в каком-то смысле действительно им является. Стоит надо мной во главе небольшой туристической группы из двух человек и с присущим ему хладнокровием демонстрирует своим спутникам моё спящее тело, как какой-нибудь редкий музейный экспонат.

И бледно-зелёный ветер Тёмной Стороны крутится у него в ногах, как преданный пёс. На редкость умиротворяющее зрелище.

Однако, зная Шурфа Лонли-Локли столько лет, я не сомневался, что в данный момент мой друг испытывает одно-единственное страстное, неутолимое желание: надрать мне уши. Чтобы впредь неповадно было нарушать фундаментальное правило техники безопасности: на Тёмной Стороне не дрыхнуть.

Я прикусил язык, чтобы не начать оправдываться: «Я не нарочно, оно само так получилось». Потом ему всё объясню. Клятву какую-нибудь страшную принесу, если понадобится, уши мне пока дороги. А при посторонних будем делать вид, будто я и правда такой крутой, как он им рассказывает.

«Посторонние», судя по бело-голубым одеждам, были Магистрами Ордена Семилистника. Причём младшими, если не вовсе послушниками, очень уж молоды. Высокий румяный толстяк и компактный блондин со светлыми, раскосыми, как у многих уроженцев графства Шимара, глазами. На Тёмной Стороне все люди видны как на ладони, поэтому я сразу понял, что оба отличные ребята и при всём внешнем несходстве внутренне почти близнецы: добродушные, спокойные, собранные, с весёлыми искрами в глазах; толстяк явно чуть более расчётлив и осторожен, блондин – не то чтобы отчаянный храбрец, скорее легкомысленный балбес вроде меня. Но явно обученный держать это свойство своего характера под строжайшим контролем. У Шурфа особо не забалуешь. Я бы и сам не забаловал, если бы

злая судьба отдала меня ему в лапы в качестве ученика.

Но как-то пронесло.

– Я проспал сто лет, и ты начал водить экскурсии к моему нетленному телу? – наконец спросил я Шурфа. – Надеюсь, хотя бы платные?

– Бесплатные, разумеется, – высокомерно отвечал он. – Беда, видишь ли, в том, что ты не то что сотни лет, а даже дня толком не проспал. Не за что пока деньги с людей брать. Подвёл ты меня.

– Это хорошая новость, – сказал я. – Очень вовремя ты рядом оказался. И голос у тебя хороший, громкий, кого хочешь разбудит, а мне того и надо. Не люблю терять кучу времени впустую. Сколько раз пропадал надолго неведомо куда, всегда потом было ужасно обидно за все несъеденные обеды. И кстати об обедах, с меня причитается.

– Я столько не съем, сколько с тебя сегодня причитается, – вздохнул он. – И даже не выпью. Однако теперь придётся проследить, чтобы ты никуда не сбежал, пока не сдержишь слово. Беречь Орденскую казну, опустошённую ради размещения покойного Магистра Мони Маха в Харумбе^[10] – одна из моих первоочередных обязанностей в эти трудные для Ордена Семилистника дни. Следовательно, жрать за чужой счёт – мой долг. А я, как ты знаешь, человек долга.

Знаю – не то слово.

Ладно, по крайней мере, о быстром возвращении с Тёмной Стороны можно было больше не беспокоиться. И вообще ни о чём, кроме перспективы буквально с минуты на минуту остаться наедине с бывшим маньяком-убийцей, который очень сердит на меня за то, что я недостаточно старательно берегу свою драгоценную жизнь.

Но к этому мне как раз не привыкать.

– Спасибо, дружище, – сказал я, когда мы оказались в его кабинете. Один на один, без отправленных отдыхать свидетелей.

Сэр Шурф ничего не ответил. Даже глаз на меня не поднял, опасаясь, видимо, случайно испепелить взглядом. Он сидел в своем кресле и набивал трубку, спокойно и неторопливо, как всегда. Но что-то мне подсказывало, что не хотел бы я сейчас оказаться на месте этой трубки. И, тем более, табака.

За окном, меж тем, начало смеркаться. Осенью, конечно, темнеет рано. Но мне всё равно было немного досадно – надо же, как долго проспал! Хотя глупо горевать о нескольких часах, только что счастливо избежав возможности потерять годы.

Штука в том, что на Тёмной Стороне время идёт довольно

причудливым образом, и контролю это процесс практически не поддаётся. Когда Джуффин водил туда нас, новичков, обязательно предупреждал, что мы можем провести там всего пару часов, а вернуться домой через несколько дней или даже лет, как повезёт. Отчасти эту проблему помогает решить Страж, который более-менее адекватно чувствует ход времени и обычно может вовремя позвать назад загулявших коллег, но и тут раз на раз не приходится. Гарантий, стало быть, нет.

При этом понемногу выяснилось, что у каждого более-менее опытного путешественника на Тёмную Сторону всегда есть свой способ быстро оттуда вернуться. Самый остроумный из известных мне методов изобрёл сам Джуффин: он ставит метку. Например, просит кого-нибудь прийти в определённое время в его кабинет и провести там, скажем, полчаса. Или поставить на его стол зелёную вазу, а через несколько минут её унести. Или ещё что-нибудь в таком духе. Перед возвращением он как бы цепляется за этот образ, рисует в воображении, что входит в свой кабинет, там сидит определённый человек, на столе стоит зелёная ваза, а на часах – заранее оговоренное время, всё точно, не придерёшься.

Впрочем, сам Джуффин утверждает, что на подобные хитрости его обрекают молодость и недостаток опыта. Это не кокетство, для могущественного угуландского колдуна семьсот с лишним лет действительно совсем несерьёзный возраст. С точки зрения большинства своих коллег, Джуффин всё ещё «очень способный мальчик». Этакий, с позволения сказать, вундеркинд.

По его словам, все по-настоящему опытные маги вообще не считают своевременное возвращение с Тёмной Стороны проблемой. Волеизъявления достаточно, решить – означает сделать, точка. И у меня, по мнению Джуффина, не должно быть никаких проблем – если уж Тёмная Сторона выполняет все мои пожелания, почему бы ей не вернуть меня домой, когда это мне удобно.

Я уже не раз пользовался его советом и убеждался, что высказать вслух пожелание в моём случае действительно совершенно достаточно. Мне удавалось вернуться с Тёмной Стороны буквально через минуту после того, как я туда ушёл. И я регулярно борюсь с искушением потребовать вернуть меня в позавчера и посмотреть, что будет.

Надеюсь, мне достанет благоразумия никогда не ставить подобный эксперимент.

Впрочем, что касается сна на Тёмной Стороне, до сегодняшнего дня я тоже надеялся, что такого со мной никогда не случится. Считается, что спать на Тёмной Стороне не следует, поскольку со спящим там может

произойти всё что угодно. То есть, вообще всё. И, скажем, опоздание к обеду на двадцать пять лет – это далеко не самый нежелательный вариант развития событий по сравнению с перспективой утратить память о прошлом, а взамен обзавестись новой памятью и новым прошлым в придачу, или превратиться в неведомо что, или просто исчезнуть, растворившись в прозрачной текучей земле Тёмной Стороны. Так, говорят, тоже бывает.

Когда я спрашивал Джуффина, правда это, или просто байки для запугивания новичков, он только плечами пожал. Сказал, что не особо верит во все эти ужасы, однако считает, что укладываться спать на Тёмной Стороне имеет смысл только после того, как выучишься осознавать каждую секунду своего сна и контролировать все совершаемые в сновидении действия. В противном случае, получается слишком похоже на знаменитую Кангонскую Летнюю Лотерею, билеты которой раздают бесплатно, но на один призовой приходится дюжина штрафных, обязывающих заплатить распорядителю указанную в билете сумму.

И распорядитель, разумеется, вооружён до зубов.

Лично я ни за что не стал бы играть на подобных условиях, но людям, говорят, нравится. Некоторые, особо азартные, даже специально ездят в далёкий и ничем особо не примечательный Кангон, чтобы как следует развлечься. Никогда их не пойму.

– Я не собирался там спать, – сказал я.

Друг мой снова промолчал. Но посмотрел на меня с некоторым интересом. И раскурил наконец свою трубку.

– Я не планировал спать на Тёмной Стороне, – повторил я. – Даже не думал ни о чём подобном. Не было у меня такой задачи. Я просто задал конкретный вопрос, ответ на который здорово облегчил бы жизнь – мне и, возможно, всему населению столицы за компанию. Думал, сейчас всё узнаю и пойду домой. Но вместо этого почему-то уснул. Внезапно. Я бы сказал, скоростно.

Судя по выражению лица сэра Шурфа, он больше не хотел надрать мне уши. Зато хотел проделать это с Тёмной Стороной. Я ему всем сердцем сочувствовал: трудно столь страстно желать абсолютно невозможного. Но эгоистично радовался столь резкой смене вектора его намерения.

– Даже не знаю, нравится мне это или нет, – наконец сказал мой друг. – С одной стороны, хорошо, что здравого смысла в тебе несколько больше, чем я в глубине души опасаюсь. С другой стороны, если бы дело было только в твоём легкомыслии, я бы, возможно, рано или поздно нашёл

способ тебя переубедить. Насчёт Тёмной Стороны и прочих внешних обстоятельств я не столь уверен.

«Не столь уверен» – это, конечно, очень оптимистическая формулировка. Даже не ожидал от него. С другой стороны, Шурфа проще убить, чем вынудить прямо сказать: «не могу». При том что убить его, я думаю, практически невозможно.

Ну то есть как – «думаю». Надеюсь.

– Мне кажется, Тёмная Сторона повела себя как настоящий друг, – сказал я. – Не бросила в беде, а привела тебя, чтобы ты меня вовремя разбудил.

– С чего ты это взял? – недоверчиво нахмурился он.

– Ну а ты до сих пор хоть раз случайно натыкался там на знакомых? Кроме тех, с кем ты вместе пришёл. И тех, за кем гонишься – тут как раз всё понятно.

Шурф надолго задумался. Наконец кивнул:

– Ладно, предположим. А что за вопрос ты задал перед тем, как уснуть? В таких случаях принято вежливо добавлять: «Если, конечно, это не тайна», – но я так говорить не стану. Если тайна, всё равно выкладывай.

– Я спросил, где, когда и при каких обстоятельствах сбудется мой Пророческий сон.

– Становится всё интересней, – бесстрастно заметил мой друг. – С каких это пор ты заделался пророком? И почему сделал такую чудовищную глупость, не посоветовавшись со мной?

На этом месте я с облегчением заржал. Действительно хорошая шутка. И очень в его духе.

Однако ни облегчение, ни веселье не избавили меня от необходимости подробно изложить ему случай с гадалкой.

– Я бы тебе в ту же ночь рассказал, – заключил я. – Но понимаешь, как раз перед твоим появлением я подробно пересказывал свой Пророческий сон леди Сотофе. И мне ужасно не хотелось снова талдычить одно и то же. А потом мы с тобой пошли в Скандальный переулок, и у меня вообще всё вылетело из головы.

– Да, это я могу понять, – неожиданно согласился Шурф.

Ну, хвала Магистрам.

– В любом случае, ответ на твой вопрос теперь вполне очевиден, – подытожил мой друг. – Ты спросил, при каких обстоятельствах сбудется твой Пророческий сон, и тут же уснул. Кстати, а что тебе снилось?

– Не помню. Так всегда бывает, если я просыпаюсь не в одиночестве и сразу начинаю говорить. Единственный безотказный способ хорошо

запомнить сон – как следует помолчать о нём, проснувшись. Наедине с собой.

– Ладно, – вздохнул он. – Будем надеяться, это не очень важно. Гораздо важнее сам факт: ты уснул в тот момент, когда должен был получить ответ. Следовательно, сон – это и есть ответ. Ты увидишь свой кошмар во сне. Только и всего.

– У Нумминориха с самого начала была такая версия, – улыбнулся я.

– Всегда знал, что у него светлая голова. В старые времена я бы посоветовал тебе его съесть.

– Зачем?!

– Некоторые маги древности поступали так со своими лучшими учениками и просто талантливыми коллегами, чтобы заполучить их силу и наиболее ценные качества. Силы тебе и так хватает; будь моя воля, даже убавил бы немного – просто из соображений здравого смысла и безопасности. А вот светлая голова не помешала бы.

– В старые времена я бы просто сразу съел тебя, – сказал я. – Буквально при первом же знакомстве, чего тянуть. И все ценные качества, какие только можно вообразить, мои навек.

– Что ты определённо умеешь, так это делать комплименты, – ухмыльнулся мой друг.

– Это не комплимент. Просто я очень голодный. А ты – единственный условно съедобный объект, расположенный в зоне досягаемости. Надо это как-то исправлять. Тем более, с меня действительно причитается.

У сэра Джуффина Халли удивительное чувство времени. Я хочу сказать, он всё делает или очень вовремя, или настолько не вовремя, что хоть на стенку лезь.

То есть, если уж тебе приспичило в кои-то веки спокойно пожрать в обществе лучшего друга, можно быть уверенным, что голос Джуффина раздастся в твоём сознании именно в тот момент, когда вышеупомянутый друг ценой невообразимых интеллектуальных усилий перекроит график своих текущих дел, встанет из-за стола и скажет: «Пошли».

Сэр Шурф – человек проницательный. Поэтому увидев, какое непростое выражение приобрело моё лицо, он снова уселся в своё кресло и, дождавшись окончания моих недолгих Безмолвных переговоров, спросил:

– Что там ещё у тебя стряслось?

– Абсолютная монархия в Соединённом Королевстве у меня стряслась, – сердито сказал я.

– А. Король желает срочно тебя видеть?

– Именно. Джуффин сказал, чем скорее, тем лучше.
– С каждым может случиться, не переживай.
– Да я не то чтобы переживаю. А просто жрать хочу, аж в глазах темно.
– Что хочешь, как раз полбеда. Беда, что после столь длительного пребывания на Тёмной Стороне тебе это жизненно необходимо, – нахмурился он. – И я тебя накормить уже не успею, пока приготовят, пока принесут, Его Величество вконец изведётся. Мой тебе совет, добудь хоть что-нибудь из Щели между Мирами и съешь это немедленно, если возможность и дальше твёрдо стоять на ногах тебе дороже интересной бледности и вдохновенного блеска в глазах, который, поверь мне, не столько признак возвышенного образа мыслей, сколько предвестник скорого обморока.

Чего я действительно не люблю, так это вдохновенно падать в обмороки. Поэтому на пороге Замка Рулх, где уже ждал меня Джуффин, я появился, бодро вгрызаясь в эскимо. Совершенно верно, на палочке. Никогда не узнаешь, чего тебе по-настоящему хочется, пока не полезешь в Щель между Мирами со смутным запросом «чего-нибудь пожевать».

– Это что? – деловито спросил шеф.
– Секретное магическое оружие, при помощи которого я надеюсь захватить власть в Соединённом Королевстве, – не моргнув глазом, объявил я.

И откусил примерно половину ледяного бруска. После чего надолго утратил способность издавать звуки, хотя бы отдалённо напоминающие человеческую речь. Мороженое забило мне глотку, как мастерски изготовленный кляп.

– Что, и попробовать не дашь? – изумился Джуффин.
Пришлось протянуть ему палочку с остатками эскимо. Я становлюсь на диво покладист, если лишить меня возможности внятно аргументировать отказ.

К тому времени, как я прожевал и проглотил свой кусок, от пожертвованной доли остались одни воспоминания. В смысле, палочка.

– Я правильно понимаю, что деревяшку есть не обязательно? – спросил Джуффин, чрезвычайно довольный знакомством с очередным блюдом из иной реальности.

– Не хочешь, не ешь, – великодушно разрешил я. – Хотя в том Мире, откуда я добыл это лакомство, именно палочка считается самым ценным деликатесом.

Джуффин некоторое время подумал, наконец заключил:

– Врёшь.

Не зря всё-таки он считается самым проницательным человеком в Соединённом Королевстве.

Потом мы наконец переступили порог Королевского Замка Рулх, были водворены в церемониальные паланкины и после нескольких томительных минут жестокой качки благополучно отгружены в Малой Королевской Приёмной. Пустой, разумеется. Приходить на встречу первым Королю запрещает закон.

– Ужасно интересно, что тут стряслось, – сказал Джуффин после того, как слуги с паланкинами вышли, и мы остались одни. – Лично у меня никаких версий.

– Вообще никаких? – недоверчиво переспросил я.

Потому что так не бывает.

– Ни одной мало-мальски разумной. А глупости тебе пересказывать не стану. Не хочу подавать дурной пример.

С каких это, интересно пор?

Но спросить вслух я не успел, потому что в приёмную вошёл Король.

Его Величество Гуриг Восьмой обычно производит впечатление чрезвычайно жизнерадостного человека с настолько лёгким характером, что поневоле начинаешь сомневаться в его существовании. Осторожно спрашиваешь себя: «А не примерещился ли мне такой весёлый и покладистый монарх?» Ну, потому что, по идее, идеальных людей всё-таки не бывает. Тем более, королей.

Сам Гуриг, впрочем, утверждает, что именно короли – ещё как бывают. Говорит, всё дело в дворцовом воспитании. Принцев обучают лёгкому характеру, как спорту и математике. А Его Величество Гуриг Восьмой оказался способным учеником.

Поэтому нет смысла спрашивать человека, удостоившегося высочайшей аудиенции, в каком настроении сегодня пребывал Король. И так ясно, что в хорошем. И в шляпе. Шляпа и улыбка – два самых неотъемлемых атрибута Королевской власти.

Но сегодня Король превзошёл самого себя. Он натурально сиял радостью, затмевая зажжённые по случаю сумерек светильники. И улыбался нам так, что его церемониймейстера, заставшего ещё старые времена, когда ширина Королевской улыбки строго регламентировалась статусом адресата, тематикой текущей беседы и сиюминутным положением дел в стране, удар хватил бы от такого расточительства.

– Приношу извинения, что столь внезапно вас вызвал,– сказал Король.
– Беда в том, что потом у меня не будет ни минуты свободного времени. Буквально через полчаса начнётся официальный визит новоизбранной Суммонийской Матери Всех Бед и Благ, затем нас ждёт неизбежный торжественный ужин в её честь, а когда регламент позволит мне удалиться в свои покои, вместо всех наслаждений Мира я обрету там Старшего Советника по Великим Изменениям, который ещё с утра умолял меня принять окончательное решение о строительстве нового моста через Кройфунхи и был так мил, что я не смог ему отказать. А потом мне придётся срочно ложиться спать, поскольку я твёрдо обещал внеочередную аудиенцию делегации Тубурских старейшин, а они, как вам известно, наносят визиты исключительно во сне. Впрочем, всё это малоинтересно. Важно лишь то, что если бы я не позволил себе потревожить вас прямо сейчас, пришлось бы отложить встречу до завтра, а я не настолько терпелив. У меня потрясающая новость. Я, видите ли, сделал вашу работу. И, как мне кажется, очень неплохо справился. Похвастаться кроме вас толком некому, а молчать я больше не могу.

Мы с Джуффином озадаченно переглянулись.

– А какую именно нашу работу вы за нас сделали? – наконец спросил шеф.

– Разбудил очередного спящего, – гордо ответил Гуриг.

– О существовании которого мы даже не подозревали, – вздохнул Джуффин. – Не стану спрашивать, почему вы сразу не сообщили мне о возникшей проблеме. Это я как раз очень хорошо понимаю, сам азартен не в меру. Но как вам это удалось?

– На самом деле, вам гораздо больше хочется спросить, уверен ли я, что это был именно спящий. И что я действительно его разбудил, – улыбнулся Король. – Но вежливость не позволяет поставить вопрос таким образом. Тем не менее, я на него отвечаю: совершенно уверен. Помните, как в начале осени во дворце внезапно появилась Королева? Ну так вот, очень похожий случай. Практически один в один. Только вместо Королевы на нас свалился новый Король. То есть, человек, которому приснилось, будто он – законный правитель Соединённого Королевства. И ему так понравилась эта идея, что просыпаться у себя дома он решительно не желал. Зато желал бороться за власть с самозванцем в моём лице. Свергнуть меня с престола, быстренько навести порядок в стране и царствовать потом в своё удовольствие.

Джуффин схватился за голову.

– И вы меня не вызвали!

– Если бы в поведении этого бедняги таился хоть малейший намёк на опасность, я бы вызвал вас немедленно, поскольку приносил присягу, обязывающую меня беречь собственную жизнь. Но он оказался абсолютно безобидным. И очень трогательным. Ходил следом, ныл, убеждал меня уступить престол законному монарху, а взамен выдвигал чрезвычайно соблазнительные предложения.

– Например?

– Чистую совесть и пожизненное изгнание с полным содержанием за счёт казны, – мечтательно вздохнул Король. – С первым пунктом я и сам неплохо справляюсь, зато второй – великий соблазн. Я же всю жизнь мечтаю о путешествиях – настоящих, без свиты, походного трона и торжественных приёмов чуть ли не под каждым кустом, до которого я соизволил добраться.

– Понимаю. И сочувствую.

– Ладно, с другой стороны, в Лабиринте Мёнина^[11] я своё время отлично погулял. Впечатлений получил на добрую дюжину лет вперёд. А там, глядишь, ещё что-нибудь придумаю.

«И я даже знаю, кого отправят вас разыскивать», – мрачно подумал я. Но вслух говорить не стал. Потому что сэр Шурф запретил мне становиться пророком. А к его мнению следует прислушиваться.

– Ну и сколько это продолжалось? – наконец спросил Джуффин.

– Я дал себе сроку три дня, чтобы самостоятельно решить проблему. Вечером четвёртого, то есть, сегодня позвал бы вас. Но наш гость благоразумно проснулся у себя дома ещё во время Большого Послеполуденного обеда. В самый его разгар.

– Как это произошло? – деловито спросил Джуффин.

– Вчера утром я уступил ему престол...

– Что?!

– Это, на самом деле, наиболее простое и очевидное решение. Сразу хотел так поступить, но довольно много времени ушло на то, чтобы убедить придворных мне подыграть. Ясно, что можно было просто приказать, не спрашивая их мнения, но хороший спектакль требует добровольного и осмысленного участия всех актёров. И отменной подготовки. Дня полтора я потратил на уговоры, потом мы распределяли роли и репетировали. Отлично развлеклись! Наконец к моему сопернику явилась делегация во главе с Почтеннейшим Начальником Королевской Безопасности. Объявили: «Самозванец в темнице, Ваше Величество, примите поздравления и немедленно приступайте к работе, дела не ждут».

– Начинаю понимать, – ухмыльнулся Джуффин.

Даже я сразу оценил безупречность замысла. Его Величество Гуриг Восьмой – один из самых занятых людей в Соединённом Королевстве. Его рабочий график можно было бы приравнять к пыткам и на этом основании запретить, если бы не огромное количество хитростей, изобретённых Королём за долгие годы правления. Взять хотя бы целую бригаду отлично вышколенных двойников, посменно замещающих его в ходе некоторых малозначительных приёмов, наиболее бессмысленных придворных ритуалов и, что важнее всего, бесконечных ежедневных трапез, долгих и тягостных. А ещё есть множество тайных убежищ, где Его Величество может назначать свидания и отсыпаться, не опасаясь внезапного вторжения озабоченных проведением очередной церемонии Королевского Приветствия Восходящему Солнцу придворных. Имеются и доверенные секретари, обученные ставить Королевскую подпись на документах низких ступеней значимости; кажется, до четырнадцатой. И одни только Тёмные Магистры знают, какими ещё способами спасается от повседневной рутины наш Король, но не сомневаюсь, что их превеликое множество.

Всё это даёт ему возможность оставаться в прекрасной форме для важных дел, вроде нынешней встречи с Суммонийской Матерью Всех Бед и Благ, от которой двойником не отделаешься. На эту высшую государственную должность Суммони, как я слышал, выбирают только женщин из древних кейифайских родов, унаследовавших способности и секреты своих бессмертных предков. А с могущественными ведьмами, даже живущими на другом континенте, имеет смысл поддерживать добрые дружеские отношения. Просто на всякий случай.

Ясно, что любой желающий узурпировать Королевский престол без всех этих ухищрений долго не протянет. Просто чокнется от переутомления. Или сбежит. Или спешно объявит кому-нибудь войну, потому что законы военного времени позволяют Королю отказаться от большей части повседневных ритуалов. Или, как в нашем случае, проснётся, напугав домашних громким криком. Потом, конечно, попьёт водички, придёт в себя, объяснит: приснился кошмар.

И будет совершенно прав.

– Он не продержался и суток, – самодовольно сказал Король. – Следует заметить, что по моим меркам, это были довольно лёгкие сутки. Я же заранее отменил все мало-мальски важные дела. На долю этого бедняги осталась только дворцовая суета, но её хватило с лихвой. А ведь сразу после смерти отца, я прожил в подобном режиме почти целый год! Причём даже не надеялся, что однажды станет иначе. И до последнего дня буду благодарен вам, сэр Халли, за тот разговор в ходе приёма по случаю

раздачи ежегодных наград.

На этом месте Король отвесил Джуффину недопустимо глубокий для правящего монарха поклон. То есть, не просто слегка наклонил голову, а явственно согнул спину. В воздухе запахло если не дворцовым переворотом, то, по крайней мере, скандалом.

Хвала Магистрам, хоть свидетелей не было. Кроме меня. А я никому не скажу.

После этого в Малой Королевской Приёмной воцарилась благодатная атмосфера полного взаимопонимания и хорошо если не всеобщего братства. Даже я настолько расслабился, что рискнул высказать своё мнение о случившемся. Хотя его, строго говоря, никто не спрашивал.

– Огромная удача, что этот человек проснулся. На самом деле, мало кто просыпается, когда начинает сниться неприятное. Наоборот, чем тягостней сон, тем больше шансов надолго в нём застрять.

– Это я уже знаю, – безмятежно улыбнулся Король. – Научен горьким опытом с предыдущей гостьей. Как только мы её ни пугали! И чудовищ одно другого краше приводили познакомиться, и бестактные разговоры о пользе смертной казни в её присутствии затевали, и лучшие придворные актёры с перекошенными лицами записных злодеев врываются в её покои с угрозами и бранью – всё без толку. Поэтому сейчас я, по правде сказать, почти не надеялся разбудить несчастного самозванца. Но утешал себя мыслью, что с этим легко справитесь вы, как в прошлый раз. Первоочередной я считал совсем другую задачу.

– Какую?

– Наглядно продемонстрировать своим придворным, что моя повседневная жизнь любому нормальному человеку покажется страшным сном. Я, видите ли, уже давно работаю над кардинальной реформой правил придворной жизни. И хочу как можно скорей перейти от теоретического законотворчества к практике. Причём не только из эгоистических соображений, но и ради общего блага. Сравнительный анализ исторических и придворных хроник разных эпох наглядно показывает, что чем веселее жилось монарху, тем лучше шли дела в государстве. И наоборот. Никогда в Соединённом Королевстве не было так хорошо, как при Его Величестве Мёnine. Всё вдруг пришло к почти недостижимому идеалу: климат, урожаи, отсутствие эпидемий, мир на границах, невиданное умягчение нравов, стремительное развитие и популяризация наук, включая, разумеется, магию. Список можете продолжить сами. Всё это при том, что Мёнин уделял очень мало внимания государственным делам. Несравнимо меньше, чем другие монархи до и после него. Но это

оказалось совершенно неважно. Соединённым Королевством правил счастливый Король, каждая минута жизни которого была заполнена интереснейшими делами, удивительными дружбами, магическими экспериментами, путешествиями между Мирами, подвигами и приключениями. И страна расцвела – просто за компанию с ним. Образно говоря, жизнь в государстве – это большая всеобщая пляска, а Король – музыка, задающая ритм и настроение. А какие мы при этом принимаем законы, делаем ошибки и одерживаем победы – дело десятое.

Я не нашёлся, что ответить. Только кувшин клубничного компота из Щели между Мирами достал. В надежде, что этот мой добрый поступок принесёт всем нам тёплую зиму или, скажем, неожиданный расцвет изобразительного искусства – это уж как повезёт. Мне совсем несложно способствовать процветанию Соединённого Королевства: Его Величество Гуриг Восьмой без ума от этого грешного компота, а я умею его добывать. Так уж всё удачно совпало.

– С тех пор, как я совершил это открытие, хорошее настроение стало моей ежедневной обязанностью, – сказал Король, залпом выдув первый стакан компота. – И, признаться, поначалу было очень трудным делом. По природе своей я не самый жизнерадостный человек; бывает, разумеется, гораздо хуже, но и мой случай не подарок, поверьте на слово.

Я восхищённо покачал головой.

– Верю, но только потому что верю вообще каждому вашему слову. Однако наблюдения говорят мне обратное.

– Ну разумеется. Просто вы наблюдаете результат многолетней работы над собой, – пожал плечами Король. – Чем я только не занимался! Изменил собственный внутренний ритм при помощи особой системы дыхательных упражнений, изобрёл добрую тысячу способов получать от жизни удовольствия именно того рода, которые нужны мне; нечего и говорить, что большинство их обычно недоступны коронованным особам. Выучился искусству управления сновидениями, благодаря чему каждую ночь бываю гарантированно счастлив хотя бы несколько часов кряду. И не собираюсь останавливаться на достигнутом. Но со временем я убедился, что иногда внешние обстоятельства имеют колоссальное значение. И в отдельных случаях они сводят на нет все мои труды. Следовательно, раз и навсегда изменить эти обстоятельства в свою пользу – мой первоочередной долг.

– Похоже, всё так и есть, – согласился Джуффин. – Насколько я помню историю, дворцовые порядки стали по-настоящему суровыми как раз при ваших предках. И тогда же, невзирая на чрезвычайно разумное правление первых Гуригов, в стране начались по-настоящему серьёзные

неприятности. В частности, постоянные затяжные конфликты между магическими сообществами, которые, в конце концов привели к Смутным Временам.

– Именно, – кивнул Король. – Ямного об этом думал. И пришёл к выводу, что мои предки совершили одну роковую ошибку: пожертвовали радостью жизни ради безупречности её формы. Красота всякого Королевского жеста приобрела самостоятельную ценность и стала почитаться превыше смысла, а самоотречение во имя идеала было объявлено высшей добродетелью, к которой следует стремиться во что бы то ни стало. Тому были вполне объективные причины: их провинциальное происхождение, непричастность к какой-либо серьёзной магической традиции, непростые обстоятельства приведшие нашу семью на престол, необходимость обуздать принявшую нас в штыки столичную аристократию и поставить её на место. Да много всего. Для людей несведущих ритуалы, сопутствующие власти – это и есть сама власть. А когда несведущих – подавляющее большинство, и они напряжённо ждут повода схватиться за меч, с ними приходится считаться. Мои предки выбрали стиль правления, наиболее соответствующий сложившейся в тот момент политической ситуации, они смогли удержать престол и надолго сохранить мир в Соединённом Королевстве, однако печальное следствие налицо: в стране очень долго не было счастливых и беззаботных Королей. Я усердно работаю над изменением этой прискорбной ситуации, но люди, на которых я вынужден опираться, инертны и боятся перемен – даже тех, которые уже давным-давно наступили.

– Очень метко подмечено, – улыбнулся Джуффин.

– Спасибо. Теперь вы сами видите, что этот спящий самозванец был послан мне самой судьбой. После доброй дюжины гневных истерик, которые он успел закатить прежде, чем проснулся, мои придворные ходят как пришибленные, пытаются переварить впечатления. И когда Главный Церемониймейстер обращает ко мне взор, я вижу в его глазах нечто похожее на сострадание. Поэтому я надеюсь ещё до конца года добиться первых принципиальных изменений в «Кратком перечне обязательных дворцовых ритуалов».

– А в «Полном»? – озабоченно спросил Джуффин.

– А «Полный перечень обязательных дворцовых ритуалов» я прикажу утопить в Море Тысяченогов, – сурово ответил Король. – И сам возглавлю карательную экспедицию. С детства об этом мечтал.

Жить в Соединённом Королевстве и не быть при этом монархистом, вероятно, возможно, но чрезвычайно затруднительно для всякого разумного

человека. Особенно если ему посчастливилось свести личное знакомство с Королём. Однако теперь я почувствовал, что из умеренного сторонника Королевской власти стремительно превращаюсь в яркого монархиста-маньяка, одержимого неукротимым желанием носиться по городу и громогласно славить своего Короля на всех углах.

Но я сумел взять себя в руки. И никуда не побежал.

В конце концов, это было бы просто невежливо.

– Всё это прекрасно, но буквально через несколько минут я буду вынужден вас покинуть, – объявил Король. – Суммонийская Мать Всех Бед и, если не обманывают, Благ, уже приближается к моему порогу. И это, увы, не тот случай, когда длительное опоздание может пойти на пользу делу. Говорят, она чрезвычайно нетерпелива. Напоследок просьба к вам, сэр Макс. Передайте, пожалуйста, Базилио, что сэр Умара Камалкони, Старший Помощник Придворного Профессора овеществлённых иллюзий, от всего сердца поздравляет его с исполнением заветной мечты и желает счастливой человеческой жизни. Ему... то есть, мне будет недоставать нашей дружбы. И подарок отнесите, если вас не затруднит. Мне рассказали, что Базилио превратился в юную леди, это правда?

Я кивнул.

– Ну и отлично, для юноши это украшение, пожалуй, слишком аскетично. Я бы очень хотел приложить к подарку письмо, но, к сожалению, мой почерк слишком просто узнать. И почерк любого из моих секретарей тоже легко поддаётся идентификации. Не стоит так рисковать, эта маска может ещё когда-нибудь мне понадобиться.

– Базилио тоже скучает по этому помощнику профессора, – сказал я. – Очень жалеет, что не решилась пригласить его на вечеринку по случаю её превращения. Пришлось запугивать ребёнка рассказами о суровости придворных нравов... Слушайте, но почему бы профессору, в смысле, помощнику профессора, не продолжать изредка навещать Базилио? Мало ли, как она теперь выглядит, природа-то её не изменилась. Овеществлённой иллюзией была, овеществлённой иллюзией и осталась, можно спокойно изучать дальше.

– Видите ли, – вздохнул Король, – я сам виноват. Бедняга жаловался мне, что ему очень не нравится быть чудовищем. Я же, признаться, не верил, что это обстоятельство когда-либо изменится, и утешал его как мог. В частности, сказал, что именно своим ужасающим обликом он обязан нашей дружбе. Дескать, я специализируюсь на изучении чудовищ, чем страшнее, тем лучше, а человекообразные иллюзии совершенно меня не

интересуют. Впрочем, даже если бы заинтересовали, вряд ли мне удалось бы изменить свою специализацию: у Придворного Профессора овеществлённых иллюзий много Старших помощников, и за каждым закреплена определённая тема, раз и навсегда. Кстати, я говорил чистую правду. То есть, если бы я занимал подобную должность при Дворе, у меня действительно возникли бы подобные затруднения...

На этих словах Его Величество умолк, нахмурился, сердито дёрнул плечом, сказал:

– Меня умоляют больше не медлить. И в данном случае мольбам лучше внять.

Сунул мне в руки крошечную шкатулку из драгоценного синего металла и покинул приёмную столь стремительно, словно пытался выйти на полчаса раньше, чем вошёл.

Мы с Джуффином остались одни. Переглянулись, явно думая об одном и том же: надо поскорей выбираться отсюда, не дожидаясь громил с паланкинами. Хвала Магистрам, мы оба знаем, что делать. Осталось договориться, куда прокладывать Тёмный путь.

– В «Обжору», – сказал Джуффин, отвечая на мой немой вопрос. – Срочно! Пока я людей живьём глотать не начал.

– Я ещё час назад собирался их глотать, – пожаловался я. – Да ты не дал.

– Сам не заметил, как опять всех спас, – фыркнул он. – Вечная история.

– Теперь я могу считаться самым грандиозным бездельником в столице, – сказал я после того, как расправился с доброй половиной гигантского мясного танга, который по какой-то непостижимой причине считается у нас лёгкой закуской.

– Старая добрая мания величия, – констатировал Джуффин, не отрываясь от еды. – Вот и тебя она настигла, поздравляю. Лучше поздно, чем никогда.

– Никакая не мания, – обиделся я. – Кто ещё может похвастаться, что его работу вынужден делать сам Король?

– Я. Потому что, по большому счёту, любая твоя работа на самом деле – моя. А уж кому я её перепоручил, дело десятое. Впрочем, ладно, оба хороши. И одновременно ни в чём не повинны. Если этому неведомому самозванцу сразу приснилось, что он попал в Замок Рулх, не отвлекаясь на прогулки по городу, у нас не было возможности узнать о его существовании. Разве что, Кофе кто-нибудь из придворных приятелей

разболтал бы. Но тут, как я понимаю, никаких шансов, Король строго велел всем держать языки за зубами, чтобы мы с тобой не явились прежде времени и не испортили ему игру.

Ну тоже правда. Но я всё равно был чертовски недоволен собой. Просто потому что слишком долго болтался без дела. Не то чтобы я так уж любил работать, но длительный отдых меня всегда нервирует.

– В любом случае, свои основные обязанности ты выполняешь. И совсем не так плохо, как я опасался, – заметил Джуффин.

– «Основные» – это какие? В «Крак» с тобой играть?

– И это тоже. Но вообще я хотел сказать, что обязанность быть счастливым, о которой мы только что говорили, есть не только у Королей. От всех могущественных людей требуется то же самое. В некотором смысле, мы держим на своих плечах Мир, хотим того или нет. Не только мы с тобой, а вообще все живущие. Даже самый обычный человек способен испортить жизнь как минимум своему ближайшему окружению, уж это точно для тебя не новость. И нет ничего удивительного в том, что могущественный колдун может испортить, или наоборот, исправить огромный участок реальности. Чем больше личная сила, тем больше ответственности, в том числе, за собственное настроение, такая вот простая формула.

– Ничего себе дела.

Сказать, что я был обескуражен – изрядное преуменьшение. Но все приходящие мне на ум синонимы ещё хуже.

– Уверен, что ты и сам прекрасно это знаешь, просто до сих пор не давал себе труд осознать, – заметил Джуффин. Шаг от безмолвного знания к чёткой формуле иногда оказывается длиной в целую жизнь. Всё что я сделал – помог тебе его сократить. И в любом случае, повторю: ты уже очень неплохо справляешься. Иначе я бы не стал затевать этот разговор. Сообщать об ответственности можно только тому, кому она по плечу.

Я молчал, переваривая информацию. Наконец кивнул:

– Ладно. По крайней мере, мне гораздо легче, чем Королю. Даже полный перечень каких-нибудь дурацких ритуалов переписывать не надо. А напротив, можно продолжать валять дурака, ощущая профессиональную гордость вместо обычных угрызений совести.

– Рад, что у нас сходное видение ситуации. А теперь рассказывай, как прогулялся по Тёмной Стороне. Узнал что-нибудь интересное?

– «Интересное» – не то слово. Спросил, при каких обстоятельствах сбудется мой пророческий сон, и тут же уснул. Внезапно. И, надо думать, стоя. По крайней мере, не помню, как укладывался.

– Уснул? На Тёмной Стороне?

– Именно. Не имея ни малейшего намерения так поступать. Впрочем, всё, как видишь, закончилось хорошо. Меня разбудил сэр Шурф. Он теперь, оказывается, на Тёмную Сторону экскурсии водит. В смысле, юных учеников. А тут я, весь такой красивый, романтично сплю в волшебных кустах. Есть, что детям показать. Очень удачно совпало. Правда, сперва этот неблагодарный монстр хотел оторвать мне голову за разгильдяйство, но это обычное для него желание, я уже привык. Зато узнав, как было дело, он высказал очень здравую мысль: поскольку уснул я сразу после того, как задал вопрос, сон и есть ответ. То есть, Пророческий кошмар настигнет меня во сне, как с самого начала предположил Нумминорих. Правда, он просто шутил, но какая разница.

– Звучит неплохо, – вздохнул Джуффин.

– Ты выглядишь разочарованным.

– Ну да, – согласился он. – Пророческий сон, сбывающийся во сне – по-моему, это как-то чересчур глупо. И, будем честны, неинтересно.

В глубине души я был с ним совершенно согласен. Но всё равно рад, что очередное спасение Мира благополучно отменилось. Магистры с ним, лучше поскучаем.

Тем более, что я знаю великое множество способов отлично поскучать. Например, покончив с ужином в «Обжоре», отправиться на улицу Хмурых Туч, чтобы обзавестись новым могущественным врагом. В смысле, помочь Мелифаро со сборами. Иными словами, занять стратегически выгодную позицию в кресле, поставленном на самом проходе, и всеми силами отвлекать его и Кенлехот бессмысленных попыток сосредоточиться на ревизии своего движимого имущества и понять, какую часть следует взять с собой в новую жизнь, а что – испепелить и развеять по ветру. Благодаря мне, они чуть было не перепутали эти две кучи, зато потом махнули рукой на свои дурацкие заботы и наконец-то превратились в тех прекрасных беспечных балбесов, с которыми я был знаком до сегодняшнего дня. Иногда я всё-таки великий чародей, кого хочешь расколдую.

Расколдовав своих друзей, я бежал от них под общий хохот, ловко уворачиваясь от летящих в меня домашних туфель и вышитых умпонских подушек. Ну, то есть, как – ловко. Штуки три в меня всё-таки не попали, что, учитывая меткость моих противников, вполне может считаться уникальным спортивным достижением. Вечер, стало быть, не прошёл зря.

Чтобы он прошёл ещё более не зря, я отправился под окна леди Меламори, временно удалившейся от Мира в моём лице с целью

превратиться в ужасное чудовище, и устроил там форменный кошачий концерт. Не зря всё-таки я держу дома кошек. У этих благородных животных многому можно научиться. Например, будучи в состоянии полного довольства жизнью, издавать душераздирающие вопли, исполненные неописуемого страдания. Ни одно девичье сердце не выдержит; впрочем, уши запросят пощады ещё раньше. Поэтому Меламори была вынуждена сдаться. То есть, на целый час прервать свои мистические занятия и отправиться со мной жрать мороженое на Площади Побед Гурига Седьмого. А большего я от неё и не требовал, поскольку глубоко уважаю волю всякого стойка и аскета, отринувшего земные наслаждения ради совершенствования в магическом искусстве. Даже когда конечная цель запланированного духовного подвига – превращение в ужасающую жабу. Или во что там она намерена превратиться. Когда прибежит хвастаться успехами, тогда и узнаю – если, конечно, переживу этот визит.

А сразу после полуночи я сидел на крыше только что построенного, точнее, чудесным образом возникшего дома, больше всего на свете похожего на волшебный дворец, как я его себе представлял лет в пять, насмотревшись иллюстраций к сказкам: этакий каменный торт с окнами в самых непредсказуемых местах, увитый ажурными наружными лестницами и увенчанный доброй сотней разноцветных башенок. И укоризненно спрашивал автора безумного шедевра:

– Неужели и это кошмарище отменишь? Не жалко?

– Не жалко, – отмахнулся Малдо Йоз. – Выглядит забавно, согласен, но сама по себе работа никуда не годится. Слабая даже для ученической. Ты не специалист, поэтому не замечаешь наших ошибок. Впрочем, если бы я пустил тебя внутрь, ты бы увидел, что там нет ни перекрытий, ни лестниц, вообще ничего, кроме зеркального пола, который, надо сказать, вполне удался, но этого мало. Когда так много сложных внешних деталей, на внутреннее устройство мне не хватает внимания. Ребятам – тем более. Это нормально, ничего не даётся сразу. Ещё летом мы бы и половины такого фасада не потянули. Надеюсь, уже в конце зимы нам будет по плечу более-менее жизнеспособный дворец. А пока эту красоту следует превратить во что-нибудь другое и забыть, как страшный сон.

– Ничего себе «страшный сон»! – возмутился я. – Это ты страшных снов не видел.

– Да я вообще никаких не видел. Вернее, просто не умею их запоминать. Несколько раз даже специальные подушки покупал – бесполезно! Просыпался со смутным ощущением, что приятно провёл

время. Но никаких подробностей, хоть убей. Вообще ничего.

Ну надо же. Я думал, так не бывает. Потому что обычно Мастера Совершенных Снов своё дело знают. Если уж покупаешь подушку для сновидений, можешь быть уверен, что приобрёл не только интересную ночь, но и подробнейшие воспоминания о приснившихся приключениях. Какой дурак станет платить деньги за забытый сон?

– Может быть, тебе просто мастер неопытный попался? – наконец спросил я.

– Да вряд ли. Я одно время всерьёз этим интересовался и знаю, кто в их цеху чего стоит. Так что, скорее всего, дело во мне самом. В конце концов, я решил махнуть рукой на тщетные попытки увидеть и запомнить хоть какой-нибудь сон. Нет и нет, идём дальше. Мне и наяву интересно живётся.

– Ладно, по крайней мере, ты избавлен от ночных кошмаров. Тоже неплохо.

– А то ты не избавлен. Ни за что не поверю, будто тебя сном напугать можно.

– Да можно, конечно. Что ж я, не живой человек?

– Живой, не вопрос. Зато по второму пункту есть у меня некоторые сомнения.

– Да ну, – отмахнулся я. – Конечно человек. Просто со странностями. Ну так а кто без них? У тебя вон шляпа, каких Мир не видывал...

– Я её завёл, чтобы на меня обращали побольше внимания, – признался Малдо. – Когда начинаешь большое дело, оставаться незаметным – плохая стратегия. Шляпа сработала как надо. В смысле, произвела куда больший фурор, чем наша работа. Шокированные придворные уговаривали Короля и нового Великого Магистра Семилистника издать специальный закон, запрещающий гражданам разгуливать по улицам в головных уборах, пародирующих Королевскую Шляпу. Те, как я понимаю, наотрез отказывались заниматься подобной ерундой. Газеты обо всём этом увлечённо писали. И заодно упоминали о наших с ребятами трудах – надо же объяснить читателям, из-за кого столько шума. Благодаря им у нас появились постоянные зрители, настоящие поклонники, как у оперных певцов. Не поверишь, но даже подарки несли, словно и правда пришли не на стройку, а на концерт^[12]. Но важно не это. А то, что некоторые зрители из любопытства задавали разные практические вопросы, а потом становились нашими клиентами. Или советовали знакомым. И правильно делали. Мы же действительно строим хорошие, качественные дома, очень быстро и, по столичным меркам,

недорого. Ну и само по себе зрелище эффектное, согласись. Однако если бы о нас не писали чуть ли не в каждом выпуске газет, мы бы ещё долго суетились в поисках заказов. Люди недоверчивы ко всему новому ровно до тех пор, пока оно не войдёт в моду. Именно это мы и сделали: вошли в моду, спасибо моей почти Королевской шляпе. А уже потом я обнаружил, что в шляпе мне лучше работается. И думается. И вообще живётся. Теперь это уже не просто шляпа, а самый настоящий талисман, дающий силу, как у древних Магистров. Вообще с ней не расстанусь, только на ночь снимаю: мнётся и спать мешает...Ну что, пошли вниз? Ночь только кажется длинной, пока развлекаешься, а для работы она всегда оказывается слишком коротка.

Пока мы спускались вниз по одной из лестниц, причудливыми кружевным спиралями опоясывавшими дом, мне пришла в голову простая идея. Настолько простая, что даже озвучивать её было неловко: не может быть, что Малдо сам до такого не додумался. Но молча топать по ступенькам до самой земли было скучно. Поэтому я всё-таки спросил:

– Слушай, а вы пробовали строить по частям?

– Как это – «по частям»? Зачем такие сложности?

– Ты сам сказал, что вы пока не справляетесь с большим количеством деталей. Но, например, этот дворец состоит из трёх корпусов – центрального и двух боковых. Если строить их по очереди, возможно, вам удастся удерживать в сознании и внешние навороты, и внутреннее устройство...

– А ведь ты прав, – удивлённо согласился Малдо. – Даже не понимаю, почему сам не сообразил. Впрочем, нет, понимаю. Я же много лет работал на обычных стройках. И у меня сложилась такая концепция: без магии дом строится постепенно, а с магией – сразу целиком. Совершенно не подумал, что если соединить оба принципа, можно такое... Да слушай, вообще всё можно! Причём не когда-нибудь через дюжину лет, а прямо сейчас. Это надо обдумать. Спасибо тебе!

На этой оптимистической фразе он наконец ступил на твёрдую землю. Ну и я следом. Любая самая длинная лестница рано или поздно заканчивается. И это – лучшее, что я знаю о лестницах.

Пока я простодушно радовался возможности стоять на твёрдой земле, Малдо о чём-то переговорил со своими коллегами и вернулся ко мне.

– Ребятам надо час-полтора отдохнуть перед новым заходом, – сказал он. – А значит, и мне не помешает. Пошли, что ли, выпьем? Тут в окрестностях есть несколько славных забегаловок, о которых, по-моему, вообще никто не знает, кроме их владельцев и ближайших соседей.

– И любопытных любителей сунуть нос в незнакомый двор, вроде

меня, – кивнул я.

– Ого! И что ты тут успел найти?

– В окрестностях Скандального переулка ничего. Никогда раньше сюда не забредал. Но если вообще в центре, то... погоди, дай вспомнить. Ну, во-первых, сад бывшей резиденции Ордена Потаённой Травы. Но это как раз довольно известное место...

– Относительно, – кивнул Малдо Йоз. – Несколько раз я оказывался там одновременно с другим клиентом. И даже с двумя. По местным меркам практически аншлаг! А ещё?

– «Тайная Роза» в безымянном переулке, отходящем от главной дороги, по которой все мотаются из Старого Города в Новый и обратно. «Жёлтая рыба» на улице Трёх Слов. И ещё какая-то «Рыба», не то «Деревянная», не то «Железная»...

– «Бумажная рыба», если мы об одном и том же.

– Скорее всего. Там такой мрачный подвал без окон, с большой жаровней в центре зала. И время от времени откуда-то выскакивает хозяин, воровато оглядывается по сторонам и быстро-быстро бормочет заклинание для освежения воздуха в помещении. Ну, то есть, сейчас наверное уже не оглядывается и не бормочет, а спокойно делает, что считает нужным, но на моей памяти его действия ещё считались правонарушением. Двадцать четвёртая, что ли, ступень Чёрной магии...

– Точно, – кивнул Малдо. – Он, кстати, до сих пор вздрагивает от каждого пристального взгляда и заклинания шепчет так тихо, что ни слова не разобрать – просто по привычке. Валинда Бакурмак, бывший послушник Ордена Стола на Пустоши. Не самый лучший повар в Ехо, но регулярно позволял себе украдкой подколдовывать на кухне, поэтому до первых поправок в Кодексе к нему охотно наведывались столичные гурманы, включая твоего коллегу сэра Кофу Йоха, который ради удовольствия вспомнить старую добрую кухню Эпохи Орденов смотрел на чародейство Валинды сквозь пальцы. Я сам когда-то каждый день там обедал, хотя идти отсюда далековато. Не меньше получаса быстрым шагом. Но свободного времени у меня в ту пору было гораздо больше, а гулять я всегда любил.

– А неподалёку от «Бумажной Рыбы» был ещё один безымянный трактир, – вспомнил я. – Выглядел как просто чья-то кухня, куда зачем-то втиснули несколько обеденных столов. Готовила там такая весёлая рыжая тётка...

– «Ветер и мёд».

– Что?

– Так на самом деле назывался тот трактир: «Ветер и мёд». Но вывеску

однажды кто-то спёр, а делать новую не стали. Стоит дорого, а толку никакого. Завсегдатаи и без вывески в курсе, куда идти, а на случайных посетителей почти никакой надежды.

– Ага, значит это место ты тоже знаешь.

– Да я тут вообще всё знаю, – улыбнулся Малдо. – Я же очень долго жил в Скандальном переулке. И чего никогда не умел, так это готовить. Мне и сейчас легче новый дом построить, чем кувшин камры сварить.

Родная душа.

– Вот здесь, – сказал Малдо, увлекая меня за собой в совершенно тёмный сад, производящий впечатление давным-давно заброшенного. – Это любимый трактир моей юности, обладающий двумя бесспорными достоинствами.

– Какими именно? – спросил я, растерянно оглядываясь по сторонам, потому что ничего похожего на трактир в зарослях пахучих кустов пока не обнаруживалось.

– Во-первых, он открывается не раньше, чем за пару часов до полуночи. Иногда позже, как повезёт. Зато исправно работает до рассвета. И в Старом, и в Новом Городе полно мест, где можно посидеть ночью, а тут ничего подобного больше нет.

Мы наконец выбрались на усыпанную блестящим песком тропинку, в конце которой леденцово-жёлтым светом сияли два маленьких окна. Когда мы подошли ближе, обнаружилось, что к окнам прилагается одноэтажный дом с задорной островерхой крышей, а над дверью прибита самодельная вывеска. То есть, если называть вещи своими именами, неровно выпиленная деревяшка с надписью от руки: «Внезапно Белое».

– Это второе бесспорное достоинство, – сказал Малдо, распахивая передо мной дверь.

– Название?

– Именно. То есть, не само название, а тот факт, что оно меняется раз в несколько дней, сохраняя при этом самое ценное свое качество – нелепость. Когда я попал сюда впервые, трактир назывался «Ослепительное в рукаве». Я тогда зашёл из чистого любопытства, посмотреть на людей, которые написали у себя над входом такую чепуху. Ну и поужинал заодно. А когда вернулся через несколько дней, это был уже «Крик Позавчера». Потом – «А Кто Нынче Не Лентяй», «День Без Башни», «Всякое Близко», «Завтра Моллюск», «Видели Синеглазых», «Уже Сто Сорок», «Пирог Не Плачут», да чего только не было. Я даже записывал; знать бы ещё, где теперь та табличка.

За дверью нас ждал крошечный обеденный зал всего на четыре стола. Я хотел было занять место у окна, но Малдо помотал головой:

– Там стол шатается, уже который год. Яса всё грозит починить, да руки не доходят. С другой стороны, я ещё ни разу не видел, чтобы все места были заняты, так что один стол – не проблема, можно забить.

Хозяйка, маленькая румяная женщина с кудрявыми волосами удивительного пепельного цвета, вышла к нам из кухни, кивнула Малдо, как старому приятелю, а на меня взглянула с равнодушным любопытством и сразу отвернулась. Её можно понять: лицо, которое я соорудил себе в спешке, чтобы не нервировать юных архитекторов, не излучало особого очарования. Мягко говоря. Непривлекательная внешность – это, оказывается, очень удобно. Освобождает от избытка чужого внимания. Окружающим нет до тебя никакого дела – если конечно не переборщить с уродством, подняв его до уровня исключительного зрелища. Но я держу себя в руках.

«Упомянутые достоинства заведения прекрасно уравниваются небольшими недостатками, – Малдо воспользовался Безмолвной речью, чтобы не смущать хозяйку. – Про стол у окна я тебе уже сказал. Что ещё? Камра тут, прямо скажем, фиговая. Не худшая в городе, и на том спасибо. С едой дела обстоят чуть получше, но, будем честны, ненамного. Винная карта включает три, иногда четыре наименования. Если хочешь недорого надраться, сойдёт, а так – не советую...»

«Спасибо, друг, – откликнулся я. – Как хорошо, что ты меня сюда привёл. Знаешь, чем угодить настоящему гурману».

Он рассмеялся и сказал, теперь уже вслух:

– Что здесь имеет смысл попробовать – так это подогретое гугландское вино. Холодным его пить даже врагу не посоветую, страшная кислятина. Но горячее, подслащенное, да с пряностями – отличная штука. И опьяняет максимум на четверть часа. Именно то, что надо, когда хочешь перевести дух в разгар работы. Больше нигде в Ехо горячего вина не допросишься, разве только в качестве лекарства от простуды. И ещё в припортовых трактирах, где наливают решительно всё, лишь бы платил и пил. Хотя даже там деликатная столичная публика в лице матросов и грузчиков будет шокирована столь варварским заказом. Меж тем, на всех трёх побережьях горячее вино – популярнейший напиток, особенно зимой и в конце осени, вот как сейчас. Нам повезло: леди Яса выросла на берегу залива Бокли и варит вино по рецепту своего деда, а значит, лучше всех в Соединённом Королевстве. Ну что, рискнешь попробовать и навек прослыть грубым варваром?

– Ещё как рискну.
– Полный кувшин и две кружки? – деловито спросила хозяйка.
– Три, Яса, – поправил её Малдо. – Полный кувшин и три большие кружки.

– А зачем третья?

– Пока не знаю. Например, одна внезапно разобьётся. Или я буду пить за двоих. Или с нами пришёл мой невидимый друг, и не угостить его было бы свинством. Или, предположим, я внезапно невзлюбил чётные числа.

– Последняя причина вполне ничего, – кивнула леди Яса. – Сейчас принесу.

– А действительно, зачем третья кружка? – спросил я после того, как она ушла.

– Просто терпеть не могу ситуации, в которых всё заранее понятно. Например, пришли в трактир два человека, и любому дураку ясно, что им нужно две кружки, даже переспрашивать нет смысла, разве только из вежливости. И вдруг – ну уж нет, давайте три. Как три, зачем три, почему три? Да просто так. Потому что три это не две. Потому что неожиданно и нелогично. Потому что все присутствующие вдруг получают шанс осознать: жизнь непредсказуема даже в мелочах, рациональные прогнозы работают не всегда, правильный ответ – не обязательно верный. Именно то, что надо – мне, сейчас и всегда. Не знаю, зачем. Но надо позарез.

– Ещё один фрагмент Мира бесповоротно изменён твоей волей?

– Именно, – кивнул он. – Ничтожное, микроскопическое, ничего не значащее изменение. Но оно есть, и его внёс я. Это очень важно. Круто, что ты понимаешь.

Ха. Ещё бы я не понимал.

Подогретое гугландское вино оказалось практически идеальным глинтвейном: кисло-сладким, в меру пряным, согревающими шипящим в голову, каждый глоток – всего на несколько секунд, полкружки залпом – минут на десять. А больше и не надо, по крайней мере, мне.

– Знаешь что? А давай я прямо сейчас задам тебе вопрос, с которым более вежливый человек тянул бы, как минимум, полдюжины лет, – внезапно сказал Малдо Йоз.

– Задавай немедленно. Гадать на протяжении полдюжины лет, что это за вопрос такой ужасный, я точно не готов.

– Это правда, что ты можешь провести на Тёмную Сторону вообще кого угодно? Даже если у человека никаких способностей к подобным делам?

– С чего ты взял?

– Сплетни, – подчёркнуто равнодушно объяснил он. – Просто сплетни. Не знаю, в курсе ли ты, но я в своё время состоял в Ордене Семилистника. Совсем недолго, однако успел обзавестись кучей приятелей среди других послушников. И, сам понимаешь, не моя вина, что друзья детства, с которыми я изредка встречаюсь за кружкой чего-нибудь условно вдохновляющего, коллекционируют сведения, слухи и домыслы обо всех мало-мальски заметных столичных колдунах. Это, по-моему, не просто популярное, но практически неизбежное хобби всех Младших Магистров всех Орденов во все времена. Когда перед твоим носом уже приоткрыли дверь, ведущую в таинственный мир настоящей, не ученической магии, но дальше порога пока не пускают, всё что остаётся – собирать информацию о том, что творится в этом загадочном пространстве. И в первую очередь, о людях, которые там всем заправляют – ну, как кажется со стороны. Каких только баек они о тебе не рассказывают, знал бы ты!

– Я бы, если можно, предпочёл оставаться в неведении, – вежливо сказал я.

– Да мне и самому было бы неловко пересказывать тебе сплетни. Но вот какая интересная штука получается. Пока я слушал байки, думал – ну уж нет, всё это как-то чересчур. А теперь смотрю на тебя и понимаю: вполне может оказаться, что все эти дикие рассказы – не просто правда, а совсем небольшая её часть. И я решил – почему бы сразу не спросить о том, что занимает меня больше всего на свете? Ты, вроде, врать не любишь.

Меткое наблюдение. Ладно, сам напросился.

– Ответ на твой вопрос: вероятно, могу, – сказал я. – И даже примерно представляю, с какого конца за такое дело браться. По крайней мере, однажды протащил на Тёмную Сторону кучу мертвецов. Не потому что мне этого хотелось, просто так было надо, чтобы остановить эпидемию Анавайны^[13]; впрочем, неважно. Насчёт живых точно не знаю. Не проверял и в ближайшее время не собираюсь. Не потому что мне жалко. Просто наслушался историй о Короле Мёnine, которому было настолько не жалко, что он лучших друзей на Тёмную Сторону таскал, всех подряд, не разбираясь: кого она готова принять, а кого нет. Но вместо того, чтобы наслаждаться чудесным путешествием, одни бесследно исчезли, не успев поблагодарить за услугу, а другие никуда не делись, зато сошли с ума от ужаса. Впрочем, если верить хроникам, Король их потом вылечил. Но исчезнувших даже он не смог вернуть, а это уже совсем не дело. Я в такие игры не играю.

– Ясно, – невозмутимо кивнул Малдо. – Ладно, нет так нет. Всё равно

хорошо, что я спросил. И что ты честно ответил. Терпеть не могу напрасных надежд. Кучу времени и внимания отнимают. Со вчерашнего дня не о работе думаю, а о том, как с тобой этот разговор завести. Теперь вопрос закрыт, живём дальше. И, положив руку на сердце, не настолько плохо живём, чтобы топиться в Хуроне.

– Какое может быть «топиться»?! – возмутился я. – Вода сейчас ледяная. Летом – ещё куда не шло.

– Именно поэтому я и не стал тянуть с разговором до лета.

Мы переглянулись и рассмеялись, думаю, просто от облегчения. Я – так точно.

– Расскажи про сны, – попросил Малдо после того, как кувшин на нашем столе как-то незаметно опустел и тут же сменился полным. – Они правда бывают по-настоящему страшные? Даже для тебя?

– Конечно, бывают. Я, видишь ли, при всех своих достоинствах, совсем неопытный колдун. За те несколько лет, что я занимаюсь магией, в старые времена ни один Орденский послушник, даже самый талантливый и пронырливый, Младшим Магистром не успел бы стать. Многим элементарным вещам я просто ещё не успел научиться. Например, всегда контролировать происходящее во сне. На выработку этого навыка нужно время, ничего не поделаешь, надо ждать. А пока я, заснув, вполне могу забыть, кто я на самом деле такой, и на что способен. И ощутить себя беспомощным. А беспомощность – это же главная причина страха. Его фундамент. Наяву мне в этом смысле гораздо проще. Даже если сам чего-то не могу, всегда знаю, кого позвать на подмогу. Поэтому напугать меня бодрствующего – это сейчас надо очень хорошо постараться. А во сне далеко не всегда так.

– Думаешь, в основе страха – именно беспомощность? – оживился Малдо. – А это для всех так, или только для тебя?

– «Для всех» – это было бы очень смелое утверждение. Я же не знаком со всем человечеством лично. Но по моим наблюдениям, это верно, скажем так, для очень многих.

– Грешные Магистры, как же это всё интересно! – восхищённо выдохнул он.

Глаза Малдо горели, щёки покраснелись, и я только теперь понял, как он на самом деле молод. До сих пор мне такая постановка вопроса в голову не приходила. Обычно я воспринимаю всех окружающих как своих ровесников. Ну или как старших, если они потрудятся предъявить мне внешние признаки почтенного возраста: седину, лысину, морщины. Для

человека, который уже сам научился изменять внешность, и знает, насколько это легко, довольно наивная позиция, но ничего не поделаешь.

– Слушай, а зачем они вообще нужны? – внезапно спросил Малдо.

– Кто – «они»?

– Страшные сны. «Кошмары». Какой в них смысл?

– Вообще-то, сомневаюсь, будто абсолютно всё, что с нами происходит, непременно зачем-то нужно, – сказал я. – Бывают просто события, ни зачем. Сами для себя. Но что касается плохих снов... Знаешь, опыт есть опыт. Материал, из которого мы всю жизнь строим себя – вот как вы новые дома из мусора. Чем больше и разнообразней, тем лучше, верно? С опытом то же самое. Иногда в минуту слабости я думаю, что от какой-то части своего опыта с радостью отказался бы. Но минуты слабости у меня, хвала Магистрам, нечасто случаются. А всё остальное время я прекрасно понимаю, что представляю собой сумму всех событий которые со мной произошли. Помноженную, конечно же, на то, как я себя при этом вёл. И хотеть, чтобы этого опыта не было – всё равно что мечтать о самоубийстве. Точнее, о том, чтобы вместо меня до сегодняшнего дня дожил кто-нибудь другой. Бессмысленное и, будем честны, совершенно невыгодное желание. Так что пусть всё остаётся как есть, включая страшные сны, чем они хуже прочих неприятностей? Строго говоря, даже лучше. Страх сам по себе разрушителен. Но именно страшные сны дарят нам бесценный опыт внезапного пробуждения. То есть, чудесного избавления от кошмара.

– Погоди. Почему ты считаешь его бесценным?

– Да потому, что в жизни всякого человека, связавшегося с магией, неизбежно наступает такой прекрасный момент, когда его воля и сознание уже вертят Миром как хотят, а сам он при этом ещё совершенно не контролирует процесс. А потому представляет собой натуральную бомбу... Знаешь, что такое «бомба»?

Малдо озадаченно помотал головой. И правда, откуда бы ему знать такие глупости.

– Вообрази гигантский снаряд для бабума. Размером, например, с меня. И разрушительная сила настолько же больше. И взрывается не только от сильного удара, но и от любого неосторожного прикосновения. Или просто потому что время пришло. Впечатляет?

Он молча кивнул, скривившись, как от зубной боли. Похоже, действительно вообразил и теперь не знал, как избавиться от этого неприятного видения.

– В такой непростой ситуации огромное значение приобретают наши представления о жизни, – сказал я. – И формируются они именно опытом.

Лучше бы к этому моменту иметь в своём багаже как можно больше сказок с хорошим концом. А наяву они с тобой происходили, или во сне – дело десятое. Главное – в глубине души быть уверенным, что всегда выйдешь сухим из воды, и Мир при этом не рухнет. Ни ближний, ни дальний, вообще никакой. Так будет лучше для всех. Меньше навредишь. Вот почему я говорю, что опыт пробуждений от страшных снов бесценен – при условии, что это были действительно счастливые пробуждения, а не тягостные скитания из одного кошмара в другой.

– Ого. И так бывает?

– Всё бывает. Многих кошмары затягивают. Чем страшней сон, тем труднее проснуться. К счастью, люди обычно ставят будильники... я имею в виду разнообразные способы просыпаться в определённое время. А некоторые кричат и стонут во сне, так что ближние принимают их за трясину. И всё заканчивается хорошо. А нам того и надо.

– Теперь мне даже завидно, – вздохнул Малдо Йоз. – Тоже хочу видеть страшные сны – если уж это так полезно. Подушку, что ли, ещё раз попробовать купить?

– Если отыщешь Мастера Совершенных Снов, который согласится нарушить закон, – ухмыльнулся я. – Потому что изготовление подушек с кошмарами по-прежнему запрещено Кодексом Хрембера. Как в старые добрые времена.

– Что за дурость! Человеку страшный сон по собственной воле посмотреть не дают.

– Не дурость, а вполне разумная предосторожность. Никогда заранее не знаешь, как много способен вынести. И от какого пустяка сломаешься. Любой храбрец может внезапно умереть во сне от страха – сердце не выдержит, и привет. А уж сойти с ума – проще простого. Я сам после одного прекрасного сновидения сутки безумием вонял. Моё счастье, что рядом оказался Джуффин. Не всем так везёт.

– Грешные Магистры! Это что же такое должно было присниться?!

Бестактный, конечно, вопрос. Но на его месте я бы и сам не удержался. И помер бы от любопытства, если бы не получил даже намёка на ответ.

А убийство великого зодчего в мои сегодняшние планы не входило. Поэтому я сказал правду:

– Что все мои близкие оказались удивительными гадами, и я уничтожил Мир. А потом сошёл с ума от горя. К счастью, как раз на этом месте меня разбудили и вылечили^[14]. В первое время мне всё равно упорно казалось, что сон был правдой, Мир действительно рухнул по моей вине, а

потом снова родился – из моего отчаяния и любви. Но это уже вполне безобидная форма мании величия, даже запаха не даёт. И лечится, не поверишь, всё тем же опытом. опытом счастливой жизни, данной мне в ощущениях, которым приходится верить, потому что кроме ощущений у нас всё равно ничего нет.

Малдо Йоз смотрел на меня так, что впору было заработать новую манию величия. К счастью, именно к этой хвори у меня стойкий иммунитет. Совершенно непрошибаемый. Очень уж серьёзные прививки в своё время получил.

– Слишком много информации на твою бедную голову, да? – сочувственно спросил я. – Сам виноват, нечего было расспрашивать. Я, видишь ли, очень честный. Особенно когда напьюсь. Приличные люди в таком состоянии на столах пляшут и морды друг другу бьют, а я становлюсь треплом. Ладно, по моим расчётам, минуты через три действие этого прекрасного пойла наконец прекратится, и я больше ничего не скажу. Никому, никогда. До следующей порции.

– Пока оно не прекратилось, ещё один вопрос, – выпалил Малдо Йоз. – Вдруг успеешь ответить.

– Ну смотри. Тебе потом с моими ответами жить.

Он коротко рассмеялся и помотал головой.

– Нет-нет-нет, это совершенно безобидный вопрос. Просто любопытно: я в последнее время то и дело слышу, что мы – в смысле, Ехо со всеми улицами и горожанами – теперь постоянно снимся людям, которые на самом деле живут в других городах и наяву никогда тут не были...

– Ты не поверишь, но эти люди ещё и в других Мирах живут, – ухмыльнулся я. – И снится им не только Ехо, а вообще всё подряд, включая Небесные скалы Куанкуроха и красные пески Хмиро. Но вообще-то, так всегда было, просто гораздо реже случалось. Я сам, кстати, впервые попал сюда именно во сне – вот тебе ещё один ответ на вопрос, зачем нужны сны. И куда они могут завести; Впрочем, об этом ты не спрашивал.

– Ничего себе! – присвистнул Малдо. – Да, в такие материи мне лучше пока не лезть. Я всего-то и хотел узнать, правда ли, что мы постоянно кому-то снимся? Ну, то есть, не мы с тобой лично, а...

– И мы с тобой лично – тоже. По крайней мере, в качестве статистов, странно одетых прохожих, спешащих куда-то по своим делам. И проснувшись у себя дома, эти люди думают, что на самом деле нас нет. Им кажется, будто мы – плод их воображения. Вернее, подсознания; ай, один чёрт...Знаешь что меня особенно радует? Прямо сейчас нас с тобой никто

во сне не видит, а мы всё равно сидим тут и пьём горячее вино. Ужасно здорово по-настоящему быть, а не просто мерещиться, вот что я тебе скажу.

– Звучит так, словно ты попробовал и то, и другое, а потом выбрал более привлекательный вариант, – растерянно сказал Малдо.

– Примерно так и было, – вздохнул я. – Но важно не это, а тот прекрасный факт, что нам доступны обе возможности: и быть, и мерещиться. Одно другому, как выяснилось, совершенно не мешает. И нет, я не буду повторять заказ. На сегодня достаточно. И так разошёлся не в меру.

– Ну, по крайней мере, мы – определённо не страшный сон, – сказал Малдо Йоз, когда мы переступили порог «Внезапно Белого» и вышли на улицу. – В этом смысле в Ехо сейчас ловить нечего. Не Смутные Времена.

– Будь оптимистом, – усмехнулся я. – Человек всегда найдёт, чего испугаться. Да хоть собственного отражения в витрине. Кстати, недавно один смешной юноша, студент, если не ошибаюсь, вашей Высокой Школы, попался мне на глаза, когда пытался запугивать спящих.

– Да ну! – изумился Малдо. – А как же он отличал их от других людей?

– Есть разные способы, – неопределённо ответил я. – Мой друг Нумминорих Кута вообще по запаху различает. Ну, правда, он один такой в Мире, уникальный нюхач. Но остальные техники, как я понимаю, любой при желании может освоить.

– Надо же. Похоже, я совсем заработался. Столько интересных вещей мимо проходит! И как он их пугал?

– Да очень просто. Подходил и шептал на ухо всякие неприятные вещи, которые обычно никто не хочет услышать, особенно во сне. «Ты завтра умрёшь!» «В твоём теле поселилась страшная болезнь!» На худой конец: «Твой любимый сейчас обнимает другую», – такое на юных барышень отлично действует. Ну и так далее.

– Никакой фантазии, – сердито сказал Малдо Йоз.

Как будто речь шла об очередном заказчике, и Малдо заранее страдал от необходимости овеществлять придуманную тем банальную чепуху.

– Никакой, – согласился я. – Но, к сожалению, именно подобные глупости производят самый сильный эффект. Люди обычно боятся простых вещей: заболеть, умереть, остаться без крыши над головой, потерять кого-то из близких. А сложную опасность пока осмыслишь, пока сообразишь, что надо начинать бояться, как она уже миновала, сиди, жди новой.

– Он теперь в Холоми? – спросил Малдо.

– Представь себе, нет. Парадокс, но в действиях этого паршивца не

было ничего незаконного. Нет в Кодексе Хрембера статьи, запрещающей пугать тех, кому ты приснился. И за глупости, сказанные вслух посторонним, у нас тоже не наказывают; на мой взгляд, зря, но люди, сочиняющие законы, крайне редко прислушиваются к моему мнению. Хоть и считается, что они – мои лучшие друзья.

– И что, вы его просто отпустили?

– Отпустили, конечно. Но сперва этому любителю пугать спящих пришлось побывать у меня в гостях. К счастью, статьи, запрещающей приглашать незнакомцев в гости, в Кодексе Хрембера тоже нет. И я этим цинично воспользовался.

– То есть, его уже нет на свете? – понимающе хмыкнул Малдо.

Грешные Магистры, за кого они все меня принимают?!

– Есть, – заверил его я. – Жив, здоров, и даже скабу давным-давно отстирал. И заикаться перестал, наверное. По крайней мере, я на это надеюсь. Всё-таки в Ехо много хороших знахарей.

– Да что ж ты такое с ним сделал?

– Вообще ничего. Пальцем не тронул. Просто заранее попросил Базилио встретить нас на пороге гостиной. И уговорил произнести при этом фразу: «Сэр Макс, наконец-то вы привели мне ужин. Больше так не опаздывайте». Бедняге Базилио пришлось нелегко. Беда в том, что он терпеть не может пугать людей. Но я всё объяснил, и Базилио согласился, что юношу следует проучить.

– Ого. То есть, история об ужасающем чудовище, которое живёт в Мохнатом Доме, тоже правда?

– Уже два дня как неправда. Мы его благополучно расколдовали. То есть, строго говоря, наоборот, заколдовали. Но какая разница, главное, что чудовище превратилось в симпатичную юную леди. Новая внешность гораздо больше соответствует его характеру.

– С ума сойти можно, как с тобой интересно! – заключил Малдо Йоз.

– Есть такое дело, – улыбнулся я. – А теперь, пожалуй, брошу тебя одного на этой страшной тёмной улице и пойду домой.

– Чтобы мне стало ещё интересней? – рассмеялся он.

– Это была бы отличная причина. Но на самом деле, я просто вспомнил, что дома меня ждёт чудовище. В смысле, красавица, в которую оно превратилось. Очень рада этому событию, но места себе не находит: «AAAA! У меня есть руки! И нет хвоста! AAAA! А вдруг я прямо сейчас превращусь обратно?» Надо её морально поддерживать.

А что меня самого надо морально поддерживать после всех этих душных изнуряющих выворачивающих разговоров, я, конечно, говорить не стал. С

восхитительной пылью, только что пущенной в чужие глаза, подобные признания не очень-то сочетаются. Безвкусица. Не люблю.

– Спасибо за идею строить по частям, – сказал на прощание Малдо. – Пока мы сидели, я понемножку крутил её в голове. И слушай... Нет, ничего не стану говорить. Сам увидишь, что будет.

– Ладно, не говори, – согласился я. И исчез.

В смысле, пошёл домой.

В доме горел свет, но было непривычно тихо. Даже Друппи не бросился мне навстречу, чтобы немедленно повалить на ковёр, выразив, таким образом, безграничную радость по поводу моего появления и заодно проучив за долгое, по его меркам, отсутствие. Вместо этого пёс встретил меня на пороге гостиной и деликатно уткнулся носом подмышку, благо для этого ему даже на задние лапы вставать не обязательно, достаточно голову повыше задраить.

Причина столь сдержанного поведения прояснилась сразу: в гостиной меня ждала не только Базилио. Второе кресло занимал сэр Шурф Лонли-Локли, чьё присутствие неизменно действует на собак, как смирительная рубашка. И их можно понять.

– Выглядишь, как Магистры знают что, – укоризненно сказал он.

Я очень удивился. До сих пор моя манера одеваться возмущала только Мелифаро. Вот уж никогда не думал, что Шурф станет укорять меня за отсутствие какого-нибудь золотого лоохи до пупа, или что там нынче все дружно носят.

– Я имею в виду твоё лицо, – подсказал он. – Очень хорошо, что ты наконец стал мастерски изменять внешность. Дело за малым: научиться не забывать, что ты это сделал. И возвращать себе нормальный облик, когда приходишь домой, а не ждать, пока само пройдёт.

– А разве важно, как я выгляжу?

– Положа руку на сердце, не очень. В данном случае значение имеет не облик, а безупречность твоего поведения. Действие всякого колдовского приёма должно заканчиваться в тот момент, когда его эффект перестаёт быть необходим. Хорошая привычка, пригодится, – строго сказал Шурф. И внезапно с обезоруживающей откровенностью добавил: – Но на самом деле, подлинная причина моего недовольства заключается в том, что я уже довольно долго тут сижу, а ты шляешься невесть где. Упрекнуть тебя за такое поведение я не могу, поскольку явился без предупреждения. Но я всё равно сердит, что не застал тебя дома. Поэтому сразу нашёл, к чему придраться. Извини.

– Потрясающе, – ухмыльнулся я. – А ты до сих пор не в курсе, что в Море существует такая удобная штука как Безмолвная речь? Надо было прислать зов, я бы поторопился.

– Да я и собирался. Но тут в гостиную пришла Базилио и спросила, в чём смысл жизни. Пришлось сказать.

– Ну ни хрена себе. Ты и это знаешь?

Шурф только плечами пожал. Дескать, какие пустяки.

– И мне тогда скажи, – потребовал я.

– В чём заключается смысл твоей жизни, я не просто не знаю, а даже предположить не возьмусь. Правдивый ответ на любой по-настоящему важный вопрос всегда существует во множестве версий. И выбор того или иного варианта зависит от личности спросившего. Не думаешь же ты, будто смысл жизни один и тот же для всех?

– Не то чтобы думаю, но вполне допускаю такую возможность. Ладно, а Базилио ты что сказал? Или смысл её жизни – это секрет?

– Разумеется, секрет. Люди обычно предпочитают скрывать от близких и гораздо менее важные сведения о себе.

– От тебя не секрет, – великодушно решила Базилио. – Сэр Шурф сказал, смысл жизни заключается в том, чтобы получить опыт. Наше сознание нуждается в опыте, как в пище, причём ест всё, что дают. И, представляешь, всё идёт ему впрок! Даже в тот момент, когда нам кажется, будто мы страдаем, больны или безумны, наше сознание набивает этим опытом брюхо, крепнет, растёт и взрослеет. А знаешь, что для сознания означает стать взрослым?

Я хотел было отрицательно помотать головой, но вместо этого почему-то сказал:

– Оно начинает осознавать своё бессмертие. Не верить, не надеяться, не догадываться, а просто знать.

Шурф посмотрел на меня с неподдельным интересом. Я узнал этот взгляд. Так он взирал на говорящего пса Дримарондо, когда тот, пристрастившись к чтению, начал анализировать прочитанное вслух. Дескать, надо же, я-то сам давным-давно до всего этого додумался, но от тебя подобной проницательности совершенно не ожидал.

Впрочем, ладно, пусть смотрит, как хочет. Роль учёной говорящей табуретки всегда была мне к лицу.

– Да, именно так он и сказал, – подтвердила Базилио. – А знаешь, что особенно здорово? С этой точки зрения получается, что неудавшихся, несчастливых судеб вообще не бывает, даже если родился слабоумным, калекой или чудовищем, как я. Для сознания и этот опыт –подходящая,

питательная еда. И потом, кроме яви всегда есть сны. Сэр Шурф говорит, что опыт, полученный там, тоже считается. Вообще никакой разницы!

– Потрясающе, – вздохнул я. – Представляете, я сегодня полночи говорил примерно то же самое. Про сны и про опыт, как величайшую ценность. По другому поводу и совсем иными словами, но по сути – один в один. Похоже, опыт – это и мой смысл жизни тоже. Заверните, беру.

– Держи.

Шурф взял со стола салфетку, аккуратно свернул её конвертом и протянул мне.

– Спасибо, – сказал я, засовывая свёрток в карман. – Иметь смысл жизни – дело нехитрое, а вот всегда носить его при себе – исключительная удача. Мало кому так везёт.

– Это вы так шутите? – неуверенно спросила Базилио.

Мы озадаченно переглянулись. Хороший вопрос.

– Мы сами не знаем, – наконец сказал ей Шурф. – На первый взгляд, вроде бы, шутим. На второй, в очередной раз пытаемся серьёзно поговорить о самых важных на свете вещах. А как там оно на самом деле, разберёмся когда-нибудь потом.

– В тот прекрасный день, когда я достану из шкафа это лоохи, подумаю: «Хорошая вещь, зря я его уже целый год не ношу», – надену, суну руку в карман и сразу обрету смысл жизни, – добавил я. – Вот тогда-то всё и прояснится. Раз и навсегда.

Базилио улыбнулась, кивнула. Сказала:

– Когда-нибудь я тоже так научусь. Как вы.

– Чему именно? – хором спросили мы.

Причём Шурф выглядел явно встревоженным. Подозреваю, я тоже.

– Так разговаривать, чтобы получалось одновременно и смешно, и серьёзно. И не только разговаривать, жить тоже. Бывают такие головоломки, смотришь и думаешь: «Ну, это очень легко». А начинаешь разбираться и обнаруживаешь, что ничего сложнее до сих пор не видела. И красивее – тоже. Даже если решишь такую задачку – случайно, почти чудом – всё равно никогда до конца не поймёшь, как удалось справиться. И это совершенно не обидно, наоборот, радостно, что такая удивительная штука попала тебе в руки. Вы похожи на эти головоломки. Не могу пока лучше объяснить. Но когда-нибудь наверное смогу.

– Спасибо, – сказал сэр Шурф, – ты и сейчас очень неплохо объяснила. Я никогда не был чувствителен к комплиментам, но тебе удалось меня тронуть.

– Слушай, у меня в кармане не только смысл жизни, но ещё и подарок

от твоего учёного приятеля, – спохватился я. – Он просил передать, что очень за тебя рад. И одновременно огорчён, потому что ему будет не хватать вашей дружбы. Изучать овеществлённую иллюзию, которая выглядит как человек, его, как и следовало ожидать, не отпускают... – и, посмотрев на её вытянувшуюся от огорчения физиономию, поспешно добавил: – Но может быть он что-нибудь придумает. Когда-нибудь потом.

Мне не раз говорили, что надежда – глупое чувство. Лишает нас воли, отнимает силы, связывает по рукам и ногам. И я неоднократно убеждался на практике, что это действительно так. Но всё равно уверен, что из этого правила бывают исключения. Иногда глупое чувство – именно то, что надо. В том числе, и мне самому. А уж юной барышне двух дней от роду – подавно.

Базилио неуверенно улыбнулась, почти беззвучно пробормотала: «Спасибо», – взяла шкатулку и прижала её к груди так крепко, словно я мог передумать и отнять.

– Открывай, – посоветовал я. – Неужели тебе не интересно, что там внутри?

– А там ещё и внутри что-то лежит? – изумилась Базилио. – Ух ты! А я подумала, что подарок – это сама коробочка. Она очень красивая, правда? И в ней наверное можно что-нибудь хранить.

Я невольно улыбнулся, вспомнив, как когда-то сам, впервые получив Королевский подарок, тоже решил, что мне подарили шкатулку, и, если бы не Джуффин, так и не догадался бы её открыть. Сколько же элементарных вещей приходится объяснять новичку! Туалет и ванная всегда находятся в подвале; лунные месяцы бывают разной длины; публично насмехаться над людьми, не умеющими колдовать, стыдно; предлагая перенести оплату счетов на конец года, ты автоматически соглашаешься на применение к тебе карательного заклинания Кларра в случае попытки скрыться, не вернув долг; книжные лавки, в отличие от прочих, обычно открываются после обеда, зато работают по ночам; продолжение отношений с партнёром, встреченным в Квартале Свиданий, невозможно, и даже разговоры на эту тему непозволительны; заказывая в трактире еду с доставкой на дом, надо заранее сказать, какое из окон будет открыто; хлопая человека по спине, ты официально предлагаешь ему дружбу; грибы в светильниках вовсе не чувствуют себя несчастными пленниками и не нуждаются в утешении, а попытку выпустить их на свободу рассматривают как незаслуженное изгнание; шкатулки никогда не дарят пустыми. И ещё примерно сто миллионов неписанных правил жизни. Строго говоря, удивительно не то, что, новички их не знают, а что нам, в конце концов,

удаётся освоиться, и мы начинаем считать эти правила чем-то само собой разумеющимся, не подлежащим дополнительному обсуждению.

Базилио, тем временем, достала из шкатулки булавку – действительно очень простую, украшенную небольшой жемчужиной редчайшего зеленоватого оттенка. Долго её рассматривала, то на свет, то поднося к самому носу, и наконец приколола на домашнюю скабу, как брошку, но почему-то не на грудь, а в районе живота.

Вообще-то, булавки такого типа используются для того, чтобы закреплять полы лоохи, но я не стал лезть с советами. Пусть пока носит, как хочет, и радуется, а лекции о моде и стиле неизбежно воспоследуют завтра. И, надеюсь, не в моём исполнении. Каждый должен заниматься своим делом.

– А тебе, дружище, я должен обед, – сказал я Шурфу. – Или ужин. Или всё сразу. Но в доме, подозреваю, шаром покати. Вот и верь после этого моим обещаниям.

– А я и не поверил. Поэтому поужинал заранее. И зашёл к тебе совершенно бескорыстно. Потому что вдруг появилось свободное время, сокровище, которое человеку в моём положении обычно хочется легкомысленно промотать. А ты– подходящая компания, чтобы проматывать состояния.

– Кого ты хочешь обмануть? – укоризненно спросил я. – На самом деле, ты пришёл убедиться, что со мной всё в порядке. После того, как ты застукал меня спящим на Тёмной Стороне, этот вопрос ещё долго будет тебя занимать. Как учёного, конечно же. Твоё каменное сердце и железные нервы вне подозрений. И хвала Магистрам, что так, а то я бы извёлся от угрызений совести.

– А она у тебя внезапно появилась? – невозмутимо спросил мой друг. – Вот и первое роковое следствие сна на Тёмной Стороне. Чрезвычайно любопытный эффект. Но жить тебе теперь будет нелегко – просто с непривычки.

– Сейчас Базилио снова спросит, шутим мы или нет, – напомнил я. – И что мы, интересно, будем ей отвечать?

– То же, что и в первый раз. Но она не спросит.

Базилио, оказывается, помалкивала не по причине врождённой деликатности, а просто потому, что уснула, по-кошачьи свернувшись в кресле клубком и кое-как примостив голову на подлокотник. Армстронг и Элла, обычно демонстративно избегающие общества строгого сэра Лонли-Локли, храбро покинули своё убежище и укрывали её как толстое меховое

одеяло.

– Похоже, я по-прежнему довольно скучный собеседник, – заметил Шурф. – Да и ты не лучше.

– Мы не скучные, а умиротворяющие.

– Час от часу не легче.

– Зато Базилио это на пользу. Хоть немного отдохнёт. Спать в одиночестве у неё пока плохо получается. Сколько ни заверяй, что превратилась в человека навсегда, она всё равно нервничает.

– Её можно понять, – неожиданно согласился Шурф. – Счастье для многих становится тяжёлым испытанием: вдруг появилось, что терять! Это только со стороны кажется, будто быть счастливым легче, чем несчастным, а на деле часто выходит наоборот. Думаю, проблема ещё и в том, что леди Сотофа объяснила девочке, как вернуться к прежнему облику. Подозреваю, трюк совсем несложный, и теперь она боится сделать это нечаянно, во сне. Проснуться утром без рук, зато снова с хвостом, решить, будто счастливое превращение просто приснилось, и спятить от горя прежде, чем в памяти всплывут слова и жесты нужного заклинания. Она ещё очень неплохо держится, вот что я тебе скажу.

– Однако окажись на месте Базилио я, ты бы сейчас прочитал мне лекцию о необходимости полного доверия к себе, которое, конечно же, приходит после первой сотни лет безупречного самоконтроля.

– Совершенно верно. С тебя особый спрос. Ты слишком могущественное существо, чтобы я мог позволить себе роскошь с пониманием относиться к твоим слабостям.

– Ты сейчас рассуждаешь как юный арварохский шаман, закликающий своего Мёртвого Бога: «Ты можешь всё, поэтому веди себя, как я считаю правильным, или я убью тебя второй раз!»

– Ну что ты, – усмехнулся мой друг. – Я не настолько суров. Я говорю: «Веди себя, как я считаю правильным, потому что всё равно не отстану, ты меня знаешь». И заметь, никаких угроз.

– Ты сам по себе вполне достаточная угроза. И невзирая на это, я даже заикаться до сих пор не начал. По-моему, я – величайший герой всех времён.

– Не хочу тебя разочаровывать, но в истории встречались и более выдающиеся случаи. Лучше расскажи, как тебя угораздило полночи рассуждать об опыте и смысле. Не то чтобы я внезапно вообразил, будто имею право совсем уж беззастенчиво совать нос в твои дела, но если ты решил начать карьеру уличного проповедника, мне лучше об этом знать. По многим причинам.

– Ну что ты, не уличного. Трактирного. Назюзюкался и вещал, классика жанра. Правда, пил я при этом горячее вино, от которого трезвеешь прежде, чем успеешь сообразить, что напился. Да и слушатель у меня был всего один. Можно сказать, обошлось малой кровью.

– А что за слушатель?

– Малдо Йоз, конечно.

– Почему «конечно»? Звучит так, словно я сам должен был догадаться.

– Не то чтобы должен, но вполне мог. Сам же водил меня в Скандальный переулок и рассказывал про Новых Древних. А вчера они как раз строили дом Мелифаро, я успешно выступил в роли уличного зеваки, заодно и познакомился. Ты, кстати, уже видел эти хоромы?

– Да, специально ходил взглянуть. Любопытное сооружение. Жаль, что ты совершенно не знаком хотя бы с основополагающими принципами архитектуры, тогда смог бы оценить, до какой степени оно невозможно.

– Ничего, я и так оценил. Но всё это ладно бы. Ужас в том, что вчера ночью ребята построили дом по моему проекту.

– Хочешь сказать, ты переезжаешь?

– Ага. В хижину на дереве, со звёздами вместо светильников и облаками, заменяющими оконные ставни... Ладно, ладно, вру. Моя мечта просуществовала часа два от силы – и хижина, и дерево, и облака, которые её окружали. Просто Малдо позвал меня в Скандальный переулок и предложил выдумать для них какое-нибудь диковинное задание.

– От хижины на дереве и я бы не отказался, – неожиданно признался Шурф.

– Ну так за чем дело стало? У вас там такой шикарный сад вокруг резиденции, можно хоть целый город на деревьях построить. А своим подопечным скажешь, это такое специальное магическое сооружение для пущей близости к небу, непосвящённым не понять. И пусть благоговейно трепещут, пока ты там плюёшь в потолок.

– Я бы так и сделал. Но пока не имеет смысла. К дому на дереве должен прилагаться мальчишка, который от него в восторге. А не взрослый человек, который смутно помнит, что когда-то ему нравились подобные штуки.

– Ну, будем честны, моего восторга тоже хватило, в лучшем случае, на час.

– Это очень много, – серьёзно сказал Шурф. – Я бы и за несколько минут искреннего восторга дорого дал.

– Думаешь, это так важно?

– Важнее всего на свете. Не сам по себе дом на дереве, конечно. Важно

собрать себя из разрозненных деталей. Вернуть мальчишку, не прогоняя при этом взрослого, который из него получился. Вернее, великое множество взрослых, которыми я успел побывать. Собрать их всех вместе и посмотреть, что получится в сумме. Очень этого хочу.

– Значит, так и будет, – сказал я.

– Мне нравится твой оптимизм. Но я не Вершитель.

– Ты гораздо хуже. Пока Вершители сидят и ждут, что им на голову свалится то, чего однажды сдуру угораздило захотеть, ты приходишь и берёшь это сам. Чтобы ты, да не повернул всё по-своему –вообразить не могу.

Мы просидели в гостиной почти до рассвета, под тем предлогом, что не хотим будить так удачно задремавшую в кресле Базилио. А на самом деле, просто потому, что любим трепаться. И готовы заниматься этим сутками напролёт. Но потакать собственным слабостям любой дурак может, поэтому мы договорились делать вид, будто бережём чужой сон. Довольно причудливым способом, но какая разница, если он работает.

Удивительно, впрочем, не это. И не тот факт, что когда я в полдень спустился в гостиную, сэр Шурф снова сидел в том же самом кресле, словно и не уходил никуда. Может, мне и правда только приснилось, как я его провожал? День вчера был такой длинный и разнообразный, что с меня вполне случилось бы отрубиться буквально на полуслове. И продолжить увлекательную беседу уже во сне.

И что другое кресло занимала не спящая Базилио, а чрезвычайно бодрая Меламори, меня тоже не особо удивило. Почему бы, собственно, ей не сидеть в моей гостиной? На мой взгляд, тут ей самое место.

Удивительно было, что они ссорились. Я сперва не поверил – ни своим глазам, ни ушам, ни иным органам чувств, которые встревоженным хором докладывали, что в моём доме происходит натуральный скандал. Хотя, конечно, чрезвычайно тихий и вежливый. С сэром Лонли-Локли иначе не поскандалишь, знаю я этот его флегматичный вид и бесстрастный тон, проявляющиеся в те моменты, когда нормальные человеческие люди начинают орать, размахивая кулаками. А что каменные стены трещинами порой идут, так сами виноваты, нечего было затевать дискуссию.

Впрочем, стены моего дома пока были целы. Думаю, это потому, что всерьёз рассердиться на Меламори решительно невозможно: к её тяжёлому характеру и темпераменту боевого генерала прилагаются очаровательный облик легкомысленной старшеклассницы и неотразимые манеры избалованного ребёнка из хорошей семьи. Убийственное на самом деле

сочетание, кого угодно обезоружит.

Однако сэр Шурф старался как мог.

– Когда ты принимаешь необратимое решение, – говорил он самым невыносимым из своего богатого арсенала подчёркнуто спокойных голосов, – следует ясно представлять, кому именно придётся расхлёбывать его последствия. И если этот «кто-то» не ты сама, решение следует пересмотреть.

– Да какое оно, к драным козам, «хренообратимое»?! – свистящим от ярости шёпотом спрашивала Меламори. – Что за роковые последствия тебе уже примерещились? Откуда столько пафоса? С какого перепугу ты пытаешься раздуть полную фигню до масштабов вопроса жизни и смерти?

– Не жизни и смерти, а свободы выбора. Причём, заметь, не твоей свободы, а чужой. Всё, чего я хочу – донести этот факт до твоего затуманенного алчностью сознания.

– Эй, – наконец сказал я, – привет. Рад вас видеть. Одна небольшая просьба: если соберётесь убивать друг друга, сначала пристукните меня. Я без вас затоскую, а руки на себя накладывать не обучен. Совсем беда.

– Ещё один псих с вопросами жизни и смерти на мою голову, – фыркнула Меламори. – С какой стати нам друг друга убивать?

– Спросонок ещё и не то померещится, – объяснил я. – Никогда прежде не видел, чтобы вы ссорились. Но если вас это развлекает, можете продолжать.

– Прости, пожалуйста, – вежливо сказал Шурф. – Мне не следовало затевать ссору в твоём доме. Но моё безобразное поведение отчасти извиняет тот факт, что я пытаюсь отстаивать твои интересы.

– Мои интересы? – изумился я. – погоди, ты ещё что-то о свободе говорил, когда я вошёл. Неужели Меламори решила продать меня куманским работоторговцам? Я не знал, что у нас настолько плохо с деньгами. Но как раз недавно прикидывал, что мог бы ограбить Невидимую Флотилию. Это решит проблему?

– Всё-таки у тебя потрясающая интуиция, – улыбнулась Меламори.

– Хочешь сказать, я угадал? Ты действительно решила торговать моим спящим телом? Да ну, брось заливать. Кто в здравом уме такой ужас купит?

– Ты другое угадал. Речь действительно о деньгах. Вернее, о собачьем доме, но в некотором смысле и о деньгах тоже. Потому что нам их предлагают в качестве отступного...

– Так, стоп, – я поднял руки вверх и рухнул в кресло. – Ничего не понимаю. Какой собачий дом? Куда отступаем? И зачем тебе деньги вот прямо с утра?

– Это для тебя «с утра», а у нормальных людей уже полдень, – напомнила Меламори. – Самое время наконец-то разбогатеть.

Хвала Магистрам, она уже совершенно успокоилась. И явно не горела желанием продолжать спор.

Шурф нахмурился и укоризненно покачал головой. Тоже хорошо. Когда он действительно сердит, внешних признаков недовольства от него не дождёшься.

– Хозяин дома, который мы с леди Меламори в своё время арендовали для собак, нынче утром получил предложение о продаже недвижимости, – объяснил он. – И обратился к нам с просьбой досрочно расторгнуть договор об аренде, который мы в своё время заключили на три дюжины лет.

– Этому проходимцу, как я догадываюсь, светит очень выгодная сделка, – вставила Меламори. – По крайней мере, отступные, которые он предложил, раза в три превышают обычную в подобных случаях компенсацию. Я считаю, надо соглашаться, пока он не передумал. Всё равно собаки живут в Мохнatom Доме и съезжать отсюда не планируют, а мы, как дураки платим за аренду никому не нужной развалюхи, потому что идиотский договор может быть расторгнут только по желанию владельца. И вдруг это желание у него возникло. Да такое сильное, что он ещё и кучу денег готов заплатить за наше освобождение от этого грешного домишки. Глупо было бы прохлопать такую удачу!

– Понимаю, – кивнул я.

Ещё бы я не понимал. Меламори совершенно равнодушна к деньгам как таковым, но при этом чрезвычайно азартна. Получив на службе недельное жалование, может рассеянно сунуть его в ящик стола и никогда больше не вспомнить, зато я своими глазами видел, как она рыдает от ярости, проиграв мне в «Крак» всего полдюжины горстей. И в лавке может торговаться часами – просто ради удовольствия настоять на своём. Неудивительно, что ей так понравилось щедрое предложение хозяина собачьего дома: оно похоже не столько на честный заработок, сколько на случайный выигрыш. Значит эти деньги должны попасть в её карман. И гори всё огнём.

– Леди Меламори, как ты уже понял, хочет немедленно расторгнуть договор, – сказал Шурф. – Но не может сделать это без моего согласия, поскольку дом мы арендовали вдвоём. Я же, в свою очередь, считаю, что решение должен принимать ты. Собаки сейчас находятся здесь на правах гостей. И если их присутствие покажется тебе утомительным, ты сможешь попросить их вернуться домой – при условии, что дом у них будет. Когда мы откажемся от аренды, ситуация в корне изменится. Иными словами, ты

лишишься цивилизованного способа решения возможного домашнего конфликта. А выгнать домочадцев на улицу ты, по моим наблюдениям, не способен. Что, с одной стороны, делает тебе честь, а с другой, изрядно усложняет жизнь.

– Да не будет такого никогда! – взвилась Меламори. – Собаки ведут себя, как придворные фрейлины – при том, что Макс вообще до одного места, кто как себя ведёт. Он их или любит больше жизни, или вовсе не замечает, потому что занят чем-то другим; нас с тобой, впрочем, тоже. И ты это прекрасно знаешь.

– Я понимаю, что вероятность подобного развития событий ничтожно мала. Но всё равно считаю, что у Макса должна быть свобода выбора. По крайней мере, на его месте я бы желал этого для себя. И был бы чрезвычайно недоволен, обнаружив, что близкие люди поставили меня в безвыходное положение.

– Спасибо, – сказал я. – Очень здорово знать, что ты настолько на моей стороне. Но решение в данном случае должен принимать не я.

– А кто? – хором спросили Шурф и Меламори.

– Собаки, конечно. Речь же об их доме. То есть, формально арендовали его вы, но именно для собак и, если я ничего не путаю, по их настоятельной просьбе. И даже аренду в последнее время Дримарондо оплачивал сам, из своего университетского жалования. Для бывшей вечно голодной дворняги это, как я понимаю, очень важно. Не хотелось бы разбивать ему сердце.

– Ой, а ведь правда, – растерянно сказала Меламори. – Как-то я не подумала.

– И я не подумал, – признал Шурф. – Столь вопиющее пренебрежение правами заинтересованных лиц на основании отличия их облика от человеческого совершенно непростительно. Хорошо, что ты вмешался. В некоторых случаях отсутствие необоснованного высокомерия – само по себе здравый смысл.

– Да ладно тебе, – улыбнулся я. – Просто я не хотел принимать чью-то сторону в вашем споре. И нашёл способ выкрутиться. А что он по счастливой случайности оказался самым справедливым решением, так это нам просто повезло.

Пришлось звать собак и подробно объяснять им сложившуюся ситуацию.

Друппи, будучи существом бессловесным, зато оптимистическим и любвеобильным, восхищённо мотал ушами в ответ на всё, что мы

говорили, и время от времени предпринимал попытки лизнуть в нос всех присутствующих, включая сэра Шурфа. Строго говоря, даже начиная с него. Ума не приложу, как у него хватило духу. Лично я бы ни за что не решился.

Зато Дримарондо от души наслаждался переговорами. В смысле, мотал нам нервы. Битых полчаса пространно рассуждал, как важно иметь собственный дом, куда можно вернуться, если в гостях что-то пойдёт не так. Потом печально посетовал, что его лучший друг испытывает необъяснимую привязанность к своему формальному владельцу – то есть, ко мне. И с этой его слабостью приходится считаться, ничего не поделаешь. Наконец, Дримарондо неохотно признал, что из Мохнатого Дома гораздо проще добираться в Университет: десятиминутная пробежка, и ты на месте. А с окраины Левобережья приходилось стартовать часа за три до начала лекции, и всё равно не удавалось избежать опозданий, очень уж много соблазнов встречалось на пути.

Вспомнив о соблазнах Левобережной жизни, Дримарондо снова пригорюнился, но уже было ясно, чем всё закончится. И точно: как следует, поморочив нам головы, пёс снисходительно объявил, что готов пожертвовать своей территориальной независимостью ради дружбы и работы, поскольку это – наивысшие ценности для всякого разумного существа.

И ведь не поспоришь.

– Но у меня есть два условия, – сказал мне Дримарондо. – Если ты не готов их принять, я не смогу остаться в твоём доме на правах постоянного жильца.

– Какие? – обречённо спросил я.

Даже не знаю, что ожидал услышать в ответ. Но заранее приготовился к худшему. Например, от меня потребуют возвращаться домой не позже полуночи. Или, скажем, тратить на подвижные игры с собаками не меньше трёх часов в сутки. Или, чего доброго, прекратить ежедневно принимать ванную, уничтожающую все принесённые с собой с улицы интересные запахи, которые заменяют собакам свежие выпуски газет и приключенческие романы – одновременно.

– Во-первых, мне совершенно необходим собственный кабинет, – объявил Дримарондо. – В гостиной обычно слишком шумно, чтобы готовиться к лекциям. В прихожей темно, в погребе сыро, что вредно для книг. А в кухне слишком много соблазнительных ароматов, отвлекающих от работы. И вообще для мыслителя вроде меня важно всегда иметь возможность запереться на ключ и ощутить леденящее одиночество. Я

слышал, что оно чрезвычайно полезно для умственной деятельности.

– Безусловно, – согласился я, чуть не расплакавшись от облегчения. – Ничего полезней леденящего одиночества и выдумать невозможно. Сам бы с утра до вечера его ощущал, да кто ж мне даст. Но тебе помочь несложно, в доме много свободных комнат, выбирай любую. И прости, что сам тебе это не предложил. Просто не догадался. А что за второе условие?

– Пообещай мне, что никогда, ни при каких обстоятельствах не станешь декламировать в моём присутствии стихи Аландо Муртизая.

– Что?! – изумлённо переспросил я. – Какой ещё Аландо Муртизай?

– Это тот редкий случай, когда незнание предмета делает тебе честь, – мрачно отвечал Дримарондо. – Буду счастлив, если ты избавишь меня от скорбной обязанности тебя просвещать.

– Аландо Муртизай – угуландский поэт времён конца правления династии вурдалаков Клакков, – вмешался Шурф, большой любитель скорбных обязанностей. – Автор, интересный, скажем так, скорее для формирования объективного представления о литературной ситуации соответствующей эпохи, чем сам по себе. Однако Дримарондо невзлюбил его по иной причине. Он считает, что творчество Аландо Муртизая оскорбительно для собак. И наносит непоправимый ущерб их репутации.

– Это как?!

– В стихотворениях сэра Муртизая нередко встречаются такие неприемлемые с точки зрения Дримарондо образы как «смердящий старый пёс», «вонь пёсией пасти», «бессмысленный собачий вой» и даже «бродячих псов безрадостная слу...»

– Хватит! – перебил его Дримарондо. – Это совершенно невыносимо!

– Извини. Зато теперь сэр Макс знает, что стихи, от чтения которых ты просишь воздержаться, совершенно не в его вкусе. И ему будет гораздо легче выполнить данное тебе обещание.

– Ты мог бы прочитать ему эти мерзкие стишки наедине, – сердито возразил Дримарондо.

– Ночью, при свете полной луны, – вставила Меламори. – Чтобы усилить чарующее воздействие бессмертных строк.

– По возможности, хотелось бы избежать такого несчастья, – сказал я.

До сих пор не понимаю, почему они так смеялись. Даже Дримарондо разинул пасть и вывалил язык, а балбес Друппи прыгал вокруг нас, восторженно мотая ушами; впрочем, для него это вполне обычное поведение.

Примерно так пролетело ещё три дюжины дней.

Я не хочу сказать, что всё это время мы проторчали в гостиной, обсуждая аренду собачьего дома и угуландскую поэзию эпохи правления Клакков. Для этого мы недостаточно усидчивы. Но в целом, именно так и проходили мои дни: в необременительных домашних хлопотах и дружеской болтовне.

За это время я успел посетить как минимум сотню трактиров, нарисовать полдюжины прекрасных в своей нелепости эскизов для Малдо и компании, войти во вкус, ощутить себя без пяти минут настоящим художником, вовремя опомниться и выкинуть дурь из головы, принять вполне декоративное участие в нескольких показательных арестах, с помощью Джуффина истрепать до полупрозрачности новенькую карточную колоду, научиться наконец стрелять из бабума и даже иногда попадать в цель, неоднократно прогуляться по Тёмной стороне, временно воскресить и разговорить двух мертвецов, почти случайно обнаруженных сэром Кофой в припортовых трущобах, купаться в тёплых водах Великого Крайнего моря практически до полного растворения в них, четырежды вывести на прогулку Базилио и выслушать от неё множество восторженных отчётов о прогулках и визитах, совершённых без меня, чудом спасти сэра Мелифаро от покупки самого дорогого и нелепого в Мире одёжного шкафа эпохи династии Менки, выпить примерно пол-океана камры, помочь Городской Полиции справиться с бандой грабителей, вполне удачно маскирующихся под сортирных демонов, нанести непоправимый ущерб Ордену Семилистника, всеми силами отвлекая от дел их Великого Магистра, свести знакомство с очень милым и прекрасно воспитанным столбом разумного пламени, явившимся в Мир по призыву не в меру способного юного экспериментатора, и помочь ему найти дорогу домой, позорно бежать с премьеры новой оперы, не высидев даже до антракта, смотаться Тёмным путём в Тулан за свежим рыбным тортом для затосковавшего по дому Трикки Лая, поохотиться на сердитых разноцветных драконов, заполнивших улицы столицы по воле какого-то романтически настроенного сновидца, ловко проснувшегося буквально за несколько минут до того, как я всерьёз рассердился и решил призвать его к ответу, а на сладкое посетить Вольный Город Гажин под предлогом шефской помощи тамошнему Тайному Сыску, состоящему исключительно из призраков и одного-единственного живого человека, официально заместителя начальницы, а на самом деле, просто секретаря, нанятого специально для облегчения бюрократических контактов с миром живых – заполнения официальных бумаг и составления отчётов.

То есть, будем честны, практически ничего не успел.

Три дюжины дней, тем не менее, всё равно миновали. И наступила зима, на удивление тёплая даже для Ехо, где температуру чуть ниже нуля по Цельсию считают небывалым стихийным бедствием и долгие годы потом вспоминают, удивляясь, как нам вообще удалось остаться в живых.

Но нынешняя зима показалась тёплой не только неприхотливому мне. Столичные жители завели обычай демонстративно выходить из дома без головных уборов, владельцы модных лавок спешно убрали с витрин тёплые лоохи, а некоторые садовые растения подумали-подумали, да и зацвели, не дожидаясь весны. В результате, я ходил по городу, пошатываясь от избытка чувств, как пьяный, да и соображал ненамного лучше, зато искренне любил всё живое и был готов прилюдно целоваться с незнакомыми грибными фонарями, а за подобный опыт никакого ума не жалко, ну его совсем.

И как только я окончательно убедился, что не просто могу смириться с выпавшим на мою долю бездельем, но и научился им дорожить, моя судьба схватилась за голову, воскликнула: «Ой, у меня же тут сэр Макс без дела засиделся!» – и спешно принялась исправлять положение. Хотя кто её об этом просил.

Начало нового интересного периода своей жизни я, как и положено настоящему бездельнику, проспал. Вернее, проснулся буквально на миг от того, что к моей щеке прикоснулся посторонний предмет неизвестного происхождения. Сквозь сон я принял его не то за меховую подушку, не то вовсе за плюшевого медвежонка, с которым никогда не спал в детстве, но теоретически знал, что такой компаньон положен каждому ребёнку. В любом случае, предмет был тёплым, мягким и мохнатым, поэтому я прижался к нему щекой и снова провалился в сон. Но буквально несколько секунд спустя снова был разбужен, на этот раз самым ужасным звуком в мире – приглушёнными рыданиями. И, конечно, подскочил, как миленький. Увидел рядом уткнувшуюся в подушку Меламори и сразу оценил ситуацию.

– Ты наконец-то превратилась в чудовище и теперь ревёшь из-за того, что я тебя не испугался? Это только потому, что спросонок не разглядел. Прости дурака. В следующий раз непременно обделаюсь от ужаса. Надеюсь, слуги, которым придётся убирать постель, окажутся сплетниками, и новость просочится в газеты. Твоим родителям будет приятно узнать...

На этом месте Меламори, как я и рассчитывал, рассмеялась. Что-что, а смешить её я умел всегда. И за одно это мне можно простить всё, начиная с самого факта моего существования.

– Я не поэтому ревела, – сквозь смех сказала она. – Нужно быть совсем дурой, чтобы надеяться испугать тебя такой ерундой. Просто я хотела, чтобы ты на меня посмотрел. Чтобы увидел, как здорово у меня уже получается! Но не продержалась и получаса. Очень трудно сохранять этот облик. Тело прекрасно помнит, как оно на самом деле выглядит, и упорно возвращается к привычной форме, вот хоть из бабума в него стреляй.

– Не надо из бабума, – строго сказал я. – Погоди, ты что, целых полчаса меня будила? А я так и не проснулся? Как есть свинья.

– Свинья, конечно, – согласилась она. – Но не до такой степени. Полчаса я добиралась сюда из дома. Только не вздумай проболтаться, что я в таком виде по городу гуляю. Сама знаю, что нельзя, но не смогла удержаться. За час до рассвета на улицах совсем пусто, я подумала: быстро-быстро самыми тёмными переулками пробегу, никто не увидит. Кстати, действительно обошлось, никого не встретила, но насчёт «быстро-быстро» я крепко ошиблась. Ходить в таком виде – та ещё затея. Слишком много ног...

– Слишком много ног?! Это во что же такое прекрасное ты превратилась?

– В большого арварохского хуба, – вздохнула Меламори. – Сам мог бы догадаться. Ты же помнишь, как мне нравился Лелео. Совершенное существо! Только у меня ещё клыки были, и глаз восемь пар, все светятся в темноте таким нежным голубым светом, как газовые фонари. Очень красиво! Ужасно жалко, что ты не видел. Только начала тебя будить, и – хлоп! – всё закончилось. Не представляешь, как обидно.

– Мне бы тоже было обидно. Столько трудов, и всё зря. Но слушай, полчаса – это на самом деле очень много. Ты же совсем недавно начала учиться.

– Ничего себе «недавно»! Уже больше трёх дюжин дней об эту науку бьюсь. И только не говори, что все нормальные люди учатся годами. Я не «все», мне положено быстро. У меня в роду знаешь сколько самых настоящих оборотней было? Ууу! Пальцев не хватит сосчитать.

– Значит так, – твёрдо сказал я. – Пальцы я тебе, если что, одолжу, не вопрос. Считай своих предков на здоровье. Полчаса – это всё равно много, хоть ты тресни. Прогулка по городу со всеми этими бесконечными ногами – вообще фантастический успех. В следующий раз тряси меня энергичней. Если не проснусь, можешь откусить голову, чтобы клыки зря не простаивали. И тогда я обязательно проснусь. И в последний миг своей жизни оценю твои достижения.

Меламори задумалась.

– Голову не откушу, – наконец решила она. – Красивая вещь, жалко портить. Остальное принято. Предков-оборотней было четырнадцать штук. Загни четыре пальца в придачу к моим десяти, и я утешусь.

– Ты очень сговорчивое чудовище, – улыбнулся я. – Все бы так.

Не то из сентиментальных соображений, не то в знак солидарности, не то просто из любви к разнообразию, когда Меламори пришло время отправляться в Дом у Моста, я последовал за ней. И, надо сказать, моё появление на утреннем совещании произвело куда больший фурор, чем чьё-нибудь прилюдное превращение в сколь угодно ужасного монстра. Все знают, что до полудня я – вымышленное фантастическое существо вроде трёхглавой птицы Лью или сухопутного кита Угинмясу. До полудня меня просто не бывает! И только какой-нибудь беспредельно могущественный колдун вроде сэра Джуффина Халли способен дерзко материализовать меня в мире живых. Но потом сам не будет этому рад.

Джуффин, собственно, удивился больше всех, поскольку совершенно точно знал, что не предпринимал никаких специальных усилий, чтобы заполучить меня в Дом у Моста с утра пораньше. А напротив, великодушно советовал как следует отдохнуть после поездки в Гажин. Всё-таки тамошние призраки всерьёз меня припахали: мёртвые неутомимы и от нас почему-то ждут того же самого. Хотя, по идее, должны бы помнить, как это непросто – быть живым.

– Просто соскучился, – объяснил я в ответ на их общий немой вопрос. – Говорят, это нормально, со всеми порой случается. Четыре дня в Гажине вполне можно приравнять к четырём годам. Я там уже начал забывать, что можно прийти на службу в Тайный Сыск и застать в Зале Общей Работы столько живых людей одновременно. И вместо того, чтобы сразу куда-то мчаться, сломя голову, сесть и спокойно поговорить. Да ещё и отличной камры выпить вместо странной мутной жидкости, которая в Гажине почему-то считается вкусным и полезным напитком. И самое главное: что нового? Я зарёкся читать газеты, поэтому выкладывайте всё, что успело у вас стрястись за эти четыре года.

– Всё-таки дня, – любезно поправил меня сэр Кофа. – И новостей у нас, боюсь, не то чтобы так уж много. Ничего по-настоящему занимательного не произошло. Вряд ли тебе так уж интересно, что в порт пришёл ташерский бахун «Весёлая Дочь» с грузом букиви^[15], и шеф-закупщик сети «Скелетов» устроил безобразную драку прямо у входа в таможню, желая первым осмотреть и купить товар. Кстати, он таки успел заключить сделку прежде, чем был арестован за дебош, поэтому имей в виду: в «Скелетах»

теперь какое-то время можно будет очень неплохо пообедать. Так, что ещё?.. Сэр Вальда Длок, почётный председатель Королевского Общества Мастеров Изысканного Погребения, умер, завещав похоронить его со всем нажитым имуществом, включая не только наличные деньги, коллекцию надгробий эпохи правления внучек Ульвиара Безликого и нелегально приобретённую в Куманском Халифате рабыню, но и трёхэтажный дом на Левом Берегу, что, как сам понимаешь, здорово усложняет задачу. Теперь потенциальные наследники строчат жалобы и прошения Королю, освобождённая рабыня неумоимо рыдает и требует позволить ей исполнить последнее желание господина, а завсегдатаи трактиров ночи напролёт спорят, что важнее: уважать волю покойного, сколь бы абсурдной она ни была, или всё-таки придерживаться здравого смысла... Кроме того: неудачное покушение на посла Ирраши, скандал в Замке Рулх, приведший к внезапной отставке Старшего Мастера Затворяющего Королевские Окна, комендант Холоми внёс предложение об организации музыкальных вечеров для узников, граф Гачилло Вук прибыл в столицу с неофициальным визитом и учинил умеренно недопустимый скандал в трактире «Алая Булка», хозяйка которого уже в шестой, если не ошибаюсь, раз наотрез отказалась выходить за него замуж, а сэр Рогро Жииль чуть не загремел под арест за недостаточно деликатное обращение с подчинёнными; если называть вещи своими именами, он вышвырнул из окна своего кабинета четверых редакторов «Суеты Ехо» и всего одного репортёра «Королевского Голоса»; лично я считаю, что этого мало, но Рогро, конечно, видней.

– «Чуть не загремел»? То есть, всё-таки выкрутился?

– Ну а как иначе? Ребята из Канцелярии Скорой Расправы приняли во внимание тот факт, что кабинет сэра Рогро в течение многих лет находился на первом этаже, и регулярно выбрасывая в окна нерадивых сотрудников, он твёрдо знал, что подобная воспитательная мера не нанесёт серьёзного ущерба их здоровью. К тому, что теперь кабинет находится на третьем этаже, сэр Рогро пока не привык, поэтому было решено, что происшествие следует считать не преднамеренным нападением, представляющим угрозу для жизни, а просто несчастным случаем. Тем более, что все пострадавшие живы и, хвала Магистрам, уволены. Что внушает некоторый оптимизм.

– На самом деле, чиновники Канцелярии Скорой Расправы – тоже живые люди, и хотят читать старые добрые газеты, а не вот эту нынешнюю жидкую кашу для ослабленных праздностью умов, – заметил Джуффин. – Ясно, что сейчас Рогро ещё и не такое сойдёт с рук. Все рады его возвращению к работе. Лично я приготовился всерьёз повоевать за его помилование; к счастью, не понадобилось.

– И это у нас нынче называется «ничего занимательного», – укоризненно сказал я.

Кофа демонстративно зевнул.

– Ну, строго говоря, захватывающими новостями всё это не назовёшь. Лично я близок к тому чтобы заскучать. Зато Кекки неплохо развлеклась: обнаружила и совершенно самостоятельно обезвредила забавную банду старушек, которые на поверку оказались здоровенными мужиками, наловчившимися худо-бедно изменять облик и в таком виде среди бела дня грабившими лавки в самом центре Нового Города. Остроумный ход, никто и сообразить не успевал, что происходит. А сообразив, всё равно глазам своим не верили, глядя, как очаровательные старые леди крушат витрины и взламывают сундуки. Вот что значит правильно выбрать внешность! Думаю, ещё через пару дюжин лет искусство изменять облик станет доступно большому числу горожан. Дело, сам знаешь, непростое, зато учатся ему гораздо старательней, чем многим другим, очень уж интересные перспективы открываются. А значит, рано или поздно наступит момент, когда придётся признать, что облик ближнего перестал быть константой и, подобно одежде, ни о чём, кроме индивидуальных предпочтений и сиюминутных задач своего обладателя уже не говорит. Интересно, по каким критериям мы тогда станем оценивать друг друга при первой встрече? У меня пока никаких идей.

– Лет через сто такое случится, не раньше, – возразил Джуффин. – А скорее через все двести. Сперва всё-таки должно подрасти поколение, которое будет учиться магии с детства. И воспринимать владение хотя бы шестидесятой ступенью как некоторую общую норму. Интересно, конечно, как оно повернётся. Я бы посмотрел.

– А новости на этом всё? – спросил я. – Закончились?

– Ну почему же. Например я наконец-то купил идеальный стол в гостиную и познакомился с красивой девушкой, – похвастался Мелифаро. – Больше ничего толком не успел. К счастью, девушка оказалась той самоубийцей из Квартала Свиданий, которую долго и безуспешно разыскивала наша доблестная полиция. Так что я им немножко помог.

– Ещё Древи Луш Бахрийский прибыл в Ехо с лекциями о свойствах чистого молчания, – вставил Нумминорих. – Вчера читал первую в Большом Зале Королевского Университета. Некоторым желающим послушать, включая меня, пришлось сидеть на потолке.

– Грешные Магистры, а это ещё кто такой?

– Математик. Автор нашумевшей в своё время теории влияния звучащей речи на точность вычислений. Теперь он вроде бы доказал, что

абсолютной точности препятствуют не только слова, но и мысли вычисляющего. И принялся разрабатывать общедоступные техники достижения внутреннего молчания.

– Которые сами по себе чрезвычайно полезны, – заметил Джуффин. – Не только для математиков, но ладно, пусть хотя бы они пока учатся. Надо же с кого-то начинать.

– Главное, чтобы у сэра Шурфа не нашлось времени посещать эти грешные лекции, – проворчал я. – А то обучение внутреннему молчанию начнётся не с математиков, а с меня. Хорошие будут курсы, краткие, зато интенсивные. Умею я выбирать друзей, что тут скажешь.

– Умеешь, этого у тебя не отнять, – согласился Кофа. –Кстати, твой новый приятель весь город на уши поставил; впрочем, эту новость ты знаешь и без меня.

– Ну, не сказал бы, что так уж прямо на уши. Малдо с ребятами строят отличные дома, и Удивительная улица уже вполне оправдывает своё название, но Ехо город большой, для него эти изменения нечувствительны. Ещё много лет надо строить прежде, чем...

– погоди, – остановил меня Кофа. – При чём тут дома и улицы? Я говорю о будущем Дворце Ста Чудес на Левом Берегу, куда весь город уже четвёртый день таскает мусор. Даже Почтенный Начальник Угуланда Йорих Маливони соизволил пожертвовать на благо общего дела гнилые доски от развалившегося лодочного сарая своего прадеда, а подобное расточительство совершенно не свойственно этому семейству.

– «Дворец Ста Чудес»? – изумился я. – Вообще впервые слышу.

И тогда мои коллеги заговорили хором, перебивая друг друга. Смысл их общего монолога сводился к тому, что, во-первых, я ленив и не любопытен. Во-вторых, Малдо Йоз тоже тот ещё свинтус, если ни слова мне не сказал. В-третьих, Малдо Йоз гений, и его помощники гении, вообще непонятно, где он столько толковых ребят нашел. Поэтому, в четвёртых, Малдо Йоз гений ещё раз, а я балда, раз до сих пор ничего не знаю. Хотя, что я балда – это уже в-пятых. А в-шестых, я сам виноват, что всё самое интересное пропустил. Потому что жизнью друзей надо интересоваться, в каком бы Гажине ты при этом ни сидел – это в-седьмых.

– Стоп! – взмолился я. – Вы мне лучше про Дворец Ста Чудес расскажите. Что это? Где? Зачем?

Как всегда в подобных случаях воцарилась тишина. Потому что подробно рассказывать о конкретном предмете – гораздо менее увлекательное занятие, чем ближнего балдой обзывать.

– На самом деле, пока непонятно, что такое Дворец Ста Чудес, –

наконец сказал сэр Кофа. – В идеале, что-то вроде Садов Поучительных Иллюзий, устроенных для горожан Королём Мёнином и, к сожалению, исчезнувших вместе с ним. Что получится на самом деле, никто не знает. Строительство только началось. Малдо Йоз внезапно объявил, что Новые Древние архитекторы решили сделать подарок городу: построить огромный дворец развлечений. Просто так, совершенно бесплатно, для всех. Участок на окраине Левобережья они купили сами, вкладчину. Вернее, несколько граничащих друг с другом участков. Собственно, один из них – бывший ваш. Ну, тот, где жили ваши собаки. Я поэтому был совершенно уверен, что ты в курсе.

– Я забыла тебе рассказать, – вздохнула Меламори. – Когда владелец умолял нас расторгнуть аренду, мы ещё не знали, что его потенциальный покупатель Малдо Йоз. Он тогда это не афишировал, участки приобретались от имени его коллег, которых пока мало кто знает. Всё открылось буквально на днях, когда ты то ли уже умотал в Гажин, то ли как раз собирался; по крайней мере, когда я читала об этом в свежем выпуске «Суеты Ехо», тебя рядом не было, это факт. Малдо внезапно раскрыл свои планы и объявил, что Новым Древним позарез нужна помощь всех горожан. То есть, не помощь в строительстве, конечно, а мусор. Любой. Как можно больше мусора, потому что на материализацию такого огромного дворца они сами и за несколько лет хлама не соберут. А хотелось бы закончить работу ещё до конца года. И тут такое началось!

– Что началось?

– Ну как – что. Дружный вывоз мусора на Левый Берег. Сама не ожидала такой реакции. Мы с Нумминорихом даже поспорили. Я была уверена, что ребятам притащат, в лучшем случае, пару дюжин мешков какого-нибудь старья. Ближайшие соседи подкинут, потому что это гораздо проще, чем на свалку вывозить. Ну и может быть пара-тройка владельцев личных амобилеров, которым совершенно нечем заняться, из любопытства съездят в такую даль. А Нумминорих, конечно, утверждал, что полгорода сразу бросится на подмогу. Мы заключили пари, я была уверена, что дюжина корон уже у меня в кармане. И представляешь, продула! Горожане как с ума посходили. Безумием пока особо не пахнут, но барахло на Левый Берег волокут, как околдованные. Те, у кого есть амобилеры, запросто предлагают помощь знакомым и незнакомым. У кого нет, нанимают транспорт за свои деньги, а это уже вообще ни в какие ворота. Похоже, я совершенно не знаю людей. И это хорошая новость. Мне впервые в жизни не обидно, что я проиграла спор.

– Вообще-то, когда ты отдавала деньги, у тебя было такое лицо, что я

решил, ты со мной больше не разговариваешь, – сказал Нумминорих.

– Ну, мало ли какое у меня было лицо. Я же при этом слова худого тебе не сказала. И даже про себя его не подумала.

– Ого! – присвистнул я. – Действительно круто. Выиграть у тебя пари и не зачахнуть под гнётом вечного проклятия – редкая удача.

Меламори улыбнулась, словно я и правда отвесил ей комплимент.

– На самом деле, мне стало стыдно, что я считала наших горожан мрачными хмырями, которым ни до чего кроме собственной задницы дела нет, – призналась она. – И вдруг оказалось, что главный мрачный хмырь в этом городе – я сама. Чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, пришлось сесть за рычаг амобилера и отвезти на стройку кое-какое ненужное барахло. Не сказать, что у меня его нашлось много, но уж чем богаты. А потом решила – ладно, гулять так гулять. И поехала к родителям, у них-то дурацким хламом все кладовые забиты. Но когда приехала, узнала, что Корва уже всё вывез сам. Причём и свое, и соседское. И вот это был самый серьёзный удар по моему знанию жизни. Вернее, по уверенности, будто я разбираюсь в людях. Причём знать, что ничего не знаешь, оказалось гораздо приятней, чем думать, будто знаешь всё. И это, наверное, самое удивительное.

– Трикки Лай с согласия начальства выделил несколько дежурных полицейских амобилеров в помощь жителям Старого Города, у которых мусора полно, а вывозить не на чем, – сказал Нумминорих. – А в Новом Городе то же самое сделал Матила Хос, владелец самой большой прокатной конторы, хотя для его бизнеса это, по идее, прямой ущерб. И я на своём амобилере позавчера весь день туда-сюда мотался, благо других дел не было. А вчера дела уже были, но вечером я всё равно успел выбратся на стройку, отвёз им бракованную черепицу из мастерской Мидо Сая и несколько тюков битой посуды от мадам Жижинды, ей-то совсем некогда... И слушай, мой тебе совет, обязательно съезди посмотреть. Там уже такая красота творится! Хотя ясно, что это только начало.

– Вот именно, – подхватил Джуффин. – Давай, выметайся отсюда и дуй в Дворец Ста Чудес. Будешь сто первым. А мы, лишившись твоего общества, так затоскуем, что возможно, всё-таки займёмся делами, ради которых здесь собрались. Впрочем, если хочешь остаться, с удовольствием переложу на твои плечи проверку полугодового объёма финансовой документации Таможенного Сыска на предмет возможного несоответствия цен конфискованных товаров рыночным...

Я подскочил, как ужаленный, даже голову зачем-то прикрыл, словно самопишущие таблички из таможни могли внезапно обрушиться на меня с

потолка. И уже с порога спросил:

– Интересно, осталась ли в этом городе ещё хотя бы одна не разорённая помойка? Или мне придётся собственную мебель из гостиной выносить?

До такой крайности не дошло. Нумминорих отвёл меня к Трикки Лаю, а тот проводил во внутренний двор, где громоздились такие кучи хлама, что из них Новые Древние Архитекторы, по моим прикидкам, могли бы соорудить точную копию Дома у Моста.

– Ребята не справляются, – сказал он. – Не успевают вывозить на Левый Берег всё, что нам тащат. Очень уж далеко.

– Да, – кивнул я. – Когда собаки там жили, а я ещё не умел сам прокладывать Тёмный Путь, ехал к ним четверть часа в один конец, не меньше.

– Сколько-сколько? – недоверчиво переспросил Трикки.

– Четверть часа. Просто я очень быстро езжу. Так получилось. Надо будет как-нибудь тебя прокатить.

– Быстрее, чем леди Меламори? Ужас какой. Всякий раз, когда она уговаривала меня покататься, я проклинал всё на свете. Хотя бояться мне, вроде бы, нечего, призраком я уже был^[16]. И не сказал бы, что это такое уж неприятное состояние. Вполне можно жить.

– Ладно, тогда не прокачу, – легко согласился я. – Вместо тебя отвезу на Левый Берег этот грешный хлам. Уж его-то ничем не проймёшь. А мне всё равно больше нечем заняться. Сперва разбудили с утра пораньше, потом с совещания выгнали. Сделали вид, будто в моём присутствии невозможно работать. Но, подозреваю, они просто планируют заказать в «Обжоре» пирожные. И предусмотрительно избавились от лишнего рта.

Телегу мою набили не просто под завязку, а с верхом. То есть, с горкой. Удивительное количество груза можно, оказывается, запихать в небольшой пижонский амобилер, если позвать на помощь несколько дюжих полицейских, кровно заинтересованных в стремительном уменьшении мусорной кучи, загромоздившей их двор.

После того, как погрузка была закончена, а вываливающиеся из амобилера ящики, столешницы и дырявые тазы кое-как закреплены верёвками и заклинаниями, я попросил их собрать оставшийся во дворе хлам в одну большую кучу, эффектным жестом спрятал её в пригоршню, сел за рычаг и укатил, провожаемый восхищёнными взорами свидетелей.

Впрочем, Трикки Лай не был бы Трикки Лаем, если бы не прислал мне зов буквально через несколько секунд.

«Это тот же самый фокус, когда уменьшаешь и прячешь один предмет? Или есть отличия?»

«Отличия есть. Однако хорошая новость заключается в том, что они существуют только у нас в голове. Как только удаётся объяснить себе, что нет никакой разницы, её и не становится».

«Но разница же есть! – запротестовал Трикки. – Один предмет – это один. А много – это много».

«Тебе виднее, – согласился я. – Я в математике не силен. Но иногда невежество – отличное подспорье в колдовстве. Очень рекомендую».

Впрочем, уже минуто спустя, я устыдился. Нельзя говорить человеку только половину правды. Особенно если этот человек учится колдовать. Себя вспомни, балда.

Поэтому я снова связался с Трикки и признался:

«Сперва я тоже думал, что один предмет – это один, а много – это много. И у меня ни хрена не получалось, пока я не додумался их паковать. Ну, заворачивать в какую-нибудь тряпку. Или связывать верёвкой – символически, просто чтобы можно было сказать себе: «У меня не много вещей, а всего один тюк». И дело сразу пошло на лад. А потом, как ты понимаешь, мне стало лень возиться с упаковкой. Гораздо проще подумать: «Это одна куча». И дело в шляпе. Думать вообще гораздо легче, чем работать руками, я сто раз проверял».

«Здорово! – обрадовался он. – Спасибо. Сейчас попробую».

Я ещё до дома Джуффина на Левом Берегу не доехал, когда Трикки Лай прислал мне зов и коротко доложил: «Получается!»

Если в один прекрасный день он станет властелином Мира – просто желая разобраться, как работает механизм, приводящий людей к власти, и можно ли научиться им управлять – я совершенно не удивлюсь.

До стройки я добирался не четверть часа, а гораздо дольше. Потому что хвастаться былыми заслугами любой дурак может, а вовремя сообразить, что на Левом Берегу будет небывало оживлённое движение – удел избранных великих умов, к числу которых я, увы, не принадлежу.

Впрочем, я никуда не опаздывал. Поэтому даже сумел получить удовольствие от черепашной езды, разглядывая целые караваны амобилеров, гружённых ещё тяжелее, чем мой, а это действительно надо уметь.

Но удивительным было даже не это. А множество людей, которые шли пешком. Ещё и с поклажей – у кого-то мешки, у кого-то доски, ящики,

свёрнутые в рулоны старые ковры и занавески, а один совсем небольшой дедок, в чьём роду наверняка были гномы, пёр на себе здоровенную оконную раму. И наотрез отказался от помощи, когда я возле него притормозил. Нет уж, сам донесу, и точка.

Ну, дело хозяйское.

Обратно, кстати, мало кто шёл. Добравшись до места, я понял почему: огромная территория будущего Дворца Ста Чудес больше походила на ярмарку, чем на стройку. Уходить отсюда явно никому не хотелось.

Правда, каруселей там пока не было, зато имелось несколько полевых кухонь, над которыми клубился ароматный пар. Чуть поодаль неслаженно, но задорно наигрывал импровизированный оркестрик из трёх дудочников и одного условного барабанщика, лихо колошматившего по старым кастрюлям; некоторые добровольцы, избавившись от принесённого хлама, тут же начинали пританцовывать и хлопать в такт, другие расстилали на траве одеяла и вытряхивали из пригоршней корзины для пикников. Тут и там мелькали уличные фокусники и акробаты, быстро сообразившие, где теперь собирается их потенциальная публика, элегантные старые дамы курили трубки и с любопытством глазели по сторонам, школьники практиковались в запуске фейерверков, художники делали поспешные наброски, а седая леди с лицом строгой птицы рассказывала окружившей её толпе об эклектике в новейшей угуландской архитектуре – то ли выездная лекция для студентов, то ли просто вдохновенная импровизация на радость всем желающим, поди разбери.

Но главным, конечно, было не это. А несколько великолепных домов, проросших сквозь груды сваленного всюду хлама, как диковинные цветы. Один был массивным, с множеством разноцветных хрупких башенок на крыше, явно в куманском стиле. Другой походил на праздничный торт, из тех, которые жалко резать, третий – на золотую медузу, запутавшуюся в собственных щупальцах, четвёртый был сложен из прозрачных лиловых камней, узок и устремлён ввысь, как пущенная в небо стрела, этакий привет из Черхавлы, о которой я сам рассказывал Малдо и даже пытался нарисовать по памяти головокружительные лабиринты её улиц – безуспешно, но всё-таки получается, что-то он из моих набросков понял. Такой молодец.

– Ага, ты уже тут! – сказал Малдо Йоз. Вернее, заорал.

Он заметил меня издали и теперь приближался, смеясь и размахивая руками, так стремительно, что будь он смерчем, у меня не оставалось бы никаких шансов успеть спастись. Вopil на ходу:

– А ну прекрати смотреть, отвернись немедленно и забудь, что видел!

На самом деле, всё должно быть совершенно не так. А гораздо лучше! Это просто первые фрагменты будущего целого, у меня есть подробный план, потом покажу... или не покажу? Не знаю!

– Да успокойся ты, – улыбнулся я. – Тоже мне, нашёл строгого эксперта. Я просто праздный зевака. И заодно временно исполняющий обязанности возницы Управления Полного Порядка. Никогда ещё моя карьера не совершала столь блистательный виток. Привёз вам гору сокровищ для строительства волшебных дворцов. Где выгружать?

– Да где хочешь... Нет, стоп, не слушай меня, ерунду говорю на радостях. Давай вон там. Я помогу.

Мы быстро свалили в общую кучу хлам из моего амобилера, после чего я небрежно взмахнул рукой, и вытряхнул из пригоршни всё остальное. Гора мусора сразу увеличилась раза в полтора, а Малдо удивлённо вытаращился на меня.

– Ты и такую ерунду тоже умеешь? В жизни бы не подумал!

– Ну и зря. Это, по-моему, вообще самый полезный фокус на свете. С тех пор, как его разучил, ни одного предмета тяжелее кружки не поднимал. Для лентяя вроде меня это важно.

А говорить, что именно при помощи этого нехитрого «фокуса» в своё время мертвецов на Тёмную Сторону проносил и Лойсо Пондохву из места вечного заточения на волю вытащил^[17], я не стал. Потому что это уже не безобидное пижонство, а самая настоящая безвкусная похвальба. И тот факт, что всё чистая правда, ничего не меняет.

Вместо душераздирающих признаний я спросил:

– Время-то у тебя есть? Или уже надо бежать?

– Мне бы сейчас пожрать, а не бежать, – улыбнулся он. – Всех ребят прогнал завтракать, а сам тут застрял: то одно, то другое... Думал прямо здесь чего-нибудь перехватить, и вдруг ты объявился. Угостишь меня едой из другого Мира? Это же не трудно?

– Вообще не вопрос.

Я забрался в амобилер и выразительно похлопал ладонью по соседнему сидению:

– Добро пожаловать в трактир! Здесь удобней, чем на земле сидеть.

И полез в Щель между Мирами в надежде, что судьба будет милосердна к Малдо Йозу и пошлёт ему что-нибудь более съедобное, чем зонтик или холодный уличный хот-дог. И чтобы при этом добычу удобно было есть в походных условиях, так что раскалённый котёл с супом вряд ли подойдёт.

Малдо, надо думать, родился в рубашке. Ну или в скабе, с поправкой

на местную моду. По крайней мере, горячий мясной пирог, который я для него добыл, благоухал так, словно приготовивший его повар долго и успешно обучался нашей угуландской кулинарной магии. Сам бы сожрал, не делясь, но художник не должен быть голодным. Только это соображение меня и остановило.

Дождавшись, пока Малдо утолит первый голод, я сказал:

– Но вообще ты, конечно, красавец. Такое творится, а мне – ни слова, ни намёка. Хорошо хоть сплетни никто не отменял. Потому что газет я по-прежнему не читаю.

– Всё гораздо хуже, чем ты думаешь, – с набитым ртом отозвался он. – Яне просто ничего тебе не сказал, а специально подгадал начало строительства под твой отъезд. Потому что хотел сделать сюрприз. Позвать на всё готовое и показать: «Смотри, что тут у нас!» А поначалу, сам понимаешь, хвастаться было нечем. Да и сейчас...Честно говоря, я бы предпочёл, чтобы ты ещё хотя бы полдюжины дней где-нибудь шлялся. Потому что к тому времени это место уже будет выглядеть как вполне себе «ах!» А мне надо, чтобы ты ахнул как следует. Это же твоя идея!

– Ну уж нет, – твёрдо сказал я. – Никакого Дворца Ста Чудес в жизни не придумывал. Я столько не выпью.

– Ещё чего не хватало. Твоя идея состояла в том, что можно строить по частям. Если бы ты не подсказал, я бы ещё Магистры знают сколько лет мечтал, как однажды наберусь достаточно сил и опыта, чтобы взяться за Дворец Ста Чудес. Я его давным-давно придумал, ещё, кажется, в Ордене. Или сразу после того, как ушёл? Ай, неважно. Я, видишь ли, в юности очень горевал, что не вижу снов. Часто расспрашивал других, что им снится, завидовал страшно. Думал: какая дурацкая несправедливость, что именно я, всегда мечтавший о невероятных впечатлениях, лишён возможности получать их каждую ночь. А другим – пожалуйста, приносят на блюде заморские страны, далёкие города, невиданных зверей, сражения с пиратами, пляски демонов пустыни, россыпи сокровищ, лучших в Мире друзей и любовниц, небывалые умения, горы и моря, словом, все зрелища и тайны этого Мира и даже других Миров – если очень повезёт. Но понемногу выяснилось, что люди совершенно не ценят впечатления, полученные во сне. Отмахиваются – ай, какая ерунда! А спросишь: «Хочешь пережить всё это наяву?» – и глаза сразу загораются энтузиазмом: «О да, ещё как!» Ну, при условии, что сон более-менее понравился.

– Твоя правда. Сам когда-то стены лбом крушил, проснувшись – только потому, что очередная прекрасная жизнь оказывалась просто сном. Хотя, если по уму, какая разница? Всё, что с тобой случилось, уже

случилось с тобой, и это неотменяемо. Так нет же, подлинности подавай! На первый взгляд, это потому, что хочется гарантированного продолжения приятных событий, но если разобраться, явь ничуть не надёжней сновидений. Любой дворец может рухнуть, город – опустеть от какой-нибудь эпидемии, влюблённая в тебя красавица – умереть, убитый враг, напротив, воскреснуть, а лучший друг – оказаться людоедом, который все эти годы, полные совместных приключений и душевных бесед, просто разыскивал соус, наиболее подходящий к цвету твоих глаз. И вот наконец нашёл.

– Ты сейчас говоришь как человек, выросший в Смутные Времена.

– Да я сам себе смутные времена, – усмехнулся я. – Одной ногой всегда в бездне. Впрочем, вторая очень прочно стоит на земле и от души наслаждается этим фактом. Давай лучше про свой дворец рассказывай. Небось придумал его, чтобы смотреть сны наяву?

– Ого. Да ты ещё и мысли читаешь.

– Ну что ты. Просто это логично. Самый разумный вывод из того, что ты успел рассказать. Скудный физический труд всегда обостряет мои умственные способности. Видимо таким образом организм пытается намекнуть, что создан скорее для жизни кабинетного учёного, чем чернорабочего. Он у меня хитрый.

– Не то слово. А Дворец Ста Чудес я и правда придумал, в первую очередь, для себя. И для других таких как я, кто не видит или не помнит снов. И заодно для тех, кто не ценит сновидения, зато с уважением относится ко всему, что происходит с ними наяву. Включая дешёвые ярмарочные фокусы, воздействие дурманящих зелий, миражи Красной Пустыни и прочие грошовые наваждения. Ты понимаешь, к чему я веду? Наваждениями мой Дворец Ста Чудес будет наштапигован под самую завязку. Красота стен, лестниц и башен – просто нарядная упаковка, дополнительное искушение, настойчивое приглашение зайти. Я хочу сказать, что по моему замыслу, в Куманском Павильоне зрителя встретят рабы с уладасами^[18], в Доме Пустыни будет дуть знаменитый Красный Ветер Хмиро, в Корабельной Комнате самая настоящая качка, ругань матросов, холодные брызги в лицо... Ну и так далее. Сны наяву, как ты и сказал. Именно это я собираюсь сделать.

– Ничего себе!

Я немного подумал, подыскивая более подходящие слова, но не нашёл и повторил:

– Ну ничего себе!

Малдо Йоз был ужасно доволен.

– Да, я у нас молодец, – согласился он. – Вернее, буду молодцом, если у меня всё получится. Но оно получится, куда я теперь денусь. Уже начал, уже всему свету раззвонил, перед тобой расхвастался. И правильно сделал: в безвыходном положении я действую лучше всего.

– А такие наваждения тебе по плечу? – спросил я. – Рабы с уладасами и прочие брызги в лицо? Лично я даже не представляю, как это всё организовать.

– Просто ты этому никогда специально не учился. А я одно время очень увлёкся. Кстати, именно за успешное создание иллюзий меня в своё время и взяли за шиворот твои коллеги. Ну, то есть, сами по себе иллюзии им были до одного места, поскольку бродили по моему дому и никому не мешали, зато семидесятая ступень Очевидной магии в ту пору никому с рук не сходила. Я об этом, конечно знал, но когда меня несёт – меня несёт, иду напролом, любой ценой, так уж я устроен. Мне ещё, кстати, удивительно повезло: пару лет меня почему-то не трогали. Может, и правда, просто не замечали? А когда всё-таки спохватились, дело ограничилось сравнительно недолгой ссылкой в Уриуланд. Вообще-то, за такие художества запросто могли вовсе выдворить из Соединённого Королевства и пирожков на дорогу не собрать.

– Да ты им просто понравился, – улыбнулся я. – Джуффину так точно. У него вообще слабость к малолетним правонарушителям, в одиночку освоившим такие штуки, которые в былые времена не всякому старательному Младшему Магистру удавались.

– Может и понравился, не знаю, – помрачнел Малдо. – Но учить меня Истинной магии сэр Халли всё равно наотрез отказался. «Нет смысла, только время зря потеряем», и точка. Прозвучало как приговор.

– Это правда, к сожалению. Призвание к Истинной магии или есть, или нет. Ни от каких личных достоинств это, как я понимаю, не зависит, от желания – тем более. И распределяется, похоже, методом лотереи. На кого само свалилось, тот и молодец.

– Знаю, – кивнул он. И, помолчав, добавил: – Но не верю. Не персонально тебе, а просто не верю в такую несправедливость. И никогда не поверю, хоть стреляй.

Вместо того чтобы стрелять, я извлёк из Щели между Мирами ещё один пирог. У каждого свой способ обезоружить противника. Мой – один из самых эффективных, с набитым ртом не очень-то поговоришь.

Но Малдо и с этим справился. Ел как не в себя, но при этом не умолкал. Гений – он и есть гений. Не чета нам всем.

– Когда я начал учиться магии, меня интересовали только путешествия

между Мирами, – говорил он. – И, конечно, Тёмная Сторона, хотя я совершенно не представлял, что это такое. До сих пор, собственно, не представляю, просто знаю, какими словами о ней говорят другие люди, а это совсем не то. Я ушёл из Ордена Семилистника, когда понял, что самому интересному меня там не научат. Потом, правда, внезапно выяснилось, что этому меня не научат вообще нигде, зато в Ордене можно было бы узнать разные другие полезные штуки, завести нужные связи и, самое главное, получить неограниченный доступ к специальным помещениям для колдовства и лучшей библиотеке в Соединённом Королевстве. Но проситься назад было бы как-то глупо. И я решил, что попробую научиться всему, что мне нужно, сам. В Орденскую библиотеку меня иногда тайком пропускали старые приятели, очень мне с ними повезло. А ещё больше повезло, когда однажды меня там застучала сама леди Сотофа Ханемер. Я думал, сейчас начнётся какой-нибудь лютый ужас в духе хроник Эпохи Орден, но она только спросила, какого рода знания я стремлюсь получить, внимательно выслушала, посоветовала, как искать нужные книги, пожелала удачи и ушла. С тех пор меня стали пропускать в библиотеку без вопросов, даже совершенно незнакомые дежурные, не только мои друзья.

– А что ты ей тогда сказал? В смысле, чего хотел?

– Идея у меня была такая: если уж я не могу путешествовать в другие Миры, надо научиться изменять этот. Хотя бы в деталях, хотя бы на короткое время – всё лучше, чем ничего. Не потому, что Мир плох; на мой вкус, он как раз вполне удался. А просто чтобы было больше разнообразия. Свернуть за угол и внезапно оказаться в незнакомой реальности – именно так я представляю себе настоящую свободу. В идеале, конечно, но где бы мы все были без идеалов?

– Ради такого ощущения свободы я в юности путешествовал, – вспомнил я. – Старался сорваться хотя бы несколько раз в год, куда – неважно, пусть даже в ближайший город. Лишь бы снова испытать это удивительное ощущение: не знать, что ждёт меня за ближайшим углом. Спасибо, что напомнил, как это важно.

– Путешествия – это совсем другое. Но ощущения действительно похожи, ты прав. Окажись у меня в ту пору достаточно денег, чтобы объехать Мир, я бы, может, не так упирался. Но их не было. Наследства, которое на меня очень вовремя свалилось, по моим расчётам, должно было хватить или на одну умеренно продолжительную поездку в Уандук, или на дюжину лет скромной, но беззаботной жизни в дедовском доме. Я всё взвесил и решил для начала научиться всему, что может понадобится для

изменения Мира. А там – по обстоятельствам. Как чувствовал, что дурацкие запреты на колдовство скоро отменят! Умом совершенно в это не верил, но действовал так, будто точно знал, что выйдет по-моему. И к тому времени, когда это случилось, у меня уже имелся план действий, причём построен он был на очень неплохом фундаменте. Я же не просто так столько лет на стройках вкалывал. Заработать на жизнь в Уриуланде можно было дюжиной других способов, да хотя бы фокусами. Стоит немного отъехать от Сердца Мира, и тут же выясняется, что ты – величайший колдун всех времён. Ужасно приятное открытие, но совершенно непродуктивное. Поэтому я спрятал свои столичные умения подальше и пошёл учиться тому, что мне действительно было нужно: строить. То есть, создавать новые фрагменты Мира. На пустом месте, с нуля. Это было очень правильное решение. Не то чтобы практические навыки строительства действительно оказались так уж необходимы; некоторые даже мешают, потому что ограничивают воображение. Но это ерунда по сравнению с главным: я стал созидателем. Я сейчас имею в виду не столько профессию, сколько особое состояние ума и воли, прежде мне совершенно не свойственное. И, по моим наблюдениям, почти никому.

– Какое именно?

– Хороший вопрос. Даже не знаю, как сформулировать. Ну например, если меня прямо сейчас поймают какие-нибудь злодеи и поведут убивать, я по дороге буду думать не о мести и не о счастливом спасении, а о том, что фасад злодейского дома нуждается в срочном ремонте, крышу я, появившись возможность, поменял бы на остроконечную, а на дальнем краю сада, где регулярно проливается невинная кровь, высадил бы небольшую рощу кукирайты^[19]. Эти кривые деревья без листьев – идеальный фон для зверских убийств, согласись!

О да, это я могу понять. В каком-то смысле, я и сам созидатель, причём до такой степени, что не буду мелочиться, размышляя напоследок о ремонте крыши злодейского дома, а просто создам новую Вселенную, лучше прежней. Где всё останется, как было, только мои палачи родятся в какой-нибудь более благоприятной среде и вырастут нормальными весёлыми ребятами, возможно, немного чересчур эксцентричными и небольшого ума – идиотская же шутка весь этот их домашний спектакль с приглашением на казнь, совершенно не смешно, три дня буду сердиться. Потом, конечно, прощу, что с ними делать.

Но говорить подобные вещи вслух всё-таки не стоит. Перебор.

Поэтому я сказал совсем другое:

– На мой вкус, кукирайта – это чересчур в лоб. Ассоциация первого

уровня, не годится, долой. Будь я злодеем, практикующим изысканные казни на свежем воздухе, посадил у себя в саду... слушай, не знаю, как они называются. Такие высокие, с белыми стволами, их в Гугланде целые леса.

– Белоствольные болотные деревья называются бонхи. У нас они, кстати, плохо растут, им тут слишком сухо...А ты при этом называешься «эстет хренов». Меня убивают, а он к декорациям придирается!

– Это было внезапное проявление моей созидательной воли, прости. На чём мы остановились?

– На том, что я научился строить. Решил, это занятие мне подходит больше, чем любое другое. Но при условии, что я сам буду архитектором. Строить по чужим чертежам интересно только первую дюжину домов, пока вообще всё в новинку. Поэтому получив разрешение вернуться в столицу, я поступил в Королевскую Высокую Школу; в общем, не зря, хотя, положив руку на сердце, ждал от учёбы гораздо большего. Ладно, не о том речь. Прошло несколько лет, и вдруг – трах, бах! Как гром с ясного неба: Кодекс Хрембера переписывают, лицензии на колдовство выдают всем желающим, только на собеседование записаться не поленись. И в перспективе такая безоглядная свобода, что голова кругом. Я, как и все вокруг, совершенно растерялся, но всё равно сразу начал действовать. Древним архитекторам я завидовал с того дня, как о них узнал – это же сколько можно успеть сделать, когда огромный дом строится всего за полчаса! И сразу сообразил, что теперь никто не помешает мне попробовать строить так же. Лицензию на применение магии мне выдали аж до сто восьмидесятой ступени, я и не надеялся на такую щедрость. Правда, потом выяснилось, что нужно ещё дополнительное разрешение на регулярные крупномасштабные изменения реальности выцарапывать, и вот за ним я набегался по самое не могу. Ужасно злился на эту дурацкую бюрократию, пока не сообразил, что мне самому сильно не понравится, если завтра какой-нибудь нахал превратит мой дом Магистры знают во что только на том основании, что он, умничка такая, вчера этому научился. В общем, я всех простил и взялся за работу. И это был самый ужасный год в моей жизни. Провал за провалом, врагу не пожелаешь! У меня ничего не получалось. Просто не хватало сил. Мои прекрасные дворцы появлялись из небытия и тут же исчезали...

– Как торты для Базилио, – кивнул я.

– Что за торты? Откуда они вдруг взялись?

– Из небытия, как и твои дома. Наше чудовище хоть и стало красавицей, а по-прежнему может питаться только едой, возникающей из небытия. Поэтому на досуге все в доме только тем и занимаются, что

добывают ей пропитание. И выяснилось, что очень трудно наколдовать даже совсем крошечное пирожное, способное просуществовать дольше нескольких секунд. Бедняга их до рта донести не всегда успевает. А ты целый дом материализовать пытался! Прости, что перебил, я просто хотел сказать, что очень хорошо понимаю, как трудно тебе пришлось.

– Спасибо. Дело прошлое, а всё равно мне приятно слышать, что не я один на свете такой бездарный тупица.

– Целый год, говоришь, ничего не получалось? Я бы с ума сошёл.

– Да я наверное и сошёл. Единственное разумное объяснение, почему я не бросил эту бодягу уже через несколько дней. Более того, всё это время продолжал ходить на лекции, плясать на вечеринках и вообще делал вид, будто я в полном порядке. И сам себе верил. Думал: небось все эти знаменитые архитекторы древности сперва по сто лет своему ремеслу учились; я, конечно, гений, каких Мир не видывал, но почему бы и мне не помучиться год-другой?

– Потрясающе, – искренне сказал я. – Ну ты и стойкий боец.

– Это правда. Стойкий боец и одновременно редкостный болван. Потому что мог бы не терять этот год, если бы прежде, чем кинуться в эксперименты, потрудился освежить знания, полученные так давно, что глупо было на них полагаться. Я же собственными глазами когда-то читал, что древние архитекторы использовали двести восемнадцатую ступень Чёрной магии. И ещё Белую – тоже что-то вроде того. Лицензия у меня всего до сто восьмидесятой, но беда даже не в этом. Я бы не задумываясь пошёл на любое нарушение, если бы оно было мне по зубам. Но предел моих возможностей – примерно сто шестидесятая ступень. Это сейчас. А тогда я и сотую вряд ли потянул бы.

– Сто шестидесятая – это очень даже ничего себе, – заметил я.

– Согласен. Однако для строительства по методу древних её недостаточно, и хоть ты тресни. Но топиться я, как видишь, всё равно не побежал. А вместо этого принялся выяснять, зачем древним строителям понадобилась магия таких запредельно высоких ступеней. И довольно быстро понял, что при использовании классического метода, почти вся сила уходит на материализацию объекта. Точнее, на создание материи, из которой он состоит. И сделал вполне очевидный вывод: материю надо не создавать с нуля, а просто преобразовывать. Это несоизмеримо легче. Поэтому уже на следующую ночь дом моего прадеда в Скандальном переулке превратился в павильон с хрустальными стенами, на старинный Чангайский манер. А я лёг рядом с ним на землю и чуть не помер.

– На радостях?

– Нет, что ты. Я не настолько бурно радуюсь своим достижениям. Просто перетрудился. Когда берёшься за дело, которое тебе совсем не по силам, оно просто не получается, но никакого ущерба, кроме морального, ты не несёшь. А вот когда могущества не хватает всего чуть-чуть, вкладываешь больше, чем имеешь, и потом лежишь пластом вместо того, чтобы праздновать успех. Но ничего, дня через четыре я оклемался настолько, что сумел вернуть дому прежний вид. И, конечно, снова слёг. А когда пришёл в себя, начал думать, что делать дальше. С одной стороны, мой метод оказался рабочим, а с другой, сам я – неопытным, а потому слабосильным колдуном. Не то чтобы великая новость, но всё равно, такая досада! Самым разумным решением было бы просто подождать дюжину-другую лет. Наша Угуландская Очевидная магия, сам знаешь, честная штука: чем дольше ею занимаешься, тем больше у тебя становится сил. Беда в том, что ждать мне совсем не хотелось. Это скучно. А мне надо, чтобы было интересно, иначе зачахну. Поэтому решил продолжать любой ценой. Помру, надорвавшись, значит, туда мне и дорога. Не жалко. Но тут судьба наконец решила вознаградить меня за терпеливое посещение лекций по истории архитектуры. Практически ни одной за полдюжины лет не пропустил, хотя, будем честны, качество подачи материала оставляло ждать лучшего. И до сих пор оставляет. В тот день я поплёлся туда еле живой после экспериментов с домом, просто чтобы не раскисать и вдруг услышал именно то, что мне было позарез необходимо: историю семьи Айхи. Архитектора Тадо Айхи и его восьми дочерей. Ты, конечно, не знаешь, о чём речь.

– Какая поразительная проницательность!

– Не то чтобы поразительная. О них даже в профессиональных кругах мало кто знает. Айхи не были выдающимися архитекторами. Я хочу сказать, никакого особого вклада в развитие этого искусства они не внесли. Но строили добротнo и очень много. Будучи при этом – внимание! – чуть ли не наполовину драххами^[20]. Эй, почему ты не удивляешься? Я так не играю!

– А надо удивляться? Хорошо, попробую.

– Ладно, не трудись. Я уже понял, что пробелов в образовании у тебя даже больше, чем у меня. Похоже, ты не в курсе, что чистокровные драххи вообще не имеют способностей к Очевидной Магии, а их потомкам от смешанных браков она даётся куда хуже, чем прочим.

– Точно, – вспомнил я. – Мне рассказывали, но я забыл.

– Потому что совершенно бесполезная для тебя информация, – понимающе кивнул Малдо. – Ты-то сам не драхх и даже не потомок, так

что какая тебе разница. А для меня это оказалось важно. По идее, Айхи должны были колдовать гораздо хуже, чем я. Но при этом преспокойно справлялись с двести восемнадцатой ступенью. И знаешь, почему?

– Потому что их было много? – сообразил я.

– Именно. Девять человек объединяли усилия и действовали как один. Это – метод. Он, как ты не раз видел, отлично работает. Мы с ребятами делаем сложнейшие вещи, тот же дом сэра Мелифаро – вообще на грани возможного. И при этом почти не устаём. Достаточно отдохнуть пару часов, и можно работать дальше. Мы уже так обнаглели, что даже сейчас продолжаем брать заказы. Тратим на них пару часов в день, остальное время проводим здесь. И ничего, все живы-здоровы и страшно довольны происходящим. А я больше всех. Потому что ребята просто прекрасно проводят время, набираются силы и опыта, зарабатывая при этом столько, сколько не снилось даже самым зажиточным из их родителей. А я...Помню, когда мы только-только начали более-менее успешно что-то строить большой компанией, до меня вдруг дошло, что мой Дворец Ста Чудес перестал быть утопией. Нормальный рабочий план на будущее. Не ближайшее, но и не такое уж отдалённое.

– Вполне можно жить, – улыбнулся я.

– Да ну тебя. Не «вполне», а на всю катушку! Я тогда чуть с ума не сошёл на радостях. Удивительный момент, когда всё, чему ты учился, что делал, о чём мечтал, вдруг сходится в одной сияющей точке, и ты вдруг осознаёшь, в чём заключается твой собственный смысл. Для чего ты нужен в Мире – именно такой, каков есть, и даже твои слабости вдруг оказываются если не силой, то необходимым дополнением к ней. Понимаешь?

Я молча кивнул. Ещё бы я не понимал.

– Я рассчитывал, что эта затея будет нам по зубам, в лучшем случае, через дюжину-другую лет, – сказал Малдо. – И был готов ждать. Но вдруг ты подсказал мне, что большое сооружение можно строить по частям. В ту ночь я понял, что можно больше не откладывать. Не мечтать, а просто брать и делать. Страшно было – ты не представляешь! Но это как раз здорово. Очень люблю такой страх. Он появляется, когда берёшься за невозможное. Ты сам говорил, что это – верный путь к счастью. Я тоже так думаю... Нет, не думаю. Точно знаю.

На этих словах он внезапно вскочил, чуть не вывалился из амобилера, потеряв равновесие, но каким-то чудом удержался на ногах, спрыгнул на землю, заорал: «Я здесь!» – и умчался. Я успел подумать, что заканчивать разговор на высокой ноте – дело хорошее, но вряд ли стоит так стараться;

впрочем, несколько секунд спустя Малдо прислал мне зов.

«Прости, я увидел, что мои коллеги уже вернулись. И вместо того, чтобы разыскивать меня, как-то подозрительно бодро чешут к месту следующего объекта. У нас договор: строить без меня пока можно только в Скандальном переулке, но ребятам трудно совладать с искушением. Очень хорошо их понимаю и поэтому вынужден быть особенно бдительным. Вот и сейчас... Короче. Если хочешь посмотреть, как мы работаем, занимай место возле здания в Куманском стиле. Дом Страха будет как раз рядом с ним».

«Какой-какой дом?» – я ушам своим не поверил.

«Дом Страха, – повторил Малдо. – Ну а как же? Без какой-нибудь тёмной палатки с уродливыми демонами ни одна ярмарка не обходится. И очереди туда всегда длинней, чем на карусели. Никогда, кстати, не понимал, почему, пока ты не объяснил мне про страшные сны, которые нужны, чтобы вовремя проснуться. Видимо, палатки с демонами любят по сходной причине: с самого начала известно, что никакого вреда тебе там не причинят. И выскочить на улицу можно в любую секунду. Вот и у нас так будет».

«Ясно, – откликнулся я. – Наверное ты прав. Я и сам обожал Комнату Страха. Правда, только в детстве, но это потому, что страшилки там были совсем бездарные. Взрослому человеку такое скучно».

«У меня наверное тоже будут бездарные. Совершенно не умею пугать. Но об этом подумаю позже. Пока просто строим Дворец, по частям, согласно плану. И всё!»

Я конечно остался. Сколько раз уже видел, как Малдо и компания строят, а до сих пор не надоело. Красивое зрелище, практически мистерия. Хотя, почему, собственно, «практически»? Мистерия и есть.

Магия, когда ею у тебя на глазах занимается кто-то другой, почему-то производит гораздо более сильное впечатление, чем чудеса, которые совершаешь сам. Особенно когда не можешь слёту повторить фокус. В этом смысле я, конечно, хорошо устроился: на ближайшую тысячу лет развлечения мне обеспечены.

И сейчас, стоя в толпе зевак, я чувствовал себя чуть ли не самым наивным и восторженным из них. Никогда не устану удивляться, глядя, как огромная бесформенная куча хлама теряет плотность, устремляется к небу, наполняется светом, дрожит, как желе, постепенно обретает чёткость очертаний и неожиданно – всякий раз неожиданно! – оказывается совершенно настоящим домом, таким несомненным, неотменяемым,

уместным, словно уже много лет здесь стоял; того гляди, вспомню, как не раз ходил мимо, любуясь необычной кладкой и яркими геометрическими узорами на водосточной трубе.

Впрочем, на сей раз результат совершенно меня обескуражил. И не потому, что Дом Страха выглядел как-то особенно ужасно. Наоборот, он оказался очень обыкновенным. «Дом Скуки» – вот как следовало бы его назвать. Большое приземистое двухэтажное здание из мелких кирпичей, преимущественно тёмно-зелёных и светло-серых, узкие, как бойницы окна, плоская крыша. Похожих в Ехоне то чтобы много, но они регулярно попадают на глаза, особенно часто – в почти необитаемом центре. Все – бывшие загородные резиденции магических Орденов. Мне рассказывали, что за невзрачными фасадами обычно скрывается не меньше дюжины подземных этажей. А иногда ещё и пара-тройка верхних, поражающих воображение роскошью, но невидимых для непосвящённых; впрочем, мода на них прошла, как только отношения между Орденами стали стремительно портиться. Какой смысл в хоромашах, любоваться которыми могут только злейшие враги?

Как бы там ни было, а с точки зрения стороннего наблюдателя, вид эти здания имеют не устрашающий, а скромный, солидный и унылый. Эдакие фабричные корпуса без труб; впрочем, единственная фабрика, которую я видел в Ехо, точнее, огромная мастерская по производству амобилеров, похожа на гигантский цирковой шатёр. И одним только Тёмным Магистрам ведомо, как выглядят остальные.

Однако я заметил, что новая постройка оставила равнодушным только меня. Другие зрители хмурились, озадаченно переглядывались, некоторые криво усмехались. «По-моему, это слишком», – сказала стоявшая рядом со мной пожилая леди своей подруге. «Это нам с тобой слишком, а молодёжи в самый раз», – снисходительно откликнулась та.

– Хорошая вышла шутка, – гаркнул мне в ухо неведомо откуда возникший у меня за спиной Малдо Йоз. – Как тебе?

– Может быть и хорошая. Только я её не понял.

– Эй, ты что, не узнал этот дом?

– Я не так уж давно живу в Ехо. И в некоторых районах не был ещё ни разу.

– Это как раз не имеет значения. Ещё до окончания войны за Кодекс от оригинала остался только пепел; впрочем, говорят, пепел потом тоже был тщательно уничтожен. Я, как и все мои ровесники, видел это здание только на картинках. И воспроизвёл, как умел. Но вроде, все узнают без проблем.

– Что именно они узнают?

– Примерно так выглядела столичная резиденция Ордена Водяной Вороны.

– Ясно, – озадаченно кивнул я. – Думаешь, это хорошая идея?

– Понятия не имею, – беспечно ухмыльнулся Малдо. – Но в общую картину здание вписывается идеально. Именно на этом месте, рядом с Куманским павильоном, сам потом увидишь... А собственно, как ещё может выглядеть Дом Страха в столице Соединённого Королевства? Ясно, что формой здания никого особо не напугаешь, как ни старайся, архитектура вообще не про страх. Её выразительные средства годятся для чего угодно, но только не для того, чтобы пугать. Зато ассоциации – великое дело. Ребята из Ордена Водяной Вороны в своё время боялись вообще все. А кто не успел их застать, наслушались таких сказок, рядом с которыми историческая правда покажется безобидными семейными хрониками. При этом даже младенцам известно, что ни Ордена, ни самого Лойсо Пондохвы давным-давно нет, даже послушников в живых почти не осталось. А значит, на самом деле бояться нечего. Всё сходится, идеальный символ! Ты чего хмуришься? Думаешь, я перегнул палку?

– Хмчусь, потому что думаю. Но совсем о другом. Например, что надо бы смотаться на Правый берег и привезти вам ещё какого-нибудь ненужного барахла.

– Вот за это спасибо, – просиял Малдо. – Мой самый страшный страх с первого дня – что мусора не хватит. Сам понимаю, что ерунда, справимся, а всё равно каждый вечер после работы натурально трясусь, оглядывая оставшиеся кучи. Невооружённым глазом видно, что общий объём пока гораздо меньше, чем нужно. А вдруг больше ничего не принесут? Тогда мы пропали!

– Сломанный табурет из моей кухни тебя, несомненно спасёт, – ухмыльнулся я. – А если ещё прибавить к нему пару дюжин старых полотенец...

– С самого начала был уверен, что дружба с тобой сулит выгоду. Но даже не подозревал, что настолько огромную.

Выгода от меня, и правда, вышла немалая. И вовсе не потому, что Мохнатый Дом оказался средоточием поломанной мебели и ветхих одеял. В этом смысле я совершенно безнадёжен: Королевские слуги, приставленные к моему хозяйству, своё дело знают, и все вышедшие из строя вещи испепеляют незамедлительно. Некоторые ещё не совсем вышедшие, тоже, но это моя персональная житейская драма, к делу она не относится.

Зато я общительный. И среди моих знакомых кроме совершенно

беспольных в данном случае Короля и Великого Магистра Ордена Семилистника есть, к примеру, сэр Нули Кариф, начальник Таможенной Службы, расположенной на территории Речного Порта. А крупногабаритного мусора в этом самом порту столько, что по моим расчётам его хватило бы на строительство не только какого-то несчастного Дворца Ста Чудес, но ещё одной столицы Соединённого Королевства. Причём с пригородами.

Не то чтобы Нули нёс личную ответственность за судьбу этого хлама, зато он быстренько связался с начальником порта и получил добро на вывоз всего, что мне удастся утащить. Плата за услугу была высока: мне пришлось выпить почти полкружки ужасной иррашийской камры, к которой Нули Кариф питает совершенно необъяснимую слабость, и многократно захлебнуться в бурном потоке новых сведений об удивительной жизни его знакомых и коллег. Но я выдержал. Я вообще очень выносливый, хотя с виду не скажешь.

Отмучившись, я получил доступ к неиссякаемому источнику прохудившихся бочек, гнилых досок, истлевшей парусины и прочих бесценных сокровищ в таком роде. Как ни набивай ими амобилер, сколько ни прячь в пригоршне, а и сотой части не увезёшь. Малдо отправил мне на подмогу своих юных коллег, по счастливому совпадению, тоже обученных высокому искусству переноски тяжестей, бывшему секрету гильдии столичных портовых грузчиков, моему персональному козырному тузу номер один.

После этого я вполне мог бы заняться чем-нибудь другим, но всё равно мотался туда-обратно, как приговорённый к общественным работам. И вовсе не потому, что заниматься чужими делами – лучший способ отдохнуть от собственных. Хотя это тоже правда.

Штука однако в том, что мне совсем не понравился Дом Страха. И сама идея кого-то пугать, и, в ещё большей степени, исполнение. Мне было неприятно, что бывшая резиденция Лойсо Пондохвы станет частью ярмарочного балагана. Ну или дворца развлечений; как ни назови, суть одна. При этом я не сомневался, что сам Лойсо, узнай он об этом, только посмеялся бы – и над самим фактом, и над моими возвышенными чувствами. И был бы совершенно прав.

Я знал, что Малдо Йоз почувствовал моё неодобрение. И прекрасно понимал, что оно его, мягко говоря, не вдохновило. Поэтому и бросился так рьяно ему помогать. Помощь делом всегда означает: «Я на твоей стороне». И перевешивает любые слова. Во всяком случае, я надеялся, что перевешивает. Потому что обрубать крылья человеку, взявшемуся за

главное дело своей жизни, свинство. Будь моя воля, в Холоми за такое сажал бы, как за особо тяжкое магическое преступление.

Потому что это оно и есть. Мало ли, что ни на одном индикаторе стрелка не шевельнется.

Усилия мои были вознаграждены сторицей – в том смысле, что к моменту прибытия второй партии груза ребята как раз начали возводить ещё одно здание, точную копию зеркального Куанкурохского маяка, величественного и массивного. Когда работа была закончена, и в зеркальных стенах башни замельтешили искажённые отражения других построек, пёстрых нарядов зевак и хаотических нагромождений стройматериалов, я не то чтобы действительно оценил красоту общего замысла – для этого мне не хватало пространственного воображения – но благоговейный трепет всё же испытал. Авансом.

– Только теперь начинаю понимать, как это будет круто, – сказал я Малдо.

В ответ он сорвал с головы свою дурацкую шляпу, подбросил её в воздух, но вместо того, чтобы ловить, сам прыгнул, вернее, взлетел следом, догнал, схватил, перекувыркнулся и наконец снова оказался на твёрдой земле. В шляпе, конечно же, как будто и не снимал.

Гораздо наглядней, чем просто сказать: «Спасибо, я рад, что тебе нравится».

Вот примерно в таком режиме я провёл ещё дюжину дней. В смысле, мотался на эту грешную стройку по несколько раз в сутки. Поставлял Новым Древним архитекторам бесценный в их работе хлам и не менее бесценных преданных поклонников. Вербовщик благодарной публики из меня вышел не хуже, чем мусорщик. Кого я только не привозил любоваться будущим Дворцом Ста Чудес! Начиная с Базилио, всё ещё грустившей по Старшему Помощнику Придворного Профессора овецествлённых иллюзий, а потому нуждавшейся в усиленной дозе развлечений, и заканчивая небольшой группой студентов во главе с Дримарондо, который объявил совместную поездку к месту строительства наградой за лучшее итоговое сочинение, а меня в последний момент попросил поработать для них возницей. И тот факт, что я не только не убил на месте обнаглевшего педагога, но даже сапогом в него не швырнул, наглядно показывает, в каком прекрасном расположении духа я пребывал. Верёвок, свитых из меня в те дни сообразительными ближними, наверняка хватило бы, чтобы сплести лестницу до самой луны, но поручить работу было некому, поэтому

проверить гипотезу не удалось.

Никогда прежде не думал, что это может быть настолько захватывающе – наблюдать, как хаотическое скопление причудливых построек и мусорных куч постепенно превращается в одно огромное сооружение, красивое, величественное и, что самое поразительное, гармоничное. Внезапно проявившиеся цельность и соразмерность гигантской постройки, поначалу напоминавшей трёхмерное лоскутное одеяло, казались мне куда большим чудом, чем невиданная скорость строительства, к которой я как раз быстро привык, как и ко всем остальным магическим нововведениям: первые полчаса ужасно удивляешься, потом отвлекаешься на какую-нибудь ерунду, а уже назавтра начинает казаться, будто так было всегда.

Последние сутки перед завершением работ над внешней частью Дворца Ста Чудес я почти безвылазно провёл на стройке. Всего на пару часов отвлёкся, чтобы помочь сэру Кофе, чей объект пристального профессионального интереса внезапно умер в самый неподходящий момент – то есть до того, как Кофа его поймал. Чтобы быстро отыскать тело, надо было встать на след мертвеца, а в этой области я единственный специалист. Сам такому таланту не рад, но тут уж ничего не поделаешь.

Обычно после подобных развлечений я стараюсь забиться в какую-нибудь щель и как следует там отлежаться. Но на этот раз даже в ближайший трактир за спасительным бальзамом Кахара поленился заходить. Встряхнулся и помчался назад, на стройку, чтобы не пропустить самое интересное. То есть, момент, когда последний фрагмент грандиозной мозаики займёт своё место.

Но всё-таки пропустил. К моменту моего возвращения счастливые строители уже окружили дымящийся котёл с горячим вином, которое неугомонный Малдо Йоз твёрдо решил ввести в моду. Не то для того, чтобы лишний раз изменить Мир, не то просто ради удобства, чтобы любимый напиток продавался на каждом углу. Впрочем, это оказалось гораздо трудней, чем отгрохать невиданный Дворец Ста Чудес. Консервативные столичные трактирщики умеют сопротивляться нововведениям не хуже Королевских придворных.

Малдо увидел меня издалека и приветственно помахал – дескать, присоединяйся.

– Только не вздумай меня поздравлять! – сразу заявил он. – Лучше посочувствуй. Развлечения закончены, теперь начнётся настоящая работа.

Совсем не такая лёгкая и приятная, как я воображал в юности, придумывая этот дворец.

– Собственно чудеса? – понимающе спросил я. – Все сто? Красный ветер, матросская ругань и прочие сладкие грёзы?

– Надо же, ты помнишь тот разговор! Да, именно это. И хотел бы пообещать, что управлюсь до конца года, но врать не стану. Не успею, даже если буду гнать халтуру. А я не буду. Поэтому закончу, в лучшем случае, к лету. Да и то, вероятно, сдохну, надорвавшись, на пороге своего волшебного дворца, всего трёх минут не дожив до заслуженных восхвалений. Тебе меня уже жалко?

– Жалко?! Да я тебя от зависти вот-вот придушу. Из последних сил сдерживаюсь.

Вот теперь он по-настоящему просиял.

А я осушил кружку горячего вина и отправился домой. Спать. Плевать, что ещё целый час до заката. Любимым делом следует заниматься не по расписанию, а по вдохновению. А оно на меня как раз накатило, да такой силы, что я даже раздеваться не стал. Упал и уснул, в чём был. Со стороны, не спорю, выглядит натуральным свинством, зато изнутри ощущается как разновидность счастья, которое я несомненно заслужил.

Тем не менее, выспаться мне так и не дали.

Мироздание, надо думать, уже привыкло, что обычно я засыпаю только под утро, и теперь всеми силами препятствовало изменению традиционного уклада. За те несколько часов, что я провёл в постели, мне успели прислать зов практически все знакомые, включая тех, чьи имена я так и не смог вспомнить. Слуги, лишённые счастливой возможности навести порядок в моей спальне, принялись с энтузиазмом крушить мебель в соседних комнатах. Хотя, наверное, сами они считали, будто аккуратно смахивают с неё пыль. Армстронг и Элла временно оставили в покое свою любимицу ради счастливой возможности поиграть в догонялки прямо у меня на голове; сама Базилио явилась следом за ними – якобы забрать кошек, а на самом деле, чтобы выяснить, нет ли у меня новостей от Умары Камалкони, Старшего Помощника Придворного Профессора овеществлённых иллюзий. Пока я, приоткрыв один глаз, наскоро сочинял очередную утешительную байку о жизни вымышленного учёного, Друппи пронюхал, что я дома и прискакал в надежде уговорить меня на внеочередную прогулку; сопровождавший его Дримарондо так громко орал, что нельзя будить спящих людей, что я проснулся окончательно и бесповоротно. В смысле, открыл второй глаз.

И вовремя: в игру вступил Джуффин. То есть, прислал зов и пригласил меня поужинать у него дома. А это означало окончательное и бесповоротное крушение моих надежд на отдых. Приглашения сэра Джуффина Халли отличаются от Королевских тем, что от последних в некоторых форс-мажорных ситуациях можно отказаться. Его Величество очень хорошо понимает значения слов «заболел», «уехал» и даже «устал». А Джуффин, выяснив, что я умер, нетерпеливо потребует: «Ну так давай, воскресай, через полчаса жду». И крепко обидится, если я не потороплюсь.

В результате всего вышеперечисленного, я чувствовал себя как новорожденный. В смысле, не понимал, что происходит и хотел кричать. Поэтому отправился к Джуффину не Тёмным путём, а в амобилере, как нормальный человеческий человек. Небольшой шанс врезаться спросонок в фонарный столб – сущая ерунда по сравнению с перспективой случайно вломиться в несуществующую гостиную несуществующего дома на несуществующем Левом Берегу несуществующей же реки и застать там – кого? Совершенно верно, я тоже предпочитаю об этом не задумываться.

Ясно, что пару часов спустя, после ужина, светской беседы о непростой судьбе Кофиного покойника и нескольких партий в «Крак», ради которых, как я понимаю, всё и затевалось, я чувствовал себя самым бодрым человеком в Мире с самой ясной головой, под завязку набитой умными мыслями, сформулированными столь чётко, хоть записывай. Как ни крути, а ночь – моё время. И в этом смысле ничего не изменилось.

Поэтому покинув дом Джуффина, я отправился не спать, что было бы логично, но совершенно неразумно, а в очередной раз любоваться Дворцом Ста Чудес. Причём основным аргументом стало вовсе не желание насладиться зрелищем при лунном свете, а практическое соображение, что я уже всё равно нахожусь на Левом берегу – не пропадать же зря такому счастливому совпадению.

А что до Старого Города отсюда добираться раза в три ближе, чем до дальней окраины, мой рациональный ум в расчёт принимать отказывался. Он у меня вообще не мелочен.

Так или иначе, а о поездке я не пожалел. Отражения почти полной луны в стенах зеркальной громады Куанкурохского маяка, причудливые силуэты бесчисленных башен на фоне ночного неба и разноцветные отблески фонарей произвели на меня столь неизгладимое впечатление, что я послал зов Малдо и наградил его очередной порцией комплиментов, столь увесистых, что не знаю даже, устоял ли он на ногах. А потом долго бродил среди декоративных колонн и хаотических нагромождений не

вывезенного пока на новую стройку мусора, стремительно пьянея от тёплого ночного ветра, одиночества и обрушившейся на меня красоты. Почти поверил, что сплю и вижу всё это во сне, но вовремя опомнился – ещё чего не хватало! Ну уж нет, я живу в этом городе наяву и собираюсь продолжать в том же духе ещё, как минимум, лет сто. Или тысячу. Или вообще всегда. Почему бы нет.

В ту ночь, под стенами фантастического Дворца Ста Чудес, я чувствовал себя сокрушительно, непререкаемо, неумолимо бессмертным. Похоже, именно в этом и состоит подлинный смысл любого искусства: напомнить, как обстоят в действительности наши дела. Даже магия не может заменить его в полной мере. Не знаю, почему, но это так.

Обратно я ехал, по моим меркам, очень медленно. Потому что ещё по пути ко Дворцу дважды буквально чудом объехал брошенный на дороге мусор. Ну то есть как брошенный, скорее всего, просто случайно потерянный. Когда грузишь амобилер под завязку, посеять по пути пару-тройку тюков и не заметить – плёвое дело. Я и сам вполне мог бы так отличаться.

Для вечного торопыги вроде меня медленная поездка через ночное Левобережье, красивое, зелёное, но плохо освещённое и, чего греха таить, довольно однообразное, то ещё испытание. Однако я держался молодцом. Внимательно смотрел на дорогу, не позволяя себе отвлекаться на посторонние мысли. Глупо было бы перевернуться, наехав на какую-нибудь гнилую бочку. А уж журналистам «Суеты Ехо» радость – словами не передать.

Только поэтому я заметил людей, сидящих на обочине дороги. На своей обычной скорости просвистел бы мимо, не оглянувшись. А тут даже обрадовался – какое-никакое, а разнообразие пейзажа. Кто такие, что делают? Скорее всего, влюблённые, хотя...

«Точно влюблённые», – подумал я, подъехав ещё ближе и разглядев, что один человек не сидит, а лежит на траве, а второй склонился над ним так, словно собирается поцеловать. Хотя, конечно, довольно необычное поведение. У нас не занимаются любовью прямо на улицах – даже на окраинах, даже по ночам. Целуются на публике и то нечасто, лично я видел подобные сцены всего несколько раз, причём в половине случаев был их непосредственным участником. Так то я, дикий варвар из Пустых Земель – и по легенде, и, будем честны, по сути.

«Пьяные, что ли?» – снисходительно подумал я. И на всякий случай поехал ещё медленней: вдруг им приспичит внезапно подскочить и от

полноты чувств немного поплясать у меня на пути. Бережёного бог бережёт.

Мёртвый. Арварохский.

Присмотревшись к парочке повнимательней, я начал сомневаться, всё ли с ними в порядке. Сложно сказать, что именно меня смутило. То ли недостаточно страстные позы, то ли полная тишина, сопровождавшая их возню, то ли тот факт, что они не обратили ни малейшего внимания на мой амобилер, а ведь кто угодно на их месте всполошился бы.

В общем, я заподозрил неладное, свернул на обочину и остановился. Сам не знаю, что собирался делать. Скорее всего, задать дежурный вопрос: «Ребята, у вас всё хорошо?» – быть посланным ко всем Тёмным Магистрам одновременно, вежливо поблагодарить: «Да, мне как раз в ту сторону», – и с легким сердцем продолжить путь.

Но спросить так и не успел. Потому что посмотрел на парочку боковым зрением – просто по привычке. Я же обычно по несколько часов в день так на людей смотрю. Определяю, кто тут у нас спящий, а кто просто погулять вышел. Не то чтобы от этого занятия была большая практическая польза. Но когда твоей основной служебной обязанностью является улаживание проблем тех, кому мы снимся, а бегать с жалобами в Дом у Моста они пока не приучились, приходится делать то небольшое, что можешь.

Зато в ходе приятных, но вполне бессмысленных служебных скитаний по городу у меня выработалась полезная привычка. Кто бы передо мной ни оказался, я сперва машинально проверяю, снюсь ему или нет, а уже потом думаю, что делать дальше. Даже со знакомыми так себя веду. По идее, это не лишено смысла. Если завтра какому-нибудь гению приснится, будто он выглядит в точности как сэр Джуффин Халли, сидит в его кабинете и отдаёт приказы, лучше нам всем об этом побыстрее узнать.

В общем, что касается подозрительной парочки. Человек, лежащий на земле, мерцал, в точности как старый грибной фонарь – тусклым светом насыщенного оранжевого оттенка. То есть, на самом деле, дрых без задних ног где-нибудь в другой Вселенной. Зато тот, который над ним склонился, бодрствовал. И это не нравилось мне больше всего.

Ещё недавно мне даже в голову не приходило, будто спящие могут нуждаться в защите от жителей Ехо. Что за нелепая идея – обижать того, кто видит тебя во сне? Кому это может понадобиться? Зачем?

Однако после того, как я почти случайно нарвался на дурака Еппу Буобли, запугивавшего сновидцев зловещими пророчествами, был вынужден признать, что некоторым людям просто нравится мучить других

людей. И они могут делать это исключительно ради собственного удовольствия, без каких-то дополнительных причин. Понять это я не могу, но принять к сведению пришлось. Иногда плохо думать о людях – единственный способ их же защитить.

Поэтому сейчас я пулей вылетел из амобилера, буквально в два прыжка пересёк дорогу, намереваясь сперва втиснуться между бодрствующим и спящим, а уже потом разбираться, чем они занимаются. К счастью, в последний момент я узнал человека, склонившегося над мерцающим телом, сообразил, что главный Королевский знахарь сэра Абилат Парас – не лучший кандидат в потенциальные злодеи, и даже сумел изменить траекторию своего полёта. То есть, не обрушился на него всей тяжестью, а, влекомый беспощадной силой инерции, улетел в ближайшие кусты. И уже оттуда спросил:

– Что-то случилось?

Знахарь не выказал ни удивления, ни тревоги. Сосредоточенно наблюдал, как я выкарабкиваюсь из кустов, явно пытался сообразить, при каких обстоятельствах видел меня прежде. Неудивительно, встречались мы до сих пор всего пару раз, да и то мельком. Счастье, что хотя бы моя память не подвела.

– Сэр Макс, это действительно вы? – наконец неуверенно спросил сэр Абилат.

Я невольно улыбнулся.

– Хороший вопрос по нынешним временам. Даже удивительно, что до сих пор никому не пришло в голову пройтись по городу с моей рожей на лице и посмотреть, что будет.

– Ага. Значит вы. Это очень хорошо. Я ещё не успел придумать, кого звать на помощь, а она уже пришла.

– Вам нужна помощь?

– Да, очень. То есть, не мне лично, а этому человеку.

– Он же просто спит, – на всякий случай сказал я.

Ну мало ли, вдруг сэр Абилат до сих пор не в курсе, что у нас тут теперь сновидцы толпами скачут. Или просто не умеет отличить их от обычных людей. Он, конечно, великий знахарь; я слышал, будто некоторые больные выздоравливают, просто повторяя вслух его имя. Понятия не имею, правда ли это, но сам факт существования такой легенды много говорит о репутации специалиста. Однако вполне можно быть величайшим знахарем всех времён и не знать элементарных вещей – просто потому что до сих пор ни разу не понадобились.

Но он, конечно, прекрасно всё знал.

– То-то и оно, что спит. В этом, собственно, состоит основная трудность. Будь он бодрствующим, я бы справился сам. Но спящих я до сих пор не лечил. Впрочем, проблема даже не в этом. А в том, что я ему не снюсь, хотя не просто сижу рядом, а крепко держу, не даю убежать и пытаюсь успокоить. Но бедняга всё равно уверен, что его удерживает на месте некая безличная сила. Не видит меня, не слышит, не ощущает. Обычно контакт со сновидящим устанавливается очень легко: если он тебя не замечает, достаточно просто прикоснуться или заговорить, и ты естественным образом становишься полноправной частью сновидения. Однако сейчас это почему-то не удаётся. А пока этот человек не увидит меня во сне, я не смогу ему помочь. Парадокс!

– А вы думаете, его действительно надо от чего-то лечить? – осторожно спросил я. – По-моему, это нелогично. Заболеть может человеческое тело, которое сейчас спит дома, в каком-нибудь другом Море, реальности, Вселенной, даже не знаю, как лучше сказать. Важно, что рядом с нами его на самом деле нет. Человеку снится, что он попал в Ехо и заболел. Это неприятно, согласен. Но проснувшись, он, скорее всего, даже не вспомнит, что видел такой сон. Ну или ладно, вспомнит, тоже невелика беда...

– Всё это правильно, – нетерпеливо перебил меня знахарь. – Но безумие, в первую очередь, болезнь сознания. Тело, конечно, вынуждено соучаствовать, но в некоторых обстоятельствах можно обойтись и без него. Боюсь, именно это происходит сейчас у нас на глазах. Человеку снится, что он скитается по незнакомым тёмным улицам и сходит с ума от невыразимого ужаса. То есть, вот прямо сейчас уже не скитается, но сходить с ума это совершенно не мешает. Я не знаю, чего именно он боится, но чувствую его страх – невиданной мощи, лишаящий памяти, парализующий ум. Плохо будет, если он сперва окончательно рехнётся и только потом проснётся дома. За годы практики я наблюдал несколько подобных случаев: вечером всё было в порядке, а поутру – сильный запах безумия, и если бы только он...

– Ясно, – кивнул я. – Да, тут вам виднее. Я могу чем-то помочь?

– Вы можете сделать так, чтобы я наконец приснился этому человеку? Чтобы он меня увидел и ощутил моё прикосновение? Дальше я, надеюсь, справлюсь сам.

Ох. Надо ли говорить, что я никогда прежде ничего подобного не делал? Просто в голову не приходило, что столь экзотическое умение может понадобиться. У меня вообще не слишком богатое воображение. Зато у моей судьбы с воображением всё в полном порядке. Она у меня –

творческая личность.

Лучше бы, конечно, наоборот.

«Придётся звать Джуффина, – подумал я. – Без вариантов».

И послал ему зов, чего тянуть.

Однако у сэра Джуффина Халли есть совершенно уникальная способность отсутствовать в Море именно в те моменты, когда он нужен мне позарез. Не знаю, какой ступени магию он для этого применяет, и, пожалуй, знать не хочу. Но получается у него виртуозно, факт.

– Так, – сказал я вслух. – Похоже, Джуффин решил прогуляться на Тёмную Сторону. Или ещё в какое-нибудь интересное место. Как же не вовремя! Я-то думал, после того, как мы расстались, он пошёл спать, поэтому сейчас я просто подниму его из постели, и всем будет весело и интересно. Но нет, не будет.

– Я знаю, – кивнул Абилат. – Первое, что я сделал – попробовал с ним связаться. С тем же результатом. А у вас не получится?

– В жизни никому не указывал, что ему во сне видеть. Не было такой необходимости.

– Но я много слышал о ваших Смертных Шарах...

– Я и сам о них много слышал. Правдивого и не очень. Беда в том, что для моих Смертных Шаров ваш пациент недостаточно материален. В этом смысле сновидцы даже хуже призраков, ничем их не проймёшь.

– Понимаю, – уныло кивнул Абилат.

Кому сейчас было по-настоящему плохо, так это ему. Знахарскому призванию сопутствует непреодолимая потребность помогать любому потенциальному пациенту, возникшему на пути. Невозможность вылечить больного для настоящего знахаря гораздо мучительней, чем физическая боль. Как по мне, больше похоже на проклятие, чем на чудесный дар, но тут ничего не поделаешь.

Мне в этом смысле гораздо проще живётся. Я могу спокойно смотреть на чужие страдания и ничего не предпринимать. Минуты две кряду – точно могу. А может быть даже целых три. Я вообще очень могущественный человек.

Но дольше, конечно, уже невыносимо.

– Ладно, попробую что-нибудь сделать, – решил я. – Терять всё равно нечего, я правильно понимаю?

– Пожалуй, нечего, – подумав, кивнул Абилат. – Самое худшее, что может случиться – бедняга просто проснётся от слишком грубого вмешательства. Но в его случае это скорее благо.

– Хорошо.

Я отодвинул знахаря в сторону и склонился над сновидцем, который выглядел как мужчина неопределённого возраста с невнятными чертами лица. На самом деле, многие из них примерно так выглядят: людям, оказывается, редко снится какая-то определённая внешность. И с одеждой та же история. В большинстве случаев сновидцы ограничиваются ощущением: «я выгляжу примерно как все вокруг». Или наоборот: «ой, я как-то странно одет, и на меня все смотрят». Поэтому в их облике зачастую нет никаких конкретных деталей. Хотя полчаса такого разглядывай, а отвернешься, и уже секунду спустя ничего толком не вспомнишь, как ни старайся. Я много раз проверял.

Впрочем, неважно.

Важно, что иллюзорное тело человека, спящего сейчас неведомо где и одновременно лежащего на обочине одной из просёлочных дорог, которые считаются улицами на этой окраине Левобережья, было сведено самой настоящей, неиллюзорной судорогой. Вернее, множеством судорог одновременно. То есть, таково было моё впечатление, на самом деле, я не знахарь и не знаю, что именно происходит с телом, которое на ощупь кажется твёрдым как камень. И холодным, как снятый с ледника мертвец. Хотя при этом порывается вскочить и куда-то бежать.

Глаза его были открыты. И я, конечно, в них заглянул, как заглянул бы в глаза любого человека, с которым пытаюсь установить контакт. И сразу понял, почему Абилат решил, что бедняга сходит с ума от ужаса.

Собственно, я сам сошёл с ума вместе с ним.

Чужое безумие выгодно отличается от собственного тем, что оно всё-таки чужое. И поэтому не захватывает тебя целиком. То и дело сползает с сознания, как сшитая не по росту одежда с чужого плеча. Ну или наоборот, жмёт и не застёгивается. Главное, что несоразмерность безумия твоему внутреннему устройству и опыту проявляется как ощутимое неудобство, отвлекает внимание от мучительного распада реальности, позволяет вынырнуть на поверхность и вернуться к себе.

В такие моменты как никогда остро осознаёшь дистанцию между собой и тем, что с тобой происходит – включая собственные ощущения, эмоции, чувства и мысли. Мои-то они мои, но «мои» вовсе не означает «неотделимы от меня». Ещё как отделимы. Что испытывать в полной мере, а что спешно проматывать на самом дальнем участке сознания, предварительно отключив громкость – это уж мне решать.

Поэтому мне удалось немного отодвинуть в сторону парализующий ужас заживо проглоченного существа, забывшего, откуда оно взялось, кем

было, чего хотело и кого любило при жизни – несколько часов, леденящую вечность небытия назад. Теперь оно знало о себе только одно: меня съели и переваривают. Вот прямо сейчас! Любое внешнее событие лишь укрепляло эту версию. Умение превращать все факты в дополнительное подтверждение собственной правоты – козырный туз безумия, бьющий все карты здравого смысла, а напоследок и самого игрока.

Вот и сейчас тёмные лабиринты неосвещённых улиц казались ему (мне, нам) пищевым трактом людоеда-гиганта, далёкая луна – его холодным сердцем, шум зимнего ветра в древесных кронах – дыханием чудовищной пасти. А вмешательство Абилата окончательно доконало беднягу, решившего, будто двигаться стало невозможно, потому что страшная цель путешествия уже достигнута. «Я в желудке, и сейчас меня начнёт растворять желудочный сок», – вот о чём думал несчастный безумец в крепких объятиях знахаря.

«Уже начинается!» – в панике подумали мы оба, когда на наши лица упали первые холодные капли. Только я одновременно знал, что это просто пошёл дождь. Немного некстати, не спору, но и с ума сходить тут особенно не от чего. Ну, промокну. Ну, даже, предположим, простужусь. В Море, где есть магия, лечиться от простуды – одно удовольствие. И времени много не отнимает. Осушил кружку заговоренного горячего питья, встряхнулся и пошёл дальше. Живём.

Мне бы ещё вернуться туда, где это оптимистическое «живём» исполнено смысла. Где дождь – это просто дождь, под которым мокнет сейчас мой брошенный на обочине амобилер, где есть Левый берег и Правый, добрая дюжина соединяющих их мостов, дорога к дому, сонный полумрак пустых коридоров, и в любой момент может прозвучать вопрос: «Где тебя носило?» – в переводе с человеческого языка на другой человеческий означающий: «Я тебя люблю».

Мне бы туда вернуться, но быть безумным – это и означает забыть путь домой. Всё что остаётся – встать посреди дороги и звать на помощь. Всё что остаётся – встать посреди дороги и откликаться на любой, самый далёкий, тихий, неразборчивый зов.

Если сделать это одновременно, появляется шанс.

«Эй, – сказал я себе – тому самому настоящему себе, который обычно со снисходительным равнодушием бессмертного наблюдает за происходящим, но в некоторых особо трудных случаях всё-таки приходит на помощь остальным составляющим личности, – эй, – сказал я, – а ну немедленно дай мне руку. Вот так, молодец. А теперь тащи. Да не только

меня, обоих. Видишь, я с добычей, так уж мне повезло».

– Эй, – говорил я – тот самый, настоящий, которого позвали на помощь, – эй, держись за меня покрепче и слушай внимательно. Не бойся. Ничего не бойся, ясно тебе? Бояться вообще никогда не надо, а сейчас – тем более, потому что кроме страха с тобой не происходит ничего ужасного. Тёплая зимняя ночь, окраина Левобережья, луна... Нет, прошу прощения, луна уже за тучами, но только что она была, клянусь. Зато теперь есть дождь, он хороший товарищ в беде, остужает и освежает, помогает прийти в себя. Ничего не бойся, держись за меня, доверяй дождю, смотри, какая славная нынче выдалась ночь. А что вокруг нет фонарей – так на этой окраине их ещё не успели установить. Положа руку на сердце, не так уж они и нужны, до полуночи тут светло, потому что горят разноцветные лампы в садах. Это очень красиво, но когда хозяева идут спать, лампы, конечно, гасят. Обидно, но не беда, без фонарей здесь тоже красиво, а темнота сама по себе не страшна, разве только споткнуться можно или в яму какую-нибудь упасть, но некоторым счастливицам это прекрасно удаётся и при дневном свете, поэтому глупо так бояться темноты. Ты слышишь меня? Не бойся. Скорее иди сюда. Здесь хорошо, здесь – жизнь. Никто никогда тебя не глотал.

Последнее утверждение внезапно показалось мне очень смешным. Абсурдным и избыточным. Представил, что будет, если я стану ходить по городу и приставать с этой благой вестью к прохожим, хватать их за полы лоохи, заглядывать в глаза, говорить проникновенно: «Никто никогда тебя не глотал!»

А то они сами не в курсе.

Я рассмеялся, вернее, рассмеялись мы оба, я и спящий где-то за тридевять Вселенных человек, который, кстати, оказался совсем мальчишкой, с подростковой остротой черт и торчащими в разные стороны темными вихрами, подстриженными как попало и частично окрашенными в густой синий цвет.

– Такая фигня мне приснилась, – сквозь смех сказал он. – Такая тупая фигня!

И исчез. То есть, как я понимаю, проснулся у себя дома.

Мой приступ веселья сразу прошёл. Даже неловко стало: так распускаться при посторонних я давно себе не позволял. А тут вдруг шиканул, при самом Королевском знахаре истерику закатил. Ай да я.

– Дырку над тобой в небе! – прочувствованно сказал сэр Абилат. – Как ты это сделал?!

Впрочем, тут же спохватился, смутился, исправился:

– То есть, вы. Сделали.

– Да один хрен, – отмахнулся я. – Ты, мы, вы, он, она, они. Главное, сделали. Что именно, кстати? Я пока не понял. Понял только, что парень проснулся. А перед этим, вроде, заржал, со мной за компанию. Значит, оклемался? Или наоборот?

– Ещё как оклемался, – кивнул Абилат. – Сперва пришёл в себя, а уже потом проснулся. Совершенно уверен, что в добром здравии. Такие перемены я очень остро чувствую. Потому, собственно, и спрашиваю: как ты это сделал? Ты же не знахарь.

– Да ничего я не делал. В смысле, ничего такого специального, чтобы его вылечить. Мне вообще не до того было: я сам рехнулся, как только в глаза ему посмотрел. К счастью, в этом деле у меня довольно богатый опыт, сколько уже раз с ума сходил! Даже надоело. Но ничего, со временем научился приводить себя в порядок самостоятельно. А то спасателей иногда хрен дождёшься. А иногда – не хрен. Но заранее никогда не знаешь... Ладно, неважно. А как это выглядело со стороны?

– Да в том-то и дело, что никак не выглядело. Ты просто с ним говорил. Не заклинания читал, а успокаивал: «Не бойся, держись за меня, иди сюда, смотри, какая хорошая ночь». Всего я не расслышал, ты совсем тихо шептал. А потом вы оба рассмеялись. И всё.

– Ясно, – кивнул я. И, помолчав, признался: – На самом деле, я говорил с самим собой. Хорошо, что ему тоже помогло... Слушай, а откуда он вообще тут взялся?

– Понятия не имею. Я вышел от пациента, вон из того дома, – Абилат неопределённо махнул рукой куда-то вправо. – Подумал: ночь тёплая, погода хорошая, почему бы не пройтись пешком? Но, как видишь, далеко не ушел. Этот бедняга бежал, не разбирая дороги, и налетел на меня. Прежде, чем я успел сообразить, что происходит, мы оба лежали на земле, при этом у меня на руках был новый пациент. Спящий. Зато безумный. И я принялся думать, как ему помочь. Надеялся на заклинание Калка, по крайней мере, оно освобождает от страха, а там поглядим. Но оказалось, заклинания не действуют на сновидца, который в упор не видит заклинателя. А мне так и не удалось привлечь к себе внимание этого несчастного. Я попытался связаться с сэром Джуффином, но ничего не вышло. И пока я соображал, кого ещё можно позвать на помощь, появился ты. Вот, собственно, и всё.

– Удивительные всё же бывают люди, – вздохнул я. – Вот, предположим, приснился тебе незнакомый город. Большой, красивый, интересный. Казалось бы, спи себе и радуйся. В смысле, ходи и любуйся,

пока не разбудят. Так нет же! Шляются по задворкам и боятся чего ни попадя. Каких-то людоедских чудовищ, которым у нас не место. Если, конечно, буквально сегодня вечером что-нибудь этакое не завелось. Очень надеюсь, что всё-таки нет. Хотя...

– Не завелось, – утешил меня Абилат. – Страх, который свёл его с ума, не был спровоцирован реальной опасностью, можешь мне поверить. В таких вещах я немножко разбираюсь.

– Очень хорошо, – кивнул я.

А про себя упрямо подумал: «Надо бы всё же проверить».

Я, конечно, совершенно не представляю, с какого конца за такое дело браться... Впрочем, нет, как раз представляю. Этот конец называется «сэр Джуффин Халли». И надеюсь, к завтрашнему утру он объявится. В отставку шеф, вроде бы, только через сто лет намерен подавать. Вот и славно. За сто лет можно не только всех действующих чудовищ найти и переловить, но и пару дюжин новых создать, чтобы преемники не заскучали.

– По моим ощущениям, – сказал я Абилату, – нам самое время выпить. А уже потом – по домам. Не знаю, как ты устроен, а до меня примерно через полчаса постепенно начнёт доходить, что именно случилось. И что я сделал, и что при этом пережил. И в этот прекрасный момент лучше бы никому рядом со мной не оказываться. Но полстакана осского аша залпом обычно способствует сохранению лица.

– Замедленная реакция на потрясение, – понимающе кивнул он. – Со мной иногда тоже случается: пока всё плохо, я спокоен, как куманский вельможа, зато потом, справившись со всеми неприятностями, начинаю из-за них волноваться. Очень хорошо для работы, но всё удовольствие от победы сводит на нет. Впрочем, полстакана осского аша может уладить и эту проблему.

– Именно. Но если у тебя остались какие-то неотложные дела, я вполне могу наклюкаться в одиночестве. Никогда ещё такого не было. Интересный, должно быть, опыт.

– Давай ты получишь этот опыт как-нибудь в другой раз, – улыбнулся Абилат. – Во-первых, дел у меня нет. А во-вторых, даже если бы и были, я бы сейчас тебя одного никуда не отпустил.

– Почему?

– Потому что от тебя всё ещё слегка пахнет безумием.

– Что?!

– Не переживай. Во-первых, действительно совсем чуть-чуть, а во-вторых, к утру это пройдет.

– Только к утру? То есть, вот прямо сейчас я сумасшедший? Странно. Когда со мной что-то не так, я узнаю об этом первым.

– Все безумцы так говорят, – усмехнулся Абилат. Но пощадил меня и добавил: – Да всё с тобой в порядке. Просто запах безумия проходит не сразу. И не беспокойся, что он вообще появился. Обычное дело, вечная беда начинающих знахарей.

– Но я-то не знахарь.

– Извини, но твои слова противоречат поступкам. Ты только что вылечил человека. И в процессе сам провалился в его болезнь, как в болото. Нормальное явление, со всеми такое случается, потому что навыки самозащиты приходят только с годами практики. Лично я сутки хромял после того, как срастил пациенту сломанную ногу. А впервые исцелив слепого, заработал близорукость, избавляться от которой пришлось с помощью другого, более опытного знахаря, сама могла бы вообще никогда не пройти.

– Надо же! – изумился я. – Знал, что в вашем деле без самопожертвования не обходится, но даже не представлял его масштабы.

– Ну так это временные проблемы, – отмахнулся Абилат. – Пока учишься, всё очень трудно, в любом деле так. Но постепенно выстраивается защита, и тогда работа становится сплошным удовольствием. Если бы люди знали, какой восторг переживает знахарь в момент исцеления пациента, брали бы с нас деньги за каждый вызов.

– По расценкам «Старой колючки»?

Абилат всерьёз задумался. Наконец сказал:

– Да. как за двойную порцию Супа Отдохновения^[21]. Это была бы честная цена.

Поскольку, по утверждению Абилата, запах безумия от меня исходил слабый, но вполне ощутимый, было решено не пугать ни трактирщиков, ни моих домашних. И вообще никого не пугать, а обосноваться в гостинной знахаря, который любезно обещал за мной присмотреть. И осский аш у него нашёлся – совсем немного, четверть бутылки на двоих, но мне вполне хватило, чтобы угреться, расслабиться и уснуть прямо в кресле, посреди увлекательного разговора о влиянии изменения цвета и направления ветра Тёмной Стороны на погоду, статистику городских происшествий и график прибытия в речной порт иностранных кораблей.

До сих пор жалею, что променял нашу болтовню на сомнительное удовольствие спать и видеть сны, в ходе которых я бестолково скитался по улицам Левобережья, плавно переходящим в диковинные

фантазмагорические пространства, в поисках гипотетического чудовища-людоеда. С присущим мне хитроумием, я планировал вероломно накормить чудище кислыми иррацийскими леденцами полный мешок которых всюду таскал за собой. В рамках логики моего сна это был единственный способ обуздать зло.

Это я, конечно, большой молодец, что даже во сне не забываю о рабочих проблемах, но успехом мои поиски, увы, не увенчались. Зато спину я знатно отлежал. И шею. И ноги. И вообще всё. Долгий беспокойный сон в чужом кресле, как выяснилось, не способствует хорошему самочувствию. Так что было господину Королевскому Знахарю развлечение с утра пораньше: приводить в порядок жалобно поскуливающего гостя. Впрочем, денег с него я за это не взял. Врождённое бескорыстие не пропьёшь.

Зато запах безумия, как показала практика, очень даже пропьёшь. От него по уверениям Абилата, не осталось и следа, как он и предсказывал с самого начала. А я, чего греха таить, всё равно опасался, вдруг что-то пойдёт не так, и запах останется при мне навсегда. С одной стороны, это было бы честно по отношению к окружающим, пусть не питают иллюзий. Но с другой, я-то сам запах безумия не различаю, а все остальные говорят, он очень неприятный. Такой сладковатый, едкий, пропитывающий всё вокруг. И даже самыми крепкими куманскими благовониями не перешибается, вот в чём ужас; с другой стороны, благоухать куманскими благовониями я тоже пока морально не готов.

Так что всё к лучшему.

Зато в кабинет Джуффина я ввалился с видом последнего выжившего героя сразу всех известных историкам войн. Собирался поразить шефа в самое сердце драматическим повествованием о чудесном спасении чокнутого сновидца, но по выражению его лица понял, что шеф уже всё знает. Причём выслушал эту историю в исполнении чрезвычайно сдержанного Абилата, поэтому я могу не стараться. Эффект всё равно будет уже не тот.

К тому же, первое, что сделал Джуффин, увидев меня – демонстративно принюхался. Ну или ладно, не демонстративно. Просто принюхался. Всё равно бестактно с его стороны.

– Хвала Магистрам, и правда в своём уме. Насколько это вообще возможно, – ухмыльнулся он.

– Вот именно, насколько возможно, – подтвердил я. – Мою хрупкую психику надо щадить.

– Это как?

– Например, радостно меня приветствовать. И восхвалять, как Куманского Халифа. Ну и камрой поить, если не очень жалко.

– Не очень, – подумав, решил Джуффин.

И налил мне полную кружку.

– Полный перечень традиционных формул восхваления, обязательных, желательных и допустимых при дворе Куманских Халифов хранит в памяти Шапшуш из Большого Архива, – подсказал с верхней полки книжного шкафа Куруш. – Однако я могу продиктовать несколько наиболее популярных выражений.

– Очень любезно с твоей стороны, – поблагодарил его Джуффин. – Но я думаю, сэр Макс ещё какое-то время потерпит без куманских восхвалений. Ему будет трудно, но он справится. Я в него верю.

– А я – нет, – мрачно сказал Куруш. – Сэр Макс уже столько раз приходил сюда без пирожных, что моя вера в него рухнула бесповоротно.

– Ты совершенно прав, – признал я. – Но не следует предъявлять слишком высокие требования к человеку, всего час назад окончательно исцелившемуся от запаха безумия.

– Это правда? – недоверчиво переспросил Куруш.

– Чистая правда, милый, – подтвердил Джуффин. – Я узнал об этом от Абилата. Ему-то ты веришь?

– Да, – согласился Куруш, – сэр Абилат – человек, заслуживающий доверия.

Некоторое время он сидел, нахохлившись, переваривал новую информацию. Наконец объявил:

– Я рад узнать, что твоё упорное нежелание приносить мне гостинцы было всего лишь одним из симптомов безумия, а не сознательным проявлением неуважения к моим потребностям. И ещё более рад, что теперь ты здоров.

– Я так понимаю, ты уже в курсе, как я развлекался вчера после ужина, – сказал я Джуффину. – Пересказывать заново вряд ли имеет смысл. Спрашивать, где тебя Тёмные Магистры носили, тем более. Не моё это собачье дело. Кстати, ты не в курсе, какие-нибудь пилюли от любопытства уже изобрели? Я бы купил пару дюжин упаковок.

– Ещё чего не хватало! – возмутился Джуффин. И, помолчав, примирительно добавил: – Если бы ты спросил, я бы честно ответил, что в этой прекрасной Вселенной слишком много разнообразных миров, чтобы нормальные здравомыслящие люди вроде меня могли удержаться от искушения время от времени отправляться на очередную экскурсию, сказав

себе, что подобное путешествие – просто разновидность сна, совершенно необходимого всякому организму. Вот и вчера я отыскал одно забавное место. Пересказывать подробности нет смысла, лучше когда-нибудь просто покажу.

– Если у нас обоих однажды появится на это время?

– Да почему же «если»? В нашем распоряжении вечность. Её хватит на всё.

Заманчивая перспектива, кто бы спорил.

– На самом деле, хорошо, что вам с Абилатом пришлось справляться без меня, – сказал Джуффин. – И даже не потому, что безвыходная ситуация – самый лучший учитель. Просто неизвестно, чего было бы больше от моего вмешательства – вреда или пользы. Я, при всех своих достоинствах, включая кажущиеся, не самое лучшее сновидение для человека, который уже и так от страха с ума сошёл.

– Что касается страха. Как думаешь, огромное плотоядное чудовище, которое свело с ума беднягу, оно точно ему просто приснилось? Или всё-таки где-нибудь у нас тайно завелось? Это можно как-то проверить?

– Конечно, можно, – усмехнулся Джуффин. – Вот так, сходу, могу подсказать тебе целых два способа. Первый: спросить меня. И я сразу тебе отвечу: нет, ничего интересного у нас пока не завелось. Я бы знал.

– Хорошо, – кивнул я. – Мне так нравится твой ответ, что я даже не стану тысячу раз переспрашивать: «Точно-точно?» «Почему ты так уверен?» «А может быть, пойдём поищем его вместе? И леди Сотофу позовём?» Оцени мою выдержку. И в награду скажи, что за второй способ?

– До него ты и сам мог бы додуматься.

– Мог бы. Теоретически, я могу додуматься вообще до чего угодно. Но не обязательно прямо сейчас. Как ты сам мудро заметил, в нашем распоряжении вечность. И я могу потратить на поиски ответа большую её часть.

– Дырку над тобой в небе, сэр Макс. Как же ты тараторишь!

– Справедливости ради, следует заметить, что с момента начала вашей беседы ты сказал двести тридцать семь слов, – неожиданно вмешался Куруш. – А сэр Макс – всего двести восемь. То есть, ровно на двадцать девять слов меньше.

Джуффин попробовал сурово нахмуриться, но попытка явно не удалась. Пришлось ему махнуть рукой и рассмеяться.

– Ладно, договорились. Пусть дырка в небе будет над нами обоими. А я, собственно, только и хотел напомнить, что любой вопрос, который тебя беспокоит, можно задать на Тёмной Стороне. Я сам постоянно так делаю.

И, рискуя прослыть занудой, рекомендую всем, кто способен самостоятельно туда добраться. Зачем зря мудрить? Хотя в данном случае можно сэкономить время и силы, просто поверив мне на слово.

– Верю, – сказал я. – Значит, бедняге просто приснился вот такой кошмар. Спрашивать, почему с ним это случилось, бессмысленно...

– Ну что ты. Спрашивать: «почему?» – хорошая, полезная привычка. Даже когда ответ никому неизвестен, или напротив, слишком очевиден.

– Например, как сейчас: «Всем людям время от времени снятся страшные сны»? Ну и отлично. Я только за. Можно спокойно жить дальше.

Джуффин ничего не успел ответить. Ну или успел, просто я уже не услышал. Потому что в этот самый момент мне прислал зов Абилат.

«Ты будешь смеяться, но у меня на руках ещё один спящий безумец», – сказал он.

«Грешные Магистры, где ты его нашёл?»

«Тоже на Левом берегу, только не на Весёлой дороге, как вчера, а на улице Доброго Знака, в саду одной моей бывшей пациентки. Собственно, она и нашла. Думала, он просто обычный прохожий, с которым случилось несчастье. Лежал у неё под крыльцом и тихо выл, на попытки заговорить не реагировал, безумием при этом не пах, что как раз понятно, сновидцы и не должны ничем таким пахнуть... В общем, неважно. Важно, что леди Агни справедливо заключила, что её гость болен, и позвала меня. А я опять не справляюсь. Поможешь?»

«Попробую», – пообещал я.

Хотя больше всего на свете мне сейчас хотелось соврать, что я отбыл по срочному делу куда-нибудь к чертям собачьим. Например, в Шиншийский Халифат. И вернусь не раньше, чем через год.

Но мало ли чего мне хотелось.

– Видывал я на твоём лице всякие интересные выражения, – заметил Джуффин. – Но сейчас ты превзошёл самого себя. Что случилось-то?

– Ещё один спящий псих случился. Абилат нашёл где-то под крыльцом и теперь зовёт меня разделить с ним эту несказанную радость. Следовательно, спокойно жить дальше пока не получится.

– Вот как, – задумчиво протянул Джуффин.

И всё. Больше никаких комментариев. Совершенно на него не похоже.

Я открыл было рот, чтобы спросить, не хочет ли он сам поучаствовать в исцелении спящего. Потому что я, так и быть, уступлю свою очередь. Рыдая от облегчения.

Но тут Джуффин сказал:

– Если опять провоняешь безумием, сразу дуй ко мне. С этой бедой я

легко справлюсь. И тебе не придётся прятаться от людей до самого вечера.

– Ясно, – кивнул я.

Куда уж яснее. «Вот конкретно тут я тебе помогу, а всё остальное, будь любезен, сам» – таков дословный перевод этой фразы.

Впрочем, и на том спасибо.

– Просто это твоё дело, а не моё, – мягко сказал Джуффин. – Оно само на тебя свалилось прошлой ночью. А меня в этот момент не то что в Ехо, вообще в Мире не было. Хотя я, положив руку на сердце, не так уж часто шляюсь неведомо где всю ночь напролёт. Значит, мне и дальше не следует в это лезть. Я с уважением отношусь к указаниям судьбы. Особенно к настолько внятным. И тебе советую.

Ну что тут скажешь. Да, да и ещё раз да.

Но кому от этого легче.

На первый взгляд, сегодня всё было совсем иначе. Вместо тёмной, обсаженной густым кустарником дороги и лунного света из-за туч – залитый полуденным солнцем сад с аккуратными клумбами, на которых начали распускаться мелкие зимние цветы, большой дом из светлого кирпича, с ярко-зелёной крышей и пёстрыми занавесками на окнах. Более неподходящей обстановки для страшного сна захочешь, не придумаешь.

Однако, у человека, скрючившегося у нарядного крыльца, было на этот счёт своё мнение. Он распрекрасно сходил с ума от ужаса, невзирая на идиллические декорации. Бывают такие упорные люди, которых с пути к намеченной цели ничем не собьёшь.

Мне на них везёт.

– Получилось гораздо интересней, чем в первый раз, – говорил я Джуффину примерно полчаса спустя. – Вчерашний красавец просто был уверен, будто его проглотила живьём какая-то неведомая дрянь. Нормальный человеческий страх, мне и самому неоднократно снилось, как меня хотят сожрать; правда, я благоразумно просыпался до начала трапезы. Но вполне могу представить дальнейшее развитие событий. А сегодняшний меня по-настоящему удивил. Он, понимаешь, отсчитывал последние минуты этого Мира. То есть, был уверен, будто мы все вот-вот исчезнем. Не просто умрём, а отменимся, словно не было ничего, никогда. Такое, понимаешь, абсолютное небытие, возведённое в степень бесконечности, отменяющее не только воспоминания о нас, но даже самую возможность нас вообразить или придумать – не знаю, как ещё объяснить. И он, бедняжка, в такой неудачный момент к нам попал, поэтому теперь

отменится вместе с нами навек, а ведь мог бы продолжать существовать – где-то там, у себя дома, куда теперь нет возврата. Осталось всего несколько минут, и отсчёт пошёл. Каждая секунда – удар. Причём физически ощутимый удар – изнутри и одновременно снаружи. Это, собственно, самое страшное: всем телом чувствовать, как сквозь тебя утекает твоё последнее время, быть дырявым решетом и не уметь это исправить. Вот это, я понимаю, мастер кошмара! Минимальными выразительными средствами создал ситуацию, в которой даже самому крепкому рассудку долго не продержаться. Жаль, что этот гений уже проснулся у себя дома, неведомо где. А то порекомендовал бы его Малдо: бедняга зачем-то устроил при своём Дворце Ста Чудес «Дом Страха» и внезапно обнаружил, что не знает, как пугать посетителей. Теперь всех расспрашивает, кто чего в детстве боялся, но на выходе – сплошной бесконечный Лойсо Пондохва, одна страшная сказка на несколько поколений. Один я как нормальный человек боялся крыс, высоты и что мне отрубят голову. И ещё стать людоедом.

– Что?

– Стать людоедом, – повторил я. – Мне казалось, это вообще самое страшное, что может случиться. Проснуться однажды утром и обнаружить, что я теперь людоед. И придётся вместо омлета с печеньем жрать на завтрак каких-то дурацких чужих людей – голыми, сырыми и даже немытыми.

– Смешно, – меланхолично кивнул Джуффин.

– Сам знаю, что не очень. Но это правда.

– Лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

– А что мне сделается? Сижу тут, как видишь, целый и невредимый, не исчез вместе с воображаемым миром чужих грёз, не порвался под напором потока времени. А напротив, хлебнул бальзама Кахара, закурил и буквально с минуты на минуту потребую камры и чего-нибудь пожрать, это дело решённое, верь мне.

– Верю.

– И хвала Магистрам, что так. Потому что ещё буквально четверть часа назад я стоял на четвереньках в чужом саду и мычал нечто невразумительное. Уговаривал себя не поддаваться чужому страху, не нырять в чужую бездну, не умирать чужой смертью, не сходить с чужого ума. Уговорил, как видишь. С грехом пополам. Удивительно всё же, как эта дрянь меня затягивает! Был нормальный человек, причём прекрасно помнил вчерашний опыт, примерно знал, чего ждать, приготовился сопротивляться, но стоило посмотреть в глаза этого спящего, и – хлоп! –

приехали. Следующая станция Приют Безумных. Прощай, прекрасный Мир.

– Но ты справился, – заметил шеф.

– И даже быстрее, чем вчера, – вставил Абилат, который отправился со мной в Дом у Моста, чтобы лично передать меня Джуффину, из рук в руки.

Всё-таки безумием я, по его утверждению, слегка пахивал, а знахарское призвание сродни неодолимому инстинкту. Если уж нос врачавателя чувствует присутствие болезни, никакой здравый смысл не заставит его покинуть пациента без присмотра.

– Ты понял, как он это делает? – спросил его Джуффин.

Абилат печально помотал головой.

– Я понял, что Макс устанавливает слишком тесный контакт с пациентом. И полностью разделяет с ним безумие, а потом сам же себя оттуда вытаскивает, причём той частью сознания, которую знахари древности называли «огненным я», авторы медицинских трактатов эпохи Короля Мёнина – «тёмной стороной ума», а Клеви Маннас, величайший врачеватель Эпохи Орден – «острием духа». Его определение, пожалуй, ближе всего к моему интуитивному пониманию... Впрочем, неважно. Важно, что Макс хорошо знаком с этой частью себя и умеет, пользуясь её силой, отменять распад сознания – не только своего, но и пациента. Теоретически я это более-менее понимаю. Но повторить не могу. По крайней мере, сегодня не смог. Причём провалился уже на первом этапе: сколько ни смотрел в глаза спящего, ничего кроме обычного в таких случаях сострадания не почувствовал.

– Это тебе крупно повезло, – усмехнулся я. – Поверь мне, ты ничего не потерял.

– Мне очень жаль, что я снова втянул тебя в это тяжёлое дело, – вздохнул он. – Но у меня не было выбора. Я не мог ни справиться сам, ни оставить всё как есть.

– Ну и правильно. Ещё чего не хватало – оставлять всё, как есть! Ужас же крошечный.

Наградой за мой самоотверженный гуманизм стал тяжело гружённый кружками и кувшинами поднос из «Обжоры Бунбы», аккуратно влетевший в распахнутое окно. Ужасно забавно всё-таки выглядит нынешняя доставка заказов из трактиров. Никак не привыкну.

– Макс легко договариваться со сновидцами просто в силу его природы, – сказал Джуффин Абилату. – Он сам, в некотором смысле, сон. Ну, отчасти. Поэт на моём месте сказал бы, что среди предков сэра Макса было сновидение, и он унаследовал некоторые фамильные черты. Это я

говору к тому, что тебе придётся придумать собственный способ помогать этим беднягам. Но очень надеюсь, что ты не успеешь.

– Почему? – удивился Абилат.

– Потому, что я оптимист. И рассчитываю разобраться с этим делом быстрее, чем ты набьёшь руку. Вот и всё.

– А. Это хорошо бы!

Я с интересом посмотрел на шефа. Неужели и правда рассчитывает?

«Неправда, – признался Джуффин, воспользовавшись Безмолвной речью. – Я пока вообще не понимаю, с какого конца за это дело браться. Но Абилату знать об этом совершенно не обязательно. Только понапрасну изведётся».

Ничего себе признание. Совсем он мои бедные нервы не бережёт.

Абилат наскоро выпил кружку камры и попрощался, объяснив, что осталось ещё несколько пациентов, которых надо бы успеть навестить до начала дежурства в Замке Рулх. Выглядел он при этом немного смущённым, словно не работать пошёл, а варенье втайне от нас трескать. Знахарское призвание, конечно, имеет свои плюсы: работа – самая понятная разновидность счастья, а её всегда завалишь. И никаких дней свободы от забот не надо. Кому в здравом уме от собственного счастья отдыхать захочется?

Мы в этом смысле всё-таки гораздо более нелепо устроены. Нет работы – маемся, а когда она появляется, сразу начинаем думать: как же без неё было хорошо!

Вот и сейчас. Как только Абилат покинул кабинет, Джуффин заметно помрачнел. Что творилось с моим лицом, вообще думать не хочу. По свидетельствам очевидцев, я даже обуваюсь обычно с таким видом, словно небо вот-вот рухнет на землю, и держать его кроме меня некому. А ведь просто пытаюсь сосредоточиться.

Сосредоточиться мне, впрочем, и сейчас не помешало бы.

– Возвращаясь к нашему утреннему разговору, никаких чудовищ в окрестностях Ехо всё-таки нет, – сказал Джуффин. – И Мир не собирается рушиться. Что бы ни творилось с беднягами, которых тебе пришлось приводить в чувство, их сны – это только их проблемы. Не наши. Никакого дополнительного пророческого смысла в них нет. Мог бы предложить пари, но не хочу совсем уж беззастенчиво тебя грабить.

– Всё равно предложи. Просто для моего спокойствия.

– Ладно, – кивнул он. – Ставлю двадцать корон, что сны этих бедных безумцев не сбудутся для нас.

– Очень хорошо, – кивнул я. – Двадцать корон – это не одна. Хоть заработаю на грядущем апокалипсисе, если он всё-таки... Не смотри на меня с таким упрёком. Я тебе верю. Просто паникую. Это не взаимосвязанные процессы.

– Тогда ладно. Очень давно ни на кого не обижался, не хотелось бы вспоминать, что это за чувство.

– Тем не менее, два сновидца, сходящих с ума от собственных снов, меньше, чем за сутки, не могут быть простым совпадением, – сказал я.

– Теоретически, всё-таки могут. Ещё и не такие совпадения случаются. Но при этом – ты только, пожалуйста, постарайся не падать в обморок при исполнении служебных обязанностей! – вполне возможно, на самом деле их гораздо больше, чем двое. Просто остальные пока не попались на глаза ни Абилату, ни его знакомым. Специально-то их никто не искал.

– Ох!

Я схватился за голову. Будь моя воля, держался бы за неё и держался, до самого вечера. Потому что сидеть, схватившись за голову, и скорбно пучить глаза – занятие всепоглощающее. Если делать это как следует, от души, ни на что другое уже не хватит ни времени, ни сил.

Но такую роскошь я не мог себе позволить.

– Ладно, – сказал я, – значит, теперь будем искать специально. Я, Нумминорих и... Кого ещё можно припахать? Кто из наших умеет отличать сновидцев от нормальных людей и при этом не занят ничем важным?

Джуффин задумался.

– Умеют-то все, – наконец сказал он. – Дело нехитрое. Но сегодня с самого утра сэр Мелифаро всех основательно припахал. У него, видишь ли, банда Колли Фейла в столицу вернулась. Тебе это о чём-то говорит? Правильно, ни о чём, они в твоё отсутствие нам нервы трепали. Половину мы тогда переловили, остальные удрали куда-то в направлении островов Банум, а теперь зачем-то вернулись. Удивительные люди, я бы на их месте ещё лет сто носа в столицу не совал. В общем, побегать ребятам придётся как следует. Нумминорих, кстати, тоже принимает участие в общем веселье, но возможно... Сейчас, погоди.

Я использовал образовавшуюся паузу, чтобы подлить себе камры. А то чёрт его знает, когда в следующий раз доведётся её пить. Ехо – город большой. А я настырный. И при этом понятия не имею, ни где надо искать, ни когда будет пора остановиться. В сумме это даёт довольно неутешительный прогноз на ближайшие дни.

– Будет тебе Нумминорих, – наконец сказал Джуффин. – Буквально через час. Я бы на твоём месте использовал этот час, чтобы пожрать. Чем

позже ты свалишься, тем больше успеешь сделать. Простая арифметика.

– На своём месте я бы использовал этот час, чтобы подумать. Если бы у меня была светлая голова. Вроде твоей, например.

– Похоже, Коба действительно многому тебя научил, – ухмыльнулся Джуффин. – Красиво вымогаешь. Но прямо сейчас ничем не могу тебе помочь. Потому что, во-первых, ко мне вот-вот ввалится большая делегация из Канцелярии Скорой Расправы. С начала внесения поправок в Кодекс Хрембера между нашими ведомствами накопилось столько формальных разногласий, что если не решить их сегодня, потом будет проще устроить государственный переворот и отменить все законы разом, чем разобраться во всех этих юридических казусах. Встречу назначил я сам, ещё три дня назад, и отменять её уже поздно. А во-вторых, мне самому тоже надо хорошенько подумать – прежде, чем я смогу сказать тебе хоть что-то разумное по интересующему нас обоих вопросу. Ну что ты так смотришь? Да, есть целые области знаний, в которых я совершенно не разбираюсь. Например, в классификации фауны Красной Пустыни Хмиро, Чангайской экономике, придворной поэзии эпохи правления вурдалаков Клакков, Урдерской кухне, методике обучения оперному пению и подлинных причинах некоторых ночных кошмаров.

– Ладно, – вздохнул я. – Тогда последний вопрос: если я найду ещё одного чокнутого, приведу его в чувство, а в процессе снова провоняю безумием и без предупреждения вломлюсь сюда, чтобы ты избавил меня от дивного аромата, это очень мешает твоим переговорам с Канцелярией Скорой Расправы?

– Скорее поможет. Ребята, конечно, и так пойдут на уступки, куда они денутся. Но твоё несвоевременное появление может здорово ускорить процесс. Особенно, если ты не станешь сдерживать обуревающие тебя чувства.

Смешно.

Уже на пороге я сказал:

– В моём пророческом сне дело происходило на Левом Берегу. И эти двое тоже...

– Да, – кивнул Джуффин, – именно так.

И демонстративно уткнулся в свои самопишущие таблички. Как будто нет в Мире ничего важнее возни с документами.

Ладно. Потом, так потом.

«Ты очень занят – вот прямо сейчас?» – спросил я Шурфа.

«Очень», – коротко ответил он.

Этого, честно говоря, следовало ожидать. Он и среди ночи-то на подобные вопросы обычно отвечает: «Подожди ещё пару часов, есть некоторая надежда, что я очень быстро со всем разберусь». А уж в разгар дня и подавно. Но я всё равно огорчился. Это чьей же головой мне теперь думать прикажете? Своей?!

«Но четверть часа спустя эта прискорбная ситуация изменится, – невозмутимо продолжил мой друг. – Я твёрдо намерен всех разогнать и наконец-то позавтракать».

«Раньше ты утверждал, что в это время все нормальные люди уже обедают».

«Я и сейчас так думаю. Но факт остаётся фактом: для меня это будет первая с момента пробуждения возможность пожрать. Поэтому если ты хотел предложить мне всё бросить и сбежать на край Мира, я пас. А если просто поговорить, я велю удвоить порцию».

«Можешь её даже утроить, – сказал я. – Помню я, какой у тебя там повар. Край Мира подождёт».

– Ты из-за Абилатовых находок пришёл? – спросил Шурф, ставя передо мной не тарелку даже, а здоровенное блюдо, на котором доживали свои последние минуты кулинарные шедевры, достойные куда более утончённого ценителя, чем зверски голодный я, готовый проглотить даже умеренно жёсткий сапог. По крайней мере, если его подадут со сносным соусом.

– Да нет, просто долго думал, где бы пожрать на халяву. И выбрал тебя, – ухмыльнулся я, отправляя в рот благоуханное нечто, с изысканной небрежностью фаршированное восхитительным не пойми чем.

Он флегматично кивнул, словно этой причины и правда было достаточно.

Я, конечно, не выдержал первым.

– Так ты, получается, уже всё знаешь? Откуда?

– Ну а как иначе? Знать, что происходит в столице – моя прямая обязанность. Хорош бы я был, если бы Главный Королевский Знахарь и Почтеннейший Начальник Тайного Сыска не держали меня в курсе своих дел.

– Что, и Джуффин по несколько раз в день тебе всё докладывает? – восхитился я. – Сам? По доброй воле?

– Ты неправильно ставишь вопрос. Он не то чтобы именно докладывает. Скорее вынуждает меня работать с его информацией. Наблюдение за деятельностью Тайного Сыска – не привилегия, а просто

одна из множества моих обязанностей.

– Магистра Нуфлина Джуффин работой с информацией, вроде, особо не утруждал.

– Да, но их связывала давняя взаимная неприязнь и обоюдное недоверие. Не всем так везёт.

Я невольно улыбнулся.

– Но учти, – сказал Шурф, – об этих событиях мне известно только в общих чертах. Что минувшей ночью Абилат нашел на Весёлой дороге сновидца, который обезумел от страха. А ты вовремя проезжал мимо и каким-то образом привёл несчастного в чувство, после чего тот исчез. То есть, скорее всего, благополучно проснулся дома. И что сегодня утром история повторилась на улице Доброго Знака. Это всё. Подробности с тебя.

– Да какие там подробности, – поморщился я. – Одному примерещилось, что его сожрало гигантское чудище, второму – что буквально с минуты на минуту всё канет в небытие. То есть, вообще всё, включая его самого. Мне совсем не понравилось быть в их шкуре. Хотя выбрался оба раза довольно легко и пострадавших за компанию вытащил. Видимо сказывается опыт, не зря же я столько раз с ума сходил. Могу теперь водить экскурсии в эпицентр любого безумия и, что особенно ценно, обратно. Но ощущения победы – знаешь, вот этой счастливой эйфории, когда сделал почти невозможное, и от этого хочется немедленно обнять весь Мир – всё равно нет. Наоборот, у меня очень скверно на душе. Как будто зря старался. Хотя умом понимаю, что совершенно не зря.

– Просто ты почему-то игнорируешь тот факт, что в течение короткого промежутка времени дважды перенёс тяжёлую душевную болезнь. Это не могло пройти бесследно.

– Хочешь сказать, я всё ещё псих?

– Не в большей степени, чем обычно. Скорее, выздоравливающий больной, которому следует проглотить пригоршню успокоительных пилюль, сунуть за пазуху пару Кристаллов Радости, лечь в постель и проспать как минимум сутки. А уже потом разбираться, чувствуешь ты восторг победы или нет. Будь я твоим знахарем, дал бы именно такую рекомендацию. Но зная тебя, не сомневаюсь, что настаивать бесполезно.

– Больше всего на свете я хотел бы тебя послушаться. Но Джуффин говорит, вполне может быть, что на самом деле их гораздо больше.

– Кого – «их»?

– Спящих, которые чокнулись от страха. Просто они ещё не попались нам на глаза. Специально-то их пока никто не искал. А вдруг это что-то вроде эпидемии?

Сэр Шурф изобразил на лице такое специальное скорбное выражение, с которым хорошо говорить: «Поступай, как хочешь, но даже не рассчитывай, что я возьму на себя уход за твоей могилой, выкручиваться будешь сам».

Вслух он однако просто спросил:

– Думаешь, я чем-то могу помочь?

– На самом деле, ты уже помог. Примерно как пригоршня успокоительных пилюль и Кристалл Радости за пазухой. Ну, то есть, мне порядком полегчало. Возможность отобрать и съесть половину чужого обеда всегда меня утешала, ты знаешь. Но этого мало. Теперь мне нужна твоя светлая голова, до отказа набитая бесполезными... прости, я хотел сказать, уникальными знаниями.

– Какое же счастье, что мы с тобой не были знакомы в годы моей юности, – внезапно сказал сэр Шурф.

– Почему это? – удивился я. – По-моему, я вполне способен скрасить любую юность.

– Потому что в ту пору я бы просто пришиб тебя, не дослушав. Понимаю, что это не так просто как кажется, но, зная тебя и себя, не сомневаюсь, что предпринимал бы подобные попытки по дюжине раз на дню. Одна из них вполне могла бы увенчаться успехом, и с кем бы я, скажи на милость, дружил теперь?

– С моим призраком. Я бы круглосуточно преследовал тебя, печально завывая о своей загубленной жизни. Со временем ты бы привык. И даже научился бы находить в моём обществе некоторое удовольствие.

– Такое вполне возможно. Привык же как-то я к тебе живому, а ведь поначалу тоже было нелегко. Но ты продолжай, пожалуйста. Что там с моими бесполезными знаниями?

– Всё-таки уникальными, – улыбнулся я. – Прости. Дразню тебя зачем-то. Совсем дурак. Просто у меня сегодня всё не на месте: и сердце, и голова, и даже эта штука, о которой говорил Абилат, «острие духа», «тёмная сторона ума», похоже, перекособочилась от постоянного употребления. А ведь только и хотел спросить: вдруг ты о чем-нибудь этаким однажды читал? О кошмарах, которые снятся людям и сводят их с ума. Как ни крути, а место действия этих кошмаров – не только их помрачённый рассудок, но и наш Мир. И хоть убей, а нас это тоже касается. Правда, не знаю пока, каким местом. И на Тёмную Сторону пойти прямо сейчас с вопросами не могу. Я, будем честны, в плохой форме. По городу в таком состоянии бегать – вполне сойдёт, и ещё пару-тройку безумцев, если что, вытащу, не вопрос. Но с Тёмной Стороной пока лучше не

экспериментировать. Потому что... Слушай, звучит очень глупо, но иногда я ощущаю себя там кем-то вроде приглашённого в оркестр музыканта; партия у меня простая, всего одна нота, да и та вряд ли слышна в общем хоре, но... Вдруг если приду туда встревоженным и усталым, испорчу весь концерт? Очень надеюсь, что нет, но всё равно лучше не рисковать.

– Разумная предосторожность. Рад, что ты начинаешь более-менее ясно представлять своё место в Море. И учишь собственную силу даже в те моменты, когда совершенно её не ощущаешь. Что же касается страшных снов, толку от меня будет немного. Разве что, могу процитировать тебе Хлевви Авайзи, видного учёного современника и наставника Короля Мёнина. В одном из своих трудов, которые, по мнению большинства современных исследователей, представляют собой просто беглые конспекты, составленные при подготовке к урокам, Хлевви Авайзи перечислил основные причины ночных кошмаров, в том числе, и приводящих к безумию. Ими могут стать: сон в неблагоприятном месте, злоупотребление выпивкой и другими зельями, неудачный выбор одежды для сна, изменение состава крови под влиянием болезни или, напротив, внезапного выздоровления, умышленные магические действия посторонних лиц, как встреченных наяву, так и приснившихся, избыток тяжёлой пищи, чрезмерно развитое воображение, проникновение сознания спящего в неблагоприятную персонально для него реальность, неправильная дозировка некоторых лекарств, неудобная поза, воздействие смертельного проклятия, наложенного слабосильным колдуном, физическое соседство с тяжелобольным, наличие нереализованного поэтического дара, побочный эффект некоторых приворотных чар...

Шурф наконец заметил, с каким пришибленным видом я его слушаю, и великодушно свернул выступление:

– И ещё двести девяносто восемь возможных причин. Если ты считаешь, что эти сведения могут помочь твоей работе, я готов сделать для тебя конспект.

– Было бы отлично, – вздохнул я. – Совершенно не получается вот так сходу всё это запомнить. Чувствую себя полным идиотом.

– Не сгущай краски. Просто у тебя нет соответствующих навыков работы с информацией. При желании, ты мог бы их получить. Но вряд ли когда-нибудь захочешь этим заниматься. И, кстати, будешь совершенно прав: делать из твоей головы архив – всё равно что варить суп в строительном котловане. Теоретически, возможно, но зачем?

Он достал из ящика стола самопишущую табличку, приложил к ней ладонь, подержал буквально секунды две, отдал мне и заключил:

– Тем более, что особой практической необходимости в этом нет. Неиссякаемый источник бесполезных знаний в моём лице всегда будет в твоём распоряжении.

– Спасибо, – сказал я. – Из всех имеющихся у меня поводов для оптимизма этот самый веский. При условии, что я правильно понимаю значение слова «всегда».

– Не вижу причин, по которым ты мог бы понимать его неправильно. Слово простое и общеупотребимое, не какой-нибудь специальный термин. Впрочем, если у тебя есть сомнения, можешь свериться со словарём.

Но вместо словаря я сунул нос в его список и надолго пропал. «Случайное соответствие узоров на одеяле определённым искажениям линий мира, вторжение в сновидение демонов соххи или родственников им, избыток дневных впечатлений, расположение спального места вблизи заговоренных кладов или других магически защищённых ценностей, длительное переутомление, обострение пророческих способностей накануне нежелательных событий, вредоносное воздействие некоторых шумов, беспокойство об отсутствующем возлюбленном, последовательное пренебрежение собственными интересами на протяжении достаточно долгого времени, нанесение обиды злопамятному растению, чрезмерно стремительное продвижение в обучении, неудачный подбор благовоний для спальни, тайное недовольство повседневностью, разногласия со светильниками...»

Разногласия со светильниками, подумать только. Какие всё же удивительные проблемы бывают у людей.

– А как ты сам думаешь? – спросил я, наконец оторвавшись от чтения.

– Сам думаю – что?

– Почему некоторые сны некоторых людей о прогулках по Ехо становятся кошмарами? На какие пункты твоего списка мне следует обратить особое внимание? А что можно игнорировать?

– Неразумно было бы составлять мнение о деле, известном мне только с чужих слов, – неохотно сказал Шурф.

– Тем не менее, оно у тебя всё равно есть. Самоконтроль самоконтролем, но не можешь же ты запретить себе анализировать.

– На самом деле, безусловно, могу. Но обычно не хочу, тут ты совершенно прав.

– Ну и?..

– На твоём месте я бы прежде всего выбросил из головы все причины, корнящиеся в поведении сновидцев наяву. Что толку их обдумывать? Какое тебе дело, что эти люди ели и пили за ужином, чем они больны, с кем

рассорились, о чём тревожатся и в какой позе спят? Если причина их дурных снов только в этом, тем лучше для всех. К тому же, в этом случае, жертв будет немного. Никакой, как ты выражаешься, «эпидемии». Просто потому, что вряд ли разные люди из разных Миров станут раз за разом повторять одни и те же ошибки.

– Но два случая подряд...

– А вот это как раз легко объяснимо. Двое друзей вполне могли совместно употребить одно и то же вредное зелье. Или заснуть на одной подушке с неподходящим узором, или заклинание какое-нибудь вредоносное хором прочесть – да всё что угодно. Собственно, не обязательно именно двое, их может оказаться больше – случайные сотрапезники или, напротив, группа единомышленников, некий аналог наших магических Орденов...

– Секта, – ухмыльнулся я.

Шурф вопросительно приподнял бровь.

– «Секта» – это такой очень хреновый Орден, – объяснил я. – Никакой магии, и вместо Великого Магистра жулик ярмарочный обыкновенный, одна штука. Или не одна. Неважно. Важно, что версия у тебя роскошная. И она вполне может оказаться правдой. Было бы здорово!

– К сожалению, это всё равно не избавит тебя от обязанности разыскивать гипотетических пострадавших и, по мере необходимости, оказывать им помощь. Что, как я понял, даётся тебе весьма дорогой ценой.

– Ай, ладно, – отмахнулся я. – Переживу как-нибудь. Лишь бы не...

Я умолк, не зная, как сформулировать свои опасения, чтобы не выглядеть совсем уж перепуганным идиотом.

Но Шурф, конечно, всё равно понял.

– Лишь бы не оказалось, что причиной их кошмаров стало «обострение пророческих способностей накануне нежелательных событий»? – спросил он. – Думаешь, некоторые сновидцы способны предвидеть будущее приснившейся им реальности?

– В точку, – мрачно кивнул я. – Только я, конечно, ничего такого не думаю. Скорее, интуитивно опасаясь. Честно говоря, лучше бы наоборот.

– Да никакая это не интуиция, дружище, – мягко сказал Шурф. – Всего лишь страх, который всегда с тобой. Рано или поздно ты с ним разберёшься. А пока просто не давай ему сбить тебя с толку. Хочешь бояться, что Мир вот-вот снова начнёт рушиться – ладно, бойся, кто ж тебе запретит. Но не следует делать это той же самой головой, которой ты думаешь о насущных проблемах.

– Ладно. Раз так, отращу вторую. Спасибо за совет. И... и вообще

спасибо.

– За подборку цитат из сочинений Хлевви Авайзи? – хладнокровно уточнил Шурф.

– И за них тоже. А ещё больше за то, что не пришиб меня в юности. Мало ли, что меня тогда ещё на свете не было. Когда это тебя останавливали подобные пустяки.

Нумминорих ждал меня, как договорились, в «Королевских ветрах», возле Большого Королевского Моста. Теоретически, это не единственный трактир на Левобережье, но другие мне на глаза пока не попадались. Сэр Кофа утверждает, что знает тут ещё чуть ли не полторы дюжины забегаловок; впрочем, по сравнению с Правым берегом, где всевозможных трактиров, по моим ощущениям, чуть ли не больше, чем жилых домов, это вообще ничего.

Видимо, штука в том, что раньше на Левобережье селилась исключительно столичная аристократия, а в этих семействах обычно такие повара, что на сторону особо не побегаешь. А к тому моменту, когда вокруг старинных дворцов стали вырастать сперва виллы новоиспечённых богачей, а потом и дома умеренно зажиточных горожан, уставших от жизни в шумном Старом Городе, все уже привыкли к мысли, что трактиры на Левом берегу никому не нужны. Ничего не поделаешь, традиция часто оказывается сильнее предприимчивости и здравого смысла.

Что касается трактира «Королевские ветры», он тоже часть старой традиции. Точнее, даже древней, поскольку появился задолго до строительства Большого Королевского моста. Между Старым Городом, Королевским островом и Левым берегом тогда сновало множество водных амобилеров и просто вёсельных лодок, перевозивших тех горожан, кому не удалось освоить популярное в ту пору искусство хождения по воде. Таких, хвала Магистрам, во все времена хватало, а то небось так и жили бы мы до сих пор без единого моста. А я их очень люблю.

Всё это я рассказываю к тому, что изначально трактир «Королевские ветры» служил местом отдыха лодочников. И меню там было соответствующее: несколько сортов недорогого вина, широкий выбор крепких согревающих настоек, дюжина незамысловатых закусок вроде блинов из пумбы и горячих мясных пирогов. Оно, кстати, так и не изменилось, только цены выросли раз в десять с тех пор, как «Королевские ветры» облюбовали придворные Его Величества, время от времени удирающие сюда со службы, буквально на полчаса, чтобы перевести дух. Удаётся им это не сказать чтобы часто, поэтому в трактире обычно пусто

или почти. И это его главное достоинство.

– Та самая погоня, Макс! – не поздоровавшись, выпалил Нумминорих.
– Не похожая, а именно та самая, я точно знаю, потому что пожилой господин в жёлтом тюрбане, которого мы расспрашивали, вот точно так же посмотрел потом вслед Мелифаро и сказал: «Надеялся, что не доживу до возвращения этих коротких лоохи, но мода черпает вдохновение в прошлом куда чаще, чем хотелось бы людям моего поколения», – и я тогда...

– Погоди, – опешил я, – ты о чём вообще? Что за человек в жёлтом, какая погоня, что с тобой?

Он рассмеялся.

– Погоня из моего Пророческого сна. Прости, что сразу не сказал. Думал, ты помнишь.

– А, вот ты о чём. Помню, конечно, только подробностей не знаю. Ты тогда не рассказал.

– На самом деле, рассказал, даже несколько раз повторил, просто ты не слушал. Думал о чём-то своём. Неважно. Важно, что мой Пророческий сон сбылся в точности. Не то чтобы я сомневался, но было ужасно интересно, как и когда...

– Вот и мне тоже интересно, как и когда, – вздохнул я. – И становится всё интересней буквально с каждой минутой.

– А почему ты при этом выглядишь таким недовольным?

– Ха. Это ж разве «недовольным». Видел бы ты меня час назад!

– Что-то случилось?

– Случилось. У нас тут спящие от страха с ума начали сходить.

– От страха?! Но чего можно так сильно испугаться в Ехо? У нас, вроде бы, ничего такого нет.

– Ты недооцениваешь гибкость человеческого сознания. Когда вокруг всё прекрасно, а бояться всё равно хочется, можно придумать, будто тебя проглотил и уже переваривает ужасный людоед. Или, к примеру, что Мир вот-вот исчезнет навек, вместе со всеми своими обитателями. И с тобой заодно – если уж ты тут. Я хлебнул и того, и другого, пока пытался их разбудить. И знаешь, меня проняло.

– Ужас какой, – вздохнул Нумминорих. – Всё-таки плата за неумение контролировать свои сновидения бывает несправедливо высокой. Как же мне повезло, что из-за работы пришлось этому научиться! До поездки в Тубур я даже не подозревал, что сны – это настолько важно. И никто обычно об этом не беспокоится. Вот и эти люди... А кстати, их много?

– Абилат нашёл двоих. Совершенно случайно. И непонятно, то ли он такой везучий, что сразу всех психов собрал, то ли они теперь под каждым кустом валяются, не хочешь, а всё равно наткнёшься. Надо попробовать поискать их целенаправленно. Поэтому мне пришлось оторвать тебя от захватывающей погони. Прости.

– Ничего, – улыбнулся Нумминорих, – я уже как раз набегался. А где мы будем искать?

– Честно? Не знаю. Абилат нашёл обоих ребят на Левом берегу. С одной стороны, было бы логично продолжить поиски именно здесь. А с другой, это вполне может быть просто совпадением, и все остальные сейчас благополучно сходят с ума от страха в Старом Городе.

– То есть, получается, всё равно, где искать? Главное, чтобы нам повезло? Ну или им.

– Именно, – вздохнул я.

– Но так даже лучше, – неожиданно заключил Нумминорих. – Когда сам принимаешь решение, запросто можно совершить ошибку. А везение всегда остаётся на совести случая. То есть, судьбы. Уж она-то никогда не ошибается.

– Или наоборот, всегда. Но это не имеет значения, когда ты такой большой начальник. Сама судьба! Чего хочешь навороти, всё равно будет считаться, что так и надо.

– Вот и я о том же.

– И в то же время, что бы мы с тобой ни сделали, этого будет недостаточно. Именно потому, что судьба всегда права, а правила её игры никому неизвестны. Мы можем бегать по городу хоть до конца года, не отвлекаясь на сон и еду. И всё равно никогда не будем уверены, что сделали достаточно. А вдруг надо было побегать ещё пару часов? И теперь по нашей вине ещё полдюжины несчастных безумцев остались погибать в придорожных кустах. Мы никогда этого не узнаем.

– Ну, если так смотреть на вещи... – помрачнел Нумминорих. Но тут же снова оживился и, почему-то перейдя на шёпот, сказал: – Ты знаешь, что моя жена уже много лет занимается торговлей антиквариатом.

– С каких пор это стало секретом? – невольно улыбнулся я. – С Хенной я познакомился даже раньше, чем с тобой.

– Не в этом дело. А в её работе, которая довольно долго была нашей общей. И многому меня научила. Например, антикварам довольно часто приходится участвовать во внезапных распродажах – знаешь, что это такое?

Я отрицательно помотал головой.

– Это случается, когда владелец редкой вещи дружен с большим

числом потенциальных покупателей; обычно так и бывает, круг-то один, все связаны общими интересами. И вот, предположим, торговец не хочет портить отношения со всеми, уступив сокровище кому-то одному. Тогда он объявляет «внезапную распродажу» – сам наугад назначает день, когда вещь будет продана. Но никому об этом не говорит, только записывает дату и отдаёт табличку какому-нибудь заслуживающему доверия незаинтересованному лицу – на всякий случай, чтобы всегда можно было доказать свою честность, если начнутся обиды. Ну и потом, когда наступает назначенный день, предлагает купить своё сокровище первому, кто к нему зайдёт. Если покупатель откажется, предложение получит следующий, и так далее. Сам понимаешь, чтобы было больше шансов добыть что-то стоящее, надо каждый день с утра пораньше всех потенциальных продавцов редкостей обходить. Это поначалу даже азартно, но потом начинает выматывать. Особенно, когда кроме работы у тебя куча других дел, и отказываться от них совершенно не хочется. Похоже на наш случай, правда?

– Да, немного, – нетерпеливо согласился я. – И что с того?

– Хенна придумала, как нам себя вести, чтобы, с одной стороны, не отказываться от шансов на удачную покупку, а с другой, не изводиться из-за ерунды. Когда на горизонте начинала маячить очередная «внезапная распродажа», мы сразу принимали решение: будем заходить к продавцу раз в три дня. Или в пять, или в дюжину, неважно; всё зависит от текущих возможностей и степени желания заполучить вещь. Главное, что этот метод избавил нас от мучительных сомнений, всё ли мы сделали как надо, или сами, как последние дураки, прохлопали лучший в мире шанс.

Я начал понимать.

– То есть, вы сразу объявляете судьбе свои условия? Дескать, мы готовы воспользоваться своей удачей вот в такое время и в таком месте, поэтому если хочешь нам помогать, делай это в соответствии с нашим графиком? А не хочешь – ладно, плюнь?

– Примерно так. Не могу сказать, что нам с Хенной везёт намного чаще, чем другим торговцам, но жаловаться грех. И уж точно не реже, чем раньше, когда ради охоты за сокровищами мы жертвовали сном, развлечениями, настроением, завтраком и порядком в собственной лавке. И при этом постоянно были недовольны собой.

– Действительно отличный метод. Похоже, именно его мне всю жизнь не хватало. Сейчас опробуем.

Я воздел глаза к небу, изобразил на лице суровость, подобающую истинному фаталисту, и сказал, очень тихо, но всё-таки вслух:

– Уважаемая судьба, давай договоримся так. Мы с Нумминорихом будем искать сходящих с ума от страха сновидцев сегодня, весь день, ровно до полуночи. Поэтому если хочешь кого-нибудь спасти, пусть он вовремя попадётся нам на глаза. Если необходимо, чтобы я понял причины происходящего, будь любезна, дай подсказку – внятную, а не как всегда. А если мы до полуночи никого не найдём и ничего не поймём, я объявлю дело закрытым, и займусь чем-нибудь другим. Договорились?

– Ладно, – сказал очень низкий мужской голос.

Очень громко сказал. И чётко. Захочешь, не ослышишься.

Мы с Нумминорихом одновременно вздрогнули и принялись оглядываться. И только потом поняли, что бас принадлежал хозяину трактира, обсуждавшему что-то с обосновавшимся у барной стойки человеком в старомодном коричневом лоохи до пят – не то клиентом, не то поставщиком, поди разбери.

Впрочем, не всё ли равно, какими декорациями пользуется судьба, в кои-то веки решившая поговорить с тобой человеческим голосом. И принять твои условия.

Подумать только.

– Слушай, – давясь смехом, сказал Нумминорих, – похоже, твоя судьба пахнет перцем, кожей, сырым песком, мясным супом с сушёными травами, хоттийским табаком, только что замешенным тестом, дымом углей для жаровни и... да, точно, очень редкой гумбагской ароматной водой, причём скорее женской, чем мужской.

– Рад, что у моей судьбы наконец-то наладилась личная жизнь, – улыбнулся я. – Возможно, именно поэтому она стала такой покладистой. Пошли! Чего мы ждём?

Из «Королевских ветров» мы не вышли, а вылетели, земли под собой не чуя, словно сами стали ветрами – не Королевскими, конечно, но тоже вполне ничего. Иногда так мало надо, чтобы безнадежное унылое дело вдруг превратилось в самое прекрасное и желанное занятие твоей жизни! Эту малость обычно называют «вдохновением», а серьезные люди, вроде моего друга Шурфа – книжным словосочетанием «внутренний огонь». Но какая разница, как называть. Лишь бы случалось почаще. Моя жизнь, кто бы спорил, всегда исполнена смысла; штука в том, что в моменты вдохновения я сам – смысл.

Вот, например, прямо сейчас.

За что я особенно люблю вдохновенное состояние – можно больше не раздумывать. Всё, что сделаешь, будет единственно верным поступком, а

чего не сделаешь, справится как-нибудь само. Если очень захочет произойти, произойдёт, а нет – так и не надо.

Нумминорих, как мне показалось, тоже не особо терзался сомнениями. По крайней мере, вид имел безмятежный и вопросы задавать явно не собирался.

Это он, кстати, зря. Некоторые вещи всё же следует обговаривать заранее, сколь бы простой и понятной штукой ни представлялась в этот момент человеческая жизнь в целом и предстоящая работа в частности.

– Предлагаю поделить территорию, – сказал я. – Чтобы хоть немного облегчить работу судьбе и не принуждать её аккуратно складывать всех безумных сновидцев под один куст, мимо которого мы всё равно пролетим, увлечённые разговором. Надеюсь, поодиночке нам станет достаточно скучно, чтобы хоть иногда поглядывать по сторонам. Какой берег выбираешь?

– Ой, а надо выбирать? – удивился Нумминорих. – Ладно, тогда пусть будет Левый. Может, доберусь до Дворца Ста Чудес, посмотрю, как он выглядит целиком. Я детей туда вчера возил, а сам, как ты понимаешь, ничего толком не рассмотрел, все силы ушли на попытки не дать Фило пробраться внутрь, вход-то пока строго-настрого запрещён. Ужасно обидно.

Ещё полчаса назад меня бы шокировало столь легкомысленное отношение к предстоящим поискам. Кучу времени и сил потратил бы, расписывая, в каком ужасном положении находятся спящие, спасать которых кроме нас некому. Какой может быть дворец, какие чудеса?! В свободное от работы время полюбуешься, если оно у нас хоть когда-нибудь будет.

Но теперь я и бровью не повёл. Кивнул:

– Хорошее дело. Это же самая окраина, пока туда доберёшься, всё Левобережье, считай, прочешишь, и сам не заметишь. А нам того и надо. Если по дороге найдёшь спящего, чьё поведение покажется тебе подозрительным, ничего не делай, сразу зови меня. И помни, что лучше сто раз кряду забить ложную тревогу, чем один раз не распознать беду.

– Ага, – пообещал он и скрылся за углом прежде, чем я успел придумать ещё хотя бы пару наставлений и предостережений – просто для солидности. Нельзя же человека на серьёзное дело вот так сразу легкомысленно отпустить.

«Хотя, получается, можно – если уж я отпустил», – весело подумал я, развернулся на пятке и потопал в сторону Большого Королевского Моста. Раз мне достался Правый берег, грех не прогуляться туда пешком. Тем

более, спящие любят мосты, там их всегда почему-то больше, чем в любом другом месте. Заодно проверю, как у них дела.

Дела у людей, которым в данный момент снилась прогулка по Большому Королевскому Мосту, обстояли весьма неплохо. По крайней мере, никто из попавшихся мне на глаза сновидцев, не проявлял ни малейших признаков страха или недовольства. Один зачарованно смотрел, как течёт Хурон, вспоминая, умеет ли он превращаться в рыбу. Другой воображал себя иностранным принцем и вид имел соответствующий, одно только алмазное облако в форме короны, плывущее над его головой, чего стоило. Третий сидел на перилах моста и разглядывал прохожих. Тоже неплохо. При всём моём недовольстве нынешней модой, до настоящих кошмаров нам пока далеко.

Ещё четверым снилось, что они деловито идут мне навстречу, то есть, на Левый берег. Не вместе, конечно, а поодиночке, не обращая друг на друга никакого внимания. Кстати, сколько наблюдал за сновидцами, ни разу не видел, чтобы они собирались компаниями или хотя бы парами. Всё-таки умение разделять сон с другими людьми – большая редкость. Оно даже у нас, в Ехо, не особенно распространено, хотя, казалось бы, как можно не выучиться элементарным вещам, когда все вокруг колдуют? И изобретать самим ничего не надо, сотни поколений учёных магов давным-давно всё придумали и записать не поленились, только бери и пользуйся.

Но в том и штука, что у нас слишком много возможностей. Глаза разбегаются, поди выбери, с чего начинать, а толковых наставников или просто советчиков, способных вовремя дать правильную подсказку, на всех желающих не напасёшься. Поэтому как бы я ни смеялся, что некоторые магические трюки входят в моду, подобно одежде и причёскам, приходится признать, что это здорово облегчает выбор начинающим. Пусть учатся изменять облик, ходить в полуметре над землёй и одним хлопком ладони призывать к себе забытый дома кошелек – всё равно чему, лишь бы учились. А уж потом магия сама разберётся, зачем ей нужен новоиспечённый колдун, и возьмёт его в оборот.

Ясно же, что на самом деле вовсе не мы выбираем, чему посвятить свою жизнь. Мне ли этого не знать.

– Ну надо же. Сэр Макс, – сказал Малдо Йоз.

Причём именно сказал, а не заорал, как обычно. Если бы не зелёная шляпа, я бы, пожалуй, так и не сообразил, кто это меня зовёт.

Впрочем, недостаток обычной громкости с лихвой компенсировался

широоченной, до ушей, улыбкой.

– Почему-то в голову не приходило, что тебя можно просто случайно встретить на улице, – говорил он. – Думал, ты ходишь по делам только Тёмным путём. А уж если гуляешь по городу среди бела дня, то замаскированный до изумления, так что сам от своих отражений шарахаешься, не узнав.

– Так чаще всего и бывает, – согласился я. – Но иногда – не так. Жизнь прекрасна непредсказуемостью. А я – её деталь. И стараюсь соответствовать.

– Деталь, да уж, – ухмыльнулся Малдо. – Маленькая такая деталька.

Я только плечами пожал. Дескать, какая есть. Сам когда-нибудь поймёт, что никакое могущество не делает человека центром мироздания. Скорее наоборот, помогает перестать себя им воображать – просто потому, что после более-менее близкого личного знакомства с мирозданием придерживаться прежней эгоцентрической концепции становится несколько затруднительно.

– Самое замечательное, что я как раз шёл и думал, как здорово было бы увидеть в толпе тебя, – сказал Малдо. – Не позвать куда-нибудь специально, не пригласить на обед, а случайно встретить и как бы между делом, на бегу похвастаться: «Представляешь, у меня всё получается! Вообще всё, прикинь!» Мне это просто позарез нужно – похвастаться, а потом добавить: «Слушай, даже страшно». Никому больше такую глупость не скажу, даже наедине с собой постараюсь об этом не думать – что значит «страшно»?! Как можно быть таким дураком? А тебе можно проговориться, потому что ты и сам, готов спорить, знаешь, как это бывает, когда тебя вдруг подхватывает и несёт. Просто отлично несёт, в нужном, заранее выбранном направлении, и о такой скорости ещё недавно нельзя было даже мечтать. Но...

– Но при этом ты отдаёшь себе отчёт, что вряд ли сам управляешь этим прекрасным полётом?

– Что-то в этом роде.

– Да, так бывает. Иногда мне кажется, что только так и бывает, когда впускаешь магию в свою жизнь. Сперва кажется, ты такой молодец, приручил весь Мир, как большую дружелюбную собаку, и теперь нет у него иных забот, кроме как приносить тебе домашние туфли и плясать на задних лапах ради твоего удовольствия. Но пока ты развлекаешься, отдавая команды, жизнь понемногу выходит из берегов, и вдруг оказывается настолько больше тебя, вернее, твоих представлений о собственных масштабах, что перестаёшь понимать, что ты такое, да и есть ли вообще.

Не примерещился ли? Не приснился ли какому-нибудь настоящему могущественному колдуну, который вот-вот проснётся, помотает отяжелевшей головой, навсегда отряхнёт смутные воспоминания о тебе, и пойдёт пить кофе.

– Что?

– Камру он пойдёт пить. Камру. Или компот. Неважно. Важно, что никто не проснётся и никуда не пойдёт, потому что мы с тобой всё-таки есть. Я точно знаю.

Малдо с досадой дёрнул плечом. Не то этот жест следовало понимать как «я вообще не о том», не то «повтори ещё раз, так, чтобы я поверил».

Подозреваю, последнее. По крайней мере, я всегда хотел именно этого. Но учиться верить в ту версию, которая устраивает меня больше прочих, всё равно пришлось самому.

Собственно, до сих пор учусь.

В отличие от меня, Малдо, похоже, справился с этой задачей влёт. По крайней мере, он снова заулыбался и сказал:

– Так вот, что касается хвастовства. Меня разорвёт на месте, если не расскажу тебе подробности. Во-первых, ребята только что закончили строить на Удивительной улице дом господина Чемпаркароке.

– Ого! – присвистнул я. – Хорошая у вас пошла клиентура. Надеюсь, расплачиваться он будет не Супом Отдохновения? А то трындец этой вашей Новой Древней архитектуры. Зачем что-то строить, когда всё и так хорошо?

– Да при чём тут какой-то суп, – отмахнулся Малдо. – Дело вообще не в оплате, а в том, что ребята всего минуту назад закончили строить новый дом на Удивительной улице, а я стою здесь, с тобой.

– Хочешь сказать, они работали без тебя?

– Именно! Заказ, конечно, довольно простой. Двухэтажный особняк из камня и дерева, на муримахский манер, только раскрашен во все цвета радуги и крыша плоская, поскольку владелец намерен развести там огород. Но слушай, лиха беда начало! Главное, что ребята справились сами. И не с учебной работой, а с настоящим заказом. Своей волей овеществовали дом, в который можно въезжать хоть сейчас, не внося никаких исправлений. Понимаешь, что это значит? Я им больше не нужен! Ну как, нужен, конечно, но уже не обязателен. В любой момент могу уехать, исчезнуть, да хоть лечь и умереть, они не пропадут. И работа не остановится, дома будут строиться, всё пойдёт по плану, как задумано. То есть, теоретически, моя воля может пережить меня самого. И от этого ощущение удивительной свободы. Как будто я стал бессмертным. Хотя, конечно, не стал. Но всё

равно.

– Если это только «во-первых», ума не приложу, какое у тебя припасено «во-вторых».

– А. Во-вторых, я полностью завершил наваждение Куманского павильона. Звучит не очень впечатляюще, понимаю. Но штука в том, что я сделал его совсем не так, как задумывал. А гораздо лучше! И самое главное, теперь у меня есть проверенный метод. Когда предстоит столько работы, метод – это единственное утешение. Я бы даже сказал, спасение... Но, в общем, тут не говорить надо, а показывать. Пошли?

Я открыл было рот, чтобы сказать: «Прости, я, к сожалению, занят». Был готов даже объяснить, чем именно. Вряд ли вся эта наша возня со спящими такая уж страшная государственная тайна, а Малдо будет не так обидно. Но в последний момент я сообразил, что, согласно договору, заключённому с судьбой, мне следует откликаться на любые предложения, в том числе, сбивающие с намеченного пути. Если уж взялся играть в фаталиста, будь последователен, доверяй судьбе. Или хотя бы делай вид, что доверяешь. А значит, иди туда, куда зовут, делай всё, о чём попросят, внимательно слушай, что тебе говорят. С этой точки зрения, случайная встреча с приятелем на Большом Королевском мосту – просто способ развернуть тебя в нужном судьбе направлении. Как, впрочем, и любое другое событие.

А судьба, так уж мы договорились, всегда права. То есть, сегодня, до полуночи, точно права. А там – посмотрим на её поведение.

Поэтому я сказал:

– Ладно. Только пешком отсюда слишком долго. Ты Тёмным путём ходишь? Хотя бы чужим?

Малдо непроизвольно дёрнулся, словно я залепил ему пощёчину. Ответил коротко:

– Нет.

И отвернулся.

Я почувствовал себя самой бестактной свиньёй в Море. Никогда не угадаешь, с кем о чём лучше молчать. Никогда.

Впрочем, он почти сразу улыбнулся и добавил:

– Вместо чужого Тёмного пути я пользуюсь чужими амобилерами. В смысле, арендованными, так удобней всего. И один из них как раз ждёт меня за мостом.

– Тем лучше. Сейчас я тебя прокачу.

– Таким тоном обычно грозят сжить со света.

– Что-то вроде того. Ты наверное наслышан, как лихо я езжу? Так вот,

не верь сплетникам. Всё гораздо хуже. Они даже не представляют, на что я способен, когда действительно тороплюсь.

На самом деле, я конечно преувеличивал – просто чтобы его насмешить. Но усаживаясь рядом со мной, Малдо Йоз выглядел не на шутку озабоченным.

– Рассказывают, что амобилеры, которыми ты управляешь, обычно рассыпаются в пыль, – сказал он. – Хотелось бы, по возможности, этого избежать. Опасаюсь прослыть нежелательным клиентом во всех прокатных конторах. Тогда придётся покупать свой, а я не люблю владеть имуществом. Собственность требует внимания, а его мне гораздо жалче, чем любых денег.

– Так было всего один раз, – утешил я Малдо. – Причём в амобилере, который рассыпался, я ехал аж из Кеттари^[22]. К тому же, на Левом берегу особо не разгонишься, дороги не те. Поедем медленно, не переживай.

Я сдержал слово. Поэтому до Дворца Ста Чудес мы добирались почти четверть часа. Малдо однако всю дорогу напряжённо молчал и обеими руками держался за сидение.

Надо же, какие трепетные бывают натуры.

– «Медленно», значит, – хмыкнул он, когда я остановился. – Ладно, буду знать, что означает «не переживай» в твоём исполнении... Слушай, ты это нарочно устроил?

– В смысле – «нарочно»?

– Чтобы меня проучить? Чтобы не зазнавался?

– А ты что, зазнался? – удивился я. – А теперь снова стал скромным? Причём только потому, что я езжу немного быстрее, чем ты привык? Ну надо же! Боюсь, это чересчур сложная концепция для моей бедной головы. Я в такие глубины психологии не ныряю и другим не советую. Ну их в пень.

– Извини, – улыбнулся Малдо. – Глупость сказал с перепугу. Я правда к такой скорости совершенно не привык. Особенно по плохой дороге. Вот, кстати, отдельная тема – сможем ли мы с ребятами переделать дорогу тем же методом, что перестраиваем разваленные дома? Слушай, а это идея! Работы – максимум на одну ночь, вообще говорить не о чем, если только... В общем, надо попробовать.

– Вот это другой разговор. Пошли в твой Куманский павильон. Пилюль от любопытства, говорят, ещё не изобрели, поэтому моя жизнь в опасности.

Любопытство любопытством, а по дороге я очень внимательно смотрел по сторонам: а вдруг и правда где-нибудь здесь скитается очередная жертва своего ночного кошмара? Ну если уж судьба меня сюда привела.

Но вокруг бродили только праздные зеваки, причём бодрствующие, все как один. Совсем немного, несколько дюжин человек, не больше. А я-то думал, вокруг Дворца Ста Чудес сейчас полгорода ошивается. Видимо люди падки не столько на зрелища, сколько на события, им больше нравится соучаствовать в процессе, чем созерцать результат, каким бы красивым он ни оказался.

Заметив зелёную шляпу Малдо, зрители оживились и направились было к нам, но узнав меня, изменили траектории движения, все как один. Я подумал, что со стороны наше совместная прогулка выглядит как арест великого зодчего. Или наоборот, спасение его от какого-нибудь неведомого ужаса, свившего уютное гнездышко в новостройке.

– Надо было мне сперва рожу изменить, а уже потом по публичным местам шляться, – вздохнул я. – Прости. И в следующий раз сам напоминай. Я рассеянный.

– Какое может быть «прости»? Мне-то только лучше, – отмахнулся Малдо. – Пусть теперь придумывают, зачем ты сюда приезжал. Домыслы, слухи, сплетни – всё это сейчас только на пользу. Надо как-то подогревать интерес к нашему дворцу до окончания внутренних работ. Глупо будет, если мы его откроем, а все уже забыли, что это такое и зачем оно было нужно. И никто не придёт...Эй, ты куда собрался?

– Как – куда? В твой Куманский Павильон. Мы же, вроде, его смотреть приехали.

– Нет-нет-нет, здесь заходить не надо! Я же все двери заговорил, чтобы никто раньше времени не пролез, пока у нас ничего не готово. Пошли, проведу через служебный вход.

«Служебным входом» во Дворец Ста Чудес оказалось окно умпонского Великаньего Дома, незастеклённое и крест-накрест забитое досками. Малдо утверждал, что доски держатся на самом простом из защитных заклинаний, всего за пять минут можно открыть проход и горя не зная. Правда, провозился все десять, но у меня язык бы не повернулся его торопить.

С этими грешными защитными заклинаниями вечно так: наложить их – секундное дело, зато чтобы снять, приходится потом повозиться. Даже с Джуффина порой семь потов сходит, когда он открывает свой сейф. И

большую часть непристойных ругательств, снискавших мне глубокое уважение портовых нищих и матросов пиратской шикки, я узнал от него в эти непростые моменты.

Но в конце концов Малдо всё-таки добился своего, доски благополучно исчезли, а потом снова материализовались у нас за спиной.

– Здесь пока ничего интересного! – сразу заявил он. – Не смотри!

«Ничего интересного» – это у нас теперь вот что. Стол такой величины, что я смог бы пройти под ним чуть-чуть пригнувшись, а Малдо даже шляпу не пришлось бы снимать. И соответствующих размеров стулья – всего два. Шурф мне когда-то рассказывал, что жители страны Умпон не признают больших компаний. То есть, ради работы, учёбы, поездок или других насущных дел они, конечно, объединяются, но для совместного досуга собираются исключительно парами. Умпонцы считают, что совершенный душевный контакт возможен только между двумя собеседниками, третий всегда окажется лишним, не говоря уже о четвёртом, пятом и шестом. А несовершенному в их жизни нет места, даже если это несовершенное – просто вечеринка, танцы, или дружеский обед.

Мне, кстати, тоже кажется, что самые лучшие, глубокие и искренние разговоры происходят именно один на один. И путешествия, и просто прогулки вдвоём обычно получаются самыми удачными. Но я всё равно рад, что не родился умпонцем. Без некоторых прекрасных несовершенств вроде общих посиделок в гостиной Мохнатого Дома жизнь была бы мне не мила.

Впрочем, я увлёкся. А на самом деле только и хотел сказать, что внутри Умпонского Великаньего Дома стояла великанья же мебель, стол и два стула, а Малдо Йоз чуть ли не силком тащил меня прочь, повторяя: «Не смотри, это пока не готово, я тут буду всё переделывать, не считается, забудь!»

– Главное, не пытайся меня отравить, как единственного свидетеля несовершенства твоего творения, – сказал я, когда он таки вытолкнул меня в коридор, успокоительно пустой и тёмный. – Я яды не люблю. Они невкусные.

– Ладно, – невозмутимо кивнул Малдо, – не будет тебе ядов, раз не любишь. Я сговорчивый. Пошли, покажу тебе законченную вещь. Сразу увидишь разницу. И поймёшь, что я не просто так самодурствую, когда говорю: «Не смотри».

– Да ясно, что никто не любит показывать черновики. Просто имей в виду, я в этом смысле идеальный зритель.

– Сразу видишь, каким всё будет, когда я закончу работу? – восхитился

Малдо.

– Да нет. Просто я неприхотлив и рассеян. Поэтому сперва мне всё очень нравится, а потом сразу же вылетает из головы – если, конечно, не потрясло до глубины души.

– Вот то-то и оно. А мне надо, чтобы тебя потрясло. Ладно, идём скорей, пока я не передумал. Ужасно нервничаю, когда что-то тебе показываю. А сейчас – особенно.

– Ну и зря.

«Ну и зря ты нервничаешь», – повторил я несколько минут спустя. Но не вслух. Только подумал. Потому что язык мой не повиновался мне в этот момент, равно как и все прочие части тела, пожелавшие замереть столбом на пороге зала, который Малдо Йоз называл «Куманским павильоном», а мои органы чувств сочли самой настоящей улицей где-то в центре Кумона, который я когда-то неоднократно обошёл вдоль и поперёк, вернее, объехал на уладасе, пешком по столице Куманского Халифата среди бела дня особо не походишь, не принято это у них. Ночью – другое дело, у куманцев считается, что темнота отменяет все правила, обязательные при свете дня, и на смену им приходят другие. Какие именно, я так толком и не понял: все-таки недостаточно долго там жил. И сэр Кофа за мной очень строго присматривал. В смысле, ночи напролёт таскал по местным трактирам и кормил как на убой^[23].

Впрочем, не то чтобы я возражал.

Но дело вообще не в этом. А в том, что сейчас, стоя не то на пороге Куманского павильона, не то всё-таки на краю тротуара одной из широких центральных улиц Кумона, вымощенной древними булыжниками, темно-красными, прозрачными, как окаменевшее вино, вдыхая сладкие ароматы мёда и благовоний, смешанные с горькими запахами разогретой солнцем древесной коры и дыма от жаровен уличных поваров, я узнал об этой прекрасной далёкой земле много больше, чем за несколько дюжин когда-то проведённых там дней. Потому что сейчас я был не любопытным путешественником, готовым до отказа заполнить красочными впечатлениями все вынужденные паузы между важными делами, а местным жителем, родившимся под красным небом Уандука несколько столетий назад. Поэтому древние дворцы не казались мне из ряда вон выходящим зрелищем – дома себе и дома, вон в том, с зелёными колонными раньше жил Бейса Хумарах, близкий друг моего отца, они даже умерли в один день, поэтому на похоронах собравшиеся слагали стихи о силе подлинной дружбы, и о том, что всякая прерванная смертью партия в

«Нуммизакк» будет доиграна по ту сторону дел и событий, в синей долине Лойи, которую наши далёкие предки, бессмертные кейифайи, не то сочинили в утешение своим смертным потомкам, не то всё-таки сумели увидеть сквозь непроницаемое пламя непознаваемого. Я именно так и подумал: «непроницаемое пламя непознаваемого», – хотя обычно подобные формулировки мне совсем несвойственны. Мягко говоря.

И одновременно всё это время я оставался собой. То есть, прекрасно помнил, что меня зовут Макс, и все прочие подробности, включая тот факт, что сюда я пришёл, чтобы посмотреть на работу своего друга Малдо Йоза, который хвастался, что у него отлично получился Куманский павильон. И правильно делал, что хвастался, если бы я умел создавать столь великолепные, убедительные иллюзии, уже провозгласил бы себя самым главным Великим Магистром всего Мира, а кто не согласен, может убираться к сортирным демонам – это примерно как «ко всем чертям», только ещё обидней.

Мимо меня неторопливо прошествовали носильщики, несущие уладас. Их господин, возлежащий в расслабленной позе, поприветствовал меня с подобающей почтительностью, воздев одну руку к небу, а вторую приложив к сердцу. Стая птиц слетела с благоуханных ветвей маниовы на тротуар, уличный сказочник принялся звонить в колокольчик, призывая публику, а я...

А я обернулся к Малдо и спросил:

– Как отсюда выйти? С меня пока хватит. А то, чего доброго, окончательно поверю в происходящее и останусь тут жить. И выкручивайтесь без меня как хотите – там, у себя, в Ехо.

– Сейчас всё само закончится, – прошептал он. – Не такой я великий мастер, чтобы наваждение растягивалось на всю жизнь. Несколько минут – мой потолок. Впрочем, для Дворца Развлечений этого достаточно.

Я ещё успел увидеть, как из-за угла выходит юноша-чужеземец в драгоценных одеждах Тайного Раба Халифа и достает из кармана печенье, чтобы накормить птиц, успел услышать низкий гул главной кривой струны чуффаддага за высокой стеной и одобрительно решить, что музыкант неплохо владеет инструментом, успел вдохнуть запах одежд проходящей мимо юной женщины, который означал: «Я не ищу новых любовных связей, но готова поддержать интересный разговор, принять участие в игре или дать совет», – и порадоваться образованности нынешней молодёжи, в наше время древним языком благовоний владел, в лучшем случае, каждый десятый, так что зачастую трудно было прийти к взаимопониманию с незнакомцами, зато теперь...

Зато теперь – всё.

В смысле, представление закончилось. Никакого Кумона, никаких дворцов, ароматов, птиц, уладасов и прекрасных незнакомок, только я и кудесник Малдо Йоз в совершенно пустом просторном зале, освещенном тусклым оранжевым сиянием единственного грибного фонаря.

– Невероятная штука, – сказал я. – Даже не буду спрашивать, как ты это сделал. Слушай, ну ты даёшь! Я же не просто посмотрел на Кумон, я был там. И чувствовал себя самым настоящим коренным кумонцем. Кажется, кстати, довольно старым.

– Да, – кивнул Малдо, – пожилым. – Ему что-то около шестисот лет, это даже для потомка кейифайев весьма почтенный возраст.

– Вообще не понимаю, как такое возможно.

– Просто ты никогда не интересовался иллюзиями, – улыбнулся Малдо Йоз. – А я долгое время только этим и занимался. И вот, сам видишь, наконец-то начало получаться.

– Начало – не то слово.

– Атмосфера превыше событий, правда? Я имею в виду, все эти запахи, звуки, чужие воспоминания, якобы знакомые лица – они же гораздо важнее, чем возможность просто прокатиться на уладасе, ничего, кроме качки толком не ощутив и не поняв.

– Даже сравнивать глупо.

– Тем не менее, ещё совсем недавно я сравнивал. Пытался принять верное решение. С одной стороны, я хочу, чтобы Дворец Ста Чудес нравился людям, чтобы о нём говорили, как о новом чуде Мира – сейчас и тысячу лет спустя. Чтобы к нам не ленились добираться с самых дальних окраин Соединённого Королевства, целыми семьями, с прабабками и детьми, чтобы чужеземцы бросали все дела, на последние деньги покупали билеты до Ехо, а из порта бегом отправлялись прямо сюда, сгорая от любопытства, даже не позавтракав по дороге. В общем, мне позарез нужна слава и всеобщая любовь. То есть, не мне лично, а моему дворцу. И заодно всему Миру – глупо получится, если он не узнает о наших новых чудесах и останется без них, как последний дурак.

Я невольно улыбнулся его чистосердечному признанию.

– Но с другой стороны, я хочу, чтобы всё было именно так, как хочу я сам, – внезапно добавил Малдо. – И на кой мне сдались слава и любовь, если получу их не за настоящее чудо, которое хочу показать всему Миру, а за очередное популярное место развлечений? Поэтому я решил: надо делать лучшее, на что способен, не беспокоясь, понравится это публике или

окажется слишком сложным для неё. Кто останется равнодушным, сам виноват. Верно я говорю?

– Если бы ты говорил иначе, это был бы уже не ты. А какой-нибудь другой человек. И вряд ли с ним было бы так интересно.

– Спасибо, – просиял он. – Это именно то, что я хотел от тебя услышать. Слово в слово! Отлично. Теперь я вообще ничего не боюсь.

– Вообще ничего? Отлично. Тогда пошли, прокачу тебя в амобилере.

– Чтобы не зазнавался? – подмигнул Малдо.

– Считай, что так. Хотя...

Но говорить мне не дали.

«Как ты думаешь, если человеку снится, что он сидит в колючих кустах, закрыв глаза и обхватив руками голову, это тот самый случай, когда надо звать тебя?» – спросил Нумминорих.

«Думаю, да, – обречённо согласился я. – Как улица-то называется?»

«Жареная. Угол Варёной. И нет, я не издеваюсь».

«Верю, своими глазами видел. Там ещё неподалёку Сырой переулок есть. Хотел бы я знать, кто придумывает названия улиц!»

«По-разному бывает, – принялся объяснять Нумминорих. – Это может быть и личное Королевское решение, и пожелание застройщика, и идея одного из жителей. Право назвать улицу иногда даруется в качестве награды или покупается у города; кстати, довольно дорогое удовольствие, я узнавал. И ещё существует такая специальная комиссия при Управлении Письменными Договорённостями, которая может утвердить или отклонить любое предложение, кроме, конечно, Королевских, которые принимаются без возражений...»

«Спасибо, друг. Но вообще-то вопрос был риторический. И выражал, во-первых, возмущение дурацкими названиями, а, во-вторых, желание хоть немного оттянуть неприятный момент, когда придётся заняться делом. И это я, конечно, зря. Сейчас буду».

– Не прокачу я тебя, – сказал я Малдо. – Внезапно появилась работа. Поэтому зазнавайся дальше. Ты гений, тебе можно.

Лицо гения вытянулось, явив Миру жалобную гримасу всеми покинутого сироты.

– А твоя работа – это надолго? – спросил он. – Я бы сейчас чего-нибудь выпил на радостях. И лучше с тобой, чем без.

– Работы там, скорее всего, на пару минут, – честно сказал я. – Засада однако в том, что сделав её, я сойду с ума.

– В смысле?

– Безумием буду пахнуть, какой тебе ещё нужен смысл?

– Ничего себе у тебя шутки.

– Да какие шутки, – поморщился я. – Впрочем, к вечеру запах безумия пройдёт. Или даже раньше, посмотрим. А может, повезёт, и вовсе без него обойдётся. Тогда пришлю тебе зов.

Малдо растерянно моргнул. Я виновато развёл руками, повторил про себя адрес: «Жареная улица, угол Варёной, кусты», – и покинул Дворец Ста Чудес. Тёмным Путём, конечно, чего тянуть.

Это меня и подвело. В том смысле, что из Куманского павильона я шагнул прямёхонько в заросли декоративного кустарника.

Колючего декоративного кустарника, вот в чём беда. Не надо было о нём вспоминать.

– Ох, что ж ты так!.. – схватился за голову Нумминорих.

– Зато буду теперь весь в шрамах, как настоящий герой, – сказал я, пытаюсь выбраться из кустов с минимальными потерями. То есть, в изодранном в клочья лоохи, вусмерть исцарапанным, но всё-таки не одноглазым. И вообще живым.

Это мне, как ни странно, удалось.

– Ну и где твой спящий красавец? – спросил я.

– Исчез, как только ты появился. Потому что вообще-то ты свалился прямо на него. Может быть, он проснулся от неожиданности? И поэтому исчез?

– Может быть, – вздохнул я. – Надеюсь, это случилось вовремя. В смысле, он не настолько чокнулся от какого-нибудь своего страха, чтобы...Ай, ладно. Всё равно этого мы с тобой никогда не узнаем. Исчез и исчез, точка. Этого не изменить. Можем гулять дальше.

– Он исчез, а запах-то остался, – растерянно заметил Нумминорих.

– Погоди. Какой запах? Абилат говорил, спящие безумием не пахнут, даже когда сходят с ума. Я поверил ему на слово, поскольку сам всё равно не различаю, ты знаешь.

– Нет-нет-нет, не запах безумия, что ты. Запах этого сновидца. Он был довольно странный, ни на что не похож. И почему-то до сих пор ощущается. Хотя немного изменился... Слушай, нет, я понял! Это был не один запах, а смесь. Личный запах спящего, который теперь исчез. И ещё один. Вот он-то и остался. Наверное, этот сновидец просто в чём-нибудь перемазался по дороге. В смысле, пока ему снилось, как он сюда идёт. Такое вообще возможно?

– Наверное, – я пожал плечами. – С этими спящими никогда заранее не знаешь, что возможно, а что нет. Ещё вчера я понятия не имел, что они

способны совершенно самостоятельно, без помощи внешних обстоятельств, воображать себе какие-то дурацкие кошмары, да ещё и с ума от них сходить...

– Так, стоп, – внезапно перебил меня Нумминорих. – Будешь смеяться, но теперь этот странный запах исходит и от тебя.

– Час от часу не легче. Он хотя бы не очень противный?

– Совсем не противный, – утешил меня Нумминорих. – И слабый, так что кроме меня и собак никто не учует.

– Слабый и приятный?

Я, грешным делом, подумал – а вдруг это запах куманского наваждения? Я бы совершенно не удивился, если бы он ко мне прилип, очень уж достоверными были ощущения в этом грешном Куманском павильоне. Ну всё-таки Малдо даёт!

Но Нумминорих отрицательно помотал головой.

– И не приятный. Вообще никакой. Нейтральный. И ни на что мне знакомое не похож. Совершенно точно никогда прежде ничего подобного не нюхал, представляешь? А думал, в Ехо уже не осталось запахов, которые могли бы меня удивить... Погоди. В смысле, стой, не двигайся. Дай мне разобраться.

«Разобраться» в исполнении Нумминориха означало тщательно обнюхать меня с головы до ног. Теоретически, я знаю, что для нюхача вроде него это совершенно нормальный поступок, обязательная часть работы, иначе никак. А на практике всё равно заржал, вообразив, как мы выглядим со стороны.

Нумминорих не обратил на моё веселье никакого внимания. Привык.

– Это твои сапоги пахнут, – наконец сказал он. – Значит, ты просто во что-то такое в кустах наступил... Ха! Я даже вижу, во что именно. Какой-то порошок.

– Что?

– Голубой, блестящий. И в траве поблескивает. И дальше, в кустах.

– Что за порошок-то?

– Понятия не имею. Говорю же, впервые в жизни слышу его запах. Но почти уверен, что это не еда, не яд, не лекарство. И не... И не всё остальное. Таково моё экспертное заключение. Извини.

– Ладно, – кивнул я, – значит, будем искать других экспертов.

И быстренько разулся. Стоять на земле босиком оказалось довольно неприятно – даже самая тёплая зима остаётся зимой. Но чего только не сделаешь ради сохранения ценного материала для научных исследований.

Хотя, конечно, не факт, что ценного. Мало ли откуда взялся этот

дурацкий порошок. Может быть просто блёстки с детского карнавального наряда осыпались, а мы тут гадаем, как дураки, что это такое. Впрочем, нет, не такие уж дураки. Если Нумминорих говорит, что этот запах с самого начала исходил от спящего, то...

Так.

– Так, сказал я Нумминориху. – Надо кое-что проверить, чем быстрее, тем лучше. Давай руку, закрывай глаза, проведу тебя Тёмным путём.

– Здорово! – просиял он.

– Ещё бы, – согласился я.

И не соврал. Босой, продрогший, исцарапанный в кровь, я был сейчас совершенно счастлив, потому что азарт есть азарт. Ну и, будем честны, не так часто приходят мне в голову по-настоящему хорошие идеи, чтобы перестать им радоваться.

– Есть запах, – твёрдо сказал Нумминорих на обочине Весёлой дороги, где я вчера ночью имел удовольствие почувствовать себя пищей гигантского людоеда, а потом еще большее удовольствие осознать, что на самом деле это не так.

Есть, значит. Так и знал.

– Но совсем слабый, – добавил он. – Я бы наверное внимания не обратил, если бы ты не спросил.

– Ну так дождь был, – вспомнил я. – Удивительно, что ты вообще что-то унюхал. Слушай, а это не от моих сапог доносится?

– Хороший вопрос. Сейчас, отойди подальше. Погоди... Нет, всё-таки пахнет трава, причём сильнее всего вот в этом месте.

– Отлично, – кивнул я. – Пошли дальше.

В саду на улице Доброго Знака я не стал показывать Нумминориху место, где лежал второй сновидец. Сказал:

– Попробуй найти запах сам.

Приготовился ждать, сколько понадобится, и нервничать, конечно же, как без того. Но не пришлось, Нумминорих тут же уверенно зашагал к крыльцу.

– Вот здесь пахнет сильнее всего. Ну и след есть, не идеальный, но довольно неплохой. Идёт куда-то туда, – он махнул рукой в сторону дальнего конца участка.

– Логично. Спящий-то он был спящий, но всё равно откуда-то пришёл. Сможешь найти, откуда?

– Ну так это не от меня зависит, – развёл руками Нумминорих. – Если

запах не исчезнет, найду. На Весёлой дороге даже не взялся бы искать, а тут имеет смысл попытаться.

– Тогда давай. Если потеряешь след, попробуй тот, который остался на Жареной улице. Если не потеряешь, тоже попробуй – потом. И будь на связи. В смысле, присылай мне зов время от времени, даже если ничего особенного не случится. Просто рассказывай, куда тебя занесло. А я пошёл.

– К Джуффину? Думаешь, он знает, что это за порошок?

– Не то чтобы думаю. Но есть такое дурацкое чувство – надежда. И уж его-то никому у меня не отнять.

Только теперь я заметил, что из окна на нас во все глаза смотрит перепуганная хозяйка дома, бывшая пациентка Абилата, благодаря которой мы с ним нынче утром нашли вторую жертву кошмарного сна. Судя по выражению лица бедной женщины, она была готова в ближайшее время пополнить ряды перепуганных психов. Её можно понять: два незнакомца, с хозяйским видом разгуливающих по твоему саду – не совсем то зрелище, которое приятно созерцать одинокой пожилой леди, даже среди бела дня. Нумминорих ещё ладно бы, он с виду вполне приличный человек, а вот я – босой, с окровавленным лицом, в изодранной одежде, сжимающий сапоги в израненных руках – на диво хорош.

Сам бы от такого гостя в погребке спрятался.

– Тайное Сыскное Войско столицы Соединённого Королевства, – сказал я, изо всех сил стараясь изобразить на саднящем от царапин лице хоть какое-то подобие приветливой улыбки. – Всё в порядке, в вашем саду нет ни мятежных Магистров, ни злобных демонов, ни даже какого-нибудь завалающего беглого каторжника. Поэтому мы уже уходим. Вернее, я. Зато прямо сейчас. И мой коллега тоже не надолго задержится. Уйдёт огородами. Хорошего дня.

И сдержал слово: шагнул из её сада в кабинет Джуффина. Где мне в таком виде самое место. Если кому-то нужна живая иллюстрация тяжёлых будней Тайного Сыска, то вот она. В смысле, я. Можно начинать рыдать и повышать нам жалование. Хоть и непонятно, чем это может помочь.

Я, конечно, очень надеялся застать там финал совещания с чиновниками из Канцелярии Скорой Расправы. Вернее, самих этих чиновников, чтобы хоть кого-нибудь шокировать своим героическим обликом; Джуффина-то подобной ерундой не проймешь, Куруша – тем более. Знаю я их.

Но мои романтические мечты о триумфальном пришествии умирающего героя разбились о скалы суровой действительности. Вместо

впечатлительных чиновников, никогда прежде не имевших счастливой возможности лицезреть меня окровавленным и босым, в кабинете Джуффина сидел сэр Шурф Лонли-Локли. Ещё более впечатлительный – в некотором смысле. Когда дело касается меня.

Я так растерялся, что спросил:

– Ты что, всё-таки вылетел из Семилистника и пришел снова наниматься в Тайный Сыск? Ну и правильно, у нас гораздо веселей.

– Безусловно, веселей, – сдержанно согласился он. – Это сложно не заметить.

– А запах безумия где? – строго спросил меня Джуффин. – Ишь, завёл моду – запах отдельно, симптомы отдельно, несколько часов спустя. Ты нам так всю теоретическую медицину развалишь.

– Не развалю, – пообещал я. – Нет никаких симптомов. Я просто принёс тебе свои сапоги. Чтобы ты на них посмотрел и, если понадобится, понюхал...

Джуффин и Шурф встревожено переглянулись.

– Я не обижаюсь, что ты снова пришёл без пирожных, – внезапно сказал Куруш. – Я понимаю, что иногда вам, людям, живётся довольно несладко.

Золотые слова.

– Значит так, – сказал я. – Слушайте меня внимательно, господа злые колдуны, и не давайте воли своим низменным отцовским инстинктам. Мои сапоги – это очень важно, я их сюда на экспертизу принёс. И разулся не подчиняясь тайному приказу неведомых голосов в голове, а чтобы прилипший к ним порошок остался на месте. А исцарапался я в кустах, куда случайно вломился Тёмным путём. Кусты растут на углу Жареной и Варёной улиц; звучит, понимаю, даже хуже, чем я выгляжу, но всё равно не стану утаивать от вас эти душераздирающие топографические подробности. Вдруг потом окажется, что адрес имеет значение?

Они снова переглянулись, теперь с явным облегчением.

– Да нет, нормально звучит, – успокоил меня Джуффин. – По крайней мере, для того, кто знает этот район. Что там стряслось?

– Камры налей, тогда расскажу, – улыбнулся я, усаживаясь на стул для посетителей. – И слушайте, стыдно признаваться, но я до сих пор не умею лечить царапины. Помогите мне, если не трудно. Они очень противно саднят.

– Извини, пожалуйста, – сказал Шурф. – Я сам должен был об этом подумать.

– Ничего. Я понимаю, что царапины показались тебе сущей ерундой

на фоне всего остального. Сам виноват, нечего было тут сидеть вместо служащих Канцелярии Скорой Расправы. Шоу предназначалось для них.

– Просто я – тоже шоу, которое предназначалось для них. Только, в отличие от тебя, я не вдохновенно импровизировал, а выполнял заказ Господина Почтеннейшего Начальника.

– Что, настолько тяжёлые переговоры? – изумился я.

– Да не то слово, – сердито сказал Джуффин. – По-моему, зря я давно никого публично не убивал. Люди начинают думать, будто со мной можно договориться не только на моих условиях, но и на своих. Потрясающее простодушие. Но отчасти я действительно сам виноват. Репутацию надо поддерживать, пока ты не покойник. Вот у них никаких проблем: умер, стал легендой, и с этого момента время работает на тебя. С каждым поколением байки о тебе делаются только страшнее. Мечта!

– И как же ты выкрутился? – спросил я, с удовольствием разглядывая свою левую руку, целую и невредимую. Над правой ещё велись ремонтные работы.

– Сам видишь, как, – вздохнул Джуффин. – Попросил Великого Магистра Ордена Семилистника любезно нас навестить. И с порога задал ему вопрос: какие у нас есть законные способы ликвидировать Канцелярию Скорой Расправы? Как институцию, я имею в виду. Без человеческих жертв. Потому что с жертвами я и сам умею. И вообще любой дурак.

– И что, есть такие способы?

– Разумеется есть, – кивнул Шурф. – Например, гражданская война. В момент объявления военного положения автоматически упраздняется целый ряд ведомств, созданных для управления государством в мирное время. И потом отдельными Королевскими указами создаются другие.

– Ты им так и сказал?

– Разумеется. Я всегда стараюсь давать правдивые и развёрнутые ответы на заданные мне вопросы.

– Если ты думаешь, будто это помогло, ты ошибаешься, – заметил Джуффин. – Напротив, наши уважаемые коллеги решили, что теперь им точно ничего не грозит, и приосанились. Тогда я спросил Шурфа, какие объективные причины могли бы привести Соединённое Королевство к гражданской войне. Желательно не позже, чем к завтрашнему утру – не люблю затягивать дела, ты меня знаешь.

– Ну и как? – сочувственно спросил я. – Хоть одну придумали?

– На двадцать седьмой ребята подписали проект полного перечня изменений в межведомственном законодательстве в том виде, в каком он устраивает меня.

– На двадцать седьмой?!

– На самом деле, я мог бы назвать ещё тридцать четыре возможных причины, – скромно заметил Шурф. – Ты знаешь, я люблю абстрактные теоретические задачи. И не так уж часто имею удовольствие их решать.

– Всё! – решительно сказал Джуффин. – Ты уже, хвала Магистрам, цел, кружку камры выдул, нос в большую политику сунул, хватит с тебя наслаждений. Рассказывай, что стряслось.

И я рассказал то небольшое, что знал, для наглядности потрясая сапогами с едва заметными глазу следами блестящего порошка.

– Нумминорих пошел по запаху, – завершил я. – Стартовал с улицы Доброго Знака, пока бродит по Левому берегу зигзагами, даже какого-то определённого направления, говорит, нет. Впрочем, запах постепенно становится сильнее, и это даёт надежду рано или поздно приблизиться к источнику. Но в любом случае было бы очень неплохо узнать, что это за порошок. И вот я здесь.

– Вынужден тебя разочаровать, – пожал плечами Джуффин. – С моей точки зрения, это мало чем отличается от пыли, разве что, блестит. Никакого запаха я, в отличие от Нумминориха, не чувствую, никакой угрозы тоже. А ты, сэр Шурф?

Тот отрицательно качнул головой.

– Индикатором, что ли, проверить? – задумчиво сказал Джуффин. – Должен же быть хоть какой-то толк от этих приборов. А то я вон даже забыл, где он у меня лежит...

Я понимающе вздохнул. Мой собственный кинжал с вмонтированным в рукоять индикатором, определяющим ступень Очевидной магии, использованной для создания того или иного эффекта, совершенно точно лежал в кармане. Дело за малым: вспомнить, в кармане чего? И сколько лет назад я в последний раз надевал эту одежду. И в каком Мире, и как меня туда... Ох. Тут уж вспоминай, не вспоминай.

Джуффин оказался умнее. Хлопнул ладонью по столу, пробормотал заклинание Призыва, и искомая вещь тут же оказалась у него в руках, как миленькая. Очень полезное заклинание! Самое обидное, что я его тоже знаю, но почему-то забываю о нём всякий раз, когда принимаюсь искать очередную пропажу.

– Будете смеяться, но семьдесят восьмая Белой, – сказал Джуффин, поднеся индикатор к моему сапогу. – Это вам не лис споткнулся.

– Семьдесят восьмая?! – изумлённо переспросил я.

– Становится довольно интересно, не так ли? – хладнокровно заметил сэр Шурф.

– Пожалуй, – не менее хладнокровно отвечал Джуффин. – Умеют же некоторые в полную неизвестность так удачно сапогами влезать.

– Что я могу сделать прямо сейчас – это отправиться в Орденскую библиотеку и собрать все сведения о порошках сходного цвета, – сказал Шурф. – Думаю, это не отнимет много времени.

– Ого! – обрадовался я. – Было бы здорово. Спасибо!

– Ты сам знаешь, что в данном случае речь идёт не столько о любезности, сколько о возможности получить удовольствие, – улыбнулся мой друг. И тут же исчез.

А я подумал, что надо бы почаще задавать Шурфу разные заковыристые вопросы. Когда твой друг – маньяк, не позволяющий своей губительной страсти к чтению взять верх над чувством долга, следует проявлять больше чуткости и изобретательности. Например, каждый день доверчиво расспрашивать его о нетрадиционных практиках использования арварохских жуков еубе в приворотной магии, или о возможных последствиях регулярного добавления сушёных побегов тонторийского тростника апуге в трубочный табак. Главное, убедительно причитать, что эти сведения позарез нужны мне для работы, чтобы его совесть была чиста.

– Что ещё сейчас можно сделать? – спросил я Джуффина.

– Обуться, конечно. И переодеться. И что-нибудь съесть, но это уже при условии, что тебе повезёт, Шурф надолго зароеется в книжки, Нумминорих будет нарезать круги по Левому берегу, и никто не разлучит тебя с тарелкой. В чём я, впрочем, здорово сомневаюсь. Ты, конечно, везучий, но всему есть предел.

Тем не менее, практика показала, что предела моему везению нет. По крайней мере, я успел смотаться домой, привести себя в порядок, раздобыть на кухне гигантский бутерброд из зелёного гугландского хлеба с зелёной же уттарийской ветчиной, вернуться в кабинет Джуффина, победоносно размахивая этим монохромным трофеем и даже уничтожить примерно треть. И только тогда Шурф прислал мне зов.

«Никаких сведений о блестящем порошке голубого цвета, для изготовления которого требуется семьдесят восьмая ступень Белой магии, в библиотеке Ордена Семилистника не нашлось, – сказал он. – И боюсь, моя неудача означает, что письменных источников, содержащих эту информацию, мы не отыщем нигде. По крайней мере, не в Соединённом Королевстве. Прости».

«За что? Нет, так нет, ничего не поделаешь. Не мог же ты сам сесть и написать новую книгу о голубом порошке».

«Вообще-то, теоретически, мог бы. За полчаса вполне можно успеть написать небольшую книгу».

«Книгу? За полчаса?! Ты меня натурально убиваешь».

«Тем не менее, ничего невозможного тут нет – если, конечно, речь о познавательной брошюре, не обладающей особыми художественными достоинствами. Но такая книга не имела бы никакой практической ценности, поскольку необходимыми знаниями я, к сожалению, не располагаю».

– Нет в библиотеке Семилистника никаких сведений о голубом порошке, – сказал я Джуффину. – Видимо, совсем свежее изобретение.

– Или наоборот, очень древнее. Или настолько бесполезное, что никому в голову не пришло о нём писать. Или просто секрет одного из Орденов. Они далеко не всегда афишировали свои достижения и, в общем, правильно делали. Хотя нам от их скрытности одни неудобства.

– Может быть, леди Сотофа знает, что это за неведомая хрень? – предположил я.

– Я бы не удивился. Она у нас крупный специалист по, как ты выражаешься, «неведомой хрени».

– Уже легче.

– Ха. С удовольствием посмотрю, как ты будешь выцарапывать из Сотофы её тайные знания. Меня она посылает к Тёмным Магистрам в одиннадцати случаях из дюжины – при том, что прекрасно знает, что меня беспокоят исключительно вопросы жизни и смерти, с другими я к ней не хожу.

– Может быть, в этом всё дело? Вопросами жизни и смерти мало кто по доброй воле согласится заниматься. А я вечно лезу к ней со всякой ерундой... Знаешь что? А давай поспорим на сто корон, что леди Сотофа меня, как минимум, выслушает!

– Нашёл дурака! – хмыкнул Джуффин. – Глупо спорить с человеком, который сам предлагает такую высокую ставку, а значит, уверен в победе. Откуда мне знать, о чём вы с ней сговорились у меня за спиной?

– Не сговорились, – сказал я. – Честно! Ладно, не хочешь на сто, давай хотя бы на десять корон поспорим. Это мой единственный шанс.

– Заработать денег? Не изводись так, очередная выплата жалования буквально через три дня.

Я яростно помотал головой. И подумал: «Хватит уже прикидываться недогадливым!» Но вслух, конечно, ничего не сказал.

– Ладно, – решил Джуффин. – Спорим. Но на две короны, не больше.

И только попробуй проиграть!

Я улыбнулся, кивнул и послал зов леди Сотофе Ханемер.

«Слушайте, – сказал я ей, – тут такое дело. Стыдно признаваться, но придётся. Иначе я пропал».

«Это что-то новенькое, – обрадовалась она. – Чтобы ты, да вдруг пропал! Во что это ты вляпался?»

«В блестящий голубой порошок. Никто не знает, что это такое, но дело даже не в этом. Просто я предположил, что вы знаете наверняка. А Джуффин сказал, что вы меня пошлёте, да так далеко, что тысячу лет идти буду. Слово за слово, и мы...»

«Неужели подрались?»

«К сожалению, нет. Просто поспорили. Джуффин поставил две короны, что вы со мной даже разговаривать не захотите. Пришлось принять вызов. Очень обидно было бы проиграть».

«Жалко, что всего две, – сказала леди Сотофа. – Было бы гораздо веселей помочь ему продуть сразу сотню. Ладно, что с тобой сделаешь, приходи со своим порошком. Я у себя в беседке и буду сидеть тут ещё, как минимум, час».

– Ты хорошо нас изучил, – одобрительно усмехнулся Джуффин. – Есть две вещи, в которых я твёрдо уверен: если я попаду в беду, Сотофа придёт на помощь, не считаясь ни с чем. А если у неё появится хоть малейшая возможность оставить меня в дураках, она это сделает – тоже не считаясь ни с чем.

– Её можно понять, – сказал я. – Всем нам надо время от времени делать что-нибудь невозможное – просто чтобы оставаться в тонусе. А леди Сотофа всё-таки очень могущественная. Даже слишком. Поэтому выбор невозможного у неё совсем невелик: то ли новую Вселенную создать, то ли тебя в дураках оставить. Я бы на её месте тоже выбрал второе. Вселенная – это всё-таки очень много возни. Хуже переезда.

– В твоих устах звучит крайне убедительно. Ладно уж, дуй отсюда. Пока Сотофа не передумала.

К моему удивлению, леди Сотофа ждала меня не одна. Напротив неё сидела толстуха в нелепой меховой шапке, какие носят в Изамоне, и пёстрой накидке, отчасти напоминающей лоохи, сшитое без участия профессионального портного; скажем, из двух простыней.

Когда я появился на пороге, толстуха как раз заливисто хохотала, размахивая руками. И мне стало ужасно неловко, что я нарушил такие хорошие посиделки; с другой стороны, леди Сотофа сама меня позвала.

Наверное, ей видней.

– Заходи, – сказала леди Сотофа. – Чего ты ждёшь? Мы тебя не съедим, уже пообедали. А ты?

– Я только что съел бутерброд, – честно ответил я. – Он был большой и зелёный. Так что, считайте, этот вопрос на какое-то время закрыт... А я вам точно не помешал?

– Помешал, конечно, – лучезарно улыбнулась она. – А то сам не видишь, как мы тут отлично сидим. Но твой спор с Джуффином – это святое. Две короны во что бы то ни стало должны покинуть его карман. Ну и Хайста совершенно не возражала против твоего прихода. Ты ей понравился.

Только теперь я узнал толстуху. Гадалка с улицы Жёлтых Камней. Ну надо же. Вот уж кого не ожидал здесь встретить! И совершенно зря. Леди Сотофа сама говорила, что они подружки.

– Спасибо, что не возражали, – сказал я гадалке. И зачем-то добавил: – А у моего друга как раз сегодня сбылся ваш Пророческий сон. Ничего особенного, просто про погоню и человека в жёлтом тюрбане, зато сбылось всё слово в слово. Он был очень рад.

– Что по-настоящему прекрасно в Пророческих снах, – откликнулась гадалка, – никто в них не верит! Ни молодёжь, ни, что самое поразительное, опытные колдуны. В Белый Огонь они почему-то верят, хотя кто его видел, тот Белый Огонь? И в Тёмную сторону, и в Хумгат, где почти никто не бывал, верят безоговорочно. Даже в такую ерунду как Сон Мёнина^[24], Красный дым^[25], или, скажем, кейифайские приворотные зелья – верят! А в Пророческие сны не верят, и хоть ты тресни. И всякий раз искренне удивляются: гляди-ка, сбылся! Сразу чувствуешь себя единственным человеком в Мире, которому под силу настоящие великие чудеса.

И рассмеялась ещё громче.

Легко всё-таки иметь дело с могущественными ведьмами. Они совершенно не обидчивы. Ничем их не проймёшь – смеются, какую бестактность ни скажи. А то даже страшно подумать, сколько врагов мог бы нажать в их лице балбес вроде меня, который сперва говорит, а уже потом обдумывает сказанное.

– Значит так, сэр Макс, – сказала леди Сотофа. – Времени у нас с тобой мало. А сделать предстоит очень много. Поэтому, во-первых, садись. Во-вторых, немедленно выпей вот эту камру, я её сама варила и очень старалась придать ей тонкий изысканный привкус тлена, как будто половую тряпку в кувшине постирали. Точно такую камру варили в годы моей

юности в Кеттари, и без неё мне жизнь не мила. В-третьих, вот кусок пирога. Совсем небольшой, сам видишь. Тебе придётся его съесть, потому что мы с Хайстой больше не можем, а оставлять еду на тарелке – дурная примета. Моя бабка говорила, что от этого погода портится. Я в такую ерунду, конечно, не верю, но зимой с погодой лучше не шутить. Поэтому ешь. И чтобы я больше не слышала ни о каких зелёных бутербродах, ясно тебе? Я – дама впечатлительная. У меня воображение. И нервы. Я же, чего доброго, в обморок упасть могу, пытаюсь представить, как ты давишься этой зелёной отравой. И да, в четвертых. Мне очень интересно, что за предлог ты сочинил, чтобы внезапно напроситься в гости и сожрать мой прекрасный пирог, которого нам самим мало... Да ешь ты, ешь! Шуток не понимаешь?

– Понимаю, – с набитым ртом сказал я. – Иногда. И не все. И вообще я стесняюсь.

– Меня? – изумилась леди Сотофа. – Ты что, опять за старое взялся? А ну прекращай немедленно!

– Я не вас стесняюсь, а леди Хайсту. Между прочим, имею полное право, я её всего второй раз в жизни вижу. И ещё глупостей ей наговорил...

– Глупостей – это как раз очень хорошо, – успокоила меня леди Сотофа. – Затем мы тебя и позвали, чтобы ты нас глупостями развлекал. Но подозреваю, всё, что ты можешь для нас сделать – это поставить на стол свой грязный сапог. Заранее благодарна тебе за изобретательность, но это, пожалуй, всё-таки лишнее. И не так смешно, как ты наверное себе представлял, когда тащил его через весь город... Тёмным путём, я понимаю. Но всё равно ведь тащил!

– На самом деле, сапог – это и есть вопрос, – сказал я. – Штука в том, что он измазан в каком-то странном порошке. Нумминорих утверждает, что никогда прежде не слышал этот запах. Джуффин говорит, что впервые в жизни видит подобную ерунду. Сэр Шурф не нашёл в вашей знаменитой библиотеке ни единого упоминания о чём-то подобном. Я тоже ничего не знаю, но это как раз нормально, потому что я никогда не знаю вообще ничего. Однако – внимание! Почему-то для создания этой неведомой фигни применили семьдесят восьмую ступень Белой магии. И – ещё раз почему-то – следы этого порошка мы обнаружили в тех самых местах, где валялись обезумевшие от страха сновидцы. Вы же о них уже знаете?

– Знаю, – кивнула леди Сотофа. – Рада, что тебе удалось их спасти. Ужасно глупо, конечно, что ты до сих пор не умеешь выстраивать защиту и сразу со всеми потрохами влипаешь в чужое страдание. Я бы тебя первые сто лет только ставить щиты и учила, а уже потом – всему остальному. Но

ничего не поделаешь, мальчишек я в ученики не беру, а значит и решать не мне. Зато про порошок интересная новость. Ну-ка покажи свой сапог.

Взяла его и сама водрузила на стол. А ведь только что просила меня этого не делать.

– Ладно, по крайней мере, я тебя покормила, – наконец сказала она. – Хотя какой-то прок от твоего визита, сэр Макс. Жаль тебя огорчать, но я тоже понятия не имею, что это за порошок.

– Правда, что ли, не знаешь? – насмешливо спросила леди Хайста, всё это время слушавшая нас со снисходительной улыбкой. – Это же просто Кель-круальшат. Было бы из-за чего шум поднимать.

Всё-таки я очень везучий – по большому счёту. То есть, бутерброды у меня ухитряются падать маслом вниз, даже когда никаким маслом их отродясь не мазали. И все колючие кусты, если что, мои – вот как сегодня. Зато когда мне что-то нужно позарез, судьба моя, немного меня помучив, внезапно меняется в лице, виновато бормочет: «Сразу надо было сказать, что это серьёзно», – и устраивает всё наилучшим образом. Например, вовремя приводит в беседку леди Сотофы её подружку, возможно, единственного во всём Море эксперта по интересующему меня вопросу. Ну или одного из немногих. Главное, что приводит. Такая она у меня молодец.

– Что за Кель-круальшат? – нахмурилась леди Сотофа. – И как, интересно, я могу о нём не знать, если ты...

– Вот и мне интересно, почему ты не в курсе, – усмехнулась толстуха. – Впрочем, ты немного потеряла. На мой взгляд, порошок Кель-круальшат – самое бессмысленное из всех волшебных зелий, кроме, разве что, пилюль, избавляющих от пристрастия к табаку, и благовоний, внушающих уверенность, будто все вокруг гораздо глупее тебя.

– Да что же это такое?

– Приманка для тех, кто видит нас во сне.

У меня даже в глазах потемнело, когда она это сказала. Приманка, значит. Допрыгались. Умысел всё-таки налицо. А мне так нравилось думать, что студент Еппа Буобли, запугивавший спящих недобрыми предсказаниями – единственный злой дурак на всём Соединённом Королевстве!

Выходит, не единственный.

С другой стороны, это даже хорошо. Если наших сновидцев пугали нарочно, значит ничего пророческого в их кошмарах нет. Апокалипсис отменяется. При условии, что его не устрою я сам, окончательно разочаровавшись в человечестве.

Но это всё-таки вряд ли. Я отходчивый. И ленивый.

– Приманка для тех, кто видит нас во сне, – задумчиво повторила леди Сотофа. – Слушай, но зачем их вообще куда-то приманивать? Кому такое в голову пришло?

– Имя первооткрывателя мне неизвестно. И, подозреваю, вообще никому. Кель-круальшат изобрели столько тысяч лет назад, что любой профессор математики сойдет со счёта. И почти сразу забыли, как я понимаю, по причине полной бесполезности.

– Но ты-то о нём откуда знаешь?

– На самом деле, случайно. Был у нас в Ордене Потаённой Травы послушник Нанка Вирайда. Хороший мальчишка. И, на мой взгляд, довольно непростой. Достаточно сказать, что его лучшим другом был другой мальчишка, тоже послушник, только не падай, Ордена Водяной Вороны.

– Что?!

– Вот именно, «что»! Тем не менее, это так. Мальчишки жили по соседству и дружили с пелёнок. А потом подросли и поступили послушниками в разные Ордена. Нанка – в Орден Потаённой Травы, а его приятель – в Орден Водяной Вороны. Не по своему и даже не по родительскому выбору, а по приказу Магистра Лойсо, который сам выбирал себе учеников, и отказываться от такой чести мало кто решался. Ладно, не о том речь. Факт, что мальчишки стали послушниками в разных Орденах. Обычно детской дружбе на этом приходит конец, но у них вышло иначе. Дружбя продолжали видаться, правда, не так часто, как им хотелось бы. У послушников не самая привольная жизнь, да и отношения между Орденами к тому времени стали уже слишком напряжёнными, чтобы можно было вот так просто с кем попало дружить. Впрочем, наши-то до последнего делали вид, будто нарастающая с каждым днём вражда всех со всеми нас не касается. И прямого запрета поддерживать отношения с адептами других Орденов не последовало даже после начала войны. Магистр Хонна говорил, что человеческие связи должны создаваться и рваться только по собственной воле, начальству в эти дела нос совать не следует; конечно, он совершенно прав. Так что Нанка мог открыто принимать своего дружка и порой приводил его на общую Орденскую кухню – пожрать. Потому что как и чем кормили послушников у Лойсо, об этом по столице страшные байки ходили, а правда была ещё хуже; впрочем, что толку сейчас причитать.

– И ты, конечно, взяла их под крылышко, – понимающе улыбнулась леди Сотофа.

– Конечно. Мне всегда было легко с подростками, а им со мной. Но речь не обо мне, а о мальчишках. У них была мечта: вырасти, научиться

разным удивительным штукам, выйти из Орденов, куда их отдали старшие, и основать собственный. Стать там Великими Магистрами; ясно же, что два Великих Магистра – это гораздо лучше, чем один. Дальше можете досочинить сами – если ещё помните, как были детьми.

– Бедные мальчики, – вздохнула леди Сотофа. – Вот кого мне было по-настоящему жалко в Смутные Времена – послушников.

– Не то слово.

– Но порошок-то тут при чём?

– А вот при чём. Кель-круальшат извлекли из забвения не какие-нибудь чокнутые могущественные старики, а юные послушники Ордена Водяной Вороны. Мальчишки с какого-то перепугу решили, что для достижения небывалого могущества следует пожирать тех, кто видит нас во сне. Особенности педагогической системы великолепного Магистра Лойсо: сперва он сводил своих новобранцев с ума, а потом уже начинал учить их чему-то путному. Тех немногих, которым удавалось дожить до этого великого дня.

– Да, я примерно представляю, – сухо сказала леди Сотофа.

А я промолчал. Потому что познакомился с Лойсо Пондохвой гораздо позже. И в ту пору он совершенно не походил на человека, способного хоть кого-то свести с ума. По крайней мере, меня он всегда очень своевременно приводил в чувство. И учил в любой ситуации сохранять ясный ум. Очень эффективно учил, судя по тому, что я дожил до сегодняшнего дня.

Но рассказывать о своей дружбе с Лойсо людям, имевшим с ним дело в Смутные времена, не стоит. Только зря дразнить.

– В общем, мальчишки из Ордена Водяной Вороны раскопали в архивах сведения о составе Кель-круальшата и с энтузиазмом принялись за его изготовление, заранее воображая, как отыщут человека, которому снится сон про Ехо – такие были во все времена, просто попадались гораздо реже, чем нынче – подманивают, поймают, делят на равные части, сожрут и сразу же подчинят своей воле весь Мир. Рассказывают, что Лойсо Пондохва, узнав об их затее, хохотал так, что потолок в его кабинете рухнул. А потом обещал произвести в Старшие Магистры любого, кому удастся откусить хотя бы крошечный кусочек от самого завалящего сновидца.

– Это настолько сложно? – спросил я.

– А ты попроси Базилио поделиться с тобой своим ужином, – улыбнулась леди Сотофа. – И попробуй его проглотить. Впрочем, ладно, не пробуй. Просто поверь мне на слово: останешься в дураках. И со сновидцами та же беда. Мы и те, кто видит нас во сне, сотканы из совсем

разных материй.

– Удивительно, что при этом их можно потрогать. Взять за руку, обнять. По крайней мере, у меня получалось.

– Да, но только при условии, что твой визави готов увидеть во сне, что его обняли. Прикосновение – это ваше общее наваждение, одно на двоих.

– А если мне удастся убедить сновидца, что я его действительно ем? Вот такое у нас будет общее наваждение. Тогда всё получится?

Подруги переглянулись.

– По-моему, сэру Макссу не хватило пирога, – наконец сказала леди Хайста.

– А ведь мы оставили ему почти половину, – вздохнула леди Сотофа. – Всё-таки мальчишки удивительно много жрут.

– Да я чуть не лопнул! – возмутился я. – Доел с трудом, только потому, что вы велели. А к сновидцам у меня сугубо теоретический интерес. Делать мне нечего – их пожирать. Особенно если потом действительно придётся подчинять своей воле весь Мир. Ну уж нет!

– Хвала Магистрам, если так. А что касается сновидцев – кто знает, что получится, если ты возьмёшься за дело? Но до сих пор съесть спящего ещё никому не удалось. Убить – да, такое бывало и не раз. Но это совсем другая история. Вернее, много историй. И ни одна из них не имеет ни малейшего отношения к волшебному порошку Кель-круальшат.

– Ладно. А что было дальше? В смысле, чем закончилась история с Кель-круальшатом?

– Побегом, – вздохнула леди Хайста. – Побегом двух глупых подростков на край Мира. В смысле, куда глаза глядят, лишь бы отсюда. Один мальчишка украл у своих коллег не то секретную формулу, не то просто запас порошка, который сдуру счёл ключом к могуществу, и дал дёру. А второй не захотел покидать друга в беде и тоже дал дёру. Он-то, как я понимаю, не особо верил в грядущую власть над Миром, да и не хотел никакой власти. Зато хотел свободы от всех обязательств, кроме дружеских. И ещё приключений, да побольше. И быть не вместе со всеми, как устроено во всяком Ордене, а самому по себе. Вернее, вдвоём с другом.

– Ты так говоришь, будто в голове у него побывала, – заметила леди Сотофа.

– Считаю, что побывала. Поймала его на выходе, с вещами и запасом провианта. Допросила, поразмыслила и отпустила на все четыре стороны. Потому что не в правилах Ордена Потаённой Травы удерживать кого-то силой. И, тем более, не в моих правилах. Свобода воли для меня, ты знаешь, превыше всего. Даже когда она – просто свобода дури. Право

ошибаться так же священно, как право совершать разумные поступки. Я сама этим правом воспользовалась, когда пришёл мой срок. И до сих пор не жалею, что меня не остановили.

– А что было потом? – спросил я. – Мальчишки благополучно удрали? Или?..

– Ходили разные слухи. Одни говорили, будто они благополучно добрались не то до Куанкулеха, не то до Лумукитана и остались там жить. Другие – что Орден Водяной Вороны отправил за воришкой погоню, и оба мальчика были убиты. Или только один из них – наш Нанка, или его дружок, на этот счёт мнения расходились.

– А ты сама как думаешь? – спросила леди Сотофа.

– Я не думаю. Я точно знаю, что Нанка был жив через полгода после побега. И в самом конце Смутных Времени. И примерно лет сорок спустя после принятия Кодекса. Знаю, потому что отправляла ему зов, спрашивала, как дела. Всё-таки его побег – отчасти моя ответственность. Нанка, надо сказать, совсем не был мне рад. И на все вопросы отвечал односложно: «Прости, не хочу ничего рассказывать». После третьей попытки я оставила его в покое. Не хочет, и не хочет, он уже давно взрослый человек.

– С друзьями детства обычно разговаривают совсем иначе, – заметила леди Сотофа. – А уж с человеком, который подкармливал тебя с приятелем на Орденской кухне, а потом не помешал сбежать, и подавно.

– Может быть, как раз в этом дело. Мы же не знаем, как сложилась его жизнь. Вполне возможно, Нанка ею очень недоволен. И до сих пор не может простить, что я его тогда отпустила. Мечтает, как прекрасно могло бы всё повернуться, окажись я неумолимым стражем. Это нормально, люди часто перекладывают ответственность за свои ошибки на других. Я это не то чтобы одобряю, но понять, безусловно, могу.

– Особенно если его друга всё-таки убили, – сказал я. – Очень хорошо представляю, как можно потом всю жизнь себя терзать: «А вот если бы меня тогда задержали на выходе, и он не решился бы бежать один, был бы до сих пор жив...» – ну и так далее.

– Да, я тоже так думаю, – кивнула леди Хайста. – Иначе почему бы Нанке было так неприятно меня слышать? Расстались-то мы друзьями...Боюсь, ты прав, сэр Макс. Ребята из Ордена Водяной Вороны убивали своих даже охотнее, чем чужих, за провинности гораздо меньшие, чем побег на край света и, тем более, кража волшебного порошка. Вряд ли Пелле повезло больше, чем прочим.

– Как вы сказали, его звали?

Вообще-то, у меня скверная память на имена. Пока дюжину раз не повторю, не запомню. Но некоторые имена всё-таки застревают в памяти.

Особенно, те, которыми мне хоть однажды доводилось называться.

– Пелле Дайорла, а что?

– Если так, я ошибся. Пелле Дайорла тоже жив и здоров. По крайней мере, был совсем недавно.

– Ты что, с ним знаком?

– Не с ним. Но с человеком, который хорошо его знает.

– Это кто же такой?

– Малдо Йоз, предводитель Новых Древних архитекторов. Они где-то в Уриуланде на стройке вместе работали. И подружились.

– Пелле Дайорла стал строителем? Вот уж никогда бы не подумала!

– Если верить Малдо, он ещё и поэтом стал. Правда стихи никому не читает, а пишет их на кирпичках, которые потом вмуровывает в фундаменты будущих зданий. По-моему, очень красивый жест.

– Стихи на кирпичках?! Грешные Магистры, как же причудливо распоряжается нами жизнь! – рассмеялась леди Хайста.

А леди Сотофа нахмурилась. Но не сурово, а сосредоточенно, как будто пыталась перемножить в уме два восьмизначных числа.

– Всё это замечательно, – наконец сказала она. – Но мне совсем не нравится, что этот бесполезный волшебный порошок, с которым когда-то носились глупые детишки, вдруг снова объявился в Ехо. И, похоже, всё-таки приносит кому-то пользу. Хотя ума не приложу, в чём она может заключаться.

– Один дурак, который развлекался, запугивая спящих, у нас уже был, – мрачно заметил я. – И, похоже, так и не понял, почему мне не нравится его поведение. Испугался – это да. Но, боюсь, умнее от этого не стал. Впрочем, по Кофиным сведениям, он уехал куда-то в Гугланд, к дальней родне. И вряд ли скоро вернётся в столицу. Всё-таки знакомство с Базилио очень его впечатлило. И хвала Магистрам, что так.

– Вот уж не знаю, хвала ли, – вздохнула леди Сотофа. – Иметь дело с дураками довольно противно, зато легко. На твоём месте я бы мечтала, чтобы все преступления в Море совершали только злые дураки. Впрочем, это несбыточная мечта. Не слушай меня, сэр Макс. Ни о чём не мечтай, а просто ступай и займись делом. Эта твоя история нравится мне всё меньше. Дурацкий порошок Кель-круальшат из закровов Ордена Водяной Вороны и сновидцы, которые сходят с ума от страха – такое сочетание вызывает у меня иррациональный протест. Лучше бы уж их просто пытались съесть. По крайней мере, это технически невозможно. И довольно смешно.

«Макс, – в моей голове внезапно раздался голос Нумминориха, – ты знаешь, куда я в итоге пришёл? Ко Дворцу Ста Чудес! И здесь этого грешного порошка полно. Ну, то есть, не кучей насыпан, а такие, знаешь, дорожки от центрального входа в разные стороны разбегаются. Зайти или подождать тебя? Тут всё, конечно, заперто, причём очень неплохими заклинаниями, но с какой-нибудь дверью да справлюсь».

«Погоди, – попросил я. – Дай немного подумать. У меня от твоей новости небо на голову рухнуло. Сейчас вылезу из-под его обломков и сразу решу, как нам быть».

– Эй, что с тобой, сэр Макс? – спросила леди Сотофа. – Это мои опасения так на тебя подействовали? Плюнь.

– Нет-нет. Не ваши. Мои собственные. Штука в том, что Нумминорих всё это время шёл по следу, то есть, по запаху порошка и...

– Пришёл ко Дворцу Ста Чудес? Ну что ты так на меня смотришь? Нет, я не подслушивала ваш разговор. Ине развлекаюсь послеобеденным ясновидением, а просто рассуждаю, руководствуясь логикой. Ты же сам только что рассказал, что главный строитель дворца дружен с мальчишкой, когда-то укравшим порошок Кель-круальшат. Что ещё, по-твоему, должно было прийти мне в голову?

– Да, – сказал я. – Конечно да. Будь оно всё неладно.

Честно говоря, я бы с радостью обменял это открытие на пару-тройку каких-нибудь кошмаров. Можно очень страшных, лишь бы чужих. От них-то можно очнуться, отделавшись лёгким испугом и едва уловимым запахом безумия, который скоро пройдёт.

А порошок Кель-круальшат, разбросанный у входа во Дворец Ста Чудес останется. Теперь он – часть моей жизни, факт, с которым надо считаться. И не просто считаться, а действовать. Да поживее.

Факт, факт, факт.

– Эй, сэр Макс! – леди Сотофа легонько меня встряхнула. – А тебе никогда не приходило в голову, что заранее придумывать собственную версию случившегося – не самый надёжный способ узнать, как всё было на самом деле?

Ну, кстати, да.

Вполне возможно, Малдо Йоз этого грешного порошка вообще в глаза не видел. Просто к нему приехал погостить старый приятель. А какие безумные идеи посещают иногда головы наших дорогих друзей – мне ли этого не знать.

Небо, рухнувшее было на мою голову, ещё немного поколебалось и неохотно заняло своё обычное место – где-то там, далеко наверху. И я

улыбнулся леди Сотофе.

– И то правда.

– И вот что, – небрежно сказала она. – Если отыщутся ещё пострадавшие – я имею в виду, сновидцы, спятившие от кошмаров – дай мне знать. Хватит с тебя пока. Хорошего понемножку. Мои девочки приведут их в чувство, не рискуя своим рассудком. Для них это будет хорошая практика, когда ещё так повезёт.

Больше всего на свете я хотел броситься ей на шею, рыдая от облегчения и бормоча, что буду благодарен всю жизнь.

Но для этого я всё-таки слишком хорошо воспитан. Или наоборот, недостаточно хорошо, как посмотреть.

Поэтому просто сказал:

– Спасибо.

– В знак благодарности, избавь нас, пожалуйста, от своего ужасного сапога. И сам вместе с ним убирайся. Глаза бы мои вас обоих не видели. В добрый час.

Я приложил руку к сердцу, потом приветливо ею взмахнул, подхватил сапог и исчез.

То есть, исчез я, конечно, только с точки зрения оставшихся в беседке подружек, а на самом деле просто оказался на Большом Королевском Мосту, где можно стоять, смотреть на воду, курить и думать – так долго, как захочу. Целую вечность, минуты полторы. А то и все две, иногда я удивительный тугодум.

А потом я послал зов своему другу Малдо Йозу и сказал: «Если ты ещё не передумал со мной выпить, это можно устроить примерно через полчаса. А если передумал, всё равно придётся. Имей в виду, похищение людей – моя специализация. Одна из».

«То есть, выбора у меня нет?» – обрадовался он.

«Есть, – утешил его я. – Например, выбор места действия».

«Принято. Тогда шар не туман».

«Что?!»

«Трактир так называется. «Шар – не туман». Помнишь леди Ясу из «Внезапно белого»? Так вот, у неё внезапно же обнаружился брат, моряк, не то капитан купеческого фафуна, не то помощник. В любом случае, уже бывший. Списался на берег и буквально на днях открыл трактир неподалёку от нашей Удивительной улицы. И так задрал цены в расчёте на богатеньких новых жильцов, что заведение пустует в любое время суток. И ещё долго будет пустовать, пока какие-нибудь умники вроде меня не

прощёлкают, что качество напитков в «Шаре» вполне соответствует цене. Винная карта выглядит так, словно какой-нибудь молодой лоботряс отцовскую коллекцию распродаёт. Шедевр на шедевре».

«Отлично, – сказал я. – Именно то, чего мне не хватало всю жизнь, с самого утра».

И, попрощавшись, послал зов Нумминориху.

«Слушай, давай так. Вломиться во Дворец мы всегда успеем. Сперва попробуй разведать, куда ведут остальные следы. В смысле, тропинки из порошка. Страшно обидно, конечно, оставлять тебя без подмоги, но сам виноват, что один во всём Море с таким удивительным носом родился. Я бы всех сейчас на уши поставил, если бы от них был хоть какой-то толк».

«Ничего, – утешил меня Нумминорих. – Мне совсем не трудно. Другое дело, что времени это займёт до хрена и больше. Я пока насчитал восемь следов, ведущих в разных направлениях; может быть, потом окажется, что они ещё и раздваиваются. Но тут ничего не поделаешь».

«Ничего не поделаешь, – эхом откликнулся я. – Поэтому выбирай след, какой больше нравится, и вперёд. И связывайся со мной хотя бы раз в четверть часа, даже если ничего особенного не происходит. Рассказывай, по какой улице идёшь, мне интересно. А я пока выпью со своим добрым другом Малдо. И поболтаю с ним о разных пустяках».

«Только не...» – начал было Нумминорих, но тут же умолк.

«Только не – что?»

«Ничего, – смутился он. – Просто я хотел сказать, что Малдо тут может быть вообще не при чём. Но ты же наверное ничего такого и не собирался?..»

«Чего – «такого»?!»

«Ничего. Извини. Ерунду говорю».

Безмолвная речь довольно редко передаёт эмоции собеседника. И ещё реже мне удаётся их уловить и правильно истолковать. Но радость и облегчение Нумминориха были так велики, что даже я почувствовал. И поневоле призадумался: это что же, интересно, у меня за репутация? И откуда она, такая прекрасная, взялась? С учётом того, что в эти их знаменитые Смутные Времена, когда все друг друга убивали, не поздоровавшись, и с утра до вечера жрали живьём, меня в Ехо ещё в помине не было.

И вообще нигде.

– Вот как по-твоему, откуда у меня такая ужасная репутация, что даже Нумминорих, который в жизни от меня ничего дурного не видел, боится,

что я великого архитектора по малейшему подозрению порешу? – спросил я Джуффина, чей кабинет стал моей следующей остановкой.

Надо же где-то оставить ценную улику. В смысле, этот грешный сапог.

– Ого. А у тебя уже появились основания для этого самого «малейшего подозрения»? – обрадовался шеф. – Интересно ты живешь!

– Интересно – не то слово, – согласился я.

И вкратце пересказал ему всё, что успел узнать.

– По-моему, просто отлично идут твои поиски, – резюмировал Джуффин. – Кель-круальшат – ишь ты! Интересно, сколько ещё в Мире удивительных снадобий, о которых я никогда не слышал? И так ли они бесполезны, как может поначалу показаться? Хороший вопрос... А ко мне ты пришёл только затем, чтобы пожаловаться на свою репутацию?

– Даже не надейся так легко отделаться. Во-первых, ты должен мне две короны. Отдавай. А то мне с подозреваемым напиться не на что.

Джуффин предсказуемо поморщился, потому что проигрывать пари он любит ничуть не больше, чем Меламори. Даже такие как наше, заключённые по обоюдному соглашению и исключительно ради пользы дела. Но монеты из ящика стола всё-таки достал.

– Мог бы и забыть, – проворчал он.

– Не мог. Леди Сотофа мне бы этого не простила, а нам с ней под одним небом ещё жить и жить.

– Аргумент. Это всё?

Я помотал головой.

– Это даже не начало. А так, разминка.

– Пригрел вымогателя на свою голову, – ухмыльнулся Джуффин.

– Не на голову, а на груди.

– Что?!

– Неважно. Важно совсем другое: мне позарез надо подпоить своего доброго друга Малдо, чтобы понять, в чём именно я его подозреваю. А я не знаю, как это сделать.

– Да чего ж тут знать? – рассмеялся Джуффин. – Бутылки открывать я тебя, хвала Магистрам учил. В кружку, не промазав, налить – да, понимаю, сложно. Но ты могущественный человек и, безусловно, сможешь призвать на помощь огненноголовых демонов с дальнего края Вселенной или хозяина трактира. По обстоятельствам.

– Рад, что тебе смешно. А теперь вспомни, с какого стакана я обычно напиваюсь.

– Прости, сэр Макс, но в твоём случае придётся считать не стаканами, а глотками.

– Именно. Вот и прикинь, велики ли мои шансы кого-нибудь подпоить, сохранив при этом хоть какой-то намёк на ясность сознания.

Джуффин внезапно стал серьёзным.

– Слушай, я что, действительно не учил тебя таким элементарным вещам? – спросил он. – Или ты просто забыл?

– Да нет, вроде, не забыл. Просто до сих пор не было нужно. Я же вообще не мастер интриги. Особенно застольной. В жизни не устраивал вечеринок с врагами. И, уж тем более, не подпаивал друзей, они и сами прекрасно справляются с этой задачей, когда захотят. И вдруг такой поворот: сам не знаю, с кем собираюсь сидеть в «Шар – не туман» – ещё с другом, или уже с врагом?

– При чём тут какой-то шар?

– Значит и ты про этот трактир ещё не знаешь? Открылся неподалёку от Удивительной улицы; говорят, никто туда пока не заходит. Ну вот, мы с Малдо для разнообразия зайдём. И будет просто отлично, если он наклюкается до состояния блаженной откровенности, а я останусь трезвым. Потому что мне потом ещё работать. А ему... Ну, поглядим. Как пойдёт.

– Значит так, – сказал Джуффин. – Колдовать над чужим питьём без подготовки не советую. Любой столичный студент такие фокусы на раз вычисляет. А Малдо мало того, что студент, так ещё и очень неплохой колдун. И в Ордене Семилистника в своё время хоть недолго, а состоял. А это – бесценный опыт совместных попоек с разными неприятными типами, всегда готовыми посмеяться над новичком. Да и нет, мне кажется, смысла как-то особо стараться: когда люди доверяют друг другу, языки развязываются после первого же стакана, если не глотка.

– У меня – так точно, – угрюмо подтвердил я.

– Вот поэтому позаботиться о том, чтобы ты оставался трезвым – хорошее, нужное дело. И не сказать что трудное. Обычно для этого принимают специальные пилюли; Впрочем, их я тебе не дам, и не проси. Я уже зарёкся экспериментировать с твоим загадочным организмом, который от супа Отдохновения впадает в эйфорический транс с последующим трёхдневным похмельем, а от простенького приворотного зелья падает замертво. Поэтому никаких пилюль. Лучше смотри на меня и запоминай.

Он уселся поудобнее, подпёр кулаком подбородок и замер. Я некоторое время ждал хоть какого-то развития событий, но не дождался и спросил:

– И что дальше?

– А тебе мало? – ухмыльнулся Джуффин. Но потом сжалился и объяснил: – Есть точка в центре подбородка, довольно чувствительная. Если сидеть в такой позе, можно незаметно нажимать на эту точку

костяшкой указательного пальца. Попробуй.

Я попробовал. Нащупал чувствительную точку, подпёр подбородок кулаком – вроде, совсем несложный трюк.

– И это всё?

– Почти. Ещё заклинание. Хвала Магистрам, короткое, даже ты сходу запомнишь: «Куиррр». Его надо повторять про себя, максимально приближая к звучанию птичьего щебета, примерно один раз на полстакана. Можно чаще, не повредит. И точку на подбородке одновременно нажимай. После этого даже от джубатыкской пьяни толку будет не больше, чем от компота, пей себе спокойно. И никто не заподозрит тебя в жульничестве, даже человек, очень чуткий к чужому колдовству. Приём-то не столичный, а наш, шимарский. Очень популярный в узких кругах профессиональных карточных игроков, куда чужакам и за сто лет не пробиться. Поэтому смотри, никому его не выдавай.

– Здорово! – восхитился я. – Спасибо.

«Шар не туман» оказался удивительным заведением, совершенно не похожим на все остальные столичные трактиры. Хотя каких я только не навидался за эти годы. От роскошных палат в шиншийском стиле в «Угольях Хмиро» и декорированных кровавыми потёками стен «Ужина вурдалака» до колченогих столов, поставленных вокруг старой дровяной плиты в трактире «Ветер и мёд», и фонтана крепкого пойла, бьющего в центре помойки под названием «Джубатыкский фонтан». Неплохой диапазон.

Однако «Шар не туман» всё равно меня удивил. Небольшой одноэтажный дом из тёмного камня, вряд ли старый, но убедительно имитирующий старину, а внутри белоснежный пол, белоснежные стены, потолок, оконные рамы, мебель и даже посуда – всё белое. И такое чистое, что если бы я не знал о существовании соответствующих заклинаний, прямо с порога начал бы оплакивать тяжёлую долю здешних уборщиков.

Малдо Йоз уже сидел за столом у окна и выглядел вызывающе грязным пятном. Впрочем, сам я, надо думать, был не лучше.

– И меню соответствующее, – подмигнул мне он. – Белыми буквами по белому фону.

– А как же читать?

– А вот так!

Сунул мне под нос меню. Бумага там была матовая, а буквы блестящие, поэтому разобрать написанное худо-бедно удавалось. Наверное. При очень большом желании, которого я в данный момент не испытывал.

– Ну уж нет, выбирай сам, – сказал я. – С тебя интеллектуальный труд, с меня деньги. Благо сегодня их – завались. Пари выиграл. Не каждый день со мной такое случается. Поэтому я твёрдо намерен тебя напоить.

Полная откровенность, сопровождаемая дурацкой ухмылкой, выходящей за пределы лица – лучшая форма скрытности, в этом я уже не раз убеждался.

– Отлично, – кивнул Малдо. – Тогда для начала «Тютюшихумский вихрь». Давно хотел попробовать, чем они там у себя на островах спасаются от зимних ветров.

– Давай, – кивнул я.

И устроился поудобней, подперев кулаком подбородок. И даже произнес про себя тоненьким, условно птичьим, а на самом деле, просто визгливым внутренним голосом: «Куиррр!» – заранее, для профилактики.

Хозяин трактира вышел к нам не в белом балахоне, как я ожидал, а в обычной повседневной одежде, зато физиономия его была закрыта белой маской, имитирующей полное отсутствие лица. И я, стыдно сказать, сразу поймал себя на желании тоже так вырядиться. Мало ли что маски окончательно вышли из моды, пусть входят опять, возражения не принимаются.

«Тютюшихумский вихрь» оказался крепким, но не обжигающим, с явственным привкусом морской воды и соли – при том, что вода в здешних морях пресная и подсаливать напиток для большего сходства с ней никому в голову не придёт. Поэтому оценить удачное совпадение мог наверное только я, знакомый со вкусом совсем других далёких морей, в существование которых здесь, на самом деле, мало кто верит всерьёз.

Это вообще одно из самых удивительных открытий, какие я сделал в Ехо: жизнь в магической реальности совершенно не препятствует формированию скептического склада ума. Скорее даже наоборот. Самый распространённый подход к чудесам здесь таков: всё, что видел, трогал и умею делать я сам, мои родственники, друзья и соседи, безусловно, существует. Остальное остаётся под сомнением, пока будет не доказано обратное. Рассказывают, что многие могущественные колдуны прошлого наотрез отказывались учиться перемещаться между Мирами, поскольку искренне полагали такие путешествия не подлинными событиями, а очень достоверными наваждениями и не хотели добровольно давать им власть над собой. Причём даже личный опыт переубедил далеко не всех, вот что поразительно. Совершенно не укладывается в моей голове, тоже, в общем, вполне скептической, просто на иной лад.

Я подождал, пока Малдо сделает несколько глотков и потребовал:

– А теперь рассказывай!

– Что именно? Если волшебную сказку, тебе не повезло, их я слышал совсем мало, да и то в раннем детстве. И давным-давно забыл. А если подробности нашей торговли с Чемпаркароке, потребовавшего скидку за моё отсутствие на стройке, то ты не хочешь этого знать, верь мне! А если...

– Про Куманский павильон рассказывай. Я, конечно, говорил, что не буду спрашивать, как ты это сделал. Так вот, врал. Просто от избытка чувств. На самом деле, весь день только об этом и думаю.

– Правда? – просиял Малдо.

Он так искренне радовался нашей встрече в трактире, выпивке, разговору, моему интересу к его работе, что я почувствовал себя лживой свиньёй. Дурацкая это была идея – устроить допрос под видом дружеского трёпа. Больше всего на свете мне сейчас хотелось откровенно сказать: «Понимаешь, дружище, в твоём дворце такая фигня творится...» – а потом выслушать, что ответит на это Малдо. И придумать, как он будет выкручиваться. Вернее, как будем выкручиваться мы оба. Потому что...

Но в этот момент мне прислал зов Нумминорих.

«Сновидец бредёт по Большой Утренней улице, – сказал он. – Порошком пахнет от него, и след именно он оставляет. Удивительное дело: грязь к ним не пристаёт, даже вода наша их обычно не мочит, а этот весь в порошке перемазался! Идет он очень медленно, никого не видит, ничего не слышит, ни на что не реагирует, и выражение лица такое... В общем, не нравится мне его выражение лица. Придёшь посмотреть? Это здесь же, на Левом берегу, если что».

В глазах у меня потемнело. Потому что если в конце каждого из восьми следов порошка Кель-круальшат, обнаруженных Нумминорихом, бредёт вот такой сновидец, погружённый в пучины сводящего с ума кошмара... Ладно, хорошо, будем считать, что двоих уже нашли мы с Абилатом, третий был в колючих кустах, а четвёртый попался сейчас. Восемь минус четыре, значит, осталось ещё четверо – в самом лучшем случае, если предположить, что все они измазались в дурацком порошке, и Нумминорих ничего не упустил.

Значит, как минимум, ещё четыре человека прямо сейчас сходят с ума от ужаса, и мы ничего не можем с этим поделать, только разыскивать их методично, по одному, наугад определяя порядок. Потому что нос Нумминориха у нас один на весь Тайный Сыск, а иных способов пойти по следу спящего, похоже, не существует. Вот же чёрт.

Ладно. Делаем, что можем. Головой об стенку потом побьюсь, если не передумаю, а пока – так.

Я не стал требовать от Нумминориха: «Найди их поскорей!» Ясно, что он и сам всё понимает. В таких ситуациях людей надо не понукать, а успокаивать. Больше толку.

Поэтому я сказал:

«Очень круто, что ты его догнал. Я бы пришёл, но есть вариант получше. Леди Сотофа предложила помочь нам со спящими, сейчас попрошу её кого-нибудь к тебе прислать. И чтобы заодно Тёмным путём тебя обратно ко Дворцу Ста Чудес провели. Глупо терять время на дорогу, когда там ещё куча следов».

«Жалко, что ты меня до сих пор не научил Тёмным путём ходить, – сказал Нумминорих. И тут же с присущим ему оптимизмом, добавил: – Но наверное у тебя были серьёзные причины?»

«Ещё бы не серьёзные! Причём целых две».

«А какие?»

«То одно, то другое. Иных причин нет, прости. Исправлюсь. Но не прямо сейчас».

Вызвал обещанную подмогу от леди Сотофы и, покончив, наконец, с Безмолвными переговорами, с облегчением потянулся к стакану. Искренности в этот момент мне было не занимать. Куиррр!

Малдо всё это время наблюдал за мной с сочувственным интересом.

– Что-то стряслось, и ты сейчас убежишь? – спросил он.

– До хрена всего стряслось, но я не убегу. Без меня справятся.

– Отлично!

И я снова почувствовал себя лживой свиньёй. Но желание открыть карты, хвала Магистрам, уже прошло.

– Куманское наваждение, – напомнил я. – Самый убедительный в моей жизни сон наяву. Как ты этого добился?

– На самом деле, очень здорово, что ты спрашиваешь. Потому что мне будет нужна твоя помощь. Позарез! Не прямо сейчас, потом, время ещё есть. Но лучше я тебе заранее всё объясню.

– Моя помощь?! Но я же не специалист по наваждениям.

– Знаю. Зато ты своими глазами видел Черхавлу.

– А при чём тут Черхавла?

– Мне нужны свидетели. В этом вся штука. И основа метода, который я изо... Нет, наверное всё-таки не изобрёл, а просто сложил из множества вполне общеизвестных техник. Кумон, в котором ты нынче побывал – это

же не моя персональная фантазия о столице Куманского Халифата, а воспоминание совершенно конкретного местного жителя. Чудесный, кстати, старик. Говорил мне, что всю жизнь был человеком осторожным, даже робким, но состарившись, решил, что бояться больше нечего: смерть, как говорят куманцы, уже так близка, что держит за руку по ночам. И тогда он вздохнул с облегчением, что наконец-то можно перестать беречь здоровье, деньги и репутацию, и отправился странствовать по Миру. Добрался до нас через Ирраши, прожил в Ехо почти полгода, вдоль и поперёк изъездил окрестности и говорит, только начал входить во вкус. Теперь собирается пересечь всё Соединённое Королевство, до Пустых Земель и двинуться дальше, через княжество Кебла в графство Хотта, оттуда в Лохри, Бахри, Куанкулах, а потом, если получится, морем в Умпон, и вся Чирухта к его услугам. Неукротимый оказался путешественник! Я разговорился с ним в «Мёде Кумона», куда специально зашёл в надежде на удачное знакомство: приезжие из Куманского Халифата часто там обедают, устав от нашей несладкой еды. И вот такого отличного деда я там раздобыл! Он очень заинтересовался моей идеей и был счастлив помочь.

Я чуть было не заорал: «Что ты с ним сделал?» – но вовремя прикусил язык. Ясно же, что ничего страшного с куманским стариком не случилось, о злодействах не рассказывают с таким энтузиазмом; о них вообще молчат.

Но выражение лица у меня, боюсь, всё равно сделалось то ещё. По крайней мере, Малдо встревожено спросил:

– Ты чего?

– Ничего, – отмахнулся я. – Зов опять прислали. Служебные неприятности продолжают. Зато по-прежнему не касаются меня. Поэтому рассказывай дальше. В чём именно этот куманский дед согласился тебе помочь?

– А ты сам не догадываешься? Вспомнить он согласился! Просто вспомнить, как стоял на своей улице, здоровался с соседями, наслаждался хорошей погодой, глазел по сторонам. Говорю же, я придумал отличный метод! Один из основных приёмов Мастеров Совершенных Снов, применённый не во сне, а наяву, плюс совсем простенькое заклинание, визуализирующее фантазию, с таких обычно начинают учиться искусству наваждений, плюс так называемая «формула вечности» из арсенала древних строителей, плюс одно редкое благовоние, составленное по древнему рецепту, которое позволяет спящим заснуть ещё глубже, а бодрствующих приводит в блаженное состояние полусна, и в сумме воспоминание одного человека становится общим достоянием навсегда – ты сам видел, как оно работает!

– Работает – не то слово.

– А теперь помоги мне сделать выбор: «Вечный рассвет» или «Аудаллахская тьма»?

– Что?! – изумился я. – Откуда вдруг взялась какая-то тьма?

Но потом увидел в руках Малдо белый лист меню и сообразил, что речь идёт о напитках. Взглянул на свой стакан и с изумлением обнаружил, что он уже пуст.

Ох. И когда успел-то? Но голова, вроде, ясная. Куирррр, куирррр, куирррр!

– Ладно, пусть будет тьма, – решил я. – «Вечный рассвет» – это, по моему, вообще ужас какой-то. Особенно если надо просыпаться и куда-то бежать.

– Ну так смотря, какой день предстоит, – жизнерадостно возразил Малдо. – Впрочем, я рад твоему выбору. Здесь написано, что «Аудаллахская тьма» – настойка на пещерных травах, никогда не видевших солнечного света. Очень любопытно. Но сам бы я, пожалуй, не рискнул её заказать. Не доверяю траве, которая способна вырасти без солнца. А ты?

– Вполне. Почему нет? Я вообще очень доверчивый, особенно если речь идёт о траве. С людьми, к сожалению, немного сложнее... Но слушай, вот ты говоришь, там какое-то редкое благовоние. А я у тебя во дворце никаких посторонних запахов не учуял – до тех пор, пока мне Кумон не начал мерещиться. Там-то, понятно, пахло вовсю, но...

– Ну так запах очень слабый, – отмахнулся Малдо. – Я, кстати, его тоже не чувствую. Даже не знаю, почему эта штука называется именно «благовонием», а не просто «порошком». Может быть, у наших древних предков были гораздо более чуткие носы?

Я только плечами пожал. Откуда мне знать, как там у предков обстояло с носами. А вот порошок – это очень интересная подробность.

Отхлебнул настойки, которая оказалась прозрачной, бодряще горькой и холодной, как жидкий лёд – кулак, подбородок, куирррр! – сказал небрежно:

– Мне однажды на Сумеречном рынке пытались впарить подобную штуку, совершенно без запаха. Якобы благовоние для приятного сна. Голубенький такой блестящий порошок.

Малдо восторгнулся. Но, вопреки моим ожиданиям, не встревожился, а по-детски обрадовался совпадению.

– Точно! Блестящий и голубой. Друг, которому я всю жизнь буду благодарен за помощь, утверждает, что это огромная редкость, забытый всеми древний рецепт. Похоже, он здорово недооценивает ребят с

Сумеречного Рынка. Не зря говорят, что единственный верный способ встретить Короля Мёнина – заказать его торговцу редкостями и предложить такую цену, чтобы тот не смог тебе отказать.

– Смешно. И не удивлюсь, если правда... Так тебе друг помог? Здорово.

– Да не то слово! – горячо закивал Малдо.

Он явно хотел ещё что-то добавить, но в последний момент передумал и уткнулся в свой стакан.

То ли друг просил его держать язык за зубами, то ли просто надоело без умолку болтать. Зная Малдо, можно уверенно ставить на первое. Молчун из него даже хуже, чем из меня.

Ну, по крайней мере, настойку он выдул почти всю. Тоже дело.

– Не буду притворяться, что теперь с Куманским павильоном всё ясно, – сказал я. – Чтобы стало действительно ясно, надо самому твой фокус повторить, а мне вряд ли светит. Не в ближайшие сто лет. Но, по крайней мере, более-менее понятно, почему получился такой удивительный эффект – как будто я всё здесь знаю, и со всеми вокруг знаком.

– Да! – восхищённо подтвердил Малдо. – Именно этого я и хотел. Такого по-моему, даже сам Король Мёнин в своих Садах Поучительных Иллюзий не делал, там, судя по многочисленным мемуарам посетителей, люди всё-таки полностью оставались собой. Правда, я молодец?

– Ты не молодец, – строго сказал я. – Ты гений. Это разные вещи.

Он совершенно расцвёл.

– Но кстати, имей в виду, – добавил я, – на мою помощь можешь не рассчитывать. Я – очень плохой вариант. В Черхавле мне было здорово не по себе. Потом выяснилось, почему: этот город с самого начала решил оставить меня навсегда. Усыпить навек и наслаждаться моими прекрасными сновидениями, пока смерть не разлучит нас^[26]. Моя, конечно же. Ему-то что сделается.

– Ух ты! – восхитился Малдо. – Это же лучше всего!

– Что – лучше всего?! – опешил я.

– Что тебе было, как ты выражаешься, «не по себе». То есть, кроме удивительных улиц Черхавлы зритель получит гнетущие предчувствия странника, попавшего в зачарованный город, и его смутный ужас перед неведомым. Самое драгоценное!

– погоди. Ты правда думаешь, что людям такое понравится? Да они побегут из твоего Дворца Ста Чудес, как от анавуайны. И будут совершенно правы. Я бы и сам побежал.

– Но это же не настоящий страх, – простодушно улыбнулся Малдо. – Чужой и совсем короткий. Что-то вроде страшного сна с гарантированным

пробуждением. А ты сам говорил, это бесценный опыт.

Кстати да, говорил. Кто ж знал, что семена моей болтовни упадут на такую благодатную почву!

– Я тебе в тот раз ещё кое-что говорил, – напомнил я. – О том, почему закон запрещает Мастерам Совершенных Снов делать подушки с кошмарами. Невозможно предсказать заранее, кто сколько способен вынести, и на чём сломается. Ни один человек не знает этого даже о себе. Поэтому сознательно пугать других, конечно, ещё не покушение на убийство. Но шаг именно в этом направлении.

– Ладно, – растерянно сказал Малдо. – Будь по-твоему. Не хочешь вспоминать Черхавлу – не надо. Мне кажется, ты здорово преувеличиваешь, но я пока не придумал, как тебя переубедить.

– Ине придумаешь. Потому что – никак. Малдо совсем увял. И уткнулся в меню.

– Зато я могу попросить сэра Кофу, – сказал я.

– О чём? – с деланным энтузиазмом спросил он.

– Вспомнить для тебя прогулку по Черхавле. Мы же с ним вместе там были. И ему, в отличие от меня, вполне понравилось. По крайней мере, было интересно. Скажу тебе больше, Кофа ещё и истинную природу Черхавлы время от времени прозревал. Которая – чистый свет. Зато разноцветный. Эффектное зрелище.

– Правда? – восхитился Малдо. – Думаешь, он согласится?

– Сложно так сразу сказать. Кофа человек непростой. Но я очень его попрошу.

– Спасибо! – просиял Малдо. – Тогда следующая порция за мой счёт. «Бесконечное блаженство Харрави» годится?

– Я бы, если можно, предпочёл конечное блаженство, – усмехнулся я. – Впрочем, ладно, рискнём.

Куиррр.

Не знаю, кто такой этот Харрави, но толк в блаженстве он, безусловно, понимал. То есть, о воздействии поименованного в честь него напитка на человеческий организм я ничего путного сказать не могу, поскольку чирикал про себя «куиррр» после каждого глотка, как заведённый. Но мне и вкуса вполне хватило, чтобы запомнить этот благоуханный жидкий огонь навсегда. И сделать пометку в уме: «Заказывать при всякой возможности».

На Малдо «бесконечное блаженство» тоже произвело сильное впечатление. В смысле, он выдул его практически залпом. А потом оперся руками на стол, опустил на них голову, подбородок на кулаки, так что я уже

собирался заржать и спросить: «А у тебя-то откуда знакомые среди шимарских картёжников?» Но в этот момент Малдо печально сказал слегка заплетающимся языком:

– Я переоценил свои способности.

– В каком смысле?

– Думал, что могу трое суток кряду не спать, работать, как проклятый, а потом ещё и пьянствовать, как ни в чём не бывало. Ну, в крайнем случае, потеряю контроль, драку затею или песни петь начну, это мы уже проходили, не страшно. Даже весело. Но! До драк и песен сегодня не дойдёт, прости, потому что я просто усну. Здесь и сейчас, за этим столом. Моё слово твёрдо.

И действительно закрыл глаза и блаженно засопел. Сперва я думал, он притворяется. Разыгрывает меня, уж не знаю, зачем. Просто так, чтобы было, чтобы внезапно расхохотаться и вскочить. Но время шло, Малдо спал, потихоньку оползая вниз в тщетных попытках устроиться поудобнее.

По-хорошему, надо было бы его куда-нибудь деть. В смысле, доставить в место, более подходящее для долгого крепкого сна, чем белоснежный зал трактира. Дом Малдо в Скандальном переулке для этого вряд ли годился. Во-первых, он под завязку забит необходимым для колдовства хламом; на моей памяти, из-за него даже входная дверь не открывалась. А во-вторых, ночью туда наверняка заявятся неугомонные Новые Древние архитекторы и как начнут колдовать! Даже страшно подумать, во что может превратиться человек, задремавший в подвергнутом трансформации здании. В дверную ручку? В оконный карниз? Или в целых четыре лестничных пролёта? Надо будет спросить Малдо, когда проснётся. Или не надо? Судя по тому, какая каша творится в его бедной гениальной башке из-за моей болтовни про страшные сны, я на него плохо влияю.

Зов Нумминориха положил конец моим размышлениям.

«Тут такие дела, – сказал он. – Девочки из Ордена Семилистника помогли спящему, которого я нашёл. Во всяком случае, он открыл глаза, улыбнулся и исчез».

«То есть, проснулся у себя дома. Очень хорошо».

«Да, отлично получилось. Потом меня провели Тёмным Путём обратно, ко Дворцу Ста Чудес. Оттуда я пошёл по новому следу, довольно быстро нашёл ещё одного спящего на Узкой улице, даже не стал тебя беспокоить, потому что девочки его сразу разбудили, и по-моему, с ним тоже всё хорошо».

«Здорово, – сказал я. – Ищешь дальше?»

«В общем, да. Но тут, понимаешь, уже не восемь, а девять следов.

Один, получается, совсем новый».

«Драть вас всех в сарае через лисью трещину!»

Я не то чтобы нарочно так красиво выбранился. Само вырвалось. Похоже, культурное влияние сэра Джуффина Халли на моё сознание даже сильнее, чем я до сих пор предполагал. Хотя, казалось бы, куда ещё.

«Ух ты! – восхитился Нумминорих. – Такого я ещё не слышал».

«Ещё наслушаешься, – пообещал я. – Причём сегодня же, если наши дела и дальше так замечательно пойдут. Подожди меня там пожалуйста. Я сейчас».

Я расплатился с трактирщиком, спросил, нет ли у него комнаты для усталых гостей, но тот в ответ так скривился, что это даже под маской было заметно. Ответ неудовлетворительный, зато понятный. Судьба Малдо Йоза, таким образом, была решена.

Отработанным жестом я спрятал спящего гения в пригоршню, между большим и указательным пальцами левой руки. С точки зрения всякого посвящённого в тайну гильдии столичных портовых грузчиков, живой человек не имеет принципиальных отличий от сундука или одёжного шкафа. В смысле, его можно уменьшать и переносить, как любой другой груз. До сих пор все мои жертвы описывали состояние пребывания в микромире, как приятное и расслабляющее. Или вообще никак не описывали, потому что проспали всё приключение. Малдо, скорее всего, ждала та же участь: когда я поднялся из-за стола, он как раз начал храпеть.

Уладив эту проблему, я шагнул из трактира в свою гостиную. Глупо таскать уснувшего приятеля в пригоршне, когда в твоём доме добрая дюжина спален для гостей. Или даже больше. Я их, честно говоря, до сих пор так и не сосчитал. Вечно отвлекаюсь на что-нибудь по дороге.

Чем плоха моя голова – она не слишком вместительна. И когда в неё приходит одна прекрасная идея, всем остальным, включая просто здравые соображения, приходится выйти. Потому что места не хватает на всех.

Вот и сейчас так получилось. То есть, куда деть спящего Малдо я сразу придумал, молодец. Зато не сообразил, что появиться в собственной гостиной – идеальный способ потерять кучу времени. Потому что гостиная – единственное помещение в Мохнatom Доме, о котором можно с уверенностью сказать, что пустым оно не окажется.

Оно и не оказалось.

Собаки – это ещё ладно бы. В конце концов, мы с ними знакомы не первый год. И за это время они успели не только убедиться, что иногда я становлюсь совершенно бездушным гадом, способным предпочесть какие-

то унылые занятия, именуемые «срочными делами» бесконечному счастью быть облизанным в нос, но и смириться с этим прискорбным фактом. И перестать пытаться меня переделать. Все бы так.

Что касается кошек, с ними совсем просто. С Армстронгом и Эллой у нас с самого первого дня установилось полное взаимопонимание, потому что устроены мы примерно одинаково. Сутками напролёт можем не замечать друг друга, потому что в мире куча других интересных дел, зато если уж заметим, сразу любим, преданно и безоглядно, целых пять минут кряду. Таких прекрасных минут!

Меламори, впрочем, говорит, что я и с людьми примерно так же обращаюсь. И при этом не умею мурлыкать – совсем дрянной, негодный кот. Но тут уж ничего не поделаешь. В смысле, мурлыкать я всё равно не научусь, нет такого магического заклинания, я специально узнавал, хотел её насмешить, но не вышло.

Всё это я к тому, что кошки и собаки, поджидавшие меня в гостиной, не представляли серьёзной угрозы дальнейшим делам. Увидев их, я сразу нахмурил брови и объявил:

– Я буквально на несколько секунд. Считайте, вообще не приходил!

Друппи печально взмахнул ушами и вернулся на своё место, откуда вскочил было, чтобы как следует извалить меня по полу. Всё-таки он очень воспитанный пёс, хотя с виду ни за что не скажешь.

– Ну и хвала Магистрам, значит не помешаешь мне готовиться к лекции, – проворчал Дримарондо.

По его тону было ясно, что он огорчён не меньше Друппи, но гонор – великая вещь. В некоторых случаях с лихвой возмещает недостаток воспитания, а удовольствия больше – для всех сторон.

Кошкам в этот момент вообще было не до меня. Они увлечённо драли когтями новенький кеттарийский ковёр, расстеленный на полу специально для их удовольствия, и это занятие поглотило их целиком.

Но на моём пути к гостевым спальням внезапно выросло совершенно непреодолимое препятствие: Базилио. Вернее, её печальный взор. Когда у тебя такие выразительные глаза, можно позволить себе быть скромницей и тихоней, сидеть в углу, помалкивать, ни о чём не просить, никого не тянуть за полу лоохи с криком: «Удели мне внимание!» Достаточно просто посмотреть. И никто не избежит ловушки.

Я, во всяком случае, не смог.

– Что у тебя стряслось? – спросил я.

– Ничего не стряслось, всё отлично, – заверила меня Базилио.

Но взгляд её при этом стал ещё печальней. Безупречная техника, мне

бы так научиться.

– Послушай, я действительно очень тороплюсь, – сказал я. – Причём не на совещание какое-нибудь дурацкое опаздываю, а живых людей спасать. Но никуда не пойду, пока ты не скажешь, почему у тебя глаза на мокром месте.

– Они не на мокром! – горячо запротестовала Базилио. – И у меня правда всё хорошо. Честно! Я просто посоветоваться с тобой хотела, но можно потом, когда ты всех спасёшь и вернешься.

– Это может случиться очень нескоро. Магистры знают что у нас сейчас творится. И думать мне надо о деле, а не гадать, что у тебя не так. Поэтому пошли-ка со мной. Ты этот дом знаешь лучше меня. Покажешь, где можно уложить гостя. И заодно посоветуешься. Вперёд.

– Лучше на втором этаже, там во всех спальнях постельное бельё сегодня меняли, – сказала Базилио, пулей вылетая за мной в коридор.

– Так и сделаем. Спасибо за подсказку.

– А где твой гость? – спросила она. – Неужели на улице ждать остался? И потом полезет через окно? Он что, собак боится? Или кошек?

– Может и боится, – улыбнулся я. – Не знаю, не спрашивал. Но он не на улице, а со мной, – и я сунул под нос Базилио кулак.

– Ой, – пискнула она и отскочила в сторону.

– Эй, ты чего? Когда это я с тобой дрался?

– Всё однажды случается в первый раз, – философски заметила она. – А сэр Мелифаро говорил, что ты...

– Даже слушать не хочу, что он говорил. Врал. Вернее, шутил. Он отличный парень, но шутки у него иногда дурацкие. Впрочем, обо мне наверное можно сказать то же самое. Но драться с тобой я никогда не буду, запомни это раз и навсегда. А кулак показал, потому что ты спросила, где гость. Он – там.

– Такой крошечный?!

– Да. Но это временное состояние. Я его заколдовал – ненадолго. Чтобы не будить. Сейчас расколдую. А ты пока рассказывай, что тебе посоветовать? Не тяни, времени совсем нет.

– Но я стесняюсь! – неожиданно выпалила она.

– Только этого не хватало. Как можно стесняться человека, который знает тебя практически с рождения? И чуть в штаны не наделал, когда впервые увидел тебя в башне. Но виду, если ты помнишь, не подал.

– Правда, что ли – чуть не наделал? – хихикнула она.

– Ну а как ты думаешь? Я тоже живой человек, и не каждый день обнаруживаю у себя дома чудовищ. Особенно таких ужасных, В смысле,

прекрасных и удивительных. В общем, ты поняла.

– Я как раз об этом и хотела поговорить, – призналась Базилио. Обогнала меня и распахнула передо мной дверь одной из спален. – Вот здесь, например, можно.

– Спасибо. О чём – «об этом»? Как я в штаны чуть не наложил?

– Нет, что ты. О том, как я была чудовищем. И про сэра Умару Камалкони. Ну, про Старшего Помощника Придворного Профессора овеществлённых иллюзий...

Этого, в общем, следовало ожидать. Хвала Магистрам, у нашей девочки всего один повод для печали. Зато такой веский, что других не требуется. Умеет же Его Величество разбивать девичьи сердца! Даже прикинувшись старым дедом с невнятной придворной должностью и нелепой страстью к головоломкам.

Впрочем, в случае Базилио страсть к головоломкам – это как раз серьёзный плюс. Возможно, перечёркивающий все минусы.

Я вытряхнул спящего Малдо из пригоршни прямо на постель. Он, надо сказать, вообще этого не заметил, даже дыхание не сбилось. Горазды же некоторые дрыхнуть, а.

– Он что, будет спать прямо в шляпе? – изумилась Базилио.

– Думаю, да. Во всяком случае, лично я их разлучать не рискну и тебе не советую. Вдруг она – что-то вроде дополнительной головы?.. Так что там у тебя с профессором?

– Со Старшим Помощником Придворного Профессора, – педантично поправила Базилио.

– Совершенно верно. Давай, выкладывай. Мне правда надо бежать.

– Как ты думаешь, если я превращусь в чудовище, как раньше, он придёт снова меня изучать?

– В чудовище? Как раньше?! – Я ушам своим не поверил. – Ты же больше всего на свете хотела стать человеком. Неужели уже надоело?

– Ты что! – Базилио так разволновалась, что даже голос повысила. – Не надоело! И никогда не надоест. Но я же могу на время превратиться. Специально чтобы сэр Умара Камалкони смог к нам прийти. Поизучает меня немножко, камры выпьет, мы поиграем во что-нибудь, поговорим – всё как раньше. А потом он уйдёт, а я опять стану человеком. До его следующего визита. По-моему, хороший план. Или нет? Как думаешь?

– Вроде, неплохой. Но ты даешь! Ты же ещё недавно заснуть боялась, чтобы во сне нечаянно не превратиться обратно.

– А я до сих пор немножко боюсь, – призналась она. – Просто – ну а что ещё делать? Я очень сильно скучаю. Всё время хожу, думаю: вот это

было бы здорово с сэром Умарой обсудить. И это. И всякие штуки рассказать, и кое о чём спросить. И гадаю, что бы он ответил, а зов послать не решаюсь. Очень неловко! Трикки говорит, когда люди становятся друзьями, они обычно открыто договариваются: «Можешь присылать мне зов в любое время, если понадобится». А сэр Умара Камалкони мне ничего подобного не предлагал. Хожу теперь, думаю: это потому, что он не хотел, чтобы я его беспокоила? Или просто не догадывался, что меня можно обучить Безмолвной речи? Не знаю! И плакать всё время хочется. А больше не хочется вообще ничего. А это нечестно. Потому что в Мире столько разных прекрасных вещей! Очень глупо им не радоваться. А я... А мне...

На этом месте Базилио наконец заревела. И ей явно сразу стало легче. А мне – наоборот. Впрочем, чёрт со мной, как-нибудь потерплю.

– Ладно, – сказал я. – Договорились. Я постараюсь в ближайшее время увидеться с профессором и передать ему твоё предложение. А пока выше нос. В Мире действительно много разных прекрасных вещей, ты совершенно права.

И только после того, как бывшее чудовище улыбнулось сквозь слёзы и энергично закивало, я счёл свой долг исполненным и вышел из спальни – прямо на усыпанную блестящими разноцветными камешками дорожку, ведущую к парадному входу во Дворец Ста Чудес. Навстречу мне вприпрыжку мчался обрадованный моим появлением Нумминорих. Кроме него никого поблизости не было. Ну и хвала Магистрам, значит, есть надежда, что завтра в «Суете Ехо» не появится разоблачительная статья о невиданных оргиях Тайных сыщиков в новом центре развлечений с проницательным выводом: «Теперь понятно, почему Дворец Ста Чудес до сих пор не открыл свои двери для всех горожан!»

– Когда ты сказал «сейчас», я подумал, что дело совсем плохо! – выпалил Нумминорих, добежав до меня.

– Почему это?

– Потому что когда ты говоришь «сейчас», это обычно означает «ещё сегодня» – если, конечно, дело не к полуночи. Но на этот раз мне пришлось ждать всего четверть часа. Здорово!

Я даже огрызаться не стал. Что толку, если он прав.

– Давай сделаем так, – сказал я. – Ты говорил, что наверняка справишься с какой-нибудь из дверей. Вот и открой –любую. Малдо дрыхнет, самое время вломиться без спросу в его дворец. И посмотреть, что там происходит.

– Ага.

Нумминорих потопал к центральному входу, но там внезапно свернул и скрылся за углом. Я едва за ним поспевал.

– Я тут более-менее осмотрелся, когда в первый раз пришёл, – объяснял он на ходу. – Искал следы – вдруг ещё где-то есть? Но на самом деле, все ведут к центральному входу, или от него, это как посмотреть; ну, неважно. Факт, что других я так и не нашёл. Зато заранее пригляделся к дверям. Ты знаешь, меня мама учила любые замки открывать, в том числе, заговоренные, и у меня обычно получается...

– Ещё бы!

– Так вот, за центральную дверь я даже браться не стану. Там какое-то очень... неприятное заклинание.

– Сильное?

– Да, пожалуй. Но сила заклинания – это обычно решаемая проблема. А там – именно неприятное. Пугающее. Такое, знаешь, чтобы даже близко не подходили. Они на самом деле довольно редко используются. Мама, когда меня учила, просто не нашла, на чём нам потренироваться. А сама так двери заколдовать не смогла. Она же у меня из Ордена Часов Попятного Времени, а они совсем не по этому делу. Пугать – не их специализация... В общем, с центральной дверью я связываться не готов.

– Меня Малдо через окно умпонского Великаньего Дома провёл, – вспомнил я.

– С некоторыми окнами действительно вполне можно разобраться, но очень уж хлопотно. Зато чёрный ход тут заколдован совсем плохо. То есть, с точки зрения взломщика, как раз хорошо. Легко, короче говоря, открыть.

Наконец Нумминорих перешёл от слов к делу. Остановился перед небольшой металлической дверью, спрятанной в лабиринте стен и переходов, и с виду похожей на сейфовую. Какое-то время топтался там, пританцовывая, словно бы исполнял один из дурацких придворных ритуалов постепенного почтительного приближения к старшему по званию, потом вдруг прыгнул, как кот из засады, обеими руками вцепился в дверную ручку, нажал, и дверь поддалась.

– Это было красиво, – одобрительно сказал я.

– Спасибо. Но это, на самом деле, не от меня зависит, а от двери. Вернее, от заклинания, которое наложено на замок. То, которое было тут, нейтрализуется именно так. Повезло! Мне с тобой идти, или по следу? И по какому именно, если?..

– Сначала со мной. Я же тут сутки могу блуждать без толку.

– А что в данном случае толк?

– Для начала неплохо бы всё-таки найти этот грешный порошок. На

пороге у центрального входа его нет, правильно? Значит склад где-то внутри. Найдём его, тогда отпущу тебя по следу. Всё равно, по какому. Когда есть риск спасти не всех, пусть будет лотерея. Вряд ли судьба мудрее нас, зато она не согнётся под бременем ответственности, делая выбор... Кстати о судьбе, лихо она с нами обошлась, да? Вроде бы, всё, как заказывали – вот вам сновидцы, вот вам подсказки, больше, чем сумеете расшифровать – и одновременно ни малейшего шанса закончить беготню до полуночи.

– Всё равно это гораздо лучше, чем бесцельно бродить по улицам, – оптимистически заметил Нумминорих. – А порошок, скорее всего, где-нибудь в той стороне. Но могу ошибаться, запах совсем слабый... Ладно, всё равно, пошли сначала туда.

Мы довольно долго блуждали по пустым коридорам и залам – просторным и тесным, с высокими и низкими потолками. Но разница между ними пока заключалась только в размерах. Голые стены, голые каменные полы. Видимо, кроме Куманского павильона Малдо ещё ничего не успел сделать. Или просто выключил иллюзии перед уходом, как гасят свет? Интересно, возможно ли такое? Да и нужно ли? Надо бы при случае спросить.

– Вы волшебники?

– Нннуу... да, – признался Нумминорих.

Он честный.

А я молчал, лихорадочно размышляя, откуда здесь взялась эта маленькая смуглая женщина с буйной копной тёмных волос, завёрнутая в кусок драгоценной парчи, как в банное полотенце. Подружка Малдо? Его новая коллега? Просто восторженная поклонница, сумевшая пробраться через какое-нибудь незаколдованное окно? Но ведь только что её тут не было. И вообще никого кроме нас. Как мы прохлопали её появление?

Несколько секунд я потратил на обычную бытовую растерянность, Тайным сыщикам при исполнении не положенную, потом спохватился, посмотрел на неё боковым зрением и понял, что ничего мы не прохлопали, женщина действительно взялась ниоткуда. Просто возникла перед нами, и всё.

То есть, ей внезапно приснилось, будто она оказалась в одном из коридоров Дворца Ста Чудес, нос к носу с двумя прекрасными незнакомцами. А мы с Нумминорихом стали эпизодическими персонажами и одновременно невольными свидетелями её счастливого сна.

Я не зря говорю «счастливого», потому что стоящая перед нами

женщина производила впечатление самого счастливого существа во Вселенной. Ей даже губы в улыбку складывать не требовалось, она вся, целиком была одной огромной ликующей улыбкой. И ещё несколько метров пространства вокруг неё. И мы с Нумминорихом тоже попали под воздействие этой нехитрой магии – заулыбались, как два безмятежных дурака.

– Вы волшебники! – повторила женщина. На сей раз утвердительно. – И я тоже! – уверенно добавила она. – Я пришла сюда, чтобы подарить вам магию заоблачной пляски.

С этими словами она сорвала с себя драгоценное полотенце, швырнула его на пол, взмахнула руками, взлетела к потолку и закружилась там в каком-то причудливом птичьем танце, понемногу удаляясь от нас со скоростью неторопливо плывущего облака. Мы с Нумминорихом задрали головы и какое-то время смотрели на неё, натурально распахнув рты. Как будто никогда голых женщин не видели.

Впрочем, танцующую под потолком голую женщину я действительно видел впервые. Как-то мне, получается, до сих пор не везло.

– Между прочим, порошком от неё пахнет – будь здоров! – вдруг сказал Нумминорих.

– Пахнет? Уже?!

– Почему «уже»?

– Я думал, она ещё только идёт на запах приманки...

– Не трогай меня! – вдруг закричала женщина. – Отстань!

Мы снова уставились на потолок. Но ни чудовищ, ни просто злодеев там не обнаружили. Зато успели увидеть, как исчезает наша голая танцовщица – то истончаясь до почти полной невидимости, то снова обретая чёткость форм. Напоследок она превратилась в облако сизого дыма, но потом растаяло и оно.

– Очень не хотела просыпаться, бедняга, – понимающе улыбнулся я. – Такой счастливый был сон! Но её всё равно разбудили. Настойчивые гады. Ну или один настойчивый гад. Большой молодец.

– Почему это молодец? – удивился Нумминорих. – Ты же сам не любишь, когда тебя вот так внезапно будят.

– Терпеть не могу. Потому что в большинстве случаев понятия не имею, какие ужасы могли бы мне присниться, если бы я дальше дрых. И она понятия не имела. А теперь уже вряд ли когда-нибудь узнает. Вот и хорошо. Одним кошмаром меньше.

– Ты думаешь?..

– Было бы странно, если бы я так не думал. Пока на конце каждого

следа, ведущего от Дворца Ста Чудес, обнаруживался кто-нибудь сходящий с ума от ужаса. Если есть исключения из этого правила, нам с тобой они пока не встречались... Ладно, пошли дальше. Может, ещё кто-нибудь хочет сплясать для нас голышом? Ждёт, не дожждётся, а мы тут ушами хлопаем.

Но обнажённых танцовщиц в пустых коридорах больше не наблюдалось. И вообще никого. Зато Нумминорих с каждым шагом выглядел всё более довольным. Это означало, что запах становится сильней, можно не спрашивать, и так ясно.

– Значит, смотри, – наконец сказал он, остановившись возле красивой резной двери из белого дерева. – Основной источник запаха где-то ещё дальше. Но отсюда тоже вполне ощутимо пахнет. И, что самое интересное, за этой дверью находится нормальный, в смысле, не спящий человек. Зайдём?

– Открыть сможешь?

– Смогу. И ты тоже. Потому что дверь не защищена заклинанием. И даже не на замке. Просто прикрыта.

– Эй, это ты? – внезапно спросили из-за двери. Мужской голос, хриплый, как будто немного простуженный. И совершенно безмятежный, ни малейшего намёка на тревогу.

Тем лучше.

Отвечать я не стал, а просто распахнул дверь.

За дверью была небольшая по нашим столичным меркам комната условно жилого вида, даже в некотором смысле уютная – на свой, особый холостяцкий манер. Посреди комнаты болтался подвешенный к потолочной балке гамак, на полу стояли неуклюжие коротконогие стулья, старое, с виду сказочно удобное кресло и два больших самодельных стола, сооружённых из ящиков и коробок; столешницей одному служила плоская крышка старинного сундука, второму – его дно. Грибные светильники, сделанные из прозрачного цветного стекла, придавали помещению неожиданно праздничный вид.

Именно по милости одного из разноцветных светильников мне сперва показалось, что навстречу нам поднялся человек с совершенно зелёным лицом. Но по пути к порогу физиономия незнакомца стала сперва оранжевой, а потом синей, и я выдохнул с облегчением: нормальный человеческий человек. Высокий, ширококостный, чуть лысоватый, с красивым, значительным, как бюст какого-нибудь героя лицом, безнадёжно испорченным маленькими круглыми очками в тонкой оправе из драгоценного синего металла. Примечательная деталь. Очков в Echo не

носит почти никто, кроме нескольких эксцентричных чудаков. Столичные знахари легко исправляют любые проблемы со зрением, поэтому очки – это скорее аксессуар, чем необходимость. К тому же, очень непопулярный аксессуар. Дело даже не в переменной моде, просто любой человек в очках сразу кажется безнадежно отставшим от жизни провинциалом, потому что как раз на окраинах Соединённого Королевства очки носят повсюду – вынужденно. Хорошего знахаря, способного вылечить близорукость, вдали от Сердца Мира днём с огнём не найдёшь.

– Что за дрань комугайская^[27]! – сердито сказал человек в очках. – Ты кого сюда притащил? Я же просил...

Потом он пригляделся и понял, что проказница-судьба прислала ему не одного, а целых двух незваных гостей. Плюнул в сердцах себе под ноги, что-то пробормотал, резко повернулся на пятке и исчез.

Я бросился было за ним – встать на след, разыскать – но Нумминорих помотал головой.

– Он никуда отсюда не делся. Запах как был, так и остался. Наверное, просто стал невидимым.

– Точно, – вспомнил я. – Шурф мне показывал похожий приём.

– Вы кто вообще такие? – возмущённо спросил хриплый голос из пустоты. – Это заведение, хвала Миру бодрящему, частная собственность. И для общественных посещений ещё не открыто.

– Тайный Сыск столицы Соединённого Королевства, – сказал я. – Извините, что сразу не представились.

– Тайный Сыск? Тогда ещё ладно.

Я всего несколько раз в жизни слышал, чтобы название нашей организации повторяли с таким облегчением. На мой взгляд, мы отличные ребята, но репутация у нас действительно не ах. Джуффин с Кофой в своё время постарались убедить население Ехо, что Тайный Сыск создан специально для поедания живьём невинных сирот и зверского физического устранения всех случайных свидетелей этих трапез. Надо признать, такое отношение к нам здорово облегчает работу, но несколько отравляет жизнь. По крайней мере, человеку, столь радостно приветствующему наше появление, я готов благодарно броситься на шею. Да только где она, эта шея? Мимо невидимки промахнуться – раз плюнуть.

– А что у нас тут случилось? – бодро спросил человек-невидимка. – Кто-то пролез в здание? Я ничего не слышал. Впрочем, да, дворец-то огромный, а дверь была заперта...

– Вы бы всё-таки стали опять видимым, – сказал я. – Так гораздо удобнее разговаривать.

– Не хочу, чтобы меня узнали, – буркнул он. – Я не беглый мятежный Магистр, и с законом отродясь проблем не имел. Просто не хочу, чтобы в городе прослышали о моём возвращении. По личным причинам.

– А разве у нас есть шансы вас узнать? – удивился Нумминорих. – Мне кажется, мы не...

– С вами обоими я точно не знаком, – подтвердил невидимка. – Если, конечно, вы не изменили внешность, как, говорят, теперь в столице каждый второй делает.

– Не каждый второй, – встрял я. – И даже не каждый десятый. Гораздо меньше. Не потому что не хотят, просто фокус довольно трудный, как ни крути. И да, мы сейчас выглядим именно так, как обычно выглядим. И вас не узнаём. Всё в порядке, можете проявляться.

– Не могу, – неохотно признался он. – Такое уж это дурацкое заклинание, надо ждать, пока само пройдёт. Обычно его хватает на четверть часа. Так что, при всём уважении, придётся вам потерпеть. Извините.

– Ладно, – вздохнул я. – Нет, так нет. Но, по крайней мере, представьтесь. И объясните, пожалуйста, что вы тут делаете? Вы определённо не сам Малдо Йоз – хотя бы потому, что он сейчас дрыхнет у меня дома. И вряд ли один из его коллег. Я, вроде, всех ребят в лицо знаю...

– Зачем это Малдо дрыхнет у вас дома? С ним что-то случилось?

Вот теперь в его голосе зазвучала та самая тревога, которую я ожидал услышать в обмен на словосочетание «Тайный Сыск».

– С Малдо много чего случилось, – усмехнулся я. – Сперва его унёс «Тютюшихумский вихрь», потом окутала «Аудаллахская тьма», а напоследок бедняга познал «Бесконечное блаженство Харрави». И оно окончательно свалило его с ног.

– Напился, что ли? – догадался невидимка. – Всего с трёх стаканов?! Куда катится этот Мир!

Пришлось вступить за честь друга.

– Он сказал, что трое суток не спал. И всё это время работал, не покладая рук и прочих частей тела, которые используются для колдовства.

– И то правда, – неохотно согласился невидимка. – Хотя когда мы строили виллу Хайти Нубраты в предместьях Нари, он мог...

– Ха! Ну конечно! – обрадовался я. – Можете не представляться. Я и так знаю, кто вы.

– Правда? – холодно спросил невидимка. – Что ж, интересно будет выслушать вашу версию.

– Вы – Пелле Дайорла. Я, кстати, тоже.

– Как?! Полный тёзка? – изумился он.

– Всего на одну ночь, – улыбнулся я. – Точнее даже, на пару часов. Малдо тогда решил показать мне эксперименты с домом в Скандальном переулке. И не хотел нервировать своих коллег. Я... ну, в общем, так вышло, что я довольно известная персона, а людей часто смущает общество знаменитостей. Потом-то ребята привыкли, что я вечно рядом кручусь, но в первый раз мне пришлось изменить внешность. И Малдо придумал для меня новое имя. Вернее, дал ваше. А пока мы ждали остальных, рассказывал мне, как отлично вы вместе работали на побережье. И прости... Ой. Если я ляпнул лишнее, простите.

– То есть, вы с Малдо настолько друзья, что он даже о моих кирпичках разболтал? – удивился невидимка. – Тогда я наверное тоже знаю, кто вы. Сэр Макс? Он мне все уши прожужжал.

Нумминорих воспользовался Безмолвной речью.

«Я правильно понимаю, что вы поладили? Может быть, он тебе сам всё покажет и расскажет, а я пока пойду по оставшимся следам? Чтобы времени не терять?»

«Давай так, – согласился я. – И оставайся на связи».

– Извините, пожалуйста, – сказал Нумминорих вслух. – У меня очень много работы. Надеюсь, ещё увидимся.

Он вышел, и мы с Пелле Дайорлой остались вдвоём.

– Никогда раньше не говорил с невидимым собеседником, – пожаловался я. – Чувствую себя полным идиотом. И даже не знаю, куда можно сесть, чтобы не угодить к вам на колени.

– Садись в кресло, – великодушно предложил Пелле. – Всё-таки ты здесь в большей степени гость, чем я. Я уже третий день тут живу, а ты только вошёл. Ничего, что я на «ты»? У нас, на побережье, это не нахальство, а способ выразить симпатию. Хотя в столице принято иначе, это я помню.

– На «ты», так на «ты», – согласился я, устраиваясь в кресле. – Ничего не имею против способов выражения симпатии. А где ты сейчас сидишь? Ну, чтобы я знал, в какую сторону говорить.

– Наверх смотри, – посоветовал он. – Я собираюсь залезть в гамак. Это довольно непросто, но результат стоит усилий.

Гамак действительно принялся дергаться и раскачиваться, потом понемногу затих.

– Значит, устроился, – констатировал я. – Ты мне вот что скажи, тебя Малдо сюда хвастаться позвал или на помощь?

Гамак ответил ухмылкой.

– Да конечно хвастаться. Какая от меня может быть помощь? Я в этой его древней архитектуре на новый лад ни хрена не смыслю. И не колдовал толком уже так давно, что теперь не вспоминать, а заново учиться придётся. Зато делать большие глаза и говорить: «Ну ни хрена себе ты даёшь!» – у меня очень неплохо получается. А Малдо только этого и надо.

Не могу сказать, что я всегда сходу распознаю фальшь. На самом деле, обмануть меня довольно просто. Но бывает такая особая безмятежная разновидность искренности, имитировать которую невозможно. Искренность хитреца, говорящего только часть правды, звучит совершенно иначе. Искренность вдохновенного лгуна, который свято верит каждому своему слову, тоже. Ни тому, ни другому, при всём мастерстве, не даётся беспечность дыхания, совершенно особый, небрежный, расслабленный его ритм. Дыханию собеседника я верю куда больше, чем логике повествования и интонациям – не сознательно, интуитивно. Сам начинаю дышать в том же ритме и сразу же утрачиваю способность хитрить. Собственно говоря, это и есть безошибочный индикатор искренности моего собеседника: когда я вдруг понимаю, что сам не хочу, почти не могу ему врать.

Сегодня в этом смысле выдался совершенно ужасный день. Сперва этот чёртов гений Малдо Йоз, теперь его приятель с побережья, возможно, единственный в столице Соединённого Королевства обладатель секрета изготовления приманки для спящих, волшебного порошка кель-круальшат. Оба они говорили с той самой безмятежной искренностью, присущей людям, невинным не только в делах и помыслах, но даже в самых смелых потаённых мечтах. Что, с одной стороны, хорошо – зачем мне тут в моём городе лишние злодеи? А с другой, совершенно не увязывалось с выводами, сделанными из других наблюдений: во Дворце Ста Чудес сновидцы становятся жертвами невыносимых кошмаров и сходят от них с ума.

От такого противоречия свихнуться впору.

И при этом мне отчаянно не хотелось хитрить с обоими. С Малдо я ещё как-то держался, ходил вокруг да около; впрочем, довольно неумело. Будь он настоящим злоумышленником, влёт бы меня раскусил.

А теперь – здрасьте пожалуйста, начинай всё сначала!

– На самом деле, насколько я успел изучить Малдо, одними похвалами от него не отделаешься, – сказал я. – Он и от меня помощи потребовал. Чтобы я вспомнил для него, как гулял по Черхавле...

– Морские девки! Ты что, там был?!

– Был. Но... Неважно. Ему же не только Черхавла нужна. Любые интересные воспоминания в дело пойдут. Готов спорить, что тебя он уговаривал вспомнить жизнь послушника Ордена Водяной Вороны. Для Дома Страха – он же даже выглядит, как резиденция вашего Ордена. Говорил небось: «Прикинь, как это будет здорово: любой человек сможет ощутить себя послушником, который не знает, убьет его Магистр Лойсо прямо сегодня, или всё-таки только через год».

– До таких разговоров дело не дошло, – мрачно сказал глас свыше. То есть, Пелле из гамака. – Я сразу отказался наотрез. А Малдо слишком хорошо меня знает, чтобы пытаться переубедить. Мне вообще кажется, Дом Страха – это глупая затея. Посоветовал ему переделать. Ни к чему людей лишний раз пугать. Сами найдут, чего испугаться, и нас не спросят.

Ну надо же, а.

Но порошок! Чёртов грешный порошок Кель-круальшат. И весь этот ужас потом.

– Я ему то же самое про Черхавлу сказал, слово в слово, – кивнул я. – Не везёт Малдо с друзьями, что тут будешь делать! Художник страдает, а нам, гадам, лишь бы крылья ему обрубить.

– Ничего. Новые вырастут. И есть надежда, что лучше прежних. Не такие дурацкие. Он же мальчишка ещё. Вечно я об этом забываю.

– Но, по крайней мере, Кель-круальшат ты ему привёз, – невинно заметил я.

Иными словами, пошёл ва-банк.

– Да чего его возить туда-сюда, – флегматично откликнулся Пелле Дайорла. – Самому сделать проще простого, особенно тут, в Ехо, где за всеми компонентами можно сходить на рынок. А не под землю и не в дремучий лес, предварительно дожив до нужного времени года.

Сделать. Вот оно как.

– Я давным-давно научил Малдо готовить Кель-круальшат, – продолжал Пелле. – Он же с этой своей идеей чуть ли не с детства носился. Хотел построить прекрасный дворец, где люди будут видеть интересные сны наяву. Только об этом и говорил с утра до ночи, а если выпьет – всё, выноси козу из дома. В смысле, спасу нет. Я его слушал-слушал, а однажды спросил: ну и как ты собираешься заставить зрителей расслабиться и внимать? Люди обычно даже в разговоре друг друга толком не слышат, так поглощены собой. А ты хочешь, чтобы они твои наваждения проживали во всей полноте. Так я ему сказал.

– И что?

– Ну как – что. Парень растерялся, потому что никогда не ставил вопрос таким образом. Думал, все такие же любопытные и внимательные, как он сам. А это, конечно, ошибка. И тогда я ему подсказал, что делать, когда придёт время. Как захватить чужое внимание. Кель-круальшат действует не только на спящих, но и на бодрствующих, просто гораздо мягче. Ты уже был в Куманском павильоне?

– О да, – невольно улыбнулся я.

– И не отвлекался на посторонние мысли?

– Совершенно. Хотя, по идее, мне было, на что отвлекаться. Целая куча проблем!

– Тогда ты понимаешь, о каком воздействии я говорю. Получается, я здорово помог Малдо с этим его дворцом. Причём задолго до того, как он сам понял, чего хочет. А теперь я пас. Желаю быть тут праздным гостем. Так ему и сказал.

И гамак яростно закачался под потолком, демонстрируя неукротимое стремление невидимого гостя к абсолютной праздности.

Но я упорно гнул свою линию:

– И Кель-круальшат он сам делал?

– Сам. Ну, я, конечно, был рядом. Присматривал за процессом. Такие дела нельзя пускать на самотёк. Небольшая ошибка, и кто знает, какая дрянь может получиться? Даже думать об этом не хочу... А чего ты к моему благовонию прицепился? Что с ним не так?

– Возможно, вообще всё.

– С каких это пор? – сердито спросил Пелле Дайорла.

– Точно пока не знаю, – сказал я. – Будем считать, что со вчерашнего вечера, когда мы нашли первого чокнувшегося от ужаса сновидца.

– Сочувствую всем участникам этого печального события. Но Кель-круальшат-то тут при чём?

– Сегодня мы нашли ещё нескольких. Мой коллега Нумминорих – тот, который ушёл – нюхач. Он учуял незнакомый запах; приглядевшись, мы увидели частицы голубого порошка. Разузнали, что это такое; когда выяснили, что приманка для сновидцев, считать это случайным совпадением стало довольно непросто. Следы порошка привели нас сюда. Таких следов вокруг Дворца Ста Чудес довольно много. В конце каждого рано или поздно обнаруживается очередная жертва. Симптомы во всех случаях схожи: спящий страдает от кошмара, порождённого его сознанием, а не внешними обстоятельствами, происходящее вокруг игнорирует полностью или выборочно, выбирая для восприятия только те детали, которые могут усилить страх, не просыпается, постепенно сходит с ума; по

утверждению опытного знахаря, безумие затрагивает спящего целиком и может продолжать развиваться после его пробуждения. Такая примерно картина. И похоже, дело тут именно в вашем порошке.

– Этого не может быть, – твёрдо сказал Пелле Дайорла.

И внезапно стал видимым. Ясно, что просто действие заклинания закончилось, как он и обещал. Но выглядело так, будто бесплотный дух от возмущения обрёл телесность.

Он вылез из гамака, уселся передо мной на один из стульев, такой низкий, что колени практически уткнулись в подбородок, и повторил:

– Этого не может быть. То есть, ты, конечно, думай, что хочешь. Но на твоём месте я бы всё-таки прислушался к мнению специалиста. Возможно, на сегодняшний день единственного в Соединённом Королевстве.

– Ладно, – кивнул я. – Прислушаюсь. И что скажет специалист?

– Специалист много чего скажет... Знаешь что? Идём-ка со мной. Если повезёт, кое-что увидишь. А если не повезёт, то и ладно. Говорить-то я и по дороге могу.

– Кель-круальшат, – говорил Пелле Дайорла, пересекая коридоры Дворца Ста Чудес так стремительно, что я едва за ним поспевал, – был придуман специально для того, чтобы приманивать сновидцев. Глупые дети из Ордена Водяной Вороны раскопали одну древнюю рукопись, гласившую, будто людей, которые видят нас во сне, можно поймать, овеществить при помощи специального заклинания и съесть. Якобы это полезно для личного могущества, не знаю уж, чем именно.

– Ого! – присвистнул я. – Всё-таки значит сперва овеществить, а уже потом лопать.

– Вроде, да, – равнодушно кивнул мой проводник. – Если честно, я не вникал. Потому что с самого начала не собирался никого жрать.

– А зачем тогда стащил порошок?

– Это не... Считай, просто так, чтобы им досадить. Не в этом сейчас дело. А в том, что Кель-круальшат – приманка. И, как у всякой хорошей приманки, его задача – соблазнять. А вовсе не пугать. Люди, конечно, не дураки пострадать на пустом месте, но на кошмар, сломя голову, мало кто побежит.

– Я тоже об этом думал. И решил, что страх – это побочный эффект. Что-то вроде похмелья.

– Да нет у них никакого похмелья, – отмахнулся Пелле Дайорла. – Сперва эйфория, потом очень сильная эйфория. Потом – восхитительная, невообразимая эйфория. Такая, что словами не описать. А потом – хлоп! –

и наступает пресыщение. И сновидец просто уходит. В этот момент для него бежать как можно дальше от сладкого зелья – так же естественно, как для объевшегося отодвинуть тарелку. Больше не могу, и всё тут! Некоторые просто сразу просыпаются, но это мало кому удаётся. По моим наблюдениям, они сперва уходят подальше, набираются новых впечатлений, приходят в себя – насколько это вообще возможно во сне. А уже потом наступает пробуждение. Бывают, конечно, разные варианты, но чаще всего – так. Верь мне, я исследовал этот вопрос долгие годы.

– Но зачем?

– Другой на моём месте сказал бы: «Из научного интереса». А что, тема уникальная, никто ею толком не занимался, а если и занимался, свидетельств не осталось, так что можно прослыть первооткрывателем и хоть завтра диссертацию по истории магии в Королевском Университете защищать. Но не буду врать. Не было никакого научного интереса. По своему складу я совсем не учёный. Правда состоит в том, что мне было скучно. Перерывы между заказами иногда велики, денег достаточно, развлечений у нас на побережье немного, причём все такого рода, что приедаются уже на второй день. Поэтому я довольно часто запирался в доме, рассыпал по полу Кель-круальшат и ждал, когда ко мне в гости потянутся спящие. В смысле, что кто-нибудь увидит во сне мой дом, по полу которого рассыпана такая соблазнительная приманка, чистое блестящее счастье голубого цвета, налетай – не хочу. Стыдно признаться, но сперва я надеялся с ними подружиться. Думал: приманю сновидцев, пусть рассказывают мне о жизни в тех далёких Мирах, где они бодрствуют. Представляешь? Нелепая идея! Поди подружись с человеком, который находится в состоянии неопишуемого блаженства и не замечает ничего, включая тебя, а потом вдруг стремительно убегает, так и не поздоровавшись. Но меня извиняет, что в ту пору я был очень молод. И очень одинок.

Я хотел было спросить: «А как же твой друг? Куда подевался Нанка Вирайда? Вы же сбежали из Ехо вместе?» Но вовремя прикусил язык. Чёрт его знает, что там между ними случилось, и почему они расстались. В такие дела посторонним лучше не лезть.

– Малдо проболтался тебе о моих стихах, – неожиданно сказал Пелле. – Которые я никому никогда не читаю, а пишу на кирпичках и закладываю в фундаменты новых домов. Мне понравился энтузиазм, с которым ты об этом упомянул. Похоже, ты умеешь ценить красоту поэтического жеста. Ладно, если так, вот тебе ещё одна тайна. Я давно оставил идею подружиться с кем-нибудь из спящих. Ясно, что это невозможно. Зато я

читаю им свои стихи. Ритмизированную речь они почему-то воспринимают в любом состоянии. И я тешу себя надеждой, что некоторые даже запоминают услышанное. Ты представляешь, какой это невероятный соблазн для поэта – посылать свои стихи в другие Миры?

– Дырку над тобой в небе! – выдохнул я. – Ничего себе! Слушай, это невероятно круто! Я тебе завидую, причём вне зависимости от того, запоминают они твои стихи или нет. Того, что эта идея пришла в твою голову, уже совершенно достаточно. Вот это, я понимаю, масштаб!

– Рад, что тебе нравится. Значит, удачно я выбрал, кому проболтаться. Получается, даже хорошо, что ты пришёл сюда с дурацкими вопросами про Кель-круальшат. Если бы не пришлось объяснять, как он на самом деле действует, и откуда я это знаю, я бы, конечно, слова не сказал про стихи. А я, знаешь, уже устал молчать. Долгое время было не так. Молчание давало мне силу. Ну или просто тайна придавала значительности в собственных глазах. Как ни объясняй, а мне это нравилось. Но любой источник со временем иссякает, и тогда надо искать другой. Поэтому я когда-то проговорился Малдо о кирпичках. И доволен, что он растрепал это тебе, заранее подарив мне возможность рассказать ещё что-нибудь – если сложится. И вот – сложилось. Ты не представляешь, как я рад.

Горе горькое с этими художниками. Одного пытаешься вывести на чистую воду, а он вместо того, чтобы выдавать свои преступные замыслы, уговаривает тебя поделиться воспоминаниями, необходимыми для его нового проекта, и слушать больше ничего не желает. Дружка еголовишь на распространении кошмарного порошка, а он только радуется лишнему поводу рассказать понимающему слушателю про свои стихи. И что в такой ситуации делать человеку, который не рвётся коллекционировать автографы выдающихся гениев современности, а просто пытается разобраться, в чём причина некоторых чужих страшных снов? Биться головой об стенку не предлагать, она от этого лучше соображать не начинает. Я много раз проверял.

Но вслух я всего этого, конечно, не сказал. А напротив, глубокомысленно произнёс:

– Нам всем время от времени нужны свидетели. Потому что их знание о наших делах служит нам невидимой опорой.

– Точно! – с энтузиазмом подтвердил Пелле Дайорла.

А я сказал:

– Ой!

Вовсе не потому, что не нашёл иных способов поддержать культурную беседу. Просто в это время мимо нас стремительно пролетел сияющий

сине-малиновый шар, издающий бессвязные ликующие вопли. Я, конечно, не эксперт в подобных вопросах, но у меня сложилось ощущение, что вопли были нужны не столько для выражения удовольствия, сколько в качестве топлива. Шар двигался на энергии собственного крика – уж не знаю, как лучше объяснить.

– Вот примерно в таком виде они обычно и покидают кладовую, – снисходительно сказал Пелле Дайорла. – Всяк, конечно, на свой манер. Некоторые летят, некоторые ручьями текут, некоторые превращаются во влюблённую пару, или даже в целую дюжину влюблённых и бродят по коридорам в обнимку или водят хороводы под потолком. Чего только я не наблюдал!

– То есть, это был сновидец, нанюхавшийся вашего порошка? – растерянно уточнил я, провожая глазами удаляющийся от нас шар.

– Да почему же именно «нанюхавшийся»? – удивился мой консультант. – По моим наблюдениям, они наслаждаются созерцанием и, в ещё большей степени, соприкосновением. Если Кель-круальшата много, могут извлекаться в нём, как собаки в грязи. Или просто сидеть, погрузив в него руки. Или умываться им, как водой. Насчёт запаха я как раз не очень уверен. Хотя... Может быть, ты прав, и он тоже имеет значение. Не зря же в той древней рукописи его называли именно «благовонием»?

– Неважно, – отмахнулся я. – Так ты говоришь, в таком виде сновидцы покидают кладовую? А что происходит потом?

– Да ничего особенного. Просто уходят. Двери у нас, конечно, заговорены; по большей части, кое-как, всё-таки Малдо лентяй, как все чересчур способные мальчишки. В том, что ему интересно, на недостижимой высоте, а всё остальное делает спустя рукава, лишь бы поскорей сдохнуть. Если бы не я, через центральный вход сюда уже полгорода пролезло бы, дверь на одном негодном заклинании болталась, как на ржавой петле. А теперь даже поблизости слоняться охотников почти не осталось.

– Да ты что! Я-то удивляюсь, куда все любопытные зеваки подевались? А это получается, ты так вход заколдовал, что даже подходить близко не хочется?

– Ну да. Временно. Пока я тут гощу. Да и Малдо переживал, вдруг кто-нибудь залезет, заскучает в пустых коридорах, и по городу поползут слухи, что во Дворце Ста Чудес нет ничего интересного. Теперь ему гораздо спокойнее. Но всё это я только к тому говорю, что спящим наши предосторожности до одного места. Вылетают отсюда пулей прямо через мой заговоренный центральный вход, благо он тут совсем рядом, а что

дальше, врать не стану, не знаю. Я-то сам носа наружу не высовываю.

– И очень зря.

Пелле равнодушно пожал плечами. Дескать, зря, не зря, это уж мне видней.

Ладно, предположим. Пусть.

– А где кладовая, о которой ты говорил? – спросил я. – Посмотреть бы.

– Тоже рядом. Я тебя, собственно, именно туда и веду.

Он свернул в проход, откуда только что вылетел шар. Потом ещё раз свернул, и мы оказались в довольно большом пустом зале. В ближайшем ко входу углу стоял ящик, в каких обычно перевозят заморские фрукты, наполовину заполненный блестящим голубым порошком. Пол вокруг ящика был обильно усыпан им же.

– Козу их трижды над горой, как же мне надоело тут подметать! – в сердцах выругался Пелле Дайорла.

Однако не побежал за веником, а просто что-то пробормотал сквозь зубы, взмахнул рукой, и пол сразу стал чистым, а ящик – чуть более полным.

– Первое, чему учили послушников во всех Орденах – это уборке, – ухмыльнулся он. – Чтобы старшим прислуживали. Как же я всё это ненавидел, знал бы ты! Но в жизни это заклинание пригодилось мне куда больше всех остальных вместе взятых. Смешно.

– Что, и в Ордене Водяной Вороны первым делом полы подметать учили? – почему-то удивился я.

– Ну а как ты думал? Только там ещё и прибить могли, если с первого раза не получилось. Вот у нас... В смысле, в других Орденах ошибаться можно было хоть до глубокой старости. Максимум – выгонят за тупость. Да и то...

Интересная оговорка. Но я, конечно, сделал вид, что не заметил. Спросил:

– А что ты хотел мне тут показать? Говорил, «если повезёт».

– Ну так спящего и хотел показать. Они тут постоянно крутятся.

– Приходят на запах из города? – спросил я, вспомнив сновидцев, которые деловито шли по Большому Королевскому Мосту мне навстречу. То есть, на Левый берег. Ясно теперь, куда.

Но Пелле Дайорла отрицательно помотал головой.

– Это вряд ли. Действие зелья таково, что его можно учуять только на пороге.

– На каком пороге?

– Между бодрствованием и сном. Не знаю, существует ли

специальный термин для этого состояния. На моей памяти, вроде, не было. Ну или я не успел узнать... Неважно. Но штука в том, что Кель-круальшат может привлечь тебя только в тот момент, когда ты засыпаешь. Судя по тому, что примерно за двое суток здесь побывало всего несколько дюжин человек, слухи о способности этого зелья приманить любого сновидца несколько преувеличены. Не знаю, кстати, по какому принципу оно действует. Может быть, только на тех, кто засыпает с трудом, подолгу задерживаясь на границе? Или наоборот, на тех, кто проваливается в сон мгновенно? Я пока не придумал способа узнать.

Это его небрежное «всего несколько дюжин человек» было мне как нож в сердце. Целых несколько дюжин невыносимых кошмаров, закончившихся безумием – вот как это звучало для меня. Получается, то, что мы сделали – это капля в море. И ничего уже не исправишь. Проехали. Не судьба.

– Чего это тебя так перекосило? – сочувственно спросил Пелле Дайорла.

– Несколько дюжин – это до хрена, – лаконично ответил я.

– Это, как ты выражаешься, «до хрена», если упереться лбом в стену, не верить увиденному, не слушать меня, и сохранять уверенность, что все беды от Кель-круальшата, – невесело усмехнулся он. – Ладно, хочешь так думать – думай. Мне-то что. Просто жалко, что кучу времени зря потеряешь. Ты же, как я понимаю, хочешь найти настоящую причину, а не поскорее закрыть дело?

– Конечно, настоящую, – сказал я. – Дело закрыть я и так могу. Просто объявить, что мы столкнулись с неразрешимой загадкой, и пойти спать.

– Однако тебе надо, чтобы люди не сходили с ума, – подхватил он. – Так я и понял. Но в этом случае было бы разумно... Ладно, не обязательно вот так сразу мне верить. Можно просто условно предположить, что моё благовоние тут не при чём. И задать себе вопрос: если это не кель-круальшат, тогда что?

– Тогда что? – тупо повторил я.

И понял, что моя способность соображать, и без того не то чтобы из ряда вон выходящая, стремительно ослабевает. Вместо того чтобы думать, я просто смотрел – на голые стены, на каменный пол, на ящик с блестящим голубым порошком, на своего собеседника, закутанного в серое лоохи с капюшоном, отделанное по краям простым узором из золотых и зелёных ромбов, на отражения грибных светильников в стёклах его очков. Картина, образованная суммой этих немудрёных слагаемых, казалась мне прекрасной, гармоничной и значительной – каждая деталь исполнена

смысла, композиция выше всяких похвал, хоть сейчас рисуй, да нечем. И не сумею, пожалуй...

– Эй, всё, хватит с тебя! Пошли отсюда, – скомандовал Пелле Дайорла. И почти силком вытащил меня в коридор.

– Я же говорил, на бодрствующих Кель-круальшат тоже действует, – сказал он. – В малых дозах просто помогает сосредоточиться на происходящем, но в таком количестве, пожалуй, перебор. Я-то к нему привык, а Малдо тоже быстро сморило. И отпустило сразу, как только мы вышли.

– Да, точно, – согласился я. – И меня отпустило. Интересная всё-таки штука этот твой порошок. Не удивлюсь, если о большей части его свойств пока вообще никто ничего не знает. Включая тебя самого.

– Это несомненно, – легко согласился Пелле Дайорла. – Один человек не может знать абсолютно всего – даже об одном-единственном отдельно взятом зелье, которое он изучал всего какие-то жалкие полторы сотни лет. Но кое-что я о нём всё-таки знаю. Просто не бывает настолько безнадёжных тупиц, которые за такой большой срок вообще ничего понять не способны.

Некоторое время мы шли молча. И не сказать что в особо приподнятом настроении. Мой спутник, похоже, уже устал талдычить одно и то же и теперь досадовал на мою тупость. А я... Я тоже досадовал на собственную тупость. Потому что запутался окончательно и бесповоротно, это следовало признать. Концы не сходились с концами, факты оставались фактами, и при этом яростно противоречили друг другу. Мои симпатии были на стороне обоих подозреваемых – да что там, практически готовых обвиняемых. Ясно уже, что они натворили бед случайно, по глупости, но это не означает, что следует оставить всё, как есть. Причём интересовало меня, как легко догадаться, вовсе не условно справедливое возмездие – какой в нём толк? Что действительно важно – это прекратить эпидемию кошмаров среди людей, которым мы снимся. Немедленно. Прямо сейчас. Но как?!

– Вот что, – наконец сказал я. – Возможно, ты прав, и люди сходят с ума не от вашего порошка. Но ты говорил, приготовить его несложно, я правильно понял?

Пелле Дайорла равнодушно пожал плечами.

– Восемь корон с мелочью на покупку ингредиентов и минут сорок на работу. Не о чем говорить.

– Отлично. Тогда пошли обратно.

– Зачем?

– Я испепелю ваши запасы. Потом, если что, сделаете новые. Если

окажется, что Кель-круальшат был не при чём, деньги с меня.

– Это ты с Малдо договаривайся, – мрачно хмыкнул он. – Мне-то что.

Вернувшись в комнату, где хранились запасы Кель-круальшата, я первым делом достал из кармана лоохи кисет. В таких нормальные люди обычно носят трубку и табак, а я – сигареты, добытые из Щели между Мирами. Там ещё оставалось две штуки – приятный сюрприз, я-то думал, запасы мои давно вышли. Переложил их в другой карман, а кисет доверху набил сверкающим голубым порошком.

Пелле Дайорла, всю дорогу сверливший меня скорбным взглядом профессора, раздосадованного, что ему битый час пришлось распинаться перед безнадёжным двоечником, удивлённо моргнул.

– Это ещё зачем? – спросил он. – На экспертизу потащишь?

– Таскал уже, – отмахнулся я. – Ничего, кроме названия всё равно не выяснил. Придётся самому ставить эксперимент.

– Какой?

– Теперь я начну сниться любителям неземных наслаждений, – объяснил я. – У вас-то тут ничего не останется. Значит, никакой конкуренции. Надеюсь, больше нигде запасов нет?

– Насколько я знаю, нет, – сказал Пелле. Теперь он выглядел заинтересованным. – И что?

– А то, что если Кель-круальшат приведёт ко мне какого-нибудь сновидца, я его съем, – ухмыльнулся я. – И тут же подчиню себе Вселенную.

Самое прекрасное, что Пелле Дайорла мне поверил. И верил секунды полторы. Так ему и надо.

– А на самом деле? – наконец спросил он.

– Сам не догадываешься? Просто посмотрю, как этот спящий будет себя вести. И куда пойдёт, пресытившись блаженством. И как при этом будет себя чувствовать. Если начнёт сходить с ума от ужаса, значит, ты всё-таки не знаешь о своём порошке чего-то очень важного. А если благополучно исчезнет, проснувшись дома, значит, надо искать другую причину. Вот и всё.

– Хорошее решение, – подумав, согласился Пелле. – Я рад, что ты усомнился в своей правоте. Это дорогого стоит.

– А в кисете, у меня в кармане Кель-круальшат сработает? – спохватился я. – Или надо, чтобы на открытом воздухе стоял?

– Я пробовал и так, и так, большой разницы не увидел. Главное, под землю его не закапывай и водой не заливай, тогда никого не дождешься. А

в кармане – нормально. Если, конечно, тебя не очень шокируют домогательства...

– Что?!

– Просто учитывай, что любой спящий, привлечённый Кель-круальшатом, попытается до него добраться. Может выйти неловкая сцена. Мне-то даже нравилось, но не каждый к такому готов.

– Ладно, – решил я. – Как-нибудь переживу. Спасибо, что предупредил. Слушай, а я опять стану... эээ... не в меру задумчивым и внимательным? Как ты сам с этим борешься?

– Никак. И тебе не понадобится. От такой малости, да ещё и в упаковке лично я вообще ничего не чувствовал. Сновидцам всё равно, зато для бодрствующих количество, как я понимаю, имеет решающее значение.

– Уже легче. А как думаешь, долго ждать придётся?

– Вот это совершенно непредсказуемо. Может быть, буквально через несколько минут кто-нибудь заявится, а иногда приходится сутками ждать визита. Не знаю, от чего это зависит. Но точно не от погоды, не от размеров помещения и не от настроения экспериментатора. Так что жди спокойно и не дёргайся понапрасну.

– Совет в моём случае невыполнимый, – усмехнулся я. – Но всё равно спасибо.

И испепелил ящик с запасами волшебного порошка одним коротким эффектным жестом. Судя по тому, как Пелле Дайорла на меня смотрел, этому его в Ордене не научили. А Шурф в своё время, инструктируя меня, говорил: «Совсем простенький фокус, в Ордене Водяной Вороны любой послушник это умел».

Впрочем, какое мне дело.

– Слушай, – сказал я на прощание. – Не знаю, всё ли я правильно понимаю, но...

– Ты о чём? – нахмурился Пелле Дайорла.

– Мне показалось, ты не хочешь, чтобы тебя кто-то узнал. Даже от нас с Нумминорихом сперва спрятался, в смысле, стал невидимым, а уже потом начал разбираться, кто мы такие и зачем пришли.

– Правильно показалось, – сухо кивнул он. – И что с того? Любой человек может хотеть остаться неузнанным. В силу причин личного характера, которые уже полторы сотни лет никому неинтересны.

– Да не вопрос. Просто я подумал – вдруг тебе надоест сидеть взаперти. Захочется прогуляться. Сейчас у меня нет ни времени, ни сил, но через пару дней, надеюсь, всё уладится. И тогда я к твоим услугам. В

смысле, могу попробовать научить тебя изменять внешность. Мне самому этот фокус сперва давался с большим трудом, но только потому, что для него требуются внимание и воображение, а у меня с ними довольно туго. Зато тебе их, похоже, не занимать. По моим прогнозам, слёту научишься. Короче. Если надумаешь, зови. Приду и покажу.

– Вот за это спасибо! – Пелле Дайорла расплылся в улыбке. – На Малдо в этом смысле надежды мало. Отмахивается: «Потом, потом, некогда сейчас!» Я подозреваю, что он сам пока ничего толком не умеет. Просто не успел научиться, другим занят был. А признаваться стыдно. Вот и тянет резину.

– Наверняка, – согласился я.

Помахал ему и вышел вон. В смысле, на Большой Королевский Мост, Тёмным путём. Не потому, что мне было нужно именно туда, а просто чтобы хоть куда-нибудь деться. И уже там, наедине с собой, подумать, что дальше.

Большой Королевский Мост просто первым пришёл мне в голову. Скорее всего, потому, что я там сегодня уже думал. И даже до чего-то путного додумался. Ну, или мне в тот момент показалось, что до путного, не важно. Какая разница, где стоять, курить, смотреть на отражения оранжевых фонарей в тёмной речной воде, спохватившись, спрашивать Нумминориха: «Как дела?» – и выслушивать его преувеличенно бодрый отчёт о пробежке по следу, который, зараза такая, оказался почти бесконечным. Но хоть не исчез пока, затоптанный сотнями прохожих, и на том спасибо. Всё-таки безлюдный Левый берег с его садами и виллами в этом смысле гораздо более благоприятное место для поисков, чем бурлящий жизнью Правый. Можно сказать, повезло.

Ужасно несправедливо, конечно, что все поиски легли на плечи Нумминориха. А я, весь такой из себя прекрасный и могущественный, помочь ему не могу. И припахать больше некого. Спящие не оставляют следов, по которым можно пустить Мастера Преследования. И вообще никаких, кроме запаха – своего, а теперь ещё и запаха порошка Кель-круальшат, который я уже успел люто возненавидеть. Если даже окажется, что спящим от него действительно никакого вреда, объявлю негодное зелье специальным зловещим волшебным средством для мотания нервов лично мне и буду требовать его полного и повсеместного запрета. Ничего не добьюсь, конечно, но, по крайней мере, всех рассмешу.

Может показаться, что вместо того, чтобы размышлять о деле, я обдумывал всякую чепуху. Так оно и есть. Но чепуха – это тоже важно. Она немного подняла мне настроение, успевшее за сегодняшний день стать

настолько паршивым, что впору было объявлять его национальным бедствием. Ну или всего меня, целиком. И начинать придумывать план эвакуации населения на тот случай, если меня ещё чем-нибудь огорчат.

Огорчение, надо отдать ему должное, не заставило долго себя ждать.

«Макс, – внезапно произнёс голос Меламори у меня в голове. – По-моему, я наделала беды. Приходи, пожалуйста, прямо сейчас».

«Куда?»

«Домой. В Мохнатый дом. Я в той комнате, где у тебя гость спал».

«Ясно».

Вовремя же я научился Тёмным путём ходить. В прежние времена, пока от Большого Королевского Моста до Мохнатого дома добежал бы, трижды успел бы с катушек слететь, и никаких чужих страшных снов не надо. А тут сделал шаг, и сразу оказался в полутёмной гостевой спальне. Увидел сидящую на краю постели Меламори – живую, целую, по крайней мере, не в крови. Рядом, вроде, тоже никаких трупов. Уже легче.

– Все живы? – на всякий случай спросил я.

И, не дожидаясь ответа, сел рядом с ней. Всё-таки нервы у меня ни к чёрту, ноги как ватой набиты, в голове какая-то гнусная чёрная каша, вместо сердца – бездонный колодец, под завязку набитый колотым льдом. Как же легко меня до цугундера довести.

– Я не знаю, все живы или нет, – несчастным голосом сказала Меламори. – Он сперва заорал, как резаный, потом вскочил, потом упал, но, ещё не долетев до пола, исчез. Я тоже... была не совсем в порядке. Но видишь, взяла себя в руки и позвала тебя.

– Ладно, – кивнул я. – А теперь давай по порядку. Ты сама-то цела?

– Да что мне сделается, – буркнула она.

– Уже легче. Остальное переживём.

Меламори неуверенно улыбнулась.

– Поехали дальше. В этой комнате спал мой гость. Пьяный. Зато почётный. И в шляпе.

Улыбка сползла с лица Меламори. Она кивнула.

– Теперь его тут нет. – Я заметил, что загибаю пальцы, как школьник. – Это он заорал, вскочил, упал и исчез?

Меламори снова кивнула.

– Отлично. Осталось понять, почему он так странно себя повёл.

– Меня испугался, – почти неслышно сказала она.

– А чего тебя бояться? – спросил было я и тут же осёкся. Потому что до меня наконец начало доходить. – Ты что, в чудовище превратилась? И

пришла нас всех напугать?

– Только тебя. И даже не то чтобы напугать. Просто сюрприз. И опять не удался!

– Ужасно обидно. Но за каким дремучим хреном ты вломилась в эту комнату? Я же в другой всегда сплю.

– Понимаешь, – вздохнула Меламори, – всё оказалось очень непросто...

– Это прямо история всей моей жизни в одной фразе! – усмехнулся я. – Ладно, погоди, попробую выяснить, что там с Малдо.

– Вот именно, – мрачно поддакнула она.

Но прежде, чем я успел подумать: «Ёлки, он же не просто убежал, а исчез!» – и схватиться за сердце, Малдо Йоз откликнулся на мой зов.

«Макс. Хорошо, что это ты. Кажется, меня надо спасать».

Ага. Значит, жив, хотя бы отчасти вменяем и никуда не делся из этого Мира. Уже хлеб.

«Надо – значит, спасу. Ты где?»

«Возле дворца. Своего, а не Королевского. Не понимаю, как тут оказался. Только что спал, а потом... Очень страшная штука случилась. Не хочу вспоминать. Потом расскажу».

«Ты случайно не на дорожке, ведущей к парадному входу?» – осенило меня.

«Да, там».

«Никуда не уходи. Я сейчас».

– Я сейчас, – повторил я вслух, теперь уже для Меламори. – Никуда не уходи. Приведу жертву твоего мистического очарования.

– Зачем? – почему-то переполошилась она.

– Потому что успокаивать вас вместе быстрее, чем по одному. И проще. Посмотрите друг на дружку и сами распрекрасно успокоитесь.

Я нарочно не стал прокладывать новый Тёмный путь из спальни ко Дворцу Ста Чудес. А, немного потоптавшись, разыскал старый – тот, которым ушёл отсюда пару часов назад. Просто чтобы проверить, достаточно ли близко от кровати он начинается. Оказалось – буквально в двух шагах. Что и требовалось доказать.

Считается, что ходить уже проложенным Тёмным путём – чужим, или своим, без разницы – гораздо легче, чем прокладывать его самому. Сил и внимания требуется гораздо меньше, и риска ошибиться практически никакого; самое трудное уже сделано, пространство подчинилось человеческой воле, согласилось отменить свои законы – на этом

конкретном участке. Раз и навсегда.

«В общем, нет ничего невероятного в том, что у Малдо всё получилось», – подумал я, оказавшись на дорожке, усыпанной блестящими разноцветными камешками.

А вслух сказал:

– Привет.

Малдо Йоз ничего не ответил. Вид у него был – врагу не пожелаешь. Даже знаменитая шляпа сбилась на затылок, а поля её уныло обвисли, словно она тоже не выспалась, натерпелась страху и начала опасаться, что понемногу сходит с ума.

Поэтому первым делом я поправил на нём шляпу, в смутной уверенности, что остальной организм как-нибудь сам последует её примеру. Чувствовал себя заботливой бабушкой и одновременно диким шаманом, выполняющим ритуал излечения больного, антинаучный, зато эффективный.

Самое смешное, что это действительно помогло. По крайней мере, взор Малдо несколько прояснился. Теперь он смотрел на меня не с отчаянием, а просто с растерянностью. Нормальное человеческое чувство. Я сам испытываю его по несколько раз на дню. И ничего, жив до сих пор.

– Что творится? – спросил он. – Мы же с тобой только что сидели в трактире. И, вроде, выпили совсем немного, да? И вдруг как-то сразу – полный провал, вообще ничего не помню. Потом откуда-то появилось жуткое чудовище, потом я упал в бездну... Думал, что умер, но почему-то оказался здесь. Но как? Через весь город бежал без сознания? Что со мной происходит?

– С тобой происходят разные вещи, – сказал я. – Некоторые из них определённо хорошие. Другие – дурацкие, зато смешные. Давай-ка руку.

Малдо даже не стал спрашивать, зачем. Покорно сунул мне ладонь, холодную, как рыба, вытащенная из-под льда.

– Закрой глаза. И ни в коем случае не открывай, пока я не скажу. Это важно.

– Будь моя воля, я бы их ещё сутки не открывал, – искренне сказал он. – Спать хочется – сил моих нет. Несмотря ни на что.

– Этому горю легко помочь. Но не здесь, а дома. У меня там бальзам Кахара – если, конечно, никто не выдул. Но я неплохо прячу свои запасы, поэтому шансы у нас есть. Закрывай глаза!

Я убедился, что Малдо зажмурился, и отправился обратно, в гостевую спальню. Тёмным путём, увлекая его за собой. Малдо прошёл как миленький, никаких проблем.

Я, впрочем, и не сомневался.

– Вот твоя жертва, – сказал я Меламори.

При слове «жертва» Малдо дёрнулся, и я спохватился:

– Открывай глаза! Не бойся. Нет здесь никаких чудовищ.

– Это пока нет... – начал было он, но, увидев Меламори, взял себя в руки, мобилизовал все резервы организма и выдал не просто любезную, а по-настоящему обаятельную улыбку.

Не схалтурил, молодец.

– Хороший вечер!

– Хороший, – печальным эхом откликнулась она. – Извините меня, пожалуйста. Рада, что с вами всё в порядке. У меня вовсе не было намерения вас пугать. Я думала, тут спит Макс...

– А всё-таки, с чего ты взяла? – спросил я, усаживаясь на подоконник и доставая из кармана последнюю сигарету. – Не сплю я никогда в такую рань.

– Иногда спишь. Просто не «уже», а «ещё». Ну, если пришёл домой не как обычно под утро, а, скажем, за полдень. Но спать всё равно лёг.

– Ладно, принято. Было такое пару раз, ты права. Как думаешь, кому надо послать зов, чтобы нашему гостю принесли бальзам Кахара? И камры – мне. И тебе – чего пожелаешь. Я бы рекомендовал аскетично, по-пиратски надраться бомборокки, но решай сама.

– Ты правда не знаешь, или просто ленишься? – строго спросила она.

– И то, и другое. В смысле, я действительно понятия не имею, кто из слуг отвечает за напитки в данное время суток. Мне несколько раз говорили, а я не запомнил. Но если бы знал, тогда бы, наверное, поленился. И всё равно постарался бы припахать тебя.

– Ладно, зато ты красивый, – вздохнула Меламори.

Что, кстати, неправда. Но я уважаю чужие заблуждения. Особенно некоторые.

Малдо слушая нас, выглядел всё более растерянным.

– Со мной что-то случилось? – наконец спросил он. – Я сошел с ума и потерял память? И ты из жалости взял меня к себе жить? И давно это случилось? Мне же дворец надо хотя бы к лету закончить!

Кому что, а голому баня, вот как это называется.

– Так далеко не зашло, – утешил его я. – Просто ты устал, напился, отрубился, я не знал, куда тебя деть и принёс сюда – с того момента и двух часов ещё не прошло, не о чем говорить.

– Уже легче, – выдохнул он.

– А потом тебя, как я понимаю, внезапно разбудил огромный мохнатый паук. Как арварохский хуб, только гораздо больше. С красивыми голубыми глазами; впрочем, вряд ли ты по достоинству оценил их прелесть.

– Так всё-таки было это чудовище? Не примерещилось? Оно у тебя в доме живёт?

– Не поверишь, но нет, не живёт. Снимает отдельную квартиру. Зато в гости иногда заходит, и сегодня как раз такой счастливый день...

Я бы ещё долго морочил ему голову, но тут вмешалась Меламори.

– Напитки сейчас принесут, – сказала она. – Это раз. Чудовище – это у нас я, это два, привыкайте, сэр Малдо. И я не собиралась вас пугать, это три. Просто произошло недоразумение. Я совсем недавно научилась превращаться. И пока ещё не сумела до конца разобраться в чувствах этого существа...

– А вот с этого места, пожалуйста, подробнее, – потребовал я. – Что значит – не сумела разобраться в чувствах? Этот паук в кого-то влюблён? В другого такого же паука? Где ты его выискала?! И можно ли убить его простой садовой лопатой или мне придётся клянчить по знакомым какой-нибудь зловещий огненный меч?

Хвала Магистрам, наконец-то она рассмеялась. Строго говоря, даже заржала. Я – молодец.

– Я имею в виду органы чувств! – сквозь смех сказала Меламори. – Зрение, обоняние, осязание, слух. И ещё куча каких-то дополнительных способов получать информацию об окружающем мире, для них даже названий нет. Тело у меня трансформируется, а голова-то по-прежнему своя! Точнее, ум. Нормальный человеческий ум, который совершенно не привык обрабатывать подобные сигналы. И от этого получается страшная путаница. Например, оказалось, что я очень хорошо чую присутствие людей, но совершенно не отличаю их друг от друга, пока не подойду совсем близко. Для меня все люди – всё равно что один и тот же человек, никакой разницы. Зато расстояние между нами я могу определить с точностью... Слушайте, наверное, до миллиметра! Хотя что я в этом состоянии считаю миллиметрами – отдельный вопрос. Короче говоря, в последнее время я очень много практиковалась. И довела процесс превращения практически до совершенства. Очень быстро могу превратиться. Показать?

– Если можно, не прямо сейчас, – вежливо сказал Малдо Йоз. – Я... как бы это сказать... Немного не в форме.

– Ладно, как хотите, – разочарованно вздохнула Меламори. – Тогда придётся поверить на слово: я научилась превращаться очень быстро. Буквально за пару минут. И сохранять новый облик, как минимум, час. Иногда получается даже больше. Но это, как сегодня выяснилось, только если я остаюсь спокойной. А вы заорали, вскочили, исчезли куда-то, я переполошилась, и всё, привет. В смысле, снова стала человеком. А могла бы до сих пор...

Голос её предательски дрогнул. Думаю, не будь здесь постороннего, бедняга разревелась бы, как первоклассница.

– Ничего, – утешил я её. – Наверстаешь ещё. Какие твои годы. Но слушай, ты что, через весь Старый Город так шла? Вот в это время?!

– Ну я же не совсем идиотка, – фыркнула Меламори. – Пришла сюда сразу после работы, как приличный человек. А тут, как и следовало ожидать, никого, кроме собак и кошек – интересно, чем я вообще думала, рассчитывая случайно застать тебя дома? Хотела послать тебе зов, спросить, где ты и когда объявишься, но тут Дримарондо сказал, что ты недавно приходил, поднялся наверх и, вроде бы, там остался. Я обрадовалась и решила показать, как у меня наконец-то всё получается. Мне же до сих пор досадно, что в прошлый раз ничего не вышло! Поэтому я заперлась в той комнате, которая официально считается моей, быстренько превратилась и пошла по коридору. И – я же говорю, ещё не разобралась со своими ощущениями! – человека в одной из комнат учуяла сразу, а кто он такой, не распознала. Даже в голову не пришло, что там может быть гость. Тем более, что о госте мне Дримарондо не говорил.

– Ну да. Потому что не видел. Я его в пригоршне принёс.

– Как – в пригоршне?! – взвыл Малдо.

Я не раз замечал, что столичные жители почему-то ужасно обижаются, выяснив, что их переносили с места на место, как мебель. Здесь это считается чуть ли не смертельным оскорблением. Понятия не имею, почему. Какая разница, каким способом тебя доставили по назначению, если при этом ты жив, здоров, цел, и вообще всё хорошо?

– Не переживай, – сказал я ему. – Я со всеми так поступаю, особенно когда напьются. Потому что сил моих нет вас, менкалов здоровенных, на руках в постель относить. И вообще, дело сделано. Проехали.

Малдо обиженно скривился. Но хоть скандалить не стал.

– Тебе не об этой ерунде надо думать, – примирительно сказал я. – А о том, что ты теперь умеешь ходить Тёмным путём. Правда, пока только чужим. Но лиха беда начало.

– Что?!

– Что слышал. Я уложил тебя спать, а потом ушёл отсюда Тёмным путём к твоему Дворцу Ста Чудес. Потому что у меня там была назначена встреча. И когда ты спросонок вскочил, случайно угодил прямёхонько на нужное место. А поскольку в тот момент всем сердцем хотел оказаться подальше от этого ужасного чудовища...

Меламори польщено хихикнула, явно оценив мои слова как комплимент. Малдо, напротив, невольно поёжился.

– В общем, с перепугу всё у тебя получилось, – заключил я. – Что, кстати, камня на камне не оставляет от моего утверждения, будто от страха один вред. Иногда бывает и польза. Но всё равно я бы предпочёл обходиться без него.

– Да я бы тоже! – горячо закивал Малдо. – Мне ещё никогда в жизни так страшно не было. Честно говоря, мне до сих пор страшно. Хотя всё уже выяснилось и вообще позади... Но слушай! Я точно прошёл Тёмным путём? Вот эта бездна, в которую я долго-долго падал, а потом внезапно оказался на твёрдой земле – это он и был?

– Ну да. Иного способа исчезнуть из одного места и сразу же появиться в другом, по-моему, вообще не существует.

Малдо вскочил и не то от избытка чувств, не то просто под воздействием порции бодрящего бальзама, метнулся в другой конец комнаты. Потом вернулся на место. Прижал руки к груди, явно собираясь что-то сказать, но в последний момент передумал и снова побежал, теперь к окну. Выглянул на улицу.

– Там люди ходят, – сообщил он. – Фонари горят. Амобилер проехал. Ещё один. Какая-то девчонка играет с мячом. Мяч летает вокруг дерева, сделал уже несколько кругов... ага, всё, упал на землю. Птицы что-то клюют. Чей-то заказ летит из трактира. Всё как всегда. Наверное я всё-таки не чокнулся, да? Ну, если жизнь за окном похожа на просто жизнь?

– Безумием ты точно не пахнешь, – успокоила его Меламори. – А с чего вдруг такие сомнения?

– Потому что я столько раз слышал, что никогда не научусь ходить Тёмным путём, даже чужим. Знали бы вы, как часто мне это говорили! В Ордене женщины утешали: «Ты очень талантливый мальчик, Сердце Мира тебя любит, магия сама даётся в руки. Но некоторые вещи не для тебя, с этим лучше смириться и не тратить времени понапрасну. Никто не всемогущ, у всех есть свои слабые стороны, а вот сильные – далеко не у каждого. Тебе ещё повезло!» Конечно, я думал, что все вокруг дураки, ничего не понимают, и я им однажды покажу. Но уже столько раз убеждался в правоте этих дураков, что...

– Начал им верить? Значит, придётся опять перестать. Вряд ли твои советчики были дураками. Просто все время от времени ошибаются. К тому же, в последнее время ты очень много колдовал. И не вполсилы, а на пределе своих возможностей. А магия, сам знаешь, изменяет людей.

– Настолько?!

– Получается, что иногда – да.

Малдо подскочил ко мне и обнял, да так, что рёбра хрустнули. Отскочил, рассмеялся. Воскликнул:

– Значит и всё остальное!

Я не стал переспрашивать, что он имеет в виду. И так понятно.

Сказал:

– Как пойдёт. То, что ты смог пройти моим Тёмным путём, совершенно не гарантирует, что в один прекрасный день ты сумеешь самостоятельно его проложить. И, тем более, рвануть в Хумгат, или куда ты там ещё собирался. Но такое вполне может случиться. Шансы вообще есть всегда и у всех. Просто когда они невелики, проще сказать «нет», потому что это почти правда. Но сегодня их у тебя стало больше. Не настолько, чтобы вот так сразу с ума сходить. Но чтобы жизнь обрела новый смысл – как раз хватит.

«Возможно, этот новый смысл пригодится в ближайшее время, после того, как я собственными руками отниму у тебя настоящий», – добавил я про себя.

И только тогда понял, чего на самом деле так сильно боюсь. Ломать – не строить, о да. Потому что ломать – невыносимо. Как говорят наши арварохские друзья, проще умереть.

Да кто ж мне даст.

– Аурррыаууу!

Торжествующий рёв натурально сотряс весь Мохнатый дом. Я услышал, как внизу залаял Друппи, увидел, как изменился в лице Малдо, открыл было рот, чтобы спросить, кого на этот раз драный индюк в задницу клюнул, но не успел. Потому что в этот момент источник божественного звука бухнулся передо мной на колени, что примерно сравняло наш рост, и обхватил здоровенными волосатыми ручищами, да так крепко, что я не то что вырваться, пошевелиться не мог. И дышать тоже не очень.

Источник был огромен, космат, бородат, задрапирован в звериные шкуры и образцово-показательно дик. Ну, то есть, ему снилось, что он именно таков. А мы были вынуждены принять его интерпретацию.

Ещё недавно я бы в обморок грохнулся от подобного сюрприза. Но

жизнь в Ехо в условиях отмены большинства запретительных статей Кодекса Хрембера и одновременного нашествия толп сновидцев сделала меня скучным человеком. Никаких романтических обмороков, один прагматичный расчёт: «Ага, вот и первый любитель волшебного порошка пожаловал. Кучу времени мне сэкономил, молодец».

Во всём это было одно небольшое неудобство. Грубые прикосновения спящего, строго говоря, вообще не человека, а бесплотного фантома, оказались несколько более чувствительны, чем я бы себе пожелал. Яркие, незабываемые ощущения.

Но обо мне, хвала Магистрам, нашлось кому позаботиться.

– А ну отпусти его! – завопила Меламори.

Своё требование она сопровождала действиями, я бы сказал, недостаточно гостеприимными. Иными словами, лупила беднягу с применением каких-то зверских приёмов арварохской рукопашной борьбы, или как там называется этот их метод молниеносного превращения противника в рубленый бифштекс без применения кухонных приборов. Она и до своей арварохской эпопеи отлично дралась, а сейчас даже подумать страшно, на что способна.

Поэтому лично я стараюсь думать на подобные темы как можно реже.

Но со спящим у Меламори ничего не вышло, поскольку она ему так и не приснилась. Всё его внимание досталось мне. Потому что, во-первых, обаяние моё неотразимо, и все человечества всех обитаемых Миров с утра до ночи только и мечтают, как бы увидеть меня во сне. А во-вторых, кисет с Кель-круальшатом лежал именно в моём кармане. Иногда так мало надо, чтобы разжечь в сердце незнакомца любовь.

– Да что происходит?! – заорала Меламори.

Она устала молотить пустоту, поняла, что ничем не может мне помочь, и начала паниковать.

– Это просто спящий, – коротко объяснил я. – Не волнуйся, всё в порядке.

– То есть, тебе нравится такое обращение? – обрадовалась Меламори.
– Ладно, буду знать.

– Даже не вздумай! Погоди, сейчас...

Вместо того, чтобы говорить дальше, кое-как вытащил из кармана кисет с запасом порошка Кель-круальшат и швырнул его в дальний угол комнаты.

Ну, то есть, мне приятно говорить: «я швырнул», – в этом чувствуется бесшабашный размах и дурная удаль. Правда звучит гораздо скромнее: поскольку очередная попытка хоть немного высвободиться из железных

дикарских объятий провалилась, как и все предыдущие, я просто уронил кيسет на пол и поспешно отфутболил его ногой – не в дальний угол, конечно, но на довольно приличное расстояние. Дикарь прочувствованно зарычал, метнулся следом за вожаком, ликуя, схватил и взмыл к потолку. А я, напротив, сел на пол и наконец вдохнул полной грудью.

– Ты вообще цел? – спросила Меламори.

– Это что, тоже не галлюцинация? – несчастным голосом осведомился Малдо Йоз.

– Да, – сказал я. – И нет. В смысле, я цел. И это не галлюцинация, а нормальное, закономерное и даже отчасти заранее запланированное мною событие.

– То есть, ты всегда так живешь? – восхитился он.

– Не всегда, – честно ответил я.

– Да, далеко не все дни такие спокойные, как этот, – подтвердила Меламори.

Увы, Малдо пропустил её замечание мимо ушей. Он во все глаза пялился на сновидца.

– Смотрите, во что оно превратилось!

Мы с Меламори задрали головы вверх. И точно, теперь у нас под потолком летал не косматый дикарь в шкурах, а огромный дикий кот с павлиньим хвостом, растущим, вопреки логике, не из задницы, а из уха. Левого, если это важно.

– Это что вообще? – взволнованно спрашивал Малдо. – Это он как? Почему? Что с ним?

– А то ты такой красоты до сих пор не нагладелся, – укоризненно сказал я.

– Где?!

– Да у себя в кладовке. Где вы Кель-круальшат храните.

– А там вот такое творится?! – изумился он. – Пелле что-то говорил про спящих, которые там крутятся, но мне всё как-то было недосуг пойти на них поглядеть. Думал, ничего интересного. Ну я дурак!.. Стоп, погоди. А ты-то откуда знаешь, что у нас в кладовке делается? Ты что, был там? Ходил во Дворец Ста Чудес? Ещё раз, без меня? А зачем?

Во взгляде Малдо было такое искреннее простодушное недоумение, что мне захотелось огреть его по голове табуреткой. Просто так, душу отвести. Но табуретов под рукой не оказалось. И вообще никакой мебели, кроме встроенного в стену шкафа и кровати, которая, строго говоря, тоже не мебель, а просто очень большой, очень мягкий матрас. Так уж у нас в

Его принято обставлять спальни. Чрезвычайно разумно, я считаю. Захочешь, а никого не зашибёшь.

К счастью, пускаться в объяснения мне не пришлось.

– Уиииииии! Уиииииии! – пронзительно заверещало существо, кружившее под потолком. Оно уже не было похоже ни на дикаря, ни на кота. И вообще ни на что. Облако, состоящее из шерсти и перьев, без чётких очертаний, зато по-прежнему способное вопить. И как вопить!

Малдо заткнул уши. Меламори, как бывший почётный член студенческого Клуба Ревунов, а значит, самая стойкая из нас, делала вид, будто всё в порядке. Но всё равно недовольно морщилась. Я же, как самый нетерпеливый, заорал:

– Заткнись!

Облако, как ни странно, послушалось. Замолчало, швырнуло на пол кисет и шмякнулось сверху, накрыв собой почти половину спальни, как ковром.

– Это просто вот такой сон человеку снится, да? – спросила Меламори.

– Причём, вполне возможно, хрупкой пожилой библиотекарьше, которая ни разу в жизни не позволила себе громко рассмеяться. Где ещё и отводить душу, если не во сне.

– Выкопалась из книжек, пришла домой, съела пирожное, легла, уснула, и вот такое начала вытворять? – подхватила Меламори. – Везёт же некоторым! Похоже, я чего-то важного не знаю об искусстве сновидений. Хотя столько этим занималась и даже не совсем без толку, ты свидетель. Но самое интересное прошло мимо.

– Да не то слово, – согласился я.

– А можно я пойду в какую-нибудь другую комнату и немножко там посижу? – вдруг спросил Малдо. – Или полежу. Что-то мне как-то не так. Голова кружится. И холодно. И как-то чересчур темно.

– Ничего, пройдёт, – сказал я. – Просто ты очень много сил потерял с этим Тёмным путём. В первый раз всё-таки. Плюс похмелье, плюс... скажем так, некоторые интересные впечатления. Бальзам Кахара, конечно, бодрит, но его не всегда достаточно. Иногда надо просто лечь и поспать. Меламори, будь другом, отведи человека в любую другую спальню. Колыбельная Моффаруна^[28] не помешает, ты же её знаешь? Ну и вот. Пусть ложится и дрыхнет до утра. А там посмотрим.

– А сам задницу от ковра точно не оторвёшь? – насмешливо спросила она.

– Ещё как оторву. Возможно буквально с минуты на минуту. Потому что если эта красота, – я показал на распластавшееся по полу облако, –

решит нас покинуть, мне придётся отправиться следом.

– Ты настолько очарован?

– Очарован – не то слово. Но не как трепетный созерцатель, а как профессионал. Это же только со стороны кажется, что у нас дома происходит какая-то нелепая фигня. А на самом деле, важный следственный эксперимент.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно.

– Ладно. Извини. Просто в голову не пришло, что ты ещё на работе.

Подхватила под локоть Малдо и повела его к выходу, успокоительно бормоча:

– Я, честное слово, больше ни во что такое не буду при вас превращаться. А кроме меня в этом доме ни одного чудовища... ой, нет, вру, вообще-то есть ещё два. Но одно из них – сэр Макс, к которому вы уже худо-бедно привыкли, а второе очень деликатное, в чужие спальни не вламывается, да и выглядит безобиднее всех нас вместе взятых. С косичками! Так что никто вас больше не побеспокоит. Всё будет хорошо.

– Куманский павильон – это было очень круто, – сказал я ему вслед. – Лучшее наваждение в моей жизни. Честно.

– Ты не представляешь, какая у меня будет Пустая Земля Йохлима! – сразу оживился он. – И приют для юных художников в Таруне. Я таких свидетелей нашёл!..

По крайней мере, теперь я мог быть уверен, что Малдо уснёт совершенно счастливым. А большего по нынешним временам и желать нельзя.

Они ушли, а я остался наедине с облаком, занявшим к тому времени уже практически всю спальню. Мне даже пришлось забраться с ногами на подоконник – как-то неловко было его топтать. Всё-таки живой человек. Возможно, пожилая библиотекаряша. А их надо беречь.

– Пора собраться! – вдруг воскликнуло облако. – А то можно везде опоздать! Тут фонтаны и горы, фонтаны и горы, клайдис, кастордан...

Оно умолкло так же внезапно, как заговорило, содрогнулось всем своим невесомым бесформенным телом и снова превратилось в косматого дикаря, с пришествия которого начались его гастроли в Мохнatom доме.

Кисет с Кель-круальшатом остался валяться на полу, отчасти распотрошённый, на радость будущим гостям. Сам же дикарь утратил к нему всякий интерес. Видимо, и правда, пресытился. Стоял, переминаясь с ноги на ногу и озирался по сторонам. Сивые космы до пояса,

всклоченная борода, роскошные мускулы, леопардовая шкура на бёдрах – ай, красота. Хоть сейчас в кино снимай.

– Дубины тебе не хватает, – заметил я.

Дикарь растерянно посмотрел на свои пустые ручки. Потом на меня. Внезапно стукнул себя кулаком по лбу и оскалился в просветлённой улыбке.

– Вот и ответ на мой главный вопрос! – провозгласил он. – Мне не хватает дубины, вот в чём суть вечной трещины между мною и жизнью. Спасибо, учитель. Теперь я знаю, что делать!

И, невежливо стряхнув меня с подоконника, чтобы не загромождал путь, выпрыгнул в окно.

Я уже не раз замечал, фраза «теперь я знаю, что делать» предшествует самым диким и нелепым поступкам в жизни сказавшего. И во сне, и наяву, один чёрт.

А мне, конечно, пришлось прыгать следом, бормоча заклинание, позволяющее не переломать ноги, и всем сердцем надеясь, что не перепутал его слова.

Вроде не перепутал. По крайней мере, остался цел.

Если по уму, то преследовать сновидца – самое нелепое занятие, какое только можно выдумать. Потому что, во-первых, человек, который видит сон, не связан вообще никакими ограничениями, кроме причуд собственного сознания. Он может изменять свой облик хоть ежесекундно, а передвигаться любым способом, какой взбредёт в голову, полёты на сверхзвуковых сияющих драконах включены. И просто исчезнуть тоже может – в любой момент. Гадай потом, проснулся он у себя постели или просто увидел во сне что-нибудь более интересное, чем площадь Мохнатого дома и отходящая от неё Сияющая улица, по которой сейчас вприпрыжку бежал мой дикарь. Умничка, ни во что не стал превращаться, все бы так! И мне удобно, и прохожим радость. Всё-таки в таком виде себе мало кто снится. Я, во всяком случае, никогда прежде не видел, чтобы по Еху носились завернутые в шкуры косматые гиганты.

Бегаю я не очень быстро, поэтому почти сразу безнадёжно отстал. Мои шансы на успех, и без того ничтожные, стремительно таяли с каждым метром. Впрочем, я успел заметить, как дикарь свернул в переулок Гвоздей и Грёз, который упирается в Мокрую площадь, названную так в честь фонтана, бьющего в её центре, то ли плохо отрегулированного, то ли нарочно, для смеху сконструированного таким образом, чтобы напор струй время от времени становился слишком мощным, и холодная пенная вода

окатывала всё вокруг, включая тротуар, стены ближайших домов и зазевавшихся прохожих. Окрестная детвора от подобных событий всегда в восторге, их отсюда палкой не прогонишь, зато скучные взрослые, включая меня, предпочитают обходить Мокрую площадь стороной, хотя это неплохой способ срезать путь, если идешь к реке.

Но сегодня купания, похоже, было не миновать. Потому что к тому моменту, как я добежал до Мокрой площади, объект моего преследования подпрыгивал в самом центре фонтана, издавая ликующие вопли, столь громогласные, что жители соседних домов встревожено высунулись из окон, хорошо хоть не выпал никто.

Дикарь был мокр насквозь; общее убеждение, будто вода не мочит сновидцев – одно из бесчисленных заблуждений, порождённых склонностью человеческого ума к обобщениям. Просто многие неоднократно видели, как спящие заходят в реку, а потом выбираются оттуда на берег в совершенно сухой одежде. Но как и всё остальное происходящее со спящими, это просто вопрос внимания и осознанности. Если человеку приснилось, что он упал в воду, мы тоже увидим его промокшим, а если он, дав волю воображению, принял реку за радужную дорогу, уводящую на небеса – ну, извините. Не получилось.

Но тут было ясно, что дикарь соизволил увидеть во сне наш фонтан и совершенно сознательно в него плюхнулся. И обрёл в его бурных водах прельстительное сокровище – суковатую дубину, да такую огромную, что едва удерживал её двумя ручищами сразу.

Впрочем, возможно дубина появилась раньше, и ее счастливый обладатель полез в фонтан просто от избытка чувств. Ну или решил обмыть приобретение в соответствии с дикими обычаями своего дикого племени, откуда мне знать. Факт, что моя идиотская реплика про дубину возымела последствия и принесла почти мгновенный результат. Сновидец выслушал добрый совет, восполнил недостачу и был теперь счастлив. Просто отличный получился у него сон, всё-таки в этом деле радость превыше смысла.

Как по мне, именно она и есть смысл.

Я пялился на это духоподъёмное зрелище в компании жильцов окрестных домов и крайне немногочисленных зевак до тех пор, пока дикарь не решил, что хорошего понемножку, и исчез. Скорее всего, просто проснулся. Обычно так и бывает.

Я подошёл поближе к фонтану, чтобы убедиться, что спящий именно исчез, а не превратился, скажем, в маленькую рыбку. В этом смысле, за ними глаз да глаз. И, конечно, по закону подлости, именно в этот момент

напор струй резко возрос, и меня окатило с головы до ног. Второй раз за этот бесконечно долгий день я убедился, что зима – это всё-таки очень холодное время года. Даже такая тёплая, как выдалась у нас в этом году. Несколько секунд стучал зубами, пока не сообразил, что искусство Тёмного пути словно бы специально создано для подобных ситуаций. Раз, и ты уже в волшебном мире горячих бассейнов, меховых одеял и тёплых носков.

Впрочем, носки и одеяла мне не понадобились. Плюхнувшись в бассейн с горячей водой, я сразу согрелся. Минус тут был только один: покинуть это райское место по собственной воле практически невозможно. Единственным веским аргументом могла бы стать перспектива перебраться прямо в мягкую постель. Но до этого счастливого момента мне было так далеко, что лучше даже не мечтать. Нет в Мире никаких мягких постелей. Выдумки и сказки. Не бывает. Цыц!

«Макс, ты сейчас где?» – спросила Меламори.

«Не поверишь, но в собственной ванной. Сейчас поднимусь».

«Надо же. А мне показалось, ты собирался работать».

«А я уже поработал. Искупался в фонтане на Мокрой площади и пришёл домой греться. Как там Малдо?»

«Дрыхнет, что ему сделается. Забудь о нём, у тебя новая гостья, лучше прежних. Совершенно прекрасная! А что по полу на карачках ползает, мыча, так красивой женщине ещё и не такое с рук сойдёт».

«А. Спящая? В гостевой спальне? Ну, где мы все вместе сидели?»

«Ничем тебя не проймёшь. Я-то надеялась сделать сюрприз».

«И сделала. Я очень рад. Сейчас оденусь и прибегу».

«Одеваться как раз не обязательно, – заметила Меламори. – Леди тоже не сказать чтобы очень уж тщательно одета».

– Вредная ты какая, – сказал я ей уже вслух, после того, как вопреки рекомендации тщательно оделся и поднялся на второй этаж. – Можно подумать, что действительно застучала меня с новой подружкой.

– Сначала с новым дружком, – напомнила Меламори. – Ну, то есть, дружок дрых один, без тебя, но, согласись, всё равно есть к чему придраться. Было бы желание! Потом я застучала тебя в объятиях волосатого гиганта, причём ты совершенно не сопротивлялся. Напротив, выглядел подозрительно довольным! И пожелал следовать за ним на край Мира. А теперь ещё и эта красотка к тебе пожаловала.

«Красоткой» она называла немолодую полную даму в короткой ночной сорочке. Но в этом определении не было никакого сарказма. Штука в том,

что наша гостья оказалась рыжей, а в Ехо этого совершенно достаточно, чтобы считаться красавицей или красавцем. Пышные формы, впрочем, тоже приветствуются, хотя не столь единодушно. А возраст тут не считается ни достоинством, ни недостатком, и при оценке внешности в расчёт не принимается.

Рыжая, впрочем, в гробу видела наши оценки. И вообще не обращала на нас внимания. Лежала на полу в том месте, где просыпался порошок Кель-круальшат и сладострастно стонала. Мне даже как-то неловко было за ней наблюдать. Хотелось извиниться и выйти. И Меламори с собой увести. Но нельзя. Работа есть работа.

– Целых три скандала можно было бы тебе устроить, – мечтательно говорила Меламори. – Один за другим. Но я так соскучилась, что ладно, Магистры с ними, со скандалами. Поколочу тебя немножко, и всё.

И действительно легонько стукнула меня кулаком в плечо. То есть, по её меркам легонько, синяк-то останется – будь здоров. Но я не стал протестовать. Потому что, во-первых, это совершенно бесполезно. А во-вторых, я тоже соскучился, чего уж там.

Поэтому в ответ на удар я поцеловал драчунью в макушку. И сказал:

– Просто я принёс домой такой удивительный порошок. Называется Кель-круальшат. Его придумали специально для того, чтобы приманивать спящих.

– И потом смотреть, что они вытворяют? – обрадовалась Меламори. – Слушай, а действительно отличная штука! Уютное семейное развлечение для долгих зимних вечеров...

– Вообще-то, изначально спящих собирались просто ловить и поедать. Но твоя идея нравится мне гораздо больше.

– Поедать?! Ты что, настолько тут оголодал? Повара опять взяли за старое и готовят по дворцовым рецептам? А Базилио куда смотрит?

– Ты правда подумала, что я собрался их жрать?

– Да нет, конечно, – вздохнула она. – Просто эта глупая шутка сама просилась на язык, и я не смогла удержаться. Говорю же, соскучилась... Хотя всё равно непонятно, зачем ты приволок домой этот порошок. Смеху ради?

– Если бы! Ещё пару часов назад я был уверен, что под воздействием этого грешного порошка людям снятся кошмары, сводящие их с ума. Решил своими глазами посмотреть, как это происходит. Но судя по поведению давешнего дикаря, дело не в порошке, он был счастлив, пока не проснулся. Или это просто такой непрошибаемо жизнерадостный экземпляр нам попался? Ладно, сейчас увидим, что будет с этой красоткой...

Рыжая словно услышала мои слова и решила немедленно продемонстрировать нам, что с ней будет. Поднялась с пола и внезапно оказалась совсем ребёнком, причём не девочкой, а мальчиком, бережно прижимающим к груди деревянную модель парусного корабля.

– Неожиданный поворот, – растерянно заметила Меламори.

Мальчик, меж тем, поставил кораблик на пол, и тот поплыл, покачиваясь на узорах ковра, как на волнах. Я глазом моргнуть не успел, как стены комнаты куда-то исчезли, всюду, до всех горизонтов, простиралась бирюзовая морская гладь, мы с Меламори стояли по щиколотку в воде, как два невиданных великана, а мальчишка махал нам с палубы стремительно удаляющегося парусника. И как я, интересно, собираюсь за ним проследить?

Правильный ответ: а никак.

Ещё один правильный ответ: кошмарами тут и не пахнет. Забудь. И, чем терять время на сомнения, начинай искать другую версию. Прямо сейчас. Понимаю, что тебе не хочется. Но всё равно придётся.

– Ноги не промокли, – сказала Меламори. – Это хорошо. А то представляешь, человек спокойно себе проснулся дома, а вода, которая ему приснилась, осталась у нас. Мокрая и холодная. И весь город – под ней.

– К счастью, такое невозможно, – улыбнулся я. – Сновидения эфемерны, ничем кроме переизбытка зрелищ они нам не грозят. А то пришлось бы срочно придумывать, как гонять отсюда всю эту публику.

– Я знаю, что эфемерны. Но иногда так убедительны, что знание не помогает... Твоя работа на сегодня – всё?

– Боюсь, она только начинается. Самому обидно. Но это так.

Меламори нахмурилась. Но вместо того, чтобы запустить в меня каким-нибудь предметом, спросила:

– Я могу чем-нибудь помочь?

Самый лучший в мире вопрос. Даже когда ответ на него отрицательный.

– Мне – вряд ли. Но... Слушай, у меня Нумминорих уже полдня по Левому берегу бегают. Ищут спящих, которые сходят с ума от кошмаров. К сожалению, найти их можно только по запаху, поэтому кроме него некому. И конца-края этим поискам не видно. И расстояния на Левом берегу – ты представляешь.

– Ну он и влип! – Меламори сочувственно покачала головой.

– Ага. Причём, ты же знаешь Нумминориха. Пока всех не найдёт, не остановится. Даже на полчаса, чтобы отдохнуть и перекусить. Если бы у меня не было других дел, я бы сейчас гулял с ним за компанию, время от

времени отлучаясь за очередной порцией горячих пирожков. И трещал бы без умолку, неважно о чём, просто для поднятия настроения...

– Я тебя поняла, – кивнула Меламори. – Отвезу ему камры и пожрать. И составлю компанию. Практической помощи от меня точно никакой, зато могу развлекать болтовнёй. Благо есть о чём рассказать. В этом смысле, день у нас сегодня удался.

Да не то слово.

«Когда пойдёшь ко мне, не забудь принести пирожные для Куруша, – сказал Джуффин. Его голос в моей голове звучал строго и назидательно. – Мой буривах считает, что ты наконец исцелён от безумия, и теперь всё будет как прежде. Не вздумай разбивать ему сердце».

«А как ты угадал, что я собираюсь зайти?»

«Элементарная логика. Плюс некоторое знание жизни. Когда мы с тобой расстались, ты как раз собирался пьянствовать с подозреваемым и спрашивал, как сохранить трезвость. А потом исчез на полдня. Ясно, что всё это время ты или совершал великие дела, или просто мирно храпел под столом. В обоих случаях имеет смысл ждать твоего визита. Будешь ты при этом хвастаться достижениями или браниться на дурацкое заклинание, которое не помогло – пока открытый вопрос. Тем с большим нетерпением я тебя жду!»

«Заклинание, кстати, просто отлично сработало. Поэтому браниться не стану. Хвастаться тоже – нечем пока. Тебя ждёт страшная участь: я буду просить совета».

«Заранее содрогаюсь. Пирожные смотри не забудь».

«Дались тебе эти пирожные!»

«Просто я хороший стратег. И точно знаю, что предотвратить конфликт обычно легче, чем потом его улаживать. С нашим Курушем шутки плохи. Зачем тебе могущественный враг?»

И то верно.

Поэтому в Дом у Моста я пошёл пешком, сворачивая во все кондитерские на своём пути и скупая там сласти. Это была такая игра с самим собой: как будто у нас всё хорошо. И я просто иду в Дом у Моста, чтобы покормить буриваху и заодно выпить камры с Джуффином. А вовсе не решать судьбу Дворца Ста Чудес, у которого, по моим прикидкам, было совсем немного шансов уцелеть.

Больше всего на свете я хотел, чтобы меня переубедили.

Уже почти добравшись до улицы Медных Горшков, я послал зов

Шурфу Лонли-Локли и сказал:

«Мне срочно нужна твоя голова».

«С телом или без?» – деловито спросил он.

«Тело не очень помешает. Так что ладно, приходи целиком».

«Куда?»

«В Дом у Моста, к Джуффину. Если можешь, конечно. Я, как ты знаешь, не самый великий мыслитель всех времён. Обычно это не очень мешает жить, но именно сегодня крайне досадно. Всё, что я могу сделать в сложившейся ситуации – заставить две самые светлые головы Соединённого Королевства работать на меня. Шантажируя, что в противном случае, я примусь мыслить сам. Со всеми вытекающими последствиями».

«Это действительно серьёзная угроза, – согласился Шурф. – Ладно. Подожди немного, придумаю что-нибудь».

Чем особенно прекрасен мой друг – в его устах слово «немного» означает, в самом худшем случае, несколько минут. Поэтому когда я вошёл в кабинет Джуффина, он уже был там.

Первым делом я водрузил на стол гостинцы для Куруша. Со этими грешными пирожными такая беда, что когда покупаешь в разных местах всего по две-три штуки, поначалу кажется, что их – всего ничего. И надо бы пополнить запас. И ещё не помешает. И ещё. А потом внезапно обнаруживаешь у себя в руках целую пирамиду свёртков, которую поди ещё донеси до места, не обрушив. Но делать нечего: идёшь, не дышишь, несёшь.

Зато избавившись наконец от этой сложносочинённой ноши, испытываешь ни с чем не сравнимое блаженство. Как будто все дела до конца года уже переделаны, и Мир на всякий случай превентивно спасён, и даже «Маятник вечности», который я безуспешно пытаюсь одолеть на протяжении всей своей жизни в Ехо – с перерывами на разнообразные катарсисы – уже прочитан, законспектирован и с облегчением забыт навсегда.

– Когда ты говорил, что тебе нужна моя голова, ты имел в виду, что ею придётся есть? – наконец спросил Шурф.

– Обойдёшься! Это Курушу.

– Досадно. Потому что пообедать я не успел. А об ужине даже мечтать было бы нелепо, ясно, что от этого события меня отделяет вечность.

– Не огорчайся, я с тобой поделюсь, – великодушно сказал буриуэх. – Мне одному столько и за три дня не склевать. Спасибо, Макс. Я очень рад, что тебя вылечили.

Он спорхнул на стол и теперь расхаживал среди свёртков, не в силах выбрать, с чего начать.

– Ты всё-таки удивительный мастер перегибать палку! – заметил Джуффин. – Правда, иногда это бывает кстати.

И, не дожидаясь разрешения Куруша, цапнул ближайшее к нему пирожное. То-то он так настойчиво о них вспоминал.

– Ты тоже можешь взять, какое захочешь, – сказал мне Куруш.

– Спасибо, друг. Но что-то мне пока совсем ничего не хочется.

– Что у тебя стряслось? – хором спросили Джуффин и Шурф.

Понятное единодушие. Нечасто на их памяти я отказывался чего-нибудь пожевать. Даже когда это, скажем, третий обед подряд. Или четвёртый ужин.

– Да чего только не стряслось, – вздохнул я. – Сейчас расскажу вам и, может быть, сам наконец хоть что-то пойму. Есть небольшая надежда.

– Да, устное изложение обычно помогает хотя бы отчасти систематизировать информацию, – согласился Шурф. – А письменное ещё эффективнее. Но этот метод, к сожалению, тебе не по душе.

Всё-таки в последнее время он стал на редкость гуманным. Ещё недавно попытался бы силой всучить мне одну из своих тетрадок, и поди отбрыкайся.

И я принялся излагать им все события, одно за другим, не переставая изумляться, как они уместились – не в день даже, в какие-то несчастные несколько часов? Но уместились, факт.

– Очень интересно, – резюмировал Джуффин после того, как я наконец умолк. – Но ещё интересней было бы узнать, какие выводы ты успел сделать?

– Вообще-то, я надеялся, что вы великодушно сделаете их за меня. Потому что голова у меня, конечно, хорошая: твёрдая, круглая, некоторые даже говорят, красивая. Но этим её достоинства, к сожалению, исчерпываются. Пока раскрытой можно считать только одну тайну: человека, который называет себя Пелле Дайорлой, зовут Нанка Вирайда. Тут всё сходится: и его оговорки, и нежелание поддерживать Безмолвную связь с женщиной, которая его опекала, и опасение быть узнанным – всё-таки в Ехо до сих пор живут люди, знавшие его подростком. Понятия не имею, зачем ему эта конспирация, но подозреваю, что друг его всё-таки погиб.

– Мальчишка из Ордена Водяной Вороны, беглец, да ещё и укравший общий Орденский секрет? К гадалке не ходи, так оно и было, – согласился

Джуффин. – Такое даже никому из Старших Магистров и личных друзей Лойсо не сошло бы с рук, а уж послушнику... Причём, готов спорить, что обошлось без погони. В Ордене Водяной Вороны умели убивать на расстоянии – по крайней мере, слабых и неумелых колдунов. И это, кстати, объясняет, почему второй мальчишка уцелел. О нём они просто не знали.

– Уцелел и стал называть себя именем друга просто от отчаяния? Такая игра со всем Миром сразу: давайте притворимся, как будто погиб я, а не он?

– Видимо так, – пожал плечами Джуффин. – Люди по-разному справляются с горем. Кому-то, наверное, и такой способ хорош.

– Возможно, он хотел большего, – неожиданно вмешался Шурф. – Старое угуландское поверье гласит, что ни в коем случае нельзя даже в шутку называться именем умершего. Потому что тогда к тебе может прийти его призрак и спросить: «Зачем ты украл моё имя?» И потом не оставит в покое, будет вечно следом бродить, спать по ночам не даст, и всю родню распугает, останешься один. В наших краях всегда боялись призраков, не знаю уж почему. Но ясно, что когда речь идёт о погибшем друге, встреча с его призраком может показаться желанным событием. Любовь сильнее страха. Всегда.

– Ого! – присвистнул я. – Присвоить имя мертвеца, чтобы встретиться с его призраком? Действительно уважительная причина! Слушай, а это правило действительно работает? Но тогда, получается, вообще кого угодно можно призвать?

– На самом деле, это просто суеверие, типичное для невежественных угуландских фермеров, – пожал плечами Шурф. – С другой стороны, как и всякое суеверие, оно опирается на реальные случаи, когда призраки покойных действительно приходили к самозванцам, присвоившим их имена из корыстных или ещё каких-то соображений. Из этого разумно сделать следующий вывод: иногда примета действительно работает. Но никогда заранее не известно, повезёт тебе или нет – хотя бы потому, что призраками после смерти становятся далеко не все.

– Интересно, у Пелле, в смысле, у Нанки получилось встретиться с другом?

– Вряд ли. В противном случае у него не было бы причин и дальше называться именем покойного. С призраками обычно довольно просто: уж если он один раз к тебе пришёл, потом можно договариваться о дальнейших визитах, как с обычным человеком. Особенно если призрак твой друг.

– В любом случае, об этом мы успеем поговорить когда-нибудь потом.

Сейчас, как я понимаю, у тебя есть чуть более актуальная проблема, – напомнил мне Джуффин.

– Ох, есть! – согласился я. И замолчал. Но эти двое не спешили давать мне разумные советы. Вместо этого они продолжали сверлить меня нетерпеливыми взглядами: дескать, давай, говори, что ты собираешься делать!

Нашёл, называется, себе помощничков.

– Ждёте моих блистательных рассуждений? – обречённо спросил я.

Эти садисты синхронно кивнули.

– Ладно. Трепещите. Сперва у меня была совершенно ужасная версия. Что Малдо разжился этим грешным порошком и использует приманенных сновидцев для, скажем так, внутренней отделки своего чудесного дворца. Не представляю, какой может быть толк от чужих кошмаров, но поскольку я вообще ничего не знаю ни о древнем строительстве, ни о наваждениях, предположил, что возможно вообще всё.

– Разумно, – неожиданно согласился Джуффин. – Разобраться в технических деталях всегда можно потом. Что дальше?

– А дальше я поговорил с Малдо. И мне стало ясно, что если он и натворил бед, то случайно, по незнанию. Совершенно спокойно щебетал о волшебном порошке и добром друге, который поделился его запасами. Ну, то есть, как потом оказалось, рецептом; неважно. Тогда у меня появилась ужасная версия номер два: злодей – это у нас неизвестный друг. Но я снова сел в лужу. Потому что неизвестный друг – это Пелле Дайорла, и злодей из него, как из меня оперный певец.

– Настолько хороший человек? – удивился Джуффин, которому однажды посчастливилось услышать, как я напеваю под нос.

Хвала Магистрам, он – могущественный колдун с богатырским здоровьем и железными нервами, поэтому роковых последствий тот прискорбный случай не возымел.

– Именно.

– Что дальше?

– Понятно, что. На следующем этапе я решил, что в этой истории нет никаких злодеев, зато есть ужасный волшебный порошок и два невежественных энтузиаста, всегда готовых добавить в кувшин с камрой щепотку отравы, да ещё и хвастаться: вы только понюхайте, какой замечательный теперь аромат! Однако решил собственными глазами поглядеть, как Кель-круальшат действует на спящих. Ну и поглядел. Пока только на двоих, но уже уверен, что те бедняги, которых мы нашли, пострадали не от порошка. От чего-то другого. При этом причина

кошмаров где-то во Дворце Ста Чудес. Нумминорих до сих бегают по расходящимся от главного входа следам и в конце каждого обнаруживает очередного спящего безумца. На этом всё. Я даже не представляю, с чего начинать расследование. Искать под каждой половицей? Отлично, но что именно там искать? Лично я понятия не имею. А вы?

– Не хотелось бы тебя разочаровывать, но, боюсь, на сей раз ты переоценил меня как потенциального советчика, – сказал Шурф.

Он выглядел по-настоящему огорчённым.

– Он и меня переоценил, – утешил его Джуффин.

– Я подумал, может быть, всё дело в магии, которую используют Новые Древние? – сказал я. – Может такое быть, что она вредна для людей, которым мы снимся? Нам нормально, а для них – чистый яд. Просто до сих пор сновидцы не заходили в помещения, построенные Малдо и компанией. А во Дворце Ста Чудес оказалась приманка. Может такое быть?

– Может быть вообще всё, что угодно, – пожал плечами Джуффин. – Тем и хороша твоя новая работа, что вся эта область пока – одно сплошное неисследованное белое пятно. Никого, включая наших великих предшественников, эта тема до сих пор не интересовала. Мы первопроходцы, сэр Макс. Со всеми вытекающими последствиями. То есть, у нас очень интересная жизнь, но при этом ни одного путного советчика в трудную минуту. Всё честно.

– Да я и не спорю. И меня такое положение вполне устраивает. Но ровно до тех пор, пока люди не начинают сходить с ума от страха. Этого я допустить не могу. Спящие они или бодрствующие, дело десятое. Это надо немедленно прекратить.

– Каким образом?

– Я надеялся, что вы мне подскажете. Потому что обе идеи, которые пришли мне в голову, ужасны.

– Всё равно расскажи, – потребовал Джуффин. – Возможно, они ужасны только с твоей точки зрения. Ну и вообще интересно, в каком направлении работает твоя голова.

Кто бы сомневался.

– Сперва я думал, что нам придётся испепелить Дворец Ста Чудес...

– Что?! – переспросил Джуффин.

Он явно не верил своим ушам и вид имел совершенно обескураженный. Похоже, все эти годы шеф Тайного Сыска меня идеализировал. Спасибо ему за это.

– Это яркий пример того, что сэр Мигумалла Бракс в своём знаменитом трактате «Заметки о природе злодейства» называл

«катастрофическим мышлением», – спокойно заметил Шурф. – Обладатель катастрофического мышления не только склонен преувеличивать всякую возникшую проблему, возводя её до масштабов катастрофы, но и убеждён, что всякая катастрофа может быть исправлена другой, превосходящей её по масштабу. Классический пример – лечение насморка путём отсечения головы. Наибольшая сложность заключается в том, что формально носитель катастрофического мышления прав: после отсечения головы насморк действительно прекращается, причём гораздо быстрее, чем при любом другом способе лечения. Поэтому переубедить его чрезвычайно сложно.

В точку. Вот уж кто не идеализировал меня никогда.

– Очень хорошо, – сказал я. – Больше всего на свете я боялся, что вы оба со мной согласитесь. Скажете спокойно: «Ну да, разумеется. Не будет Дворца Ста Чудес, не будет и проблемы. Ты молодец». Не знаю, как бы я это пережил.

– В следующий раз, когда в твою голову придёт подобная идея, сразу бегом ко мне, – посоветовал Джуффин. – Я в своё время даже Лойсо Пондохве объяснил, что уничтожать Мир – далеко не единственный способ его немного улучшить. И для тебя как-нибудь найду аргументы.

– С Лойсо, кстати, гораздо проще было договориться, – возразил Шурф. – Потому что он всё-таки в первую очередь думал о собственных интересах, а уже потом – обо всём остальном. Сэр Макс, к сожалению, бескорыстен. И это страшнее всего.

– Да ладно тебе, – невольно улыбнулся я. – Тоже мне нашёл самый страшный страх. Главное, чтобы теперь тебе не начали сниться кошмары. Как ты сидишь в тёмной-тёмной комнате, за окном стонут огненнозадые демоны, пришедшие поглотить наш Мир, и тут, в придачу ко всем бедам, появляюсь ужасный я. И с утробным воем отдаю тебе последнюю рубашку. В смысле, скабу; неважно. Главное, что совершенно бескорыстно её отдаю.

– Если при этом будут присутствовать демоны, тогда ещё ничего, – хладнокровно парировал Шурф. – Главное наедине с тобой в этот момент не оказаться.

– Спасибо, друг. Рад, что ты ценишь меня по достоинству. Однако вынужден тебя разочаровать: долго сосуществовать с идеей разрушения Дворца Ста Чудес я всё-таки не смог. И тогда придумал гораздо менее драматичный выход. Запасы Кель-круальшата я уже уничтожил. Дело за малым – проверить, не осталось ли у них ещё, а потом запретить его производство. И проследить за строителями, чтобы не вздумали нарушить запрет на свой страх и риск. Если приманки не будет, сновидцы больше не

полезут во дворец, и всё станет как раньше...

– А вот это очень разумно, – кивнул Джуффин. – Я сам как раз собирался предложить. Рад, что ты обошёл собственными силами. А что нервы нам предварительно помотал – так ты без спектакля не можешь, я понимаю.

– Да могу я без спектакля; другое дело, что тебе же первому надоест. Но штука даже не в этом. Мою первую идею надо было озвучить хотя бы затем, чтобы сказать: мне кажется, что вторая ненамного лучше.

– Это ещё почему? – возмутился Джуффин.

А Шурф уставился на меня с интересом исследователя. Дескать, чего ещё интересного я пока о тебе не знаю?

– Да всё ты знаешь, – сказал я. Почему-то вслух. И добавил: – Просто ты не был в Куманском павильоне. А я был.

– И что?

– Это невероятно круто. Ничего подобного в жизни не испытывал – я имею в виду, наваждений такого уровня достоверности и такой глубины погружения с одновременным сохранением знания о себе. Это настоящее искусство, я бы сказал, идеальное. Каким оно должно быть.

– Предположим, – нетерпеливо перебил меня Джуффин. – И что с того?

– Я уже говорил, по словам Малдо, для достижения этого эффекта требуется, помимо всего прочего, Кель-круальшат. Если я правильно понял, этот порошок воздействует на бодрствующих людей, заставляя их быть более внимательными и сосредоточенными.

– Думаешь, это так важно? – спросил Шурф.

Я пожал плечами.

– Не знаю. Можно подождать, пока Малдо проснётся, и спросить его. Только что бы он ни сказал, разгребать последствия запрета придётся именно ему. Найдёт он другой способ зачаровать зрителей или нет – время покажет. Если не найдёт, скорее всего, потеряет интерес к своей затее. Может быть, бросит свой волшебный дворец и займётся чем-то другим, а может быть, уговорит себя схалтурить; публика, впрочем, всё равно будет довольна. В Ехо любят развлечения. Но дело-то не в публике. Совсем не в ней.

– А в чём?

– В самом искусстве, конечно. В том, чтобы оно было. Чтобы буквально из ничего вдруг возникло нечто созданное человеческой волей и воображением, прекрасное и невозможное, никогда не существовавшее прежде. Мне кажется, это так же важно, как когда-то было важно сохранить

этот Мир. Хотя, конечно, совершенно несопоставимый масштаб. Но для меня – вполне сопоставимый, вот в чём штука.

– Ладно, – внезапно согласился Джуффин. – Если для тебя это настолько важно, я спорить не стану. Тогда оставь всё как есть.

– Не получится. Если бы за возможность достроить Дворец Ста Чудес надо было заплатить согласием самому еженощно видеть во сне кошмары, я бы ещё подумал. Скорее всего, какое-то время смог бы потерпеть. Но расплачиваться за это чужими страхами и безумием я не могу. Мне надо всё сразу: чтобы и ужас прекратился, и Малдо благополучно доделал свой Дворец Ста Чудес, как было задумано. Иначе я не согласен.

– Если так, то ты в тупике.

– Да. Именно там я и есть. И не могу найти выход. Давайте, помогайте. Вы умные. И опытные. И знаете о магии столько, сколько я никогда знать не буду, даже если ещё шесть голов отращу.

– Вот на это я бы посмотрел, – фыркнул Джуффин.

И разрядил обстановку. Он это умеет, когда захочет. Как никто другой.

– А ты не пробовал допросить кого-нибудь из спящих? – вдруг спросил Шурф.

– Как ты себе это представляешь?!

– Да, пожалуй, «допросить» – это неверное слово. Точнее будет «расспросить». Поговорить, выяснить, что именно их напугало. С чего начался кошмар. Это возможно?

– Боюсь, что нет. Они сперва ничего не соображают, а потом сразу же просыпаются, всё-таки прекращение кошмара – очень сильная встряска. Но... Слушай, это гениальная идея. Абсолютно гениальная! Именно то, что надо.

– Ты уже понял, как это проверить? – обрадовался Джуффин. – Отправиться за проснувшимся по его запаху, как вы с Нумминорихом уже делали, и учинить допрос?

– По идее, можно и так, – согласился я. – Только вряд ли они смогут всё вспомнить. А если вспомнят, как будут объяснять? Я человек опытный, а всё равно если начну пересказывать, что мне снилось, половину деталей забуду, а вторую переверну, потому что хохенгрону не обучен. И наши сновидцы, подозреваю, тоже нет. А на языке бодрствования сон без искажений не перескажешь. Так что вряд ли выйдет что-то путное. Но совершенно неважно. Потому что одним из этих сновидцев могу стать я сам.

– Это как, интересно? – нахмурился Шурф.

А Джуффин промолчал. По выражению его лица было видно, что он

сразу всё понял. И теперь не знает, хвалить меня за сообразительность или отговаривать от авантюры.

– Предельно просто, – сказал я. – Иду на Тёмную Сторону, делаю заказ, ложусь спать... не смотри на меня так, словно собираешься пристрелить, чтобы я не мучился. Не всякое милосердие уместно.

– Это ты мне как эксперт по неуместному милосердию говоришь?

– Почему? Моё милосердие в данном случае более чем уместно. И риска никакого. Ладно, скажем так: он совсем невелик. Потому что, в отличие от всех этих спящих бедняг, счастливое пробуждение я могу заказать заранее.

– Главное – точно сформулирую, – кивнул Джуффин.

По крайней мере, он меня отговаривать явно не собирался. Уже легче.

– Могу конспект заранее написать, – сказал я.

– Не пойдёт, – покачал головой Джуффин. – На Тёмной Стороне всё меняется. И кто знает, как там могут измениться твои записи. На голову и то больше надежды – при всём моём недоверии к твоей голове.

– Когда я узнал, что ты остался в Тихом Городе, я зашёл в твою первую квартиру на улице Старых Монеток, – внезапно сказал Шурф. – Сейчас сложно объяснить, зачем я так поступил; впрочем, это значения не имеет. Там, если ты помнишь, стояло такое странное устройство, которое ты притащил из другого Мира. Мы все время от времени ходили туда смотреть кино^[29].

– Точно, – улыбнулся я. – Надо же, совершенно о нём забыл!

– Не ты один, – удивлённо сказал Джуффин. – Я тоже. Точнее, помнил, но как один из давних фактов своей биографии, не имеющий отношения к настоящему. Мне почему-то не приходило в голову, что в любой момент можно снова пойти на улицу Старых Монеток и посмотреть кино.

– Уже нельзя, – огорошил нас Шурф. – Это устройство исчезло. И я даже поймал себя на сомнении – а было ли оно вообще? К счастью, с моим опытом довольно просто отличить подлинное воспоминание от морока. Поэтому я точно знаю, что устройство было, а после того, как тебя не стало в Ехо, не стало и его. Остальные твои вещи остались. Я, помню, ещё подумал: ничего удивительного, ты покупал их здесь или привозил из других городов. Кто угодно мог собрать эти предметы в одном помещении, для этого совершенно не обязательно быть тобой. А вот устройство для просмотра кино из другого Мира мог принести на улицу Старых Монеток только ты. Серьёзное вещественное доказательство. И его исчезновение выглядело так, словно кто-то замечает следы твоего пребывания в Мире. Или твоего существования вообще? Это открытие было гораздо страшнее,

чем само по себе твоё отсутствие...

– Ты мне об этом не говорил, – укоризненно заметил Джуффин.

– Я вообще никому об этом не говорил. Потому что боялся услышать в ответ: «Какое устройство? Какое кино?» Уж лучше оставаться наедине со своими неподтверждёнными сомнениями и надеяться, что этот загадочный предмет исчез сам по себе, вне всякой связи с Максом. Например, потому, что кто-нибудь достаточно могущественный потянул за другой конец чёрного шнура, который уходил в пустоту и, если я правильно понимаю, был чем-то вроде своеобразного моста между разными реальностями, то есть, вещью совершенно невозможной. По крайней мере, я выбрал верить в этот вариант. И, к счастью, оказался до какой-то степени прав.

– Но почему ты именно сейчас об этом вспомнил? – спросил я.

– Да просто потому что не хочу ещё раз пережить этот опыт. Прийти к тебе домой и обнаружить, что там нет не только тебя, но и, скажем, кружки, которую ты прихватил из трактира Франка. И одежды, в которой ты оттуда пришёл. Иными словами, не хочу, чтобы ты снова так достоверно, с полной самоотдачей исчезал из этого Мира. Хватит с меня. Не надо тебе спать на Тёмной стороне.

– Надо, – твёрдо сказал я. – Ничего там со мной не случится. Потому что, во-первых, у меня будет точно сформулированный заказ. А во-вторых, если я не вернусь буквально через пару часов, никто не помешает тебе отправиться туда и меня разбудить. Один раз у тебя уже отлично получилось. Впрочем, я заранее уверен, что не понадобится.

– Макс прав, – согласился Джуффин. – При грамотном подходе риск действительно крайне невелик. Но дело даже не в этом.

– А в чём же?

Судя по тому, каким спокойным и отстранённым стал его тон, друг мой был в неопишуемой ярости.

– Да в том, что если уж Макс втемяшил себе в голову, что должен это сделать, то сделает и нас не спросит. Скажет: «Или по-моему, или никак», – и будет совершенно прав. С иным подходом в магии делать нечего. Единственный надёжный способ его остановить – убить. Вдвоём мы точно справимся. Но ты же не хочешь доводить до такой крайности?

– Убить – это всегда успеется, – сердито сказал Шурф.

Очень сердито, хвала Магистрам. Настоящая буря прошла стороной.

– Ну и как будет звучать этот твой «точно сформулированный заказ»? – спросил он меня.

Будь Шурф профессором, принимающим экзамен, я бы заранее смирился с грядущей пересдачей, поджал хвост и ушёл восвояси. А так

пришлось отвечать.

– Ну, предположим: «Я хочу уснуть и...»

– И на этом всё! – злорадно ухмыльнулся мой друг. – Никаких «и» быть не может, потому что ты уже уснул, так и не добравшись до сути дела. И не обеспечив себе гарантию пробуждения. Что и требовалось доказать.

– Вот именно поэтому мудрая природа создала тебя, – примирительно сказал я. – Причём задолго до моего появления, чтобы ты успел вырасти и набраться ума. И думать умные мысли всякий раз, когда они мне понадобятся. Я же с самого начала честно признался, что мне нужна твоя голова. Давай её сюда, пусть изобретает лучшую в мире формулировку. А я вызубрю её наизусть.

– Ладно, договорились. Но прежде, чем уходить, ты повторишь её сто раз.

– Сто?! Это уже слишком.

– Не сомневаюсь, что тебе так кажется. Однако будет или по-моему, или никак. Это и мой принцип тоже.

– Не то чтобы это такая уж великая новость, – мрачно буркнул я.

– Это называется «компромисс», – невинно заметил Джуффин. – Всем нам время от времени приходится на них идти. Ничего не поделаешь, сэр Макс, в этом вопросе я не на твоей стороне. Зато в остальных – на твоей. Даже в большей степени, чем ты сам.

Ладно, сотня – всё же не тысяча. Зная Шурфа не первый день, я прекрасно понимал, что ещё очень легко отделался.

Пару часов спустя, после того, как текст грядущего выступления был вызубрен, ужин, без которого меня наотрез отказались отпускать, съеден, а остатки порошка Кель-круальшат тщательно собраны и водворены на место, в кладовую Дворца Ста Чудес, я стоял по колено в чёрной траве Тёмной стороны, под её низким сияющим золотым небом и благословлял упёртость своего друга. Потому что когда блаженный весёлый покой этого места заполнил меня до краёв, и из головы вылетели не только мысли, но и смутные воспоминания о подлинных причинах моего визита сюда, мой бедный замордованный муштрой язык каким-то чудом сумел в сто первый раз повторить:

– Уснуть здесь, испытать притяжение порошка Кель-круальшат, который хранится во Дворце Ста Чудес на окраине Ехо, пережить все ощущения обычного сновидца, подпавшего под его власть, пройти их путём, узнать, что происходит с ними, понять, запомнить, проснуться живым, невредимым, в здравом уме ивернуться в Ехо не позже чем через

час после ухода я хочу.

Всего-то и надо было – переставить слова «я хочу» в конец фразы. Удивительно, но самые простые и понятные вещи начинают казаться таковыми только после того, как кто-то другой произнёс их вслух.

Я думал, воздействие Кель-круальшата будет похоже на наркотическое. Наглядевшись на других сновидцев, ждал экстаза и эйфории; да чего греха таить, не просто ждал, а очень рассчитывал, полагая удовольствие справедливой наградой за самоотверженность. Пусть будет, беру.

Как же, держи карман шире.

Видимо ко всякому сознанию у этого грешного зелья индивидуальный, чёрт бы его побрал, подход. Поэтому вместо неземного блаженства я ощутил привычную тревогу: опаздываю! Не успеваю! Надо срочно бежать!

Куда и зачем надо бежать, я представлял довольно слабо, но совершенно точно знал, что там меня ждут. И от моего своевременного прибытия зависит благополучие – понятия не имею, чьё именно. Всего Мира? Куманского Халифа? Дюжины обиженных судьбой сирот? Рыбака по имени Сао Батори, только что забросившего сеть в воды Великого Крайнего Моря? Тощего котёнка, сбежавшего с фермы в окрестностях Гогина и утратившего надежду отыскать дорогу домой? Великого поэта Нанки Вирайды, известного, вернее, никому не известного под именем Пелле Дайорла? Или его друзей, мёртвого и живого, автора Куманского Павильона – теплого безмятежного дня, стройного гула струн чуффаддага, ароматных рукавов прошедшей мимо незнакомки, размышлений о синей долины Лойи и прочего «непроницаемого пламени непознаваемого», что бы ни называл этими словами неизвестный мне куманский старик.

Теплее, уже теплее. Совсем тепло.

Впрочем, неважно. Главное – добежать.

И я бежал. Грешные Магистры, как же я бежал! В панике, задыхаясь, браня последними словами себя и всё, что вставало у меня на пути. Бежал по улице Старых Монеток, по улице Рыбьих Глаз, что в Кеттари, по Пёстрой Линии в Гажине, по скользким черепичным крышам, по вязким кучевым облакам, нёсся через Хумгат, спотыкался о древесные корни на лесных тропах, чтобы удержать равновесие, хватался за перила Шамхумского Птичьего моста, моля всех Тёмных Магистров, чтобы он не превратился внезапно в Большой Королевский между Правым и Левым берегами Хуруна, и мне не пришлось начинать всё сначала.

Если это и был экстаз, меняю его на дюжину кошмаров. С доплатой, лишь бы взяли и унесли.

Но я всё-таки добежал. Сложно сказать, куда именно. Но вдруг почувствовал, что теперь всё в порядке. Я на месте, Мир спасён, сироты садятся ужинать, рыбак Сао Батори вытащил сеть с дюжиной жирных рыб, котёнок скребётся в ворота родной фермы, Куманский Халиф вкушает пэпэо^[30], все танцуют.

А я наконец могу просто спокойно полежать. По всему выходит, что именно так выглядит для меня алмазный предел блаженства. Всё остальное – избыточная суета.

Возможность спокойно полежать я использовал на всю катушку. Лежал, пока не стало скучно. А скука – верный признак, что организм отдохнул. И, прикинувшись совестью, забормотал что-то вроде: «У меня столько дел, столько дел!» Что в переводе на человеческий язык означает: «Хочу поразмяться».

Да на здоровье, кто ж тебе запретит. В смысле, мне. Вставай и иди, куда захочешь.

Я встал и пошёл.

Шёл по залитой послеполуденным солнцем улице, потом зачем-то свернул за угол и внезапно оказался – даже не знаю, как правильно сказать: оказался ночью? в ночи?

В общем, там, за углом, была ночь и дул ветер – не то чтобы очень сильный, зато как бы во все стороны сразу. Поведение ветра не понравилось мне даже больше, чем темнота. Когда пытаешься сориентироваться, такие штуки сильно сбивают с толку.

– Цыц! – сказал я ветру. – Прекрати. Сам видишь, мне надо подумать.

Удивительно даже не то, что ветер меня послушался. А то, что после этого я действительно начал соображать. По крайней мере, вспомнил, откуда пришёл, обернулся и обнаружил там каменную стену – гладкую, не перелезть. И заклинание, позволяющее проходить стены насквозь, вылетело из головы, словно бы и не знал его никогда. А может правда не знал? Только собирался выучить, да всё откладывал на потом?

С меня бы стало.

Ладно, будем искать другой выход. Не может быть, чтобы он не нашёлся. Так не бывает.

Пространство, где я оказался, выглядело как очередная строительная площадка Новых Древних, куда добросердечные горожане стащили остатки мусора, каким-то чудом уцелевшие после эпопеи с Дворцом Ста Чудес. Всюду громоздились камни, доски, груды черепицы, сломанная мебель, битая посуда, тюки с тряпьем и прочий хлам.

За годы жизни в Ехо моё ночное зрение стало почти таким же острым, как у коренных угуландцев, в противном случае я бы вряд ли заметил узкий проход между двумя домами, не то недостроенными, не то, напротив, не до конца разрушенными – устремлённые ввысь стены, провалы дверных и оконных проёмов, и больше ничего. Обнаружив проход, удивился: у нас дома обычно или лепятся друг к другу вплотную, или наоборот, стоят в гордом одиночестве, окружённые палисадниками. В разных кварталах по-разному, однако такого компромисса как узкая щель между стенами соседних домов я до сих пор нигде не встречал.

«Всё к лучшему, – подумал я, – наверняка через этот проход можно выбраться на улицу. Где, будем надеяться, всё ещё день. Ну или хотя бы горят фонари».

Но это была плохая идея. Штука даже не в том, что идти пришлось гораздо дольше, чем рассчитываешь, ныряя в проход между домами на обычной городской улице. Ну или на необычной. Всё равно почти бесконечный проход между зданиями – совсем не дело. Но с этим я бы ещё как-нибудь смирился.

И не в том беда, что благоразумно повернув назад, я обнаружил там ещё одну стену – снова тупик. Этого можно было ожидать заранее.

Даже тот факт, что внутри зданий, между которыми я пробирался, творилась какая-то дрянь, не особо меня огорчил. Рычание, вой и жалобные стоны, доносившиеся отовсюду, немного действовали на нервы, но это вполне можно было пережить. А заметив в оконном проёме анемичную блондинку, алчно пожирающую человеческую ногу, загорелую, волосатую и на фоне бледной людоедки торжествующе живую, рассудил, что это меня не касается. В конце концов, мои-то ноги пока на месте, чего ж мне ещё.

На месте-то на месте, однако земля под этими самыми ногами постепенно переставала быть твёрдой. И вообще землёй. Подо мной ходуном ходили какие-то шаткие гнилые доски, а этого я действительно не люблю. Предпочитаю твёрдо стоять на ногах во всех ситуациях и во всех возможных смыслах этого выражения. И когда это не получается, начинаю сердиться – верный признак, что я напуган.

А это уже никуда не годится. Как маленький, ей богу. Стыдись, сэр Макс.

Но для того, чтобы устыдиться, мне требуется хотя бы один свидетель. Кто угодно сойдёт, потому что я стремлюсь выглядеть героем в глазах любого свидетеля. И обычно так хорошо вхожу в эту роль, что сам себе верю. Поэтому у меня репутация очень храброго человека.

Но на необитаемом острове я, вероятно, наложу в штаны от первого

же подозрительного шороха. И буду проделывать эту негигиеничную процедуру примерно раз в полчаса, если только не появится хоть какой-нибудь заинтересованный зритель. Говорящий попугай, думаю, сойдёт.

Хорошо, что я вовремя заметил белокурую людоедку. Её присутствие где-то далеко за спиной заставило меня держаться молодцом.

Яи держался. В смысле, шёл по стонущей, дрожащей, прогибающейся под моими ногами земле – не то тысячу лет, не то целых десять минут. В общем, очень долго. Пока не оказался на краю расщелины, довольно узкой, но всё же не настолько, чтобы преодолеть её в один прыжок. Внизу была подозрительно бездонная пропасть, а на другой стороне – моя жизнь.

Я правда не знаю, как ещё можно это описать – вот она, вечная проблема перевода образов сновидения на язык бодрствующих людей, слишком скудный и бедный для такой задачи. Могу сказать только, что там, на соседнем, бесконечно далёком берегу, был не какой-то конкретный город, не море, не степь, не пустыня, не лес и не небо над ними, не события, которые я уже пережил, и не обещание будущих дел, не люди, не призраки, не чудовища, не заклинания, которые мне ещё только предстояло произнести, и не дивные результаты грядущего колдовства, не разноцветные ветры Тёмной Стороны, не слова, которые я когда-то слышал, или однажды скажу, не сны, не музыка, не наслаждение, не навсегда побеждённая смерть. И одновременно – всё это сразу.

Я знал, что перебравшись на другой берег, вернусь к самому себе. А не перебравшись, утрачу даже последнее подобие смысла, каким обладает всякая бабочка, рождённая в чужом сне, в тот момент, когда сновидец нагнулся, чтобы зашнуровать башмак, и не заметил её полёта.

Иными словами, если я не смогу перейти мост, я не просто исчезну. Окажется, что меня не было никогда. И не будет. Потому что я просто не нужен. Лишняя, избыточная деталь в стройной картине мироздания. Это уже прямо сейчас так – пока я тут стою.

И растягивать это удовольствие явно не следовало.

Мостом служила переброшенная через пропасть доска. Даже не то чтобы особенно узкая. Самая обычная доска шириной в две моих ступни. Пройти по такой – плёвое дело, но только пока она лежит на твёрдой земле. Поднятая над землёй метров на пять, любая доска становится раза в два уже. А уж над пропастью превращается чуть ли не в тонкую проволоку.

Удивительный, кстати, феномен.

Сделав первый шаг, я обнаружил, что доска в довершение всех бед щедро заляпана кровью. Вообще-то, я спокойно отношусь к крови. В смысле, не падаю в обморок от одного её вида. Но именно сейчас кровь

была совершенно некстати, потому что доска, и без того слишком узкая, шаткая и ненадёжная, оказалась чертовски скользкой. И одновременно липкой. «Неудачный день выдался для сапог, – подумал я. – Одни в порошке изгваздал, а что с этими будет, заранее страшно подумать».

Так, стоп. В порошке. В блестящем голубом порошке Кель-круальшат, из-за которого...

Вот именно.

Я стоял на скользкой от крови доске над условно бездонной пропастью и смеялся, причём даже не столько на радостях, что просто сплю и вижу сон, сколько потому, что сейчас, из этой точки повествования, именуемого жизнью, история о дурацком волшебном порошке казалась мне по-настоящему смешной. Вернее, смешон был я сам, твердолобый дурак, практически в самом начале расследования получивший внятную подсказку, но всё равно не сумевший раскрыть это дело буквально за несколько минут, или сколько там требуется времени, чтобы уничтожить защитное заклинание, запирающее дверь центрального входа во Дворец Ста Чудес, старательно наложенное гостем главного архитектора.

Пелле Дайорла, вернее, Нанка Вирайда, бывший послушник Ордена Потаённой Травы. Леди Сотофа рассказывала мне, что адепты этого Ордена не стремились нападать первыми, зато защищались столь виртуозно, что немногие уцелевшие противники до сих пор время от времени вскрикивают во сне и заикаются наяву.

А самозащита, если по уму, должна начинаться именно с входных дверей – какой смысл владеть всеми боевыми искусствами Мира, если не можешь обеспечить себе возможность перевести дух, спокойно посидеть с друзьями, да просто поесть и поспать. Готов спорить, что каждый юный послушник первым делом обучался не только подметать, но и запираť дверь своей комнаты надёжным заклинанием. Чтобы никто не вошёл, а ещё лучше, чтобы даже приближаться не захотел. Как не захотел соваться к центральному входу во Дворец Ста Чудес Нумминорих. Как не захотели гулять в его окрестностях горожане. Я сам, правда, ничего особенного не почувствовал, но так обычно и случается с заклинаниями, которые по каким-то причинам не слишком опасны для тебя самого. А я всё-таки довольно могущественный человек. Чтобы меня отпугнуть, надо звать не бывшего Орденского послушника, а опытного Магистра рангом повыше.

Наверное, так.

Но думать сейчас надо не обо мне, а о сновидцах. Штука в том, что для них все эти наши двери – вообще не помеха. Хотя входить в помещения и покидать их спящие обычно предпочитают именно через двери, а не сквозь

стены, для них, теоретически, тоже проницаемые. Думаю, просто по привычке. Зато заперто, не заперто, их не беспокоит, прут напролом.

Но всё это не означает, что на сновидцев не действуют заклинания. По крайней мере, охранные заклинания Ордена Потаённой Травы, созданные в Смутные Времена, когда добрая половина магических битв происходила именно во сне. Искусство боевого сновидения было тогда чрезвычайно популярно; ни черта в этом, честно говоря, не понимаю, но очень рад, что оно по-прежнему под строжайшим запретом для всех, кроме отряда Сонных Королевских телохранителей и их учеников. Ну его к чертям собачьим – что это будет за жизнь, если даже поспать спокойно нельзя!

Однако ребята из Ордена Потаённой Травы решили этот вопрос радикально. И спали себе спокойно, сколько хотели, пока их противники сходили с ума от безмерного ужаса – каждый от своего. В точности как наши сновидцы, покидавшие Дворец Ста Чудес через тщательно заколдованный центральный вход – кратчайшим путём. Если бы порошок хранили рядом с одним из служебных, скорее всего, ничего бы и не случилось.

Просто не повезло.

– Ладно, – сказал я вслух, – хватит с меня на сегодня.

И отменил пропасть.

Это мой сон, а значит, условия здесь диктую я сам, а не чьи-то дурацкие заклинания. Поэтому вместо бездонной пропасти и окровавленной доски между мной и моей жизнью будет пролегать, скажем, луг с условными ромашками. Или нет, к чёрту ромашки, с изумрудно-зелеными звездами на огненных стеблях, которые я видел когда-то на острове Муримах и, конечно, так и не спросил, как они называются. А если спросил, то сразу забыл.

Неважно.

Всё совершенно неважно сейчас, кроме того, что я иду по лугу, почти по колено в душистой траве. А когда дойду до его края, проснусь там, где... А где, кстати? Хороший вопрос. Если на Тёмной стороне, кучу времени потеряю, выбираясь оттуда. Поэтому было бы разумнее... Но можно ли проснуться не там, где заснул? Ещё один хороший вопрос, ответ на который мне неизвестен.

– Где надо, там и проснусь! – сердито сказал я вслух. Потому что обдумывать ещё и это у меня не было ни сил, ни желания.

И проснулся.

– Ужас в том, – сказал я Джуффину, который, к счастью, всё ещё сидел

у себя в кабинете, зарывшись в гору бумаг, вернее, самопишущих табличек, – что я забыл сказать тебе самое главное.

– Ты всё-таки удивительный пижон, – одобрительно заметил он. – С этакой элегантною небрежностью возникнуть из ниоткуда, как будто всегда тут был, и разговор начать не сначала, а словно бы с середины – это красиво. Сам так долгое время форсил, да и сейчас иногда грешным делом... Ладно. Что у нас нынче самое главное?

– Самое главное – это Базилио! – выпалил я. – У меня, конечно, выдался тот ещё денёк, но всё равно забыть о её просьбе – это было фантастическое свинство.

– При чём тут Базилио? – Джуффин, похоже, понемногу начинал тревожиться. – Эй, Макс! Безумием от тебя не пахнет. Так что не валяй дурака.

– А я и не валяю. Базилио попросила меня спросить у помощника придворного профессора, в смысле, у Его Величества, будет ли он приходить в гости, если она снова превратится в чудовище. Не навсегда, конечно, а только на время его визитов. Но всё равно какое мужество, оцени! Я ей сдуру пообещал быстро всё разузнать. И не сделал. Сперва не решился бесцеремонно послать зов Королю, хотя он когда-то говорил, что можно. А потом, конечно, забыл. Хорош бы я был, если бы всё-таки застрял на Тёмной Стороне, или чокнулся, или совсем отменился, как Шурф пугал, а бедный ребёнок... Кстати о Шурфе, будь другом, пошли ему зов и скажи, что я вернулся. Прямо сейчас! А то он рванёт на Тёмную Сторону меня искать. И, чего доброго, действительно найдёт ещё одного. Или даже нескольких, он же упёртый и никогда не умеет вовремя остановиться. И будет потом дружить с ними. А я без него затоскую.

Джуффин ещё раз ко мне приняхался. Не демонстративно, как обычно, чтобы подразнить, а незаметно, тайком.

Интересно, что ему не так?

– Я просто ещё сплю, – объяснил я. – Это тебе только кажется, будто я проснулся. На самом деле, до этого ещё очень далеко.

И закрыл глаза. Потому что спать с открытыми очень неудобно, а я люблю комфорт.

– Сэр Макс! – рывкнул Джуффин.

– Чего? – устало спросил я.

– Ты вообще помнишь, зачем всё это затеял?

– Ну, в общих чертах...

– Ты выяснил хоть что-нибудь об этом грешном порошке?

– А то сам не знаешь, что порошок не при чём, – зевнул я. – Любому

дураку сразу стало бы ясно, что всё дело в двери. Просто я – исключительный, феноменальный дурак. Гордись знакомством.

– Ладно, буду гордиться.

Иногда Джуффин на диво покладист.

– Только я так и не понял, что именно случилось с дверью, – добавил он. – И с какой именно. И что в связи с этим следует делать?

– Дверь центрального входа. Скажи Нанке, в смысле, Пелле, чтобы немедленно её расколдовал. И все остальные на всякий случай. И тогда я от них отстану. И восемь корон за порошок отдам. С мелочью. И тебе двадцать за то, что Мир не рухнет, я помню. Только сначала посплю. А потом – сразу всё.

Дальнейшие попытки меня разбудить, судя по возмущённым рассказам очевидцев, не привели ни к чему. Правда, совсем уж зверского магического насилия ко мне не применяли. Отволокли домой и дело с концом.

Ну как – с концом. Спал я всё-таки не вечно, а даже меньше суток. Не о чем говорить.

Надо отдать должное моим друзьям и домочадцам, разбудили меня не они. Это сделал призрак.

Ещё недавно я сказал бы, что не знаю, как ему это удалось. Но после командировки в Гажинский Тайный Сыск, к сожалению, знаю. Эти гады, в смысле, призраки умеют говорить таким специальным противным свистящим шёпотом, который любого спящего на ноги поднимет. Именно таким способом эти прекрасные мёртвые люди ухитрялись привлечь меня к своим утренним совещаниям, которые начинались практически сразу после ночных. Им-то спать вообще не надо, а расписание работы ребята кроили под себя.

Сперва, спросонок, я и подумал, что всё ещё нахожусь в Гажине. А остальные события – просто очень длинный, очень яркий и чертовски интересный сон. Надо бы постараться ничего не забыть, расскажу потом Малдо, то-то он порадует, какую отличную штуку отгрохал прямо у меня во сне. И может быть, попробует сделать что-то подобное наяву?

Но потом я разобрал, что говорит призрак.

– Как ты посмел назваться моим именем, ничтожный осквернитель могил? – завывал он.

Значит, я всё-таки не в Гажине. Тамошние Тайные Сыщики так себя не ведут. Они очень воспитанные люди. И вообще славные ребята. Просто трудоголики. Причём мёртвые трудоголики, у которых никакой альтернативы работе действительно нет.

– Класс! – восхитился я. – Ничтожный осквернитель могил? Я правильно расслышал? Так меня ещё никто не обзывал. Спасибо. С утра – то что надо. Удивительно бодрит.

– Вообще-то, сейчас поздний вечер, – растерялся призрак.

Каков формалист.

– Я проснулся, значит утро, – твёрдо сказал я. – Возражения не принимаются. Так что там у нас с могилами? Сколько я успел осквернить? И когда? Думаю, мне следует об этом знать.

– Ты присвоил моё имя, – укоризненно заметил призрак.

Правда уже без прежнего энтузиазма.

– Такое вполне могло случиться, – согласился я, сканируя окрестности в поисках бальзама Кахара.

Ничего из этой затеи, естественно, не вышло. Я, конечно, очень могущественный колдун. И даже местами великий герой. Но борьбу за право хранить полезные для здоровья напитки в собственной постели неизменно проигрываю.

Поэтому пришлось лезть под подушку за кофе. В смысле, добыл-то я его из Щели между Мирами, но с точки зрения стороннего наблюдателя, из-под подушки, куда спрятал руку, чтобы сосредоточиться на процессе. Говорят, прятать её совершенно не обязательно, но меня так учили, и я привык.

– Это как же ты так? – изумлённо спросил призрак. – У тебя что, чашка стояла под подушкой? И не перевернулась, пока ты спал? Вот это да!

Я залпом выдул добычу и начал испытывать некоторый интерес к процессу бытия. И ко всему происходящему заодно. И внимательно посмотрел на призрака. Им, насколько я знаю, совершенно не обязательно сохранять человеческую форму, но обычно они так делают. То ли чувствуют себя уверенней в привычном виде, то ли просто мода такая у них последнюю тысячу лет, как у нас на короткие лоохи, гори они огнём.

Мой призрак выглядел как очень молодой человек. Уже не ребёнок, но до взрослого ещё ой как далеко; этому, впрочем, уже и не светит. Скорее мальчик, чем девочка, хотя в столь юном возрасте, да ещё с одинаковыми короткими стрижками поди их друг от друга отличи.

Меня осенило.

– Слушай, а тебя случайно не Пелле Дайорла зовут?

– А то ты не знаешь, чьё имя присвоил, – сердито огрызнулся призрак.

– Я много чего присваивал, всего не упомнишь.

– Ты что... самозванец? – опешил он.

– Ага. Профессиональный. Но речь сейчас не обо мне, а о тебе. Что ты

творишь?

– Это я что творю?! Кто бы говорил!

– Твой лучший друг уже полторы сотни лет называет себя твоим именем – только для того, чтобы ты к нему пришёл. Ждёт не дождётся, секреты разводит, в провинции сидит безвылазно, с прочими друзьями юности не то что видется – говорить не желает, лишь бы убедительно прикидываться тобой. А ты – ноль внимания. Зато зачем-то попёрся к чужому человеку, который всего-то пару раз на твоё имя откликнулся, да и то потому, что приятель попросил. Где справедливость?!

– Мой лучший друг? – повторил призрак. – Нанка, что ли? Так он живой? А я думал, нас обоих убили. Искал его среди... ну, таких, как я. Но не нашёл.

– Конечно, не нашёл, он живёхонек. Ты что, не слышал, как он твоим именем называется? Как это вообще у вас устроено? Откуда вы узнаете?

– Да я сам толком не знаю, – печально сказал тот. – Я же неопытный совсем. У призраков нет школы, в которой новичков обучают, как всё устроено, и как теперь себя вести. А зря! Приходится узнавать на собственном опыте, а это очень трудно, когда с тобой не происходит практически ничего. И время идёт каким-то непонятным образом: задумался о чём-то, а у живых уже сто лет прошло. Но при этом весь Мир можно облететь всего за один день – очень короткий, ваш. И с остальным то же самое. Ничего не понятно! Я всего один раз услышал, как живой человек говорит: «Я – Пелле Дайорла». И это был не Нанка, а ты. Громко так кричал, как будто у меня над ухом...

– Так это когда было. Давным-давно. Ещё осенью. Почему ты только сейчас пришёл?

– А я сперва не хотел связываться. У живых свои дела, у нас свои, о чём тут говорить? Но никак не мог забыть этот случай. Мне было обидно. Чужой человек называется моим именем, как будто я вообще никогда не жил на свете! А это не так. Я жил.

– Да конечно жил, – согласился я. – Никаких сомнений. Мы в последнее время много о тебе вспоминали. С Пелле... в смысле, с Нанкой. И с леди Хайстой из Ордена Потаённой Травы. Помнишь её?

– Ещё бы!

– Ну вот. Она тебя тоже помнит. А Нанка по тебе очень тоскует. Интересно, всё-таки, почему ты не слышал, как он ежедневно назывался твоим именем, а меня с первого раза... Слушай, а может быть дело в том, что он всё это время жил вдали от Сердца Мира? А я назвался твоим именем тут. Может быть, близость Сердца Мира увеличивает громкость?

Ну или как это назвать? Или может быть, дело в личной силе говорящего? Я всё-таки немножко более могущественный колдун, чем...

– Я не понимаю, о чём ты говоришь, – печально признался призрак.

– Ничего, я и сам пока не понимаю, – утешил его я.

А про себя подумал: «Зато у сэра Шурфа теперь будет повод порыться в библиотеке. Повезло ему».

– А где сейчас Нанка? – спросил призрак. – Как его найти? Тебя-то я видел издалека, сам того не желая, а его почему-то нет. С поисками людей у меня тоже какие-то непонятные сложности. Никак не разберусь.

Я открыл было рот, собираясь пуститься в объяснения, но передумал. Кто их знает, этих призраков, а вдруг у них тоже бывает топографический кретинизм? Нет уж, не будем рисковать.

– Пошли вниз, – предложил я. – Я сейчас посмотрю, что творится дома, узнаю, какой сегодня день, что-нибудь съем, включу голову и сам за ним схожу. Или пошлю кого-нибудь, если пойму, что на Тёмный путь мне пока лучше не становиться. В общем, доставим сюда твоего друга. Всё будет хорошо.

По-моему, прекрасное предложение. Но вместо того, чтобы броситься мне на шею, призрак взмыл к потолку, стал большим и прозрачным, то есть, разреженным, уж не знаю, в каких терминах следует о них говорить. Зато в курсе, что призраки обычно так себя ведут, если волнуются.

– А можно я тебя тут подожду? – наконец спросил он. – У тебя на первом этаже какие-то люди сидят, я их чую!

До меня дошло, что призрак просто стесняется. Обзывать спящего незнакомца ничтожным осквернителем могил – запросто, а с чужими людьми лишний раз здороваться – это давайте без меня. Мальчишка есть мальчишка, что с него взять.

– Как хочешь, – сказал я. – Но вообще-то у меня живут две собаки. Одна очень большая, а вторая говорящая.

– Как это – говорящая? Говорящих собак не бывает!

– У меня бывают. Но если не хочешь с ним познакомиться, сиди здесь.

Благодаря этому нехитрому тактическому приёму, в гостиную я спустился в обществе призрака. И произвёл фурор.

Ну, то есть, будем честны, фурор я произвёл бы в любом случае, просто самым фактом своего появления. Но всё-таки призрак привнёс в это событие некоторый дополнительный шик. Что неплохо, потому что я и сам застыл на пороге, открыв рот.

И у меня были на то серьёзные причины.

В моей гостиной происходило нечто совершенно невозможное. Там сидели Джуффин и Шурф и играли в «Крак». А так не бывает, я точно знаю. В смысле, они никогда не садятся играть друг с другом. Шурф даже как-то объяснял мне, почему.

Штука в том, что в «Крак» мой друг играет довольно плохо. Не то чтобы совсем ужасно, но любой профессиональный игрок легко оставит его без гроша – как, кстати, однажды случилось в Кеттари^[31]. А ведь его противники, как показала дальнейшая практика, в подмётки не годились даже везучему, но неопытному мне.

Думаю, карты – это единственное занятие в Море, которое не даётся сэру Шурфу Лонли-Локли. И никогда не дастся – как мне пение, например. Что обидно, потому что он очень любит играть в «Крак». Но связываться с таким мастером как Джуффин ему не позволяет чувство собственного достоинства. Постоянно проигрывать и так-то неприятно, а шеф Тайного сыска выходит из себя от слабой игры и совершенно не щадит самолюбие соперников. Поэтому их встреча за картами – один из самых эффективных способов быстренько довести Соединённое Королевство до гражданской войны, которой они намерены запугивали чиновников Канцелярии Скорой Расправы.

Ну, то есть, так было до сих пор. Но сейчас игра шла совершенно мирно. И оба игрока выглядели вполне довольными. По крайней мере, стали так выглядеть после того, как увидели меня.

Шурф укоризненно сказал:

– Ты всё-таки непростительно долго спал. По твоей милости я уже проиграл тридцать корон. И, боюсь, сейчас за ними последует тридцать первая, потому что партию на середине не бросают.

Я так и не придумал, что ему ответить. Потому что в этот момент увидел, что с дивана на меня с нежностью взирают сразу восемь пар голубых глаз. И с ещё большей нежностью сверкают клыки, анатомически неуместные на чёрной мохнатой голове гигантского паука. В смысле, арварохского хуба. Меламори молодец. Сюрприз удался.

Но чего я ей никогда не скажу, так это, что сюрприз удался вовсе не благодаря её усилиям. Удивляться тому, что Меламори в очередной раз превратилась в эту пакость, было бы, мягко говоря, странно. Ясно же, что теперь она будет проделывать это при всяком удобном и неудобном случае. Особенно при неудобном!

Сюрприз состоял в том, что на диване рядом с чудовищным хубом сидел Малдо Йоз. В шляпе, разумеется, куда же без неё. И был при этом не связан по рукам и ногам, не обездвижен каким-нибудь хитроумным

заклинанием и даже не в обмороке. А напротив, приветливо улыбался, причём не мне, а чудовищу. То есть, Меламори.

– Ого, вы уже настолько подружились? – удивился я.

– Леди Меламори обещала вспомнить для меня Арварох! – сказал Малдо, и глаза его засияли как фонари. – Торжественный ужин у Завоевателя Тойлы Лиомурика или охоту на птицу Кульох, на мой выбор, представляешь?

А. Ну если у Малдо появился шанс устроить у себя во дворце Арварохский павильон, какая разница, сколько ног и клыков у его добровольной помощницы, вот уж действительно.

– Они все из-за тебя с ума сходили, – заметил Дримарондо, неохотно оторвавшись от очередной толстой книги с совершенно невоспроизводимым названием из пятнадцати слов. – Не знали, чем себя занять. Хотя лично я не понимаю, что такого ужасного в том, что человек долго спит?

– Собака! – восхищённо просвистел у меня над ухом призрак. – Собака разговаривает! Правда! Ты не наврал! И ещё книжку читает!

Дримарондо открыл было пасть, чтобы поставить его на место, но в этот момент призрак взмыл к потолку и завопил:

– Ура!

И ещё с полсотни раз повторил это утверждение. Слушать его вопли было невыносимо, но мы терпели. Потому что по существу нам было нечего ему возразить.

– У вас что-то хорошее случилось, или просто так кричите? – спросила Базилио, просовывая голову в дверь.

Ну или спросил. Когда Базилио человек, ясно, что она девочка. А когда василиск с туловищем рыбы, головой индюка и лисьим хвостом, тогда кто?

Правильный ответ – чудовище.

Потому что только настоящее чудовище могло в сложившейся ситуации оглядеть собравшуюся в гостиной компанию и строго сказать:

– У меня гость уже час головоломку решить не может, а вы тут так кричите, что даже в моём кабинете слышно. Совершенно невозможно сосредоточиться!

Я рухнул в кресло и рассмеялся – просто от облегчения. Жизнь моя наконец-то снова вернулась в обычную колею. Я сидел в своей гостиной в окружении страшных чудовищ и безжалостных убийц, а под потолком кружил совершенно счастливый призрак, впервые в жизни увидевший говорящего пса.

И больше никаких кошмаров.

notes

Об этих уроках подробно рассказывается в повести «Неуловимый Хабба Хэн».

Говорить, может, и не о чем, однако этой истории посвящена целая повесть «Болтливый мертвец».

Душераздирающие подробности о трупах изложены в книге «Мастер ветров и закатов».

Душераздирающие мистические подробности можно найти в романе «Гнёзда химер».

Вообще-то, наивысшая возможная ступень Очевидной магии, что Белой, что Чёрной – двести тридцать четвёртая. Но когда это нас останавливали подобные мелочи.

На сегодняшний день Белая и Черная магия, не превышающие двадцатую ступень, разрешены всем по умолчанию. Для легального использования более высоких ступеней приходится получать специальное разрешение. Их выдают комиссии, созданные при Ордене Семилистника. Входящие в них эксперты проводят личные собеседования с каждым совершеннолетним гражданином Соединенного Королевства, желающим использовать магию, и по результатам выдают персональные лицензии. Подавляющему большинству законопослушных граждан обычно разрешается использовать магию до шестидесятой ступени, членам Ордена Семилистника, сотрудникам Тайного Сыска и особо одарённым колдунам, у которых не было фатальных неприятностей с законом с момента введения Кодекса Хрембера – без ограничений. Есть некоторое количество промежуточных вариантов. Без разрешений остались только так называемые “мятежные магистры”, то есть, адепты запрещённых Орден, представляющие собой потенциальную угрозу для государства, а так же психически неуравновешенные и обладатели низкого интеллекта, представляющие потенциальную угрозу для самих себя.

Об этом выдающемся во всех отношениях джентльмене рассказывается в повести «Обжора-Хохотун».

То есть, закрытую.

О хохенгрене более-менее подробно рассказывается в повести «Тубурская игра».

Душераздирающие подробности можно найти в повести «Белые камни Харумбы».

Повесть «Лабиринт Мёнина» не содержит захватывающих подробностей Королевской прогулки. Но даёт читателю шанс их вообразить и умереть на месте от зависти.

Подарки упоминаются не случайно. Дело в том, что оперные певцы в Соединённом Королевстве выступают не в театрах (которых тут нет), а дают, условно говоря, домашние концерты. Так могут поступать только очень известные исполнители, уже сделавшие блестящую карьеру. Они сами соответствующим образом оборудуют свои дома, оплачивают услуги музыкантов, других певцов и танцоров, сценографов и костюмеров, сами же рассылают приглашения любителям оперы, членам почётного списка богатейших граждан и важным государственным лицам. Получить подобное приглашение не только приятно, но и почётно, отказываться от него считается приличным лишь в самом крайнем случае (например, находясь при смерти или на другом континенте). По сложившейся традиции все приглашённые приходят с так называемыми «подарками». Обычно певцам дарят драгоценности, старинные талисманы, дорогие заморские пряности и другие редкости, иногда – деньги, которые считаются практичным, но недостаточно элегантным приношением. Никаких специальных правил, оговаривающих ценность подарка не существует, однако общеизвестно, что экономные меломаны быстро перестают получать приглашения на спектакли, и им бывает крайне сложно восстановить свою репутацию и снова попасть в списки желательных гостей.

Подробности в повести «Возвращение Угурбадо».

В «Книге Огненных Страниц» об этом подробно рассказывается.

Ташерская пряность, одна из самых дорогих и изысканных приправ.

Подробности об этом периоде жизни Трикки Лая можно найти в повести «Туланский детектив».

Оба эти происшествия описаны в повести «Возвращение Угурбадо».

Уладас – гибрид паланкина и дивана, популярное транспортное средство в Куманском Халифате, где используется для перемещений не только по улицам, но даже по дому, если в нём больше одной комнаты.

Кукирайта – Голые деревья Пустых Земель. У этих деревьев нет листьев. Правда, иногда они приносят плоды – раз в дюжину лет или еще реже.

Драххи – разновидность крэйев, исконных обитателей материка Хонхона. Внешне драххи ничем не отличаются от людей. Как и все крэйи, драххи понимают язык зверей, птиц, рыб, деревьев и грибов. Собственная традиционная магия драххов основана на их тесной связи с природой Хонхоны, поэтому из них обычно получают отличные знахари, травники и лесные колдуны. При этом Очевидной магии чистокровные драххи практически не обучаются, а их потомки от браков с людьми обучаются Очевидной магии куда медленнее, чем прочие. Подробно о драххах и других удивительных существах, населяющих Мир, рассказывается в повести «Наследство для Лонли-Локли».

Суп отдохновения действует на организм как очень легкий, расслабляющий наркотик. Его умеренное употребление одобряется и даже поощряется общественным мнением. Лучший в Ехо суп отдохновения варят в "Старой колючке", владелец и шеф-повар которой Чемпаркароке, уроженец острова Муримах.

Такое происшествие действительно имело место и описано в повести «Путешествие в Кеттари».

Речь о путешествии, описанном в повести «Сладкие грёзы Гравви».

Сон Мёнина – магическое сновидение, в котором можно встретиться с Тенью (своей, или чужой).

Красный дым, он же Дым Никруеха – магическое оружие, предназначенное для уничтожения фэтанов, оживших мертвецов и других недружелюбных существ нежелательной природы.

Подробности можно найти в повести «Сладкие грёзы Гравви».

«Комугайская» – не бранное слово, а отсылка к названию Комугайского леса, занимающего обширные пространства между морским побережьем и горами Энбахо на самой окраине Соединённого Королевства, на границе с Лохри. В данном контексте означает что-то вроде «бесконечно далёкая и никому не нужная».

Простое усыпляющее заклинание. С его помощью можно усыпить как постороннего человека, так и самого себя.

О появлении в Ехо видеопроеигрывателя и большой коллекции кассет с фильмами рассказывается в повести «Волонтёры вечности». Во многих последующих повестях неоднократно описывается воздействие этого чудесного аппарата на неокрепшую психику Тайных сыщиков.

Чрезвычайно популярное и даже почитаемое в Куманском Халифате лакомство растительного происхождения; возможно обладает лёгким наркотическим воздействием, но проверить это не удалось, потому что в момент визита Макса и сэра Кофы в Кумон сезон пэпэо ещё не начался, и его запасы истощились даже в лавке Хамиддона, на которую была вся надежда.

Об этом драматическом событии рассказано в повести «Путешествие в Кеттари».